РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ

КРАТКИЕ СООБЩЕНИЯ ИНСТИТУТА АРХЕОЛОГИИ

Издаются с 1939 года

Выпуск
255

Главный редактор
Н. А. МАКАРОВ

МОСКВА 2019

УДК 902/904
ББК 63.4
К78

Краткие сообщения Института археологии
Вып. 255. 2019

Издание основано в 1939 г.
Выходит 4 раза в год

Главный редактор:
академик РАН Н. А. Макаров

Редакционный совет:
д-р П. Бан, проф. А. Блюене, проф. М. Вагнер, проф. М. Волошин, д. и. н. М. С. Гаджиев,
проф. О. Далли, проф. К. фон Карнап Борнхайм, чл.-корр. РАН Н. Н. Крадин,
д. и. н. А. К. Левыкин, чл.-корр. РАН Н. В. Полосьмак, д-р Т. Хайм, д-р Б. Хорд,
д-р Чжан Со Хо

Редакционная коллегия:
д. и. н. Л. И. Авилова (зам. гл. ред.), к. и. н. К. Н. Гаврилов, д. и. н. М. В. Добровольская,
д. и. н. А. А. Завойкин, д. и. н. В. И. Завьялов, проф. М. Казанский, д. и. н. А. Р. Канторович,
к. и. н. В. Ю. Коваль, к. и. н. Н. В. Лопатин, к. и. н. Ю. В. Лунькова (отв. секретарь редакции),
чл.-корр. Болгарской АН В. Николов, Ю. Ю. Пиотровский, д. и. н. Н. М. Чаиркина,
д-р. Й. Шнеевайсс, д. и. н. В. Е. Щелинский

Brief Communications of the Institute of Archaeology

Editor-in-chief:
academician N. A. Makarov

ISSN 0130-2620
DOI: 10.25681/IARAS.0130-2620.255

© Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Институт археологии Российской академии наук, 2019
© Авторы статей, 2019

СОДЕРЖАНИЕ

НОВЫЕ НАХОДКИ И МАТЕРИАЛЫ

<i>Канторович А. Р., Толстиков В. П., Шкурова М. В.</i> Изделия из Пантикапея, оформленные в скифском зверином стиле (к вопросу о греко-скифских взаимодействиях).	7
<i>Румянцева О. С., Кадиева А. А., Демиденко С. В., Ханин Д. А., Червяковская М. В., Трифонов А. А.</i> Стекланные изделия раннесредневековых могильников горной зоны центральных районов Северного Кавказа: химический состав и данные о происхождении.	32

МАТЕРИАЛЫ КРУГЛОГО СТОЛА

«ОХОТНИЧЬЕ ВООРУЖЕНИЕ В КУЛЬТУРАХ ВЕРХНЕГО ПАЛЕОЛИТА, МЕЗОЛИТА И НЕОЛИТА ЕВРОПЫ: ТИПОЛОГИЯ, ТЕХНОЛОГИЯ И ТРАСОЛОГИЯ» (МОСКВА, 4–5 АПРЕЛЯ 2018 г.)

<i>Жилин М. Г.</i> Вкладышевые кинжалы и охотничьи ножи в мезолите Восточной Европы.	50
<i>Лозовская О. В.</i> Развитие костяных наконечников стрел в VII–V тыс. cal BC в Верхневолжской низменности по материалам многослойной стоянки Замостье 2.	71
<i>Ахметгалиева Н. Б.</i> Трасологическое исследование каменного охотничьего вооружения стоянок верхнего палеолита Быки.	91
<i>Вороненко О. В.</i> Охотничье вооружение в культурах финального палеолита на территории Белорусского Поднепровья.	102
<i>Езепенко И. Н.</i> Кремневые наконечники стрел поселений мезолита и неолита в междуречье Березины и Днепра.	113

БРОНЗОВЫЙ ВЕК

<i>Корневский С. Н., Давудов Ш. О.</i> Поселение эпохи раннего бронзового века у станицы Старотитаровской Краснодарского края и найденное на нем погребение.	127
<i>Сотникова С. В.</i> К вопросу об интерпретации знаков на игральных костях катакомбной культуры.	139
<i>Мошинский А. П.</i> Керамический комплекс с кобанского поселения Сауар в контексте кобано-колхидской культурно-исторической общности.	153

ЖЕЛЕЗНЫЙ ВЕК

<i>Кузнецова Т. М.</i> К вопросу о прообразе изображений ушастого грифона.	169
<i>Свиридов А. Н., Язиков С. В.</i> Погребальные обряды могильника римского времени Фронтное 3 в Юго-Западном Крыму.	185
<i>Березуцкий В. Д.</i> Медный котел из донского лесостепного левобережья.	202
<i>Пилипко В. Н.</i> О технических устройствах, устанавливаемых на спины древних боевых слонов.	209

ПОЛЯРНАЯ АРХЕОЛОГИЯ

<i>Старков В. Ф., Завьялов В. И., Державин В. Л.</i> Сорок лет российским археологическим исследованиям на Шпицбергене	221
<i>Федорова Н. В.</i> Исследования в Ямальской Арктике и Субарктике: 2000-е годы	230
<i>Колпаков Е. М., Шумкин В. Я.</i> Петроглифы Чальмн-Варрэ: новое исследование	243
<i>Завьялов В. И.</i> Кузнечное ремесло поморов в контексте русской железообработки	259
<i>Державин В. Л., Колесников А. Б.</i> О форме перекрытий промысловых построек Шпицбергена	268
<i>Буров В. А.</i> Бердыши XVII в. из раскопок Соловецкого монастыря	277

СЛАВЯНО-РУССКИЕ ДРЕВНОСТИ

<i>Седов Вл. В.</i> Белокаменные саркофаги в аркосолиях церкви Бориса и Глеба в Кидекше	287
<i>Кренке Н. А., Еришов И. Н., Еришова Е. Г., Кудрявцев Б. В., Платоновский Р. Б., Раева В. А., Тарасова А. А.</i> «Малый город» Вязьмы по письменным и археологическим данным	308
<i>Меркулов А. Н., Свистун Г. Е.</i> Новая находка семилучевого височного кольца на Среднем Дону	330
<i>Курмановский В. С.</i> О локализации податных центров Лучин и Заруб Смоленского княжества	337

ИССЛЕДОВАНИЯ КЕРАМИКИ

<i>Волкова Е. В.</i> О возможностях обжига недосушенных глиняных сосудов (экспериментальное исследование)	347
---	-----

НУМИЗМАТИКА

<i>Никитин А. Б., Смирнова Л. О.</i> Нумизматические находки с городища Калаи Кухна (Каррон) и проблема датировки сохранившихся архитектурных сооружений	359
--	-----

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ	367
ОТ РЕДАКЦИИ	370

CONTENTS

NEW FINDS AND MATERIALS

<i>Kantorovich A. R., Tolstikov V. P., Shkurova M. V.</i> Artifacts from Panticapaeum decorated in the Scythian animal style (on the problem of the Greek-Scythian interactions).	7
<i>Rumyantseva O. S., Kadieva A. A., Demidenko S. V., Khanin D. A., Chervyakovskaya M. V., Trifonov A. A.</i> Glass Finds from the Early Medieval Cemeteries in the Mountainous Areas of the North Caucasus Central Regions: Chemical Composition and Origin	32

PROCEEDINGS OF THE ROUND TABLE

«HUNTING WEAPONS IN THE CULTURES OF EUROPEAN UPPER PALAEOLITHIC, MESOLITHIC AND NEOLITHIC: TYPOLOGY, TECHNOLOGY, TRACE-WEAR STUDIES»
(MOSCOW, 2018, APRIL, 4–5)

<i>Zhilin M. G.</i> Daggers-Inserts and Hunting Knives in the Mesolithic of Eastern Europe	50
<i>Lozovskaya O. V.</i> Development of Bone Arrowheads in the Upper Volga Lowland in VII–V Cal BC: a Case Study of the Multilayer Site Zamostje 2	71
<i>Akhmetgaleyeva N. B.</i> The Tracewear Study of Stone Hunting Weapons at the Byki Upper Paleolithic Site.	91
<i>Voronenko O. V.</i> Hunting Weapons in the Cultures of the Final Palaeolithic in the Belorussian Dnieper Region	102
<i>Ezепенко I. N.</i> Flint Arrowheads from the Mesolithic and Neolithic Sites in the Berezina and Dnieper Interfluvial Region	113

BRONZE AGE

<i>Korenevskiy S. N., Davudov Sh. O.</i> The Early Bronze Age Settlement and the Grave near the Village of Starotitarovskaya, the Krasnodar Region and Burial Discovered at the Site.	127
<i>Sotnikova S. V.</i> The Issue of Interpretation of Signs on Dice from the Catacomb Culture Revisited.	139
<i>Moshinskiy A. P.</i> A Ceramic Assemblage from the Sauar Koban Settlement in the Context of the Koban-Cholchian Cultural and Historical Community.	153

IRON AGE

<i>Kuznetsova T. M.</i> Revisiting the Issue of a Prototype for the Images of Long-eared Griffons	169
<i>Sviridov A. N., Yazikov S. V.</i> Burial Rites at the Frontovoye-3 Cemetery in the Southwest Crimea	185
<i>Berezutskiy V. D.</i> A Copper Cauldron from the Don Forest-Steppe Left Bank	202
<i>Pilipko V. N.</i> Technical Devices Put on the Backs of Ancient War Elephants	209

POLAR ARCHAEOLOGY

<i>Starkov V. F., Zavyalov V. I., Derzhavin V. L.</i> Forty Years of Russian Archaeological Excavations on Spitsbergen	221
<i>Fedorova N. V.</i> Research in the Yamal Arctic Region and Subarctic Region in the 2000s	230
<i>Kolpakov E. M., Shumkin V. Ya.</i> Petroglyphs at Čalmn-Varrê: A New Study	243
<i>Zavyalov V. I.</i> Blacksmith's Craft of the Pomors in the Context of Russian Ironworking	259
<i>Derzhavin V. L., Kolesnikov A. B.</i> The Shape of Roofing at Hunters' Huts on Spitsbergen	268
<i>Burov V. A.</i> Berdishes of the 17 th Century from the Excavations in the Solovetskiy Monastery	277

SLAVIC-RUSSIAN ANTIQUITIES

<i>Sedov Vl. V.</i> White-Stone Sarcophagi in Arcosolia of the Church of Sts. Boris and Gleb in Kideksha	287
<i>Krenke N. A., Ershov I. N., Ershova E. G., Kudryavtsev B. V., Platonovskiy R. B., Rayeva V. A., Tarasova A. A.</i> The Vyazma 'Small Town' based on Written and Archaeological Data	308
<i>Merkulov A. N., Svistun G. E.</i> A New Find of a Seven-Rayed Temple-Ring in the Middle Don Region	330
<i>Kurmanovskiy V. S.</i> Localization Luchin and Zarub Tax Collecting Centers in the Smolensk Principality	337

RESEARCHES OF CERAMIC PRODUCTION

<i>Volkova E. V.</i> Options for Firing Underdried Clay Vessels (experimental study).	347
---	-----

NUMISMATIC

<i>Nikitin A. B., Smirnova L. O.</i> Numismatic Finds from Qalai Kuhna (Karron) Fortified Settlement and Problem of Dating of Preserved Architectural Structures	359
--	-----

ABBREVIATIONS	367
SUBMISSION GUIDE	370

А. Р. Канторович, В. П. Толстиков, М. В. Шкурова

ИЗДЕЛИЯ ИЗ ПАНТИКАПЕЯ, ОФОРМЛЕННЫЕ В СКИФСКОМ ЗВЕРИНОМ СТИЛЕ (К ВОПРОСУ О ГРЕКО-СКИФСКИХ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯХ)*

Резюме. В последние годы впервые, благодаря исследованиям Боспорской (Пантикапейской) археологической экспедиции ГМИИ им. А. С. Пушкина, в исходной зоне акрополя Пантикапея были найдены предметы, оформленные в скифском зверином стиле (это преимущественно элементы конского снаряжения). В статье публикуются данные изделия, изображения на которых анализируются в контексте общей систематики и хронологии восточноевропейского скифского звериного стиля. Все они датируются в пределах конца VI – перв. пол. V в. до н. э. Это время начала интенсивных скифо-греческих контактов в Северном Причерноморье, однако конкретно для изначальной территории Пантикапея таких безусловных свидетельств взаимопроникновения древнегреческой и скифской культур ранее практически не наблюдалось. Характер и глубина данного взаимодействия должны стать предметом изучения в будущем.

Ключевые слова: Пантикапей, сфагион, конское снаряжение, скифский звериный стиль, классификация, хищники, греко-скифские контакты.

В процессе регулярных археологических исследований Пантикапея – одного из крупнейших античных центров Северного Причерноморья, начатых в 1945 г. Боспорской экспедицией ГМИИ им. А. С. Пушкина, был получен обширный и разнообразный материал. Изучение строительных остатков и архитектурных ордерных деталей позволило, с известной долей вероятности, воссоздать планировку и облик центрального района и акрополя столицы Боспора Киммерийского. Амфорный материал, расписная керамика, нумизматические находки и эпиграфические документы свидетельствовали о торгово-экономических и политических контактах Пантикапея с античными полисами Средиземноморья (Завойкин, Толстиков, 2017. С. 47–83; Толстиков, 2017. С. 10–42).

* Статья написана в рамках проекта РФФИ 18-09-00725 А «Скифы в Центральном Предкавказье в VII–IV вв. до н. э.».

В слоях VI–IV вв. до н. э. наряду с огромным количеством керамики античных центров производства, прежде всего – расписной восточногреческой, аттической, коринфской, клазоменской, хиосской, неоднократно встречались и обломки лепных сосудов кизил-кобинского и скифского типов, указывающие на наличие контактов жителей Пантикапея с туземным населением. Однако никаких других материальных свидетельств контактов эллинской и «варварской» культур за долгие годы раскопок получено не было.

Лишь с 2010 г. на раскопе Новый Верхний Митридатский, расположенном на северном крае Верхнего плато вершины Первого кресла горы Митридат, начали появляться предметы скифского круга, которые, по-видимому, дают основание по-новому рассматривать вопрос о взаимопроникновении древнегреческой и скифской культур. Один из показателей этого взаимодействия – присутствие в культурных слоях Пантикапея предметов (преимущественно элементов конского снаряжения), выполненных в скифском зверином стиле и оформленных в виде хищников и копытных. Эти изделия, обнаруженные в последние годы в ходе работ Боспорской (Пантикапейской) археологической экспедиции ГМИИ им. А. С. Пушкина под руководством В. П. Толстикова, являются предметом изучения в данной совместной работе. Кроме того, еще в 1886 г. в Одесский музей истории и древностей предположительно из Пантикапея поступило изделие, оформленное в скифском зверином стиле (см. ниже). Рассмотрим все эти предметы и соответствующие изображения в образно-тематическом порядке.

Образы хищников

В рамках образа хищника представлены *полнофигурные изображения* представителей отряда Carnivora в двух позициях: стоящий зверь и лежащий зверь, свернувшийся в кольцо.

В стоящем/идущем положении (с ногами, чьи нижние части перпендикулярны туловищу или отходят от него под углом) показан кошачий хищник, оформляющий литую бронзовую уздечную (?) бляху (рис. 1: 1), поступившую в 1886 г. в Одесский музей истории и древностей (ныне – Одесский археологический музей) и опубликованную спустя столетие А. С. Островерховым и С. Б. Охотниковым (*Островерхов, Охотников*, 1989. С. 50–52. Рис. 1: 1). Предмет был подарен А. С. Бертье-Делагардом «вместе с 17 бронзовыми частями от ремня и числится как найденный в Пантикапее (кат. Штерна, Va/757: ОАМ, № А-45166)» (Там же. С. 50).

В соответствии с разработанной А. Р. Канторовичем классификацией и типологией образов восточноевропейского звериного стиля (*Канторович*, 2015), фигурка из Пантикапея относится к морфологическому типу, обозначенному как тип «Золотой курган – Макеевка» (рис. 6: а) и включающему, помимо пантикапейского (рис. 5: А-1), еще три изображения, а именно: обложенную золотом бронзовую фигурку на крышке колчана из впускного погребения Золотого кургана (№ 5) под Симферополем (ОАК за 1890 г. С. 4–6; *Артамонов*, 1966. С. 30) (рис. 5: А-2) и две уздечных бляхи из кург. № 491 у с. Макеевка (*Петренко*, 1967. Табл. 29: 19; *Галанина*, 1977. Табл. 13: 2) и из курганов Г у с. Журовка

Рис. 1. Полнофигурные изображения хищников на предметах из Пантикапея

1 – дар А. С. Бертье-Делагарда в 1886 г. Одесскому музею истории и древностей (ныне – Одесский археологический музей), ОАМ, № А-45166, фото А. Р. Канторовича; 2 – находка 2010 г. на кв. 29 (штук 1) Нового Верхнего Митридатского раскопа (сфагион), фото и прорисовка В. П. Толстикова

(Петренко, 1967. Табл. 29: 27) (рис. 5: А-З)¹. При этом, как будет показано, пантикапейскому в композиционно-стилистическом отношении ближе изображения из Золотого кургана и Журовки, нежели макеевское².

Тип «Золотой курган – Макеевка» объединяет скульптурные, рассчитанные на объемное восприятие, изображения хищника с перпендикулярными туловищу ногам. Это относительно короткоголовые, тупомордые и короткоухие звери – очевидно, хищники семейства кошачьих (впрочем, макеевское изображение, возможно, содержит и признаки медведя – см. ниже). Моделировка туловища и ног высокорельефная с прорезями, моделировка шеи и головы скульптурная. Хищник изображен с прямыми ногами с упирающимися друг в друга

¹ А. С. Островерхов и С. Б. Охотников уже привлекали эти изображения в качестве ближайших аналогий пантикапейской фигурке (Островерхов, Охотников, 1989. С. 50, 51. Рис. 1: 2–5); еще одна аналогия, приведенная данными исследователями – фигурка из кургана № 401 Журовки, – не включена нами в данный тип в силу иной позиции ног этого хищника, хотя в остальном она композиционно и в трактовке деталей близка типу «Золотой курган – Макеевка».

² Здесь и далее ввиду ограниченности объема публикации в графических таблицах будут представлены не все изображения соответствующих морфологических типов, а лишь те из них, которые являются ближайшими аналогами образам из Пантикапея.

лапами, с головой, сидящей на шее перпендикулярно и повернутой анфас к зрителю, направленной относительно туловища вертикально или чуть наискось (Золотой курган), с приоткрытой пастью и торчащими ушами. Задние ноги при этом даны в профиль, а передние – либо в профиль (Журовка, Макеевка), либо в плане, развернутом к зрителю (Золотой курган, Пантикапей), причем в последнем случае передние лапы не подогнуты, а упираются в землю пальцами или как бы свисают. Возможны два варианта трактовки данной позы: 1) хищник остановился и обернулся к зрителю, застыв в шаге задних, а в одном случае (Журовка) – также и передних ног; 2) хищник лежит, повернув голову на зрителя, с отброшенными в одну сторону передними и задними ногами (в первую очередь, это относится к хищникам со «свисающими» передними ногами – Золотой курган, Пантикапей; о возможной семантике этого ракурса – поворота и прямого взгляда – см.: *Поллидович*, 2008).

В трактовке анатомических деталей изображения данного типа также очень сходны (см. описание: *Канторович*, 2015. С. 162, 163). При этом если фигуры из Золотого кургана, Пантикапея и Журовки (рис. 5: *A-1-3*) пропорциональны и при всей условности в известной мере натуралистичны, изображение из Макеевки крайне схематично, туловище данного хищника практически полностью сведено к лопатке и задней части, а хвост предельно укорочен и напоминает медвежий (возможно, это следствие тиражирования образа хищника семейства кошачьих, в ходе которого он приобретал черты медведя – зверя, более известного в лесостепном Поднепровье, нежели кошачий хищник). Исключительной декоративной особенностью хищника из Золотого кургана являются напаянные на туловище гнезда для цветных вставок: ср. фрако-скифский аналог на золотом нагруднике V в. до н. э. из Башовой могилы (*Венедиков, Герасимов*, 1973. С. 375. Табл. 213; *Огненова-Маринова*, 1975. С. 127–138).

С учетом этих различий можно говорить о внутритиповой стилистической динамике, в рамках которой изображения из Пантикапея и Золотого кургана (более качественные и композиционно усложненные) являются более ранними в эволюционном ряду, тогда как за ними следуют подражательные и схематичные фигурки из Журовки и, особенно, из Макеевки.

В контексте данной динамики можно выстраивать хронологию типа. Она базируется на датировках (на основании античных импортов) соответствующих комплексов из курганов Г Журовки³ и из кургана № 491 Макеевки⁴. Изображения из Золотого кургана⁵ и из Пантикапея не имеют объективных датировок

³ По самосскому сероглиняному лекифу и аску: втор. пол. – конец VI в. до н. э. (*Онайко*, 1966. С. 25, 60); перв. пол. V в. до н. э. (*Петренко*, 1967. С. 92); конец VI – начало V в. до н. э. (*Алексеев*, 2003. Табл. 26: 2). Предельно: втор. пол. VI – перв. пол. V в. до н. э.; вероятнее: конец VI – перв. пол. V в. до н. э.

⁴ По самосскому лекифу рубежа VI–V вв. до н. э., по чернофигурному килику и чернофигурной вазочке начала V в. до н. э., наконечнику копья втор. пол. VI в. до н. э. и колчанному набору втор. пол. VI – перв. пол. V в. до н. э. (*Петренко*, 1967. С. 93; *Галанина*, 1977. С. 29). Предельно: перв. пол. V в. до н. э.

⁵ А. Ю. Алексеев датирует его концом VI – началом V в. до н. э. (*Алексеев*, 2003. Рис. 26: 14).

по импортам, но, как мы видели, стилистически предшествуют жуrowsкому и макеевскому – во всяком случае, не могут быть существенно отдалены от них во времени в силу морфологического сходства. Именно поэтому датировка данного типа, а соответственно, и фигурки зверя, гипотетически происходящей из Пантикапея, может определяться в рамках конца VI – перв. пол. V в. до н. э.

Все остальные публикуемые нами изображения в скифском зверином стиле на предметах из Пантикапея происходят из недавних работ экспедиции ГМИИ им. А. С. Пушкина под руководством В. П. Толстикова.

В 2010 г. на кв. 29 (штык 1) Нового Верхнего Митридатского раскопа, в слое, датируемом рубежом VI–V вв. до н. э., было обнаружено расчлененное жертвенное конское захоронение № 15. Остов коня был расположен по оси запад – восток головной частью на восток и лежал на левом боку с поджатыми конечностями. Череп отсутствовал. Как выяснилось позднее, позвоночный столб и ребра правой стороны также отсутствовали, в то время как остальные сохранившиеся элементы костяка, включая кости ног и копыта, располагались в анатомическом порядке.

Вероятно, обезглавленная и расчлененная туша коня, лежащая на левом боку с аккуратно подогнутыми под брюхом четырьмя ногами, представляет собой следы некоего магического действия, которое должно быть классифицировано не как обыденное жертвоприношение, а как сфагион – ритуальное заклятие. В пользу этого говорят и такие признаки, как отсутствие алтаря, выбор нетипичной жертвы, несожженные останки, оставленные на месте (жертвы обычно сжигались). Характерно, что на останках сохранились элементы нагрудного ремня. Это, по всей вероятности, означает, что в момент укладывания туши жертвенного животного на нем, по крайней мере – частично, была оставлена шкура, что тоже противоречит стандартной практике греческого жертвоприношения. Более того, можно допустить, что конь, использованный в данном ритуале, был не специально подготовленной жертвой, а боевым, вероятно вражеским, конем. В данном случае упряжь, сознательно оставленная на коне или специально надетая на него, могла являться, по сути, средством его идентификации с врагом (скифами), т. е., возможно, здесь представлен ритуал, включавший в себя элементы симпатической магии и направленный на сдерживание вражеских нападений, дабы избежать в будущем последствий предыдущего столкновения, результатом которого явился пожар начала перв. четв. V в. до н. э.⁶

В передней части остова коня, непосредственно на грудных костях, в определенном порядке лежали три крупные литые прорезные бронзовые бляхи в виде свернувшегося в кольцо хищника с петлями для крепления на тыльных сторонах. По сути, это три копии одного оригинального изображения (рис. 1: 2). Ниже располагалась бронзовая подвеска-лунница, обращенная рогами вниз, а вокруг этих элементов сбруи, скорее всего украшавших конский нагрудный ремень, были рассыпаны 28 мелких бронзовых бляшек полусферической формы с петельками для крепления на тыльной стороне.

⁶ См. подробнее: (Муратова, Толстиков, 2013. С. 190).

Вышеупомянутые бляхи с изображением свернувшегося хищника уже были опубликованы автором раскопок и датированы им в пределах конца VI – перв. четв. V в. до н. э. (Толстиков, 2011. Рис. 2). Опираясь на эту публикацию, один из авторов настоящей статьи в работе, специально посвященной сюжету свернувшегося в кольцо хищника в восточноевропейском скифском зверином стиле (Канторович, 2014), данное пантикапейское изображение отнес (согласно классификационной системе А. Р. Канторовича) к Кулаковско-ковалевскому типу, – то есть к типу, представляющему собой одну из двух ведущих иконографических линий в восточноевропейском скифском зверином стиле в реализации сюжета свернувшегося в кольцо хищника, – популярнейшей темы в репертуаре скифо-сибирского звериного стиля. Морфологическая характеристика пантикапейского изображения будет дана нами ниже в контексте описания данного типа.

Все изображения Кулаковско-ковалевского типа были собраны, графически воспроизведены, проанализированы и картографированы в вышеуказанной публикации А. Р. Канторовича, там же см. ссылку на источники публикаций (Там же. С. 79–87. Рис. 6–10; 14).

Кулаковско-ковалевский тип объединяет к настоящему времени 21 оригинальное изображение (не считая копий), в основном оформляющих предметы конского снаряжения – бронзовые уздечные бляхи (за исключением двух случаев, в которых они помещены на предметы вооружения – на золотую обложку ножен меча из Острой Томаковской могилы и на бронзовую крестовидную бляху «ольвийского типа» из Енкивцов). Эти предметы происходят практически из всех регионов скифской археологической культуры (рис. 6: б): помимо пантикапейского изображения (рис. 5: Б-1), это фигура на большей из двух блях из кургана Кулаковского (с. Долинное, кург. 2, погр. 3) (рис. 5: Б-2), изображения из Ковалевки (кург. 6), из с. Рэскэций Ной/Новые Раскайцы – ограбленное погребение (Levitki, 1998. P. 31. Fig. 3: 13) (рис. 5: Б-4), из Острой Томаковской могилы, из Журовки (кург. 398), из Макеевки (кург. 491), из Басовки (кург. 499), с Кнышевского городища, из Протопоповки (кург. 5), из Енкивцов, из Частых курганов (раскопки ВУАК, курганы 1 и 8), из разрушенного кургана у с. Староживотинное, из Русской Тростянки (кург. 10), из ст. Елизаветинской (неясное происхождение, хранение Краснодарского музея), из случайных находок в Прикубанье – покупка 1903 г. в Майкопе, с территории Семибратнего городища (случайная находка), из грунтового могильника Волна-I (рис. 5: Б-3), из Бурлацкого и из Грушевских курганов (раскопки Федотова в 1881 г., кург. 3).

В изображениях Кулаковско-ковалевского типа представлен поджарый хищник с относительно узкими туловищем, шеей и ногами, с узкой и, как правило, длинной мордой, с открытой пастью, с узким листовидным или трапециевидным ухом. Очевидно, это волк⁷.

Изображения Кулаковско-ковалевского типа моделированы в одностороннем рельефе, с прорезями, отделяющими туловище, шею и хвост от ног, т. е. они ажурные, исключая фигуры на перекрестье рукояти меча из Острой Томаков-

⁷ Ср. аналогичную видовую атрибуцию: (Шкурко, 1969. С. 37; Ильинская, 1971. С. 83, 84; Яковенко, 1976. С. 130, 131; Королькова, 2006. С. 74).

ской могилы и на крестовидной бляхе из Енкивцов, для которых ажурная моделировка была нецелесообразна.

В композиционном отношении пантикапейское изображение абсолютно соответствует иконографии данного типа, предполагающей отображение строго профильной фигуры, вписанной в замкнутый круг или овал. В трактовке анатомических деталей изображения данного типа также очень сходны (см. анализ композиции изображений и принципов трактовки анатомических деталей изображений Кулаковско-ковалевского типа (Канторович, 2014. С. 82, 83. Рис. 10)). В данной работе в результате моделирования иконографической и пространственной динамики Кулаковско-ковалевского типа (Там же. С. 84–86) был, в частности, сделан вывод о том, что рассматриваемому нами пантикапейскому хищнику (рис. 5: Б-1) наиболее близки фигуры из кургана Кулаковского (рис. 5: Б-2), из Рэскэций Ной (рис. 5: Б-4) и из Ковалевки (Ковпаненко, Бунятян, 1978. С. 136. Рис. 1: 39) и что именно эти четыре изображения составляют иконографическое «ядро» Кулаковско-ковалевского типа. Теперь к ним нужно добавить изображение на недавно найденной бляхе из близлежащего к Пантикапею грунтового могильника Волна-I на Тамани (раскопки под руководством Р. А. Мимохода), настолько сходное с пантикапейским, что здесь можно говорить о единой школе или даже мастерской (рис. 5: Б-3). В данных пяти фигурах характерные черты Кулаковско-ковалевского типа наиболее устойчивы, все эти изображения более высокого качества, нежели остальные фигуры рассматриваемого типа. Кроме того, в них присутствуют (в той или иной мере) зооморфные трансформации лопатки и хвоста (в кулаковском изображении трансформированы еще и лапы), тогда как в остальных изображениях Кулаковско-ковалевского типа эти трансформации либо становятся чисто орнаментальными, либо в принципе отсутствуют.

Хронология Кулаковско-ковалевского типа ранее была разработана на основе объективных (внешних) хроноиндикаторов для тех изображений, которые происходят из комплексов с античными импортами, с привлечением надежно датированных аналогий из других морфологических типов и соответствующих категорий вещей и с учетом выявленной в ходе морфологического анализа внутритиповой иконографической динамики, позволяющей моделировать эволюционный ряд (см. подробнее: Канторович, 2014. С. 86, 87). На этом основании было установлено, что Кулаковско-ковалевский тип датируется в рамках последней четверти VI – конца IV в. до н. э. Следовательно, датировка пантикапейского изображения (конец VI – перв. четв. V в. до н. э.), определяемая объективной хронологией культурного слоя, вполне соответствует позиции этого изображения у истоков иконографии Кулаковско-ковалевского типа.

Помимо полнофигурных отображений хищника, в слоях Пантикапея обнаружены **изображения хищника по принципу *pars pro toto*** (часть вместо целого). В сезоне 2017 г. в кв. 34 Нового Верхнего Митридатского раскопа, между камнями фундамента кладки № 63 над прослойкой углей в слое, датированном V в. до н. э., были обнаружены предметы конского снаряжения, а именно – удила с S-видными псалиями и 5 накладных литых бронзовых бляшек, выполненных в скифском зверином стиле в виде рельефных обособленных задних конечностей хищника/грифона с птичьими когтями, образующими ажурное завершение бляхи (рис. 2). Среди них:

Рис. 2. Изображения обособленных конечностей хищников/грифонов на предметах из Пантикапея

1–5 – находки 2017 г. на кв. 34 Нового Верхнего Митридатского раскопа, фото В. П. Толстикова, прорисовка К. А. Корганова

– крупная бляшка, выполненная в форме задней ноги с облегающим зад длинным хвостом, отделенным желобком и на конце загнутым вверх, с преувеличенным овальным бедром (с четко оформленной бедренной/надколенной впадиной), непосредственно переходящим в гипертрофированную лапу с сильно загнутыми или закрученными в кольца тремя когтями, один из которых противопоставлен двум остальным (один коготь частично обломан). Голень атрофирована.

Бедренная часть обрамлена тремя стилизованными головками хищных птиц с загнутыми клювами и рельефно выделенными восковицами. Одна из птичьих головок заполняет надколенную впадину, вторая трансформирует завиток хвоста, третья помещена на участке перехода бедра в голень. На тыльной стороне бляхи – полукруглая петля для крепления к налобному ремню (рис. 2: 1);

– четыре бляшки (рис. 2: 2–5), выполненные в форме задней конечности с преувеличенным ромбическим бедром, непосредственно переходящим в гипертрофированную лапу с сильно загнутыми тремя когтями, один из которых противопоставлен двум остальным. Бедренная впадина преувеличена, голень атрофирована, хвост рудиментарен – обозначен треугольным выступом. На тыльной стороне – две полукруглые петли для крепления к нащечному ремню. Две бляшки сохранились полностью (рис. 2: 2, 4), тогда как две остальные несут на себе следы разрушения: у одной (рис. 2: 3) на тыльной стороне обломана одна из петель, у второй (рис. 2: 5) также обломана одна из двух петель на тыльной стороне и, кроме того, полностью утрачен один из трех сильно загнутых когтей (видимо, он был противопоставлен двум остальным), а у одного из оставшихся когтей обломан изгиб.

Вероятно, крупнейшая из бляшек представляет собой налобник, тогда как остальные четыре, примерно одинаковые по размеру, являются нащечниками и, по сути, представляют собой одно оригинальное изображение, повторенное четырежды с небольшими вариациями в ориентировке: три конечности, судя по позиции хвоста и бедренной выемки, направлены в шаг вправо (рис. 2: 3–5), одна – влево (рис. 2: 2), как и конечность на налобнике (рис. 2: 1).

Все эти изображения можно относить к определенному типу обособленных конечностей хищников/грифонов, по классификации А. Р. Канторовича обозначенному как тип «Нимфей – Завадская Могила» (рис. 6: в). К данному типу, помимо публикуемых пантикапейских, относятся еще 8 оригинальных изображений (без учета копий и зеркальных отображений)⁸. Все они оформляют бронзовые уздечные бляхи – парные нащечники, а также налобники/наносники. Они происходят, в частности, из близлежащих к Пантикапею памятников Восточного Крыма: это Нимфейский некрополь, кург. 1, гробница 14, раскопки 1878 г. (*Borovka*, 1928. Pl. 19B; *Силантьева*, 1959. Рис. 47: 7), Нимфейское городище, нижняя терраса, раскопки 1951 г. (*Скуднова*, 1954. С. 316. Рис. 6: *правый*), Акташский могильник, кург. 48, погр. 3 (*Бессонова, Скорый*, 1986. Рис. 6: 5, 6; 7: 3). Кроме того, изображения этого типа найдены на территории Поднепровья – Нижнего (I Завадская могила) (*Мозолевский*, 1980. С. 93–96. Рис. 37: 3, 4; 38: 3, 4)⁹

⁸ См. подробнее: (*Канторович*, 2012). В этой монографии содержится относительно полная (на момент написания) графическая публикация изображений обособленных конечностей хищников/грифонов в восточноевропейском скифском зверином стиле, их классификация, типология и хронология. Пантикапейские изображения были найдены позднее.

⁹ Завадские изображения демонстрируют наибольшее сходство с конечностью птицы, однако и здесь наличие мощной бедренной части позволяет условно относить их к разряду именно конечностей млекопитающих хищников или грифонов, не исключая возможности иного замысла создателя завадских блях – показать конечности птицы.

и Среднего (Берестняги, кург. 5) (*Петренко*, 1967. Табл. 30: 6), Перещепинский могильник, кург. 22, погр. 1 (*Махортих*, 2006. Рис. 7: 5), находка у с. Дмитровка Черкасского уезда (*Ханенко Б., Ханенко В.*, 1907. Табл. XVIII: 314). Также к данному типу относится бляха неизвестного происхождения из интернет-каталога (*Ancient touch...*, no. 246; *Канторович*, 2012. Рис. 8: 6), практически идентичная изображениям из Нимфея (г-ще) и Перещепинского м-ка.

Пантикапейскому изображению на большой бляхе (рис. 4: 1) наиболее близки изображения из Нимфея (некрополь, городище) (рис. 4: 2, 3) и из Акташского м-ка (рис. 4: 4), а конечностям на малых бляхах (рис. 4: 5) – из Дмитровки (рис. 4: 6).

В целом данный тип объединяет рельефные изображения задней ноги с облегающим зад хвостом или его рудиментом, с преувеличенным овальным или ромбическим бедром, непосредственно переходящим в гипертрофированную лапу с сильно загнутыми или закрученными в кольца когтями. При этом голень зверя атрофирована, а на бляхах из Завадской могилы вовсе не отображена. Пальцы противопоставлены друг другу: либо один из пальцев противонаправлен двум или трем остальным (бляхи из Пантикапея, из Нимфейского и Акташского м-ков, из Дмитровки, из Завадской могилы), либо, если их всего два, они симметричны (бляхи из Нимфея (г-ще), Перещепинского м-ка и неизвестного происхождения из интернет-каталога). Все это придает конечности сходство с птичьей ногой и заставляет предположить, что здесь представлена именно нога грифона (ср. полнофигурные изображения грифонов на бронзовых уздечных бляхах из кург. 1 у с. Защита в Поднепровье (*Бокій*, 1970. С. 184. Рис. 2: 1–6))¹⁰. При этом, как уже отмечалось в отношении изображений конечностей из Акташского м-ка (*Бессонова, Скорый*, 1986. С. 163, 164) и Нимфейского некрополя (*Канторович*, 2012. С. 35), они амбивалентны: при рассмотрении в горизонтальном положении читается голова лося.

Характерная черта изображений данного типа – наличие с внутренней стороны бедра хищника выемки, соответствующей природной надколенной впадине. В трех случаях (Пантикапей, Нимфейский некрополь, Берестняги) в этой выемке помещено дополнительное изображение обращенной вниз птичьей головки, причем, как мы видели, в пантикапейском изображении аналогичные головки размещены также на хвосте и в основании голени.

Хронология типа «Нимфей – Завадская могила» уже была обоснована в рамках вышеуказанной публикации (Там же. С. 34–37) на базе объективных хроноиндикаторов для тех изображений, которые происходят из комплексов с античными импортами, с привлечением надежно датировемых аналогий из других морфологических типов и соответствующих категорий вещей и с учетом выявленной в ходе морфологического анализа внутритиповой иконографической динамики, позволяющей моделировать эволюционный ряд. Был сделан вывод, что данный тип в целом датируется втор. четв. – втор. пол. V в. до н. э. В этих рамках должны датироваться и публикуемые пантикапейские изображения, но с тяготением, очевидно, ко втор. четв. V в. до н. э.

¹⁰ Ср. мнение А. И. Шкурко в отношении блях изучаемого типа из Днепровской лесостепи, трактуемых как «задняя часть туловища кошачьего хищника, оканчивающаяся орлиной лапой» (*Шкурко*, 1975. С. 104).

Образы копытных

Тема копытных представлена на предметах из Пантикапея мотивом обособленной головы лося. Данная атрибуция однозначна, поскольку, несмотря на отсутствие рогов, анализируемые персонажи соответствуют таким хабитуальным чертам вида Лоси (*Alces alces*) на фоне остальных представителей семейства Олени (*Cervidae*), как мощная горбоносая морда и вздутая верхняя губа, сильно нависающая над нижней.

В частности, в 2013 г. на кв. 20а Нового Верхнего Митридатского раскопа, в слое, датируемом перв. четв. V в. до н. э., перекрывавшем пол № 38 Д-1 на уровне 13-го штыка, была обнаружена бронзовая литая уздечная бляха в форме стилизованной головы лосихи/безрогого лося вправо. На тыльной стороне – горизонтальное ушко для крепления (рис. 3: 1).

Данное изображение можно отнести к Аксютинецко-басовскому типу лосиных голов, по классификации А. Р. Канторовича (рис. 6: 2). Это изображения обособленной безрогой и безухой лосиной головы, при первоначальном впечатлении – «лопоухой», но в действительности лишенной уха, место которого отчасти занимает непосредственно примыкающая к глазу преувеличенная вертикальная шерстная складка в основании головы (рис. 5: В-1–3)¹¹.

К Аксютинецко-басовскому типу, помимо пантикапейского, относятся еще 5 оригинальных изображений на бронзовых уздечных бляхах из Среднего Поднепровья (кург. 12 у с. Аксютинцы – Стайкин верх (*Ильинская*, 1968. Табл. X: 7), кург. 499 у с. Басовка (рис. 5: В-2), кург. 10, погр. 1 у с. Перещепино (*Махортих*, 2006. Рис. 10: 4–6)), из Среднего Подонья (Частые курганы, кург. 10/10) (*Либеров*, 1965) (рис. 5: В-3) и из Нижнего Подонья (Елизаветовский м-к) (*Копылов*, 2000. Рис. 5: 1). Из них пантикапейскому изображению наиболее близки (практически идентичны) изображения из Аксютинцев, Басовки и Частых курганов.

Изображения данного типа моделированы в рельефе, с использованием сквозного отверстия для передачи рта. Помимо вышеуказанных диагностирующих признаков, им свойствен предельный стилистический лаконизм и геометризм. Очень крупный округлый глаз (выпуклость зеницы в рельефном обрамлении глазницы) выступает наполовину над линией короткой морды, переламавающейся под прямым углом. Приоткрытый рот подковообразный, обрамлен рельефной линией, ноздря не обозначена. В основании головы, непосредственно примыкая к глазу, помещена рельефная сегментовидная фигура, скорее всего имитирующая кожно-шерстную складку на шее, поскольку занимает место именно этой детали в традиционной композиции лосиной головки. В то же время не следует исключать, что данная фигура сочетает в себе также

¹¹ См. относительно полную (на момент написания статьи) сводку изображений лося в восточноевропейском скифском зверином стиле, их классификацию, типологию и хронологию: (*Канторович*, 2013). Рассматриваемые пантикапейские изображения к тому моменту еще не были известны.

Рис. 3. Изображения обособленных голов лошадей на предметах из Пантикапея. Находки с Нового Верхнего Митридатского раскопа

1 – 2013 г., кв. 20а, фото В. П. Толстикова, прорисовка К. А. Корганова; 2 – 2017 г., кв. 100, подвал здания Д-7, фото В. П. Толстикова; 3 – 2016 г., на кв. 35 (штык 1), слой балласта из раскопа Скасси, фото В. П. Толстикова

1, 3 – бронза; 2 – кость

Рис. 4. Редуцированные изображения конечностей хищников/грифонов из Пантикапея и их ближайшие аналогии. Масштаб разный

1, 5 – Пантикапей; 2 – Нимфейское г-ще, нижняя терраса (раскопки 1951 г.) (по: *Скуднова*, 1954. С. 316. Рис. 6: *правый*); 3 – Нимфейский некрополь, кург. 1, гробница 14 (раскопки 1878 г.) (по: *Силантьева*, 1959. Рис. 47: 7); 4 – Акташский м-к, кург. 48, погр. 3 (по: *Бессонова*, *Скорый*, 1986. Рис. 6: 5, 6; 7: 3); 6 – находка у с. Дмитровка Черкасского уезда (по: *Ханенко Б.*, *Ханенко В.*, 1907. Табл. XVIII: 314)

и обозначение уха, порой сливающегося с кожно-шерстной складкой в единый конгломерат, как это было видно на примере других типов¹².

В рамках данного типа более ранние среднеднепровские и среднедонские изображения с точки зрения морфологической динамики представляются предшествующими нижнедонскому изображению из Елизаветовской, поскольку последнее наиболее схематично, и в нем кожно-шерстная складка укоротилась и стала более похожа на обыкновенное ухо, занимающее при этом несвойственное ему место в традиционной композиции лосиной головы.

Дата Аксютинецко-басовского типа была обоснована в рамках вышеуказанной публикации (Канторович, 2013. С. 464) на базе объективных хроноиндикаторов для тех изображений, которые происходят из комплексов с античными импортами. Хронологические рамки типа были установлены в пределах рубежа VI–V – IV в. до н. э. Объективная датировка пантикапейского изображения перв. четв. V в. до н. э. по материалам культурного слоя, как мы видим, не противоречит этому и соответствует позиции пантикапейского изображения в начале эволюционного ряда изображений Аксютинецко-басовского типа.

Еще одна находка была сделана в сезоне 2017 г. в кв. 100 (штык 17) Нового Верхнего Митридатского раскопа, где в подвале здания Д-7, в слое, датируемом концом VI – втор. четв. V в. до н. э., был обнаружен фрагмент скульптурного завершения костяного изделия (клыка-амулета, застежки или псаля) в виде рельефного изображения головы безрогого лося/лосихи влево (рис. 3: 2). Техника: резьба, гравировка, полировка. В основании головы и шеи – скол.

Наконец, в сезоне 2016 г. на Новом Верхнем Митридатском раскопе при снятии верхнего балластного слоя из раскопа Скасси была обнаружена бронзовая поясная пряжка с оформлением противоположных сторон рамки в виде двух зеркальных голов безрогих лосей/лосих, которые можно рассматривать как одно оригинальное изображение (рис. 3: 3). Техника: литье.

Оба этих изображения можно отнести к Журовско-чигиринскому типу лосиных голов, по классификации А. Р. Канторовича (рис. 5: Г-1–7). Все изображения

**Рис. 5. Изображения хищников и лосиных голов
из Пантикапея и их ближайшие аналоги. Масштаб разный**

А-1, Б-1, В-1, Г-1, Г-5 – Пантикапей; А-2 – Золотой курган (по: *Borovka*, 1928. Pl. 16A); А-3 – Журовка, курганы Г (по: *Петренко*, 1967. Табл. 29: 27); Б-2 – с. Долинное, кург. 2 (курган Кулаковского), погр. 3, музейн. №: ГЭ, Кр 1895, 10/2 (прорисовка А. Р. Канторовича); Б-3 – м-к Волна-I (по: *Культурный мост...*, 2018. С. 99. Фото); Б-4 – с. Рэскэций Ной (Новые Раскайцы) (по: *Levitki*, 1998. P. 31. Fig. 3: 13); В-2 – Басовка, кург. 499 (по: *Галанина*, 1977. Табл. 26: 11); В-3 – Частые курганы, кург. 10/10 (по: *Либеров*, 1965. Табл. 24: 2); Г-2 – Смела, Юрьева гора, кург. 522 (по: *Петренко*, 1967. Табл. 26: 11); Г-3 – Харьковский музей (по: *Могилев*, 2008. Рис. 71: 9); Г-4 – Журовка, кург. 400 (по: *Петренко*, 1967. Табл. 37: 4); Г-6 – горный массив Кубалач (?) (по: *Скорый, Зимовец*, 2014. С. 137. Кат. 2/402); Г-7 – Чигирин (по: *Borovka*, 1928. Pl. 32E)

¹² А. И. Шкурко уже выделял эти головки (не считая елизаветовской и, естественно, тогда еще не найденной пантикапейской) в специальный тип (*Шкурко*, 1976. С. 97).

Рис. 6. Картография морфологических типов, к которым относятся изображения в скифском зверином стиле из Пантикапея

Условные обозначения: а – стоящий хищник, тип «Золотой курган – Макеевка»; б – свернувшийся хищник, Кулаковско-ковалевский тип; в – конечности хищника, тип «Нимфей – Завадская Могила»; г – головка лося, Аксютинецко-басовский тип; д – головка лося, Жузовско-чигиринский тип

данного типа были графически воспроизведены и проанализированы в выше-указанной сводке изображений лося, там же см. ссылку на местонахождения и источники изображений (Канторович, 2013. С. 455–462. Рис. 7). Данный тип объединяет, помимо пантикапейских, еще 20 оригинальных изображений (рис. 6: д). Это геометризованные головы, имеющие близкий к прямоугольному или сегментовидный контур, как правило, безрогие, но четко атрибутируемые как лосиные по форме мощной и вислой носовой части; в числе прочих

к этому типу относятся головы и элементы зооморфных трансформаций конечностей других животных¹³.

Большинство изображений, относящихся к Журовско-чигиринскому типу, происходит из Среднего Поднепровья. Это головы: на золотой подвеске (первоначально, возможно, деталь ожерелья) из кургана Блинец-2; на костяной уздечной бляхе из курганов у г. Чигирина (рис. 5: Г-7); двоянные синтетично размещенные головки, оформляющие бронзовые пряжки, происходящие из кург. В и 400 у Журовки (рис. 5: Г-4), трактуемые как застежки либо панциря (*Петренко*, 1967. С. 50), либо подпружного/нагрудного уздечного ремня (*Могилов*, 2008. С. 65); на золотой пластине – обивке колчана из кург. 2 (раскопки 1883–1885 гг.) у с. Аксютинцы; на лопастях S-видных бронзовых псапиев из кург. 522 у м. Смелы (Юрьева гора) (рис. 5: Г-2) и из Харьковского музея (рис. 5: Г-3).

Отдельные произведения происходят с территории Нижнего Поднепровья и Побужья: это голова на лопатке оленя на золотой пластине – обивке деревянного сосуда у д. Дубовой Верхнеднепровского уезда Екатеринославской губернии; три головы, нарастающие в размерах и размещенные цепочкой так, что конец морды предыдущего лося упирается в затылок последующего (эти головки, по сути, представляют собой варианты одного оригинального изображения), находятся на лопатке свернувшегося в кольцо хищника, оформляющего вышеупомянутую бронзовую уздечную бляху из кург. 6 у с. Ковалевка, аналогичную пантикапейской (рис. 5: А-1).

Два изображения этого типа происходят из Крыма: голова на плечевом отделе свернувшегося в кольцо хищника, оформляющего вышеупомянутую большую бронзовую уздечную бляху из кургана Кулаковского (с. Долинное, кург. 2, погр. 3) (рис. 5: Б-2), а также голова на лопатке хищника, оформляющего малую бронзовую уздечную бляху из того же комплекса. Возможно, из Крыма происходит еще одно изображение – на навершии рукояти железного ножа, не включенное в изданную в 2013 г. А. Р. Канторовичем сводку изображений лося, поскольку данное изделие было опубликовано одновременно с этой сводкой. Этот нож относится к коллекции, введенной в научный оборот (*Скорый, Зимовец*, 2014) и ныне хранящейся в Археологическом музее Института археологии НАН Украины; по информации находчиков, нож происходит из горного массива Кубалач у с. Некрасово Белогорского района¹⁴ (рис. 5: Г-6).

¹³ Не следует исключать, что некоторые лосиные головы данного типа – элементы зооморфной трансформации – были наделены рогами, «спрятанными» в других анатомических элементах зверя – основного объекта этой трансформации (см.: *Канторович*, 2013. С. 460).

¹⁴ Происхождение этой коллекции как таковой является объектом интенсивной дискуссии, в ходе которой не подвергается сомнению компетентность самой публикации, но порой ставится под вопрос изначальное местонахождение этих изделий, очевидно происходящих из грабительских раскопок (*Медведев*, 2015; *Гуляев*, 2016. С. 205–208; *Колтухов, Сенаторов*, 2016. С. 179, 180). Как уже приходилось указывать, не следует исключать того, что ряд изделий, представленных в публикации С. А. Скорого и Р. В. Зимовца, происходит из-за пределов Крыма – в частности, из Прикубанья или из Поднепровья (*Канторович*, 2017. С. 146, 175, 176).

Известны изображения данного типа и в Прикубанье: это голова на плече хищника на бронзовом псалии из Ульского кург. 2 раскопок 1909 г., а также головы на серебряных псалиях из того же комплекса – на плече большого хищника, на плече малого хищника, на плече оленя, на плече неопределенного копытного и под глазом основной птичьей головы.

Наконец, два оригинальных изображения происходят из курганов Среднего Подонья: это голова лося между ног сдвоенных грифонов золотой нашивной бляшки из кург. 5 у с. Мастюгино (раскопки Н. Е. Макаренко 1908 г.) и на практически тождественных ей семи идентичных бляшках (сборы А. А. Спицына из грабительских раскопок кургана у того же села в 1905 г.).

Из массива изображений данного типа костяной головке из Пантикапея (рис. 5: Г-5) наиболее близки изображения на рукояти железного ножа из Кубалача (рис. 5: Г-6) и, в меньшей мере, костяная головка из Чигирина (рис. 5: Г-7), тогда как головки на бронзовой пряжке из Пантикапея более всего сходны с изображениями на псалиях из кургана 522 у м. Смелы (рис. 5: Г-2) и из Харьковского музея (рис. 5: Г-3), а также на бронзовой пряжке из кург. 400 у с. Журовка (рис. 5: Г-4).

Не вдаваясь в морфологический анализ изображений Журовско-чигиринского типа, который был уже предпринят в вышеуказанной работе (Канторович, 2013. С. 455–462), укажем лишь на наиболее существенные черты этого типа в связи с характеристикой находок из Пантикапея.

Изображения данного типа в большинстве моделированы в рельефе (исключая Ульские, очерченные с помощью углубленных линий на плоскости). Всем изображениям данного типа, помимо вышеперечисленных признаков, свойствен стилистический лаконизм, в некоторых случаях предельный, приводящий к отказу от воспроизведения уха, так что единственным признаком видовой принадлежности остается форма морды, либо переломанной, либо плавно изогнутой (Пантикапей (бронзовая пряжка), Аксютинцы, Смела, Харьковский музей, малая и средняя головы из Ковалевки, Ульские псалии, Кулаковские бляхи, Мастюгино). В тех случаях, когда ухо отображается, оно геометричное – асимметрично-ромбическое (Журовка, кург. В), трапециевидное (Близнаец), овальное (Пантикапей (костяная головка), Дубовая, большая голова из Ковалевки) или овально-треугольное (Чигирин); ухо может иметь продольное рифление, имитирующее складки шерсти (Журовка (кург. В), Близнаец). Глаз чаще выступает за пределы контура, он всегда либо крупный геометричный (далекий от сходства с натурой), либо просто округлый без слезницы (выпуклость в углублении) (Пантикапей, бронзовая пряжка; Журовка (кург. 400), Чигирин, Смела, Харьковский музей, Ковалевка, Дубовая, Ульские серебряные псалии, малая Кулаковская бляха, Мастюгино), реже с рудиментом слезницы (Пантикапей, костяная головка; Ульские бронзовые псалии, большая Кулаковская бляха) или же с нарочито обособленной слезницей, обозначенной рельефной черточкой или кружком (Журовка (кург. В), Близнаец, Аксютинцы). Морда овальная или близкая к прямоугольной, с каплевидным ртом, обозначенным углублением или прорезью, иногда окантованным рельефной полосой; в одном случае (Чигирин) рельефными выпуклостями во рту показаны зубы. Ноздря петлевидна или каплевидна; в некоторых случаях ноздря вовсе не обозначена (Журовка (кург. В),

Смела, Харьковский музей, Ковалевка, Дубовая, Аксютинцы, Ульские серебряные псалии). Шерсть в основании головы и шеи может не акцентироваться (Журовка, кург. В и 400), но чаще каким-то образом отображается: либо дана выступом в общем контуре (Пантикапей, бронзовая пряжка и костяная головка; Близнец, Смела, Харьковский музей, Ковалевка, Дубовая, Аксютинцы, Кулаковские бляхи), либо оформлена в виде рельефной головки хищной птицы (Чигирин), кружком или завитком (Ульские псалии).

Хронология Журовско-чигиринского типа уже была обоснована в рамках вышеуказанной публикации (Канторович, 2013. С. 461, 462) на базе объективных хроноиндикаторов для тех изображений, которые происходят из комплексов с античными импортами. Был сделан вывод, что данный тип датируется в предельных рамках втор. пол. VI – середины IV в. до н. э. Этим рамкам не противоречит объективная датировка пантикапейской костяной головки (по контексту слоя) концом VI – втор. четв. V в. до н. э., а определенная лаконичность (в сочетании с высоким качеством исполнения) данного изображения говорит в пользу его соотнесения с истоками Журовско-чигиринского типа. Что касается пантикапейской бронзовой пряжки, следует учитывать ее сходство с бронзовой пряжкой из кург. 400 у с. Журовка, который датируется по античному импорту перв. пол. V в. до н. э. (Петренко, 1967. С. 92), концом перв. – втор. четвертью V в. до н. э. (Могилов, 2008. С. 65) или же – 500–475 гг. до н. э. (Алексеев, 2003. С. 296. Табл. 26: 5).

Выводы

В последние годы впервые, благодаря исследованиям Боспорской (Пантикапейской) археологической экспедиции ГМИИ им. А. С. Пушкина, в исходной зоне акрополя Пантикапея были найдены предметы, оформленные в скифском зверином стиле (преимущественно элементы конского снаряжения). Все они в совокупности находят себе аналогии на территории скифской археологической культуры (рис. 6) и датируются в пределах конца VI – перв. пол. V в. до н. э. Это время начала интенсивных скифо-греческих контактов в Северном Причерноморье, однако конкретно для изначальной территории Пантикапея ранее не было таких безусловных свидетельств взаимопроникновения древнегреческой и скифской культур¹⁵. Характер и глубина данного взаимодействия должны стать предметом изучения в будущем.

¹⁵ Исключение составляет найденная в XIX в. вышеописанная бляха в виде фигурки пантеры (также датируемая концом VI – перв. пол. V в. до н. э.) – дар А. С. Бертье-Делагарда Одесскому музею истории и древностей в 1886 г. Но мы не знаем, откуда именно происходит это изделие – из слоев городища или с некрополя Пантикапея.

Предметы, анализируемые в статье (исключая бляху из Одесского археологического музея), хранятся в Восточно-Крымском историко-культурном музее-заповеднике (г. Керчь).

ЛИТЕРАТУРА

- Алексеев А. Ю., 2003. Хронография Европейской Скифии VII–IV веков до н. э. СПб.: ГЭ. 416 с.
- Артамонов М. И., 1966. Сокровища скифских курганов в собрании Государственного Эрмитажа. Прага: Артия; Л.: Советский художник. 120 с., табл.
- Бессонова С. С., Скорый С. А., 1986. Погребение скифского воина из Акташского могильника в Восточном Крыму // СА. № 4. С. 158–170.
- Бокій Н. М., 1970. Нові пам'ятки скіфського звіриного стилю в Кіровоградщині // Археологія. Вип. XXIII. С. 182–193.
- Венедиков И., Герасимов Т., 1973. Тракийского изкуство. София: Български художник. 408 с.
- Галанина Л. К., 1977. Скифские древности Поднепровья (Эрмитажная коллекция Н. Е. Бранденбурга). М.: Наука. 68 с. (САИ; вып. Д1-33.)
- Гуляев, 2016. Рец.: С. Скорый, Р. Зимовец. Скифские древности Крыма. Материалы одной коллекции. Киев, 2014. 180 с. // Восток/Oriens. № 3. С. 205–208.
- Завойкин А. А., Толстиков В. П., 2017. Очерк политической истории Пантикапея и Фанагории // Пантикапей и Фанагория. Две столицы Боспорского царства: каталог выставки. М.: ГМИИ. 438 с.
- Ильинская В. А., 1968. Скифы Днепровского Лесостепного Левобережья. Киев: Наукова думка. 203 с.
- Ильинская В. А., 1971. Образ кошачьего хищника в раннескифском искусстве // СА. № 2. С. 64–85.
- Канторович А. Р., 2012. Изображения обособленных конечностей хищников в искусстве скифского звериного стиля Восточной Европы: типология, хронология, анализ истоков и эволюции (монография в журнале) // SP. No. 3. С. 17–71.
- Канторович А. Р., 2013. Изображения лося в восточноевропейском скифском зверином стиле: классификация, типология, хронология // Scripta antiqua. Вопросы древней истории, филологии, искусства и материальной культуры. Т. 3 / Отв. ред. М. Д. Бухарин. М.: Собрание. С. 423–480.
- Канторович А. Р., 2014. Эволюция и хронология сюжета свернувшегося в кольцо хищника в восточноевропейском скифском зверином стиле // ПИФК. № 4. С. 66–99.
- Канторович А. Р., 2015. Скифский звериный стиль Восточной Европы: классификация, типология, хронология, эволюция: дис. ... д-ра ист. наук // Архив ИА РАН. Ф. Р-2. 1724 с.
- Канторович А. Р., 2017. Скифский звериный стиль Крыма как региональный компонент восточноевропейского скифского звериного стиля (репертуар, хронология и статистические показатели) // «И музую его была наука»: сб. памяти В. А. Кореняко (1952–2016). Азов: Азовский музей-заповедник. С. 143–180.
- Ковпаненко Г. Т., Буянтян Е. П., 1978. Скифские курганы у с. Ковалевка Николаевской области // Курганы на Южном Буге / Отв. ред. В. Ф. Генинг. Киев: Наукова думка. С. 133–150.
- Колтухов С. Г., Сенаторов С. Н., 2016. Скифы Предгорного Крыма VII–IV вв. до н. э. Курганы 1890–1892 и 1895 гг.: (По материалам Н. И. Веселовского и Ю. А. Кулаковского). Симферополь: Изд-во ИП Бровко А. А. 288 с., ил. (Материалы к археологической карте Крыма; вып. XVII.)
- Копылов В. П., 2000. Население дельты Дона в V–IV вв. до н. э. // Скифы и сарматы в VII–III вв. до н. э.: палеоэкология, антропология и археология. М.: ИА РАН. С. 157–166.
- Королькова Е. Ф., 2006. Звериный стиль Евразии. Искусство племен Нижнего Поволжья и Южного Приуралья в скифскую эпоху (VII–IV вв. до н. э.). СПб.: Петербургское востоковедение. 272 с.
- Культурный мост: из прошлого в настоящее: каталог интерактивной выставки археологических находок / Сост.: В. В. Новиков, А. С. Миронова, А. А. Руденко. М.: Парето-принт, 2018. 224 с.
- Либеров П. Д., 1965. Памятники скифского времени на Среднем Дону. М.: Наука. 111 с. (САИ; вып. Д1-31.)
- Махортых С. В., 2006. Скiфська вузда Перещепинського могильника // Бiльське городище та його округ (до 100-рiччя початку польових дослiджень). Київ: Шлях. С. 57–76.
- Медведев А. П., 2015. Новая книга о скифских древностях // Вестник ВГУ. Серия: История. Политология. Социология. Вып. 4. С. 136–137.

- Могиллов О.Д., 2008. Спорядження коня скіфської доби у Лісостепу Східної Європи. Київ; Кам'янець-Подільський. 439 с.
- Мозолевский Б. Н., 1980. Скифские курганы в окрестностях г. Орджоникидзе на Днепропетровщине (раскопки 1972–1975 гг.). // Скифия и Кавказ / Отв. ред. А. И. Тереножкин. Киев: Наукова думка. С. 70–154.
- Муратова М. Б., Толстиков В. П., 2013. К проблеме пространственного развития Пантикапейской апойкии в первой половине VI – первой половине V в. до н. э. // ВДИ. № 1. С. 176–193.
- ОАК за 1890 г. СПб., 1893. 152 с.
- Огненова-Маринова Л. А., 1975. Влияние технологии выполнения при оформлении стиля и мотивов в торевтике фракийцев и скифов // Фрако-скифские культурные связи / Отв. ред.: А. Фол, Л. Огненова-Маринова. София: БАН. 1975. С. 127–138. (Studia Thracica; I.)
- Онайко Н. А., 1966. Античный импорт в Поднепровье и Побужье в VII–V вв. до н. э. М.: Наука. 71 с. (САИ; вып. Д1-27.)
- Островецхов А. С., Охотников С. Б., 1989. О некоторых мотивах скифского звериного стиля на памятниках из собрания Одесского археологического музея // ВДИ. № 2. С. 50–67.
- Петренко В. Г., 1967. Правобережье Среднего Приднепровья в V–III вв. до н. э. Л.: Наука. 180 с. (САИ; вып. Д1-4.)
- Поллидович Ю. Б., 2008. Об одной изобразительной традиции в искусстве народов скифского мира // Номады казахских степей: этносоциокультурные процессы и контакты в Евразии скифо-сакской эпохи / Отв. ред. З. С. Самашев. Астана: ПЦК РК. С. 39–59.
- Силантьева Л. Ф., 1959. Некрополь Нимфея // Некрополи боспорских городов. М.; Л.: АН СССР. С. 5–107. (МИА; № 69.)
- Скорый С. А., Зимовец Р. В., 2014. Скифские древности Крыма. Материалы одной коллекции. Киев: Олег Філюк. 180 с.
- Скуднова В. М., 1954. Скифские памятники из Нимфея // СА. Вып. XXI. С. 306–318.
- Толстиков В. П., 2011. Конское захоронение на верхнем плато акрополя Пантикапея // Боспорские чтения. Вып. XII: Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Взаимовлияние культур / Отв. ред. В. М. Зинько. Керчь. С. 365–368.
- Толстиков В. П., 2017. Очерк градостроительной истории центрального района Пантикапея в конце VII – середине V в. до н. э. // Древнейший Пантикапей. От апойкии – к городу: по материалам исследований Боспорской (Пантикапейской) экспедиции ГМИИ им. А. С. Пушкина на горе Митридат / Авт.-сост.: В. П. Толстиков, Н. С. Асташова, Г. А. Ломтадзе, О. Ю. Самар, О. В. Тугушева. М.: Перо. С. 10–53.
- Ханенко Б. И., Ханенко В. П., 1907. Древности Приднепровья и побережий Черного моря. Вып. VI. Киев: Тип. С. В. Кульженко. 44 с., 42 л. ил.
- Шкурко А. И., 1969. Об изображении свернувшегося в кольцо хищника в искусстве лесостепной Скифии // СА. № 1. С. 31–39.
- Шкурко А. И., 1975. Звериный стиль в искусстве и культуре Лесостепной Скифии (VII–III вв. до н. э.): дис. ... канд. ист. наук. М. 248 с.
- Шкурко А. И., 1976. О локальных различиях в искусстве лесостепной Скифии // Скифо-сибирский звериный стиль в искусстве народов Евразии / Отв. ред.: А. И. Мелюкова, М. Г. Мошкова. М.: Наука. С. 90–105.
- Яковенко Э. В., 1976. Предметы звериного стиля в раннескифских памятниках Крыма // Скифо-сибирский звериный стиль в искусстве народов Евразии / Отв. ред.: А. И. Мелюкова, М. Г. Мошкова. М.: Наука. С. 128–137.

Ancient Touch. Near Eastern & Eurasian Nomads: animal style bronze. [Electronic resource]. URL: www.ancienttouch.com

Borovka G., 1928. Scythian Art. London: Ernest Benn. 185 p.

Leviṭki O., 1998. Consideraṭii asupra monumentelor funerare din perioada Hallstattiană târzie de pe teritoriul Moldove // Revista Arheologică. No. 2. P. 28–59.

Сведения об авторах

Канторович Анатолий Робертович, МГУ имени М. В. Ломоносова, Ломоносовский проспект, 27/4, Москва, 119192, Россия; e-mail: kantorovich@mail.ru;

Толстиков Владимир Петрович, Государственный музей изобразительных искусств им. А. С. Пушкина, ул. Волхонка, 12, Москва, 119019, Россия; e-mail: vltolstikov@yandex.ru;

Шкурова Мария Васильевна, Государственный музей изобразительных искусств им. А. С. Пушкина, ул. Волхонка, 12, Москва, 119019, Россия; e-mail: maria_shкурова@mail.ru

A. R. Kantorovich, V. P. Tolstikov, M. V. Shкурова

ARTIFACTS FROM PANTICAPAEUM DECORATED
IN THE SCYTHIAN ANIMAL STYLE

(ON THE PROBLEM OF THE GREEK-SCYTHIAN INTERACTIONS)

Abstract. In recent years, for the first time, due to the researches of the Bosphorus (Panticapaeum) archaeological expedition of the Pushkin State Museum of Fine Arts, in the initial zone of the Panticapaeum Acropolis some objects decorated in the Scythian animal style (mainly elements of horse equipment) were found. The article represents these products analyzed in the context of the general systematics and chronology of images of the Eastern European Scythian animal style. They all date to within the late 6th – first half of 5th century BC. This is the starting period of intensive Scythian-Greek contact in the Northern Pontic, but specifically for the original site of Panticapaeum such absolute evidence of the interpenetration of Greek and Scythian cultures had not been previously observed in practice. The essence and depth of this interaction should be studied in future.

Keywords: Panticapaeum, sfagion, harness, Scythian animal style, classification, predators, hoofed animals, Greek-Scythian contacts.

REFERENCES

- Alekseyev A. Yu., 2003. Khronografiya Evropeyskoy Skifii VII–IV vekov do n. e. [Chronography of European Scythia of VII–IV centuries BC]. St. Petersburg: GE. 416 p.
- Ancient Touch. Near Eastern & Eurasian Nomads: animal style bronze. [Electronic resource]. URL: www.ancienttouch.com.
- Artamonov M. I., 1966. Sokrovishcha skifskikh kurganov v sobranii Gosudarstvennogo Ermitazha [Treasures of Scythian kurgans in collection of State Hermitage]. Prague: Artiya; Leningrad: Sovetskiy khudozhnik. 120 p., tabl.
- Bessonova S. S., Skorry S. A., 1986. Pogrebeniye skifskogo voina iz Aktashskogo mogil'nika v Vostochnom Krymu [Burial of a Scythian warrior from Aktash cemetery in Eastern Crimea]. *SA*, 4, pp. 158–170.
- Bokiy N. M., 1970. Novi pam'yatky skifs'kogo zvirinogo stylyu v Kirovogradshchyni [New monuments of Scythian animal style in Kirovograd region]. *Arkheologiya* [Archaeology], XXIII, pp. 182–193.
- Borovka G., 1928. Scythian Art. London: Ernest Benn. 185 p.
- Galanina L. K., 1977. Skifskiye drevnosti Podneprov'ya (Ermitazhnaya kollektsiya N. E. Brandenbura) [Scythian antiquities from Dnieper region (Hermitage collection of N. E. Brandenburg)]. Moscow: Nauka. 68 p. (SAI.)
- Gulyaev V. I., 2016. Rets.: S. Skorry, R. Zimovets. Skifskie drevnosti Kryma. Materialy odnoy kollektsii [Review: S. Skorry, R. Zimovets. Scythian antiquities of Crimea. Materials of one collection]. Kiev, 2014. 180 p. *Vostok/Oriens*, 3, pp. 205–208.

- Il'inskaya V. A., 1968. Skify Dneprovskogo Lesostepnogo Levoberezh'ya [Scythians of Dnieper left bank forest-steppe region]. Kiev: Naukova dumka. 203 p.
- Il'inskaya V. A., 1971. Obraz koshach'ego hishchnika v ranneskifskom iskusstve [Image of feline predator in early Scythian art]. *SA*, 2, pp. 64–85.
- Kantorovich A. R., 2012. Izobrazheniya obosoblennykh konechnostey khishchnikov v iskusstve skifskogo zverinogo stilya Vostochnoy Evropy: tipologiya, khronologiya, analiz istokov i evolyutsii (monografiya v zhurnale) [[Images of separate extremities of predators in art of Scythian animal style of Eastern Europe: typology, chronology, analysis of origins and evolution (monograph in journal)]. *SP*, 3, pp. 17–71.
- Kantorovich A. R., 2013. Izobrazheniya losya v vostochnoyevropeyskom skifskom zverinom stile: klassifikatsiya, tipologiya, khronologiya [Images of elk in East European Scythian animal style: classification, typology, chronology]. *Scripta antiqua. Voprosy drevney istorii, filologii, iskusstva i material'noy kul'tury* [*Scripta antiqua. Issues of ancient history, philology, art and material culture*], 3. M. D. Bukharin, ed. Moscow: Sobraniye, pp. 423–480.
- Kantorovich A. R., 2014. Evolyutsiya i khronologiya syuzheta svernuyshegosya v kol'tso khishchnika v vostochnoyevropeyskom skifskom zverinom stile [Evolution and chronology of subject of coiled predator in East European Scythian animal style]. *PIFK*, 4, pp. 66–99.
- Kantorovich A. R., 2015. Skifskiy zverinyy stil' Vostochnoy Evropy: klassifikatsiya, tipologiya, khronologiya, evolyutsiya: dissertatsiya ... doktora istoricheskikh nauk [Scythian animal style of Eastern Europe: classification, typology, chronology, evolution: Thesis for a Doctor's degree Manuscript]. *Archive of IA RAN*. (In Russian, unpublished).
- Kantorovich A. R., 2017. Skifskiy zverinyy stil' Kryma kak regional'nyy komponent vostochnoyevropeyskogo skifskogo zverinogo stilya (repertuar, khronologiya i statisticheskiye pokazateli) [Scythian animal style of Crimea as regional component of East European Scythian animal style (repertory, chronology and statistical characteristics)]. «*I muzoyu ego byla nauka*»: *sbornik pamyati V. A. Korenyako* [«*And science was his muse*»: *collection of articles in memory of V. A. Korenyako*]. Azov: Azovskiy muzey-zapovednik, pp. 143–180.
- Khanenko B. I., Khanenko V. P., 1907. Drevnosti Pridneprov'ya i poberezh'iy Chernogo morya [Antiquities of Dnieper region and Black Sea shores], VI. Kiev: Tipografiya S. V. Kul'zhenko. 44 p., 42 l. ill.
- Koltukhov S. G., Senatorov S. N., 2016. Skify Predgornogo Kryma VII–IV vv. do n. e. Kurgany 1890–1892 i 1895 gg.: (po materialam N. I. Veselovskogo i Yu. A. Kulakovskogo) [Scythians of Crimean foothills of VII–IV cc. BC. Kurgans of 1890–1892 and 1895: (according to materials of N. I. Veselovskiy and Yu. A. Kulakovskiy)]. Simferopol': Izdatel'stvo IP Brovko A. A. 288 p. (Materialy k arheologicheskoy karte Kryma, 17.)
- Kopylov V. P., 2000. Naseleniye del'ty Dona v V–IV vv. do n. e. [Population of Don estuary in V–IV cc. BC]. *Skify i sarmaty v VII–III vv. do n. e.: paleoekologiya, antropologiya i arheologiya* [Scythians and Sarmatians in VII–III cc. BC: *paleoecology, anthropology and archaeology*]. Moscow: IA RAN, pp. 157–166.
- Korol'kova E. F., 2006. Zverinyy stil' Evrazii. Iskustvo plemen Nizhnego Povolzh'ya i Yuzhnogo Priural'ya v skifskuyu epokhu (VII–IV vv. do n. e.) [Animal style of Eurasia. Art of Lower Volga and South Urals tribes in Scythian time (VII–IV cc. BC)]. St. Petersburg: Peterburgskoye vostokovedeniye. 272 p.
- Kovpanenko G. T., Bunyatyan E. P., 1978. Skifskiy kurgany u s. Kovalevka Nikolayevskoy oblasti [Scythian kurgans near village Kovalevka, Nikolaev region]. *Kurgany na Yuzhnom Buge* [Kurgans of Southern Bug]. V. F. Gening, ed. Kiev: Naukova dumka, pp. 133–150.
- Kul'turnyy most: iz proshlogo v nastoyashcheye: katalog interaktivnoy vystavki arheologicheskikh nakhodok [Cultural bridge: from the past to the present: catalogue of interactive exhibition of archaeological finds]. V. V. Novikov, A. S. Mironova, A. A. Rudenko, comp. Moscow: Pareto-print, 2018. 224 p.
- Levițki O., 1998. Considerații asupra monumentelor funerare din perioada Hallstattiană târzie de pe teritoriul Moldovei. *Revista Arheologică*, 2, pp. 28–59.
- Liberov P. D., 1965. Pamyatniki skifskogo vremeni na Srednem Donu [Sites of Scythian time of Middle Don]. Moscow: Nauka. 38 p. (SAI.)
- Makhortykh S. V., 2006. Skifs'ka vuzda Pereshchepyn'skogo mogyl'nyka [Scythian horse bridle from Pereshchepino cemetery]. *Bil'ske gorodishche ta yogo okruha (do 100-richcha pochatku pol'ovyykh*

- doslidzhen' [Belskoe hillfort and its vicinity (to centenary of the beginning of field investigations)]. Kyiv: Shlyakh, pp. 57–76.*
- Medvedev A. P., 2015. Novaya kniga o skifskikh drevnostyakh [New book on Scythian antiquities]. *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya. Politologiya. Sotsiologiya [Bulletin of Voronezh State university. Ser.: History. Political science. Social science]*, 4, pp. 136–137.
- Mogylov O. D., 2008. Sporyadzhennyya konya skifs'koï dobi u Lisostepu Skhidnoï Evropy [Horse equipment of Scythian time in Forest-steppe of Eastern Europe]. Kyiv; Kam'yanets'-Podil's'kyi. 439 p.
- Mozolevskiy B. N., 1980. Skifskiy kurgany v okrestnostyakh g. Ordzhonikidze na Dnepropetrovshchine (raskopki 1972–1975 gg.) [Scythian kurgans in vicinity of Ordzhonikidze city, Dnepropetrovsk region (excavations of 1972–1975)]. *Skifiya i Kavkaz [Scythia and Caucasus]*. A. I. Terenozhkin, ed. Kiev: Naukova dumka, pp. 70–154.
- Muratova M. B., Tolstikov V. P., 2013. K probleme prostranstvennogo razvitiya Pantikapeyskoy apoykii v pervoy polovine VI – pervoy polovine V v. do n. e. [Issue of spatial development of Panticapaeum apoikia in first half of VI – first half of V c. BC]. *VDI*, 1, pp. 176–193.
- OAK za 1890 g. [OAK for 1890]. St. Petersburg, 1893. 152 p.
- Ognenova-Marinova L. A., 1975. Vliyanie tekhnologii vypolneniya pri oformlenii stilya i motivov v torevtike frakiytsev i skifov [Influence of producing technology on formation of style and motifs in toreutics of Thracians and Scythians]. *Frako-skifskiy kul'turnyye svyazi [Thracian-Scythian cultural relations]*. A. Fol, L. Ognenova-Marinova, eds. Sofiya: BAN, pp. 127–138. (Studia Thracica, I.)
- Onayko N. A., 1966. Antichnyy import v Pridneprov'ye i Pobuzh'ye v VII–V vv. do n. e. [Antique import in Dnieper and Buf regions in VII–V cc. BC]. Moscow: Nauka. 71 p. (SAI.)
- Ostoverkhov A. S., Okhotnikov S. B., 1989. O nekotorykh motivakh skifskogo zverinogo stilya na pamyatnikakh iz sobraniya Odesskogo arheologicheskogo muzeya [On some motifs of Scythian animal style on monuments from collection of Odessa archaeological museum]. *VDI*, 2, pp. 50–67.
- Petrenko V. G., 1967. Pravoberezh'ye Srednego Pridneprov'ya v V–III vv. do n. e. [Middle Dnieper right bank region in V–III cc. BC]. Moscow: Nauka. 180 p. (SAI.)
- Polidovich Yu. B., 2008. Ob odnoy izobrazitel'noy traditsii v iskusstve narodov skifskogo mira [On one figurative tradition in art of peoples of Scythian world]. *Nomady kazakhskikh stepey: etnosotsiokul'turnyye protsessy i kontakty v Evrazii skifo-sakskoy epokhi [Nomads of Kazakh steppes: ethno-social cultural processes and contacts in Eurasia in Scythian-Saka epoch]*. Z. S. Samashev, ed. Astana: PCK RK, pp. 39–59.
- Shkurko A. I., 1969. Ob izobrazhenii svernuvshegosya v kol'tso khishchnika v iskusstve lesostepnoy Skifii [On image of coiled predator in art of forest-steppe Scythia]. *SA*, 1, pp. 31–39.
- Shkurko A. I., 1975. Zverinyy stil' v iskusstve i kul'ture Lesostepnoy Skifii (VII–III vv. do n. e.): dissertatsiya kandidata istoricheskikh nauk [Animal style in art and culture of Forest-steppe Scythia (VII–III cc. BC): manuscript of PhD thesis]. Moscow. 248 p.
- Shkurko A. I., 1976. O lokal'nykh razlichiyakh v iskusstve lesostepnoy Skifii [On regional differences in art of forest-steppe Scythia]. *Skifo-sibirskiy zverinyy stil' v iskusstve narodov Evrazii [Scythian-Siberian animal style in art of peoples of Eurasia]*. A. I. Melyukova, M. G. Moshkova, eds. Moscow: Nauka, pp. 90–105.
- Silant'yeva L. F., 1959. Nekropol' Nimfeya [Necropolis of Nymphaion]. *Nekropoli bosporskikh gorodov [Necropolises of Bosphorus cities]*. Moscow; Leningrad: AN SSSR, pp. 5–107. (MIA, 69.)
- Skoryy S. A., Zimovets R. V., 2014. Skifskiy drevnosti Kryma. Materialy odnoy kollektsii [Scythian antiquities of Crimea. Materials from one collection]. Kiev: Oleg Filyuk. 180 p.
- Skudnova V. M., 1954. Skifskiy pamyatniki iz Nimfeya [Scythian monuments from Nymphaion]. *SA*, XXI, pp. 306–318.
- Tolstikov V. P., 2011. Konskoye zakhroneniye na verkhnem plato akropolya Pantikapeya [Horse burial on upper plateau of Panticapaeum acropolis]. *Bosporskiye chteniya [Bosphorus readings]*, XII. *Bospor Kimmeriyskiy i varvarskiy mir v period antichnosti i srednevekov'ya. Vzaimovliyaniye kul'tur [Cimmerian Bosphorus and barbaric world in Classical antiquity and Middle Ages. Mutual influence of cultures]*. V. M. Zin'ko, ed. Kerch', pp. 365–368.
- Tolstikov V. P., 2017. Ocherk gradostroitel'noy istorii tsentral'nogo rayona Pantikapeya v kontse VII – seredine V v. do n. e. [Essay of history of urban development of central region of Panticapaeum in late VII – mid V c. BC]. *Drevneyshiy Pantikapey. Ot apoykii – k gorodu: po materialam*

issledovaniy Bosporskoy (Pantikapeyskoy) ekspeditsii GMII im. A. S. Pushkina na gore Mitridat [Earliest Panticapaeum. From apoikia – to city: based on materials of investigations of Bosporus (Panticapaeum) expedition of A. S. Pushkin GMII on Mithradat mountain]. V. P. Tolstikov, comp. Moscow: Pero, pp. 10–53.

Venedikov I., Gerasimov T., 1973. Trakiyskoto izkustvo [Thracian art]. Sofiya: B'lgarski khudozhnik. 408 p.

Yakovenko E. V., 1976. Predmety zverinogo stilya v ranneskifskikh pamyatnikakh Kryma [Items of animal style in early Scythian sites of Crimea]. *Skifo-sibirskiy zverinyy stil' v iskusstve narodov Evrazii [Scythian-Siberian animal style in art of peoples of Eurasia]*. A. I. Melyukova, M. G. Moshkova, eds. Moscow: Nauka, pp. 128–137.

Zavoykin A. A., Tolstikov V. P., 2017. Ocherk politicheskoy istorii Pantikapeya i Fanagorii [Essay of political history of Panticapaeum and Phanagoria]. *Pantikapey i Fanagoriya. Dve stolitsy Bosporskogo tsarstva: katalog vystavki [Panticapaeum and Phanagoria. Two capitals of Bosporus Kingdom: Catalogue of exhibition]*. Moscow: GMII, pp. 47–67.

About the authors

Kantorovich Anatoliy R., M. V. Lomonosov Moscow State University, Lomonosovsky prosp. 27/4, Moscow, 119192, Russian Federation; e-mail: kantorovich@mail.ru;

Tolstikov Vladimir P., The Pushkin State Museum of Fine Arts, ul. Volkhonka, 12, Moscow, 119019, Russian Federation; e-mail: vltolstikov@yandex.ru;

Shkurova Mariya V., The Pushkin State Museum of Fine Arts, ul. Volkhonka, 12, Moscow, 119019, Russian Federation; e-mail: maria_shkurova@mail.ru

О. С. Румянцева, А. А. Кадиева, С. В. Демиденко,
Д. А. Ханин, М. В. Червяковская, А. А. Трифонов

СТЕКЛЯННЫЕ ИЗДЕЛИЯ РАННЕСРЕДНЕВЕКОВЫХ МОГИЛЬНИКОВ ГОРНОЙ ЗОНЫ ЦЕНТРАЛЬНЫХ РАЙОНОВ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА: ХИМИЧЕСКИЙ СОСТАВ И ДАННЫЕ О ПРОИСХОЖДЕНИИ

Резюме. В статье рассмотрен химический состав серии стеклянных изделий, происходящих из раннесредневековых могильников центральных районов Северного Кавказа (втор. пол. V – VIII в.). Стекло проанализировано методами SEM-EDS, EPMA, LA-ICP-MS. Стекло одного из украшений изготовлено на золе растений и происхождением связано с регионом к востоку от Евфрата (возможно, с сасанидским Ираном); остальные стекла – содовые и происходят, вероятно, из Восточного и Юго-Восточного Средиземноморья. По составу они находят соответствие среди групп, распространенных на территории Римской империи как в синхронное, так и в более раннее время (НИМТ, группы Foу 3.2; Foу 4, Левантийская 1, «римское» зелено-голубое). Некоторые признаки химического состава позволяют говорить о случайном характере сырья, использовавшегося при изготовлении вставок, и/или о разном происхождении самих украшений со вставками.

Ключевые слова: Северный Кавказ, эпоха раннего Средневековья, стекло, химический состав, происхождение, SEM-EDS, EPMA, LA-ICP-MS.

Изделия из стекла справедливо считаются одним из важнейших источников для изучения культурных связей древнего населения. Ведущую роль в исследовании этой категории предметов играет анализ химического состава, позволяющий получить информацию о происхождении стекла. Данная статья посвящена итогам изучения серии предметов раннесредневекового времени с Северного Кавказа. Поступавшие сюда импорты могли быть связаны с двумя различными регионами, где в исследуемый период развивалось стеклоделательное производство, – Восточным Средиземноморьем и Месопотамией, в связи с чем исследование происхождения найденного здесь стекла представляется перспективным в контексте как методических, так и культурно-исторических аспектов.

Характеристика материала

Для анализа были отобраны образцы от 5 украшений из могильников Заюково-3 (погр. 86 и 110) и Балка Инал 4 (погр. 2), а также фрагмент сосуда из слоя могильника Заюково-3.

Могильник Заюково-3 расположен в Баксанском районе Кабардино-Балкарской Республики. Исследуемые материалы происходят из раскопок Объединенной северокавказской археологической экспедиции Государственного исторического музея, Кабардино-Балкарского государственного университета и Института археологии РАН под руководством А. А. Кадиевой; они хранятся в фондах Государственного исторического музея. Погр. 86 и 110, откуда происходят проанализированные находки, представляют собой ограбленные в древности Т-образные катакомбы. Погр. 86 содержало большое количество пропущенного грабителями представительного инвентаря. Из данного захоронения были проанализированы:

- коричневатого-фиолетовая прозрачная вставка полый подвески, украшенной зернью (*Кадиева, Демиденко*, в печати; о материале вставки см. ниже);

- пятиугольная вставка в щиток полый пряжки из тисненого золотого листа с овальной рамкой и пятиугольным щитком (рис. 1: 1; табл. 1–3: 1) (оп. Б. 2179/281). С оборотной стороны пряжка заполнена мастикой. Язычок загнут за рамку. Щиток крепился к ремню тремя шпеньками. Длина пряжки – 3 см. Вставка прозрачная, коричневатого-фиолетового цвета;

- фрагмент сегментовидной вставки коричневатого-фиолетового цвета (рис. 1: 2; табл. 1–3: 2) (оп. Б. 2179/271).

Рис. 1. Могильники Заюково-3 (1–3, 5) и Балка Инал 4 (4)

1 – пряжка; 2, 4 – вставки; 3 – накладка; 5 – стенка сосуда

1 – золото, стекло, мастика; 2, 4, 5 – стекло; 3 – бронза, стекло

Таблица 1. Результаты изучения химического состава стекла изделий из могильников Заюково-3 и Балка Инал 4 методом SEM-EDS

№ п/п	Шифр	Название находки	Место находки	Цвет, прозрачность стекла	Na ₂ O	MgO	Al ₂ O ₃	SiO ₂	P ₂ O ₅	SO ₃	Cl	K ₂ O
1	Кад-2	вставка в щиток пряжки	Заюково-3, погр. 86	коричневато-фиолетовое прозрачное	20,31	0,43	1,84	66,71	< 0,1	0,24	1,10	0,41
2	Кад-4	вставка	Заюково-3, погр. 86	коричневато-фиолетовое прозрачное	21,41	1,09	2,64	61,28	< 0,1	0,25	1,20	0,40
3	Кад-5	вставка	Заюково-3, погр. 110	бесцветное прозрачное	20,90	0,64	2,09	65,80	< 0,1	0,31	0,97	0,38
4	Кад-6	вставка	Балка Инал 4, погр. 2	желто-коричневое прозрачное	17,09	4,42	3,01	59,97	0,12	0,23	0,64	2,38
5	Кад-7	стенка сосуда	Заюково-3, слой	голубоватое прозрачное	16,61	0,46	2,81	68,93	< 0,1	0,09	0,99	0,56

№ п/п	Шифр	Название находки	Место находки	Цвет, прозрачность стекла	CaO	TiO ₂	MnO	Fe ₂ O ₃	CuO	SnO ₂	Sb ₂ O ₅	PbO
1	Кад-2	вставка в щиток пряжки	Заюково-3, погр. 86	коричневато-фиолетовое прозрачное	5,28	< 0,1	0,94	0,49	< 0,1	< 0,2	< 0,4	< 0,1
2	Кад-4	вставка	Заюково-3, погр. 86	коричневато-фиолетовое прозрачное	5,89	0,29	1,88	1,22	< 0,1	< 0,2	< 0,4	< 0,1
3	Кад-5	вставка	Заюково-3, погр. 110	бесцветное прозрачное	5,42	< 0,1	< 0,1	0,28	< 0,1	< 0,2	0,80	< 0,1
4	Кад-6	вставка	Балка Инал 4, погр. 2	желто-коричневое прозрачное	7,15	0,14	0,11	2,32	< 0,1	< 0,2	< 0,4	< 0,1
5	Кад-7	стенка сосуда	Заюково-3, слой	голубоватое прозрачное	6,94	< 0,1	0,18	0,30	< 0,1	< 0,2	< 0,4	< 0,1

Примечания: результаты даны в массовых % окислов, для хлора – в массовых %

Таблица 2. Результаты изучения химического состава стекла изделий из могильников Заюково-3 и Балка Инал 4 методом РСМА (ЕРМА)

№ п/п	Шифр	P ₂ O ₅	SO ₃	Cl	TiO ₂	CoO	CuO	SrO	SnO ₂	Sb ₂ O ₃	BaO	PbO
1	Кад-2	0,04	0,31	1,18	0,07	–	–	–	–	–	0,04	–
2	Кад-4	0,05	0,29	1,26	0,27	–	–	0,07	–	–	0,05	–
3	Кад-5	0,03	0,36	1,09	0,08	–	–	0,06	–	0,73	0,01	–
4	Кад-6	0,16	0,31	0,58	0,11	–	0,03	0,05	–	–	0,01	0,01
5	Кад-7	0,16	0,18	1,06	0,06	–	–	0,07	–	–	0,02	–

Примечания: см. табл. 1; «–» – ниже предела обнаружения

Таблица 3. Результаты изучения химического состава стекла изделий из могильников Заюково-3 и Балка Инал 4 методом LA-ICP-MS

№ п/п	Шифр	Ti	V	Co	Ni	Cu	Zn	Ga	As	Rb	Sr	Y	Zr
1	Кад-2	360	23	5	6	20	8	2	3	6	390	6	52
2	Кад-4	1586	33	11	17	42	18	3	5	5	550	9	174
3	Кад-5	430	8	2	3	35	22	2	24	5	532	7	51
4	Кад-6	624	17	10	26	134	19	3	3	14	447	5	56
5	Кад-7	289	8	5	6	7	8	2	2	6	373	6	37

№ п/п	Шифр	Sn	Sb	Ba	La	Ce	Pr	Nd	Eu	Hf	Pb	Bi	Th
1	Кад-2	3	< 1	294	5	9	1	6	< 1	1	14	< 1	1
2	Кад-4	1	1	350	9	14	2	9	< 1	4	17	< 1	2
3	Кад-5	3	5580	124	6	10	1	6	< 1	1	76	< 1	1
4	Кад-6	5	< 1	147	5	10	1	5	< 1	1	132	< 1	1
5	Кад-7	1	1	216	6	10	1	6	< 1	1	5	< 1	1

Примечания: результаты даны в ppm (parts per million)

Единственную аналогию полым шаровидным золотым подвескам из погр. 86 удалось обнаружить в кург. 7 могильника Брут, материалы которого датированы Т. А. Габуевым концом IV – серединой или началом V в. (Габуев, 2014. С. 72. Рис. 28: 1, 2). Однако основная часть материала из погр. 86 тяготеет к более позднему периоду. В частности, аналогия золотой пряжке со стеклянной вставкой (рис. 1: 1), которая рассматривается в данной работе, происходит из катакомбы 10 могильника Лермонтовская скала 2 (Рунич, 1976. Рис. 3: 11); по мнению А. К. Амброза, ее камера содержала захоронения двух периодов: V и более позднего времени (VI–VII вв.), при этом пряжку он отнес к позднему пласту находок (Амброз, 1989. С. 38, 65). В погр. 86 м-ка Заюково-3 не обнаружено признаков одновременных захоронений, и комплекс можно датировать втор. пол. V – перв. пол. VI в., вероятно, ближе к более ранней части этого периода.

Из погр. 110 проанализирован состав вставки-«кабошона» в округлую бронзовую накладку с поясом псевдозерни (оп. Б. 2179/300). Диаметр – 1,3 см. (рис. 1: 3; табл. 1: 3; 2: 3; 3: 3). Вставка бесцветная прозрачная, закреплена в кольцевидном касте при помощи мастики. Аналогичный предмет происходит из Западного Кугульского склепа № 3, датированного А. П. Руничем VI–VII вв. (Рунич, 1979. С. 246. Рис. 6: 9, 11).

Из кремационного погр. 2 могильника Балка Инал 4, расположенного в балке, примыкающей с севера к Хумаринскому городищу (с. Хумара Карачаевского района Карачаево-Черкесской Республики, раскопки Средневековой северокавказской археологической экспедиции Государственного исторического музея под руководством А. А. Кадиевой, 2013 г., материалы хранятся в фондах ГИМ), для анализа выбрана овальная вставка в металлический предмет (рис. 1: 4; табл. 1: 4; 2: 4; 3: 4) (оп. Б. 2123/52). Вставка прозрачная, желтовато-коричневого цвета, в виде кабошона, размером $1,1 \times 0,93$ см. Погребение было уничтожено современными грабителями, в руки археологов попали лишь отдельные фрагменты золотых украшений, покрытых зернью и сканью. Погребение датируется втор. пол. VII – началом VIII в.

Проанализированный фрагмент выдувного сосуда прозрачного стекла с натуральным голубоватым оттенком, происходящий из слоя могильника Заюково-3 (оп. Б. 2179/377), декорирован шлифованным линейным орнаментом (рис. 1: 5; табл. 1: 5; 2: 5; 3: 5). Поскольку могильник является многослойным памятником, в почвенном слое между погребениями имеются многочисленные следы тризн, а также разрушения древних погребений при захоронениях в более позднее время. Слой некрополя насыщен фрагментами керамики, а также отдельными находками, к которым относится и описанный выше фрагмент стеклянного сосуда.

Методика анализа

Материалы из Заюково и Инал балки 4 стали одними из первых, на которых в настоящее время нами отрабатывается методика комплексного изучения химического состава позднеантичного – раннесредневекового стекла, применяемая в ведущих мировых исследованиях. Исследование данных образцов проведено при помощи серии методов, позволяющих получить наиболее полную информацию как об основном составе стекла, так и о содержании следовых элементов. Такой подход дает возможность наиболее полно оценить как геохимические характеристики используемого сырья, так и практики его вторичной обработки (окрашивания, переработки вторсырья и т. п.).

Основной состав стекла изучался на сканирующем электронном микроскопе Carl Zeiss EVO LS 10, оснащенный энергодисперсионным рентгеноспектральным анализатором (Aztec X-Max Oxford Instruments) в ФГБНУ НИИ ГБ им. Гельмгольца (СЭМ-ЭДС (SEM-EDS)). Элементы в концентрациях $< 0,1\%$, а также те, содержания которых могут определяться данным методом со значительной погрешностью (сурьма, олово, сера, хлор и др.), определялись методами рентгеноспектрального (электронно-зондового) микроанализа (РСМА;

в англоязычной литературе – EPMA (electron probe microanalysis)) и LA-ICP-MS (масс-спектрометрия с лазерной абляцией и индуктивно-связанной плазмой). РСМА выполнялся на волново-дисперсионном микроанализаторе Camebax SX 50 на кафедре минералогии геологического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова. Методика анализа стекла методами СЭМ-ЭДС и РСМА была подробно описана ранее (Румянцева и др., 2018. С. 200, 201).

Масс-спектрометрия с лазерной абляцией и индуктивно-связанной плазмой (LA-ICP-MS) выполнялась на приборе ICP-MSNexION 300S (PerkinElmer), оснащенный приставкой LANWR213 (ESI), в ЦКП «Геоаналитик» (Институт геологии и геохимии УрО РАН, Екатеринбург). Для анализа использованы образцы, подготовленные для исследования неразрушающими методами (СЭМ-ЭДС, РСМА) (Румянцева и др., 2018). Операционные параметры приставки для ЛА: энергия лазерного излучения – 10,5–11,5 Дж/см², частота повторений импульсов – 10 Гц, диаметр кратера – 50 мкм, расход транспортирующего потока He – 400 мл/мин, время работы лазера – 50 с, время прогрева лазера перед измерением – 20 с. Операционные параметры ИСП-МС: расход пробоподающего потока Ar – 0,84 л/мин, мощность радиочастотного генератора – 1100 Вт, время задержки на массе – 10 мс, число циклов сканирования – 1, число реплик – 500. Длина соединительной трубки МС и ЛА – 1,5 м. Обработку результатов проводили в программе GLITTER V4.4. с использованием внутреннего стандарта SiO₂, в качестве внешнего стандарта использовали стандартное стекло NIST SRM 612 или 610, а также эталоны Corning Museum of Glass (Корнингский музей стекла, США) А, С и D, измеренные методом «взятия в вилку» через 10–12 измерений. Концентрации измеряли для следующих элементов: Si, P, Ti, V, Co, Ni, Cu, Zn, Ga, As, Rb, Sr, Y, Zr, Sn, Sb, Ba, La, Ce, Pr, Nd, Eu, Hf, Pb, Bi, Th.

Результаты

Анализ химического состава показал, что из стекла изготовлены четыре из пяти изученных образцов украшений. Одна из вставок, которая первоначально была определена как стеклянная, так как в ней были выявлены газово-жидкие включения, визуально напоминающие пузырьки воздуха, по данным анализа состава оказалась гранатовой. Она принадлежала полый шаровидной золотой подвеске из погр. 86 могильника Заюково-3 (Кадиева, Демиденко, в печати). Результат подтверждает ненадежность такого признака, как присутствие «пузырьков воздуха» (а также данных визуального осмотра в целом), при определении материала украшений. Он также в полной мере соответствует выводам, полученным ранее французскими специалистами, исследовавшими представительную серию украшений в стиле клуазоне из памятников эпохи Меровингов на территории Франции, ведущее место среди которых занимает королевский некрополь Сен-Дени. До начала эпохи Каролингов красное прозрачное стекло лишь в исключительных случаях использовалось для имитации гранатовых вставок на изделиях в данном стиле; они встречаются на украшениях средиземноморского происхождения или на вещах поздней части эпохи Меровингов, примерно со втор. пол. VII в. (*Calligaro et al.*,

2006–2007. Р. 111, 142). Вставка из граната в данной работе не рассматривается и будет опубликована отдельно.

Стекло, из которого изготовлены остальные четыре вставки и стенка сосуда, относится к химическому типу Na-Ca-Si, что характерно для изучаемой эпохи.

Стекло украшения из погр. 2 могильника Балка Инал 4 сварено на основе золы солончаковых растений-галофитов аридной зоны Востока (рис. 1: 4; табл. 1: 4). В изучаемый период зольное сырье использовалось стекловаренными центрами, расположенными к востоку от Евфрата. Высокое содержание калия (2,38 %¹) и особенно магния (4,42 %) сближает находку Балки Инал 4 со стеклом сасанидского Ирана синхронного периода (рис. 2), а также из сирийской Ракки раннеисламского времени, наследующей сасанидскую традицию стекловарения (*Henderson et al.*, 2004; *Freestone*, 2006. Fig. 2; *Rehren, Freestone*, 2015. Fig. 5). В качестве красителя использован оксид железа, при этом стекло предварительно не обесцвечивалось, на что указывают низкие концентрации сурьмы и марганца; последняя типична для зольного стекла, где источником марганца может являться зола растений (*Галибин*, 2001. С. 49).

В четырех случаях использовано стекло на основе природной соды, широко распространенное в Средиземноморье и Европе до конца VIII – IX в. н. э. (*Whitehouse*, 2002; *Shorland et al.*, 2006; *Phelps et al.*, 2016. Р. 65, 66). Высокое содержание стронция во всех образцах содового стекла (табл. 3: 1–3, 5) указывает на то, что источником кальция, который выполнял в стекле роль стабилизатора, в них являлись обломки раковин моллюсков, следовательно, в качестве сырья стеклоделы, вероятнее всего, использовали морской песок. В трех случаях – два украшения и стенка сосуда (рис. 1: 1, 3, 5; табл. 3: 1, 3, 5) – оно сочетается с низкой концентрацией циркония, что характерно для большинства средиземноморских, в первую очередь – сиро-палестинских, содовых стекол (*Freestone et al.*, 2000. Р. 73, 74; *Ganio et al.*, 2012. Р. 221; *Glass making...*, 2014). В одном случае (табл. 1: 2; 3: 2) высокая концентрация циркония в сочетании с повышенной, на фоне остальных образцов, концентрацией бария указывает на иное происхождение песка (*Freestone et al.*, 2000. Р. 74; 2005; и др.; подробнее см. ниже). В настоящее время большинством исследователей признается существование в исследуемый период времени централизованного стеклоделательного производства. Согласно данной модели его организации, стекло варилось в ограниченном числе крупных центров, откуда в виде полуфабрикатов – стекла-сырца – поступало в мастерские европейской части Римской империи, производившие из него готовые изделия (обзор литературы и ссылки см.: *Румянцева*, 2015). В зольном стекле высокое содержание стронция обусловлено, прежде всего, его присутствием в золе растений и связано в первую очередь с составом почвы, в которой они произрастают (*Freestone*, 2006. Р. 208).

В группе содового стекла наиболее интересен материал, из которого изготовлена вставка, происходящая из погр. 110 могильника Заюково-3 (рис. 1: 3; табл. 1: 3; 2: 3; 3: 3). Это абсолютно бесцветное прозрачное стекло высокого качества, изготовленное на чистом от нежелательных примесей песке и обесцве-

¹ В тексте все содержания приведены в весовых процентах оксидов или элементов.

Рис. 2. Химический состав стекла из Заюково-3, изготовленного на основе золы солончаковых растений (1), и ближневосточного стекла различного состава (2–4, по: Freestone, 2006. Fig. 2)

1 – стекло из Заюково-3; 2 – византийское с низким содержанием калия и магния (на основе соды); с высоким содержанием калия и магния (на основе золы солончаковых растений); 3 – сасанидское; 4 – раннеисламское

ченное сурьмой. Подобное стекло, относящееся к группе 4 – по системе Д. Фуа и др. (Foy *et al.*, 2000; 2004), отличается высоким содержанием натрия при низких концентрациях кальция, алюминия, железа и титана. В первые века нашей эры оно часто использовалось для изготовления престижной посуды, включая изделия со шлифованным декором и диатреты (Jackson, 2005; Jackson, Paynter, 2016). Точное происхождение стекла группы 4 не установлено; исследователи связывают его с центрами Сиро-Палестинского региона или Египта, при этом версия о египетском происхождении в настоящее время представляется более обоснованной (Foy *et al.*, 2000; 2004; Thirion-Merle, Vichy, 2007; Gaudio *et al.*, 2012; Rosenow, Rehren, 2014. P. 179, 180, 182; Schibille *et al.*, 2017. P. 1237). Песок, на основе которого могло бы производиться стекло близкого (хотя и не полностью идентичного, судя по данным экспериментальных исследований) состава, был выявлен на побережье Юго-Восточной Италии; стекловаренные центры римского времени здесь, однако, пока неизвестны (Glass making..., 2014. P. 83, 115, 116).

Состав вставки из погр. 110 м-ка Заюково-3, обесцвеченной сурьмой, очень близок опубликованным данным о стекле группы 4 не только по основному составу, но и по содержанию следовых элементов (табл. 3: 3), являющихся геохимическими характеристиками песка и считающихся наиболее чувствительными маркерами источников сырья стеклоделов, варивших стекло на основе природной соды, – лантана (La), бария (Ba), рубидия (Rb), стронция (Sr), неодима (Nd), свинца (Pb), циркония (Zr), иттрия (Y), галлия (Ga) и церия (Ce) (*Silvestri et al.*, 2008. Tabl. 1; 3. Groups CL 1/1; *Foster, Jackson*, 2010. P. 3071. Appendix 2 (group 1); *Ganio et al.*, 2012. Tabl. 3) (рис. 3: А). Графически оно отражено на диаграмме, где содержание перечисленных элементов в стекле вставки из Заюково сопоставлено с их средним содержанием в близком по составу материале с судна «Юлия Феликс», затонувшего в водах Адриатического моря (недалеко от побережья Северной Италии, у г. Градо) в перв. пол. III в. н. э., среди грузов которого была наполненная стеклобоя бочка (*Silvestri et al.*, 2008). Для построения диаграммы содержания элементов в стекле были нормированы к их среднему содержанию в земной коре (по: *Wedepohl*, 1995), что позволяет, выявив аномальные содержания некоторых из них в изучаемом материале, более наглядно представить полученные результаты (*Freestone et al.*, 2000. P. 73; *Glass making...*, 2014. P. 80). Судя по диаграмме, отличие фиксируется только в среднем содержании церия у образца из Заюково и группы стекла CL 1/1, по А. Сильвестри и др. (*Silvestri et al.*, 2008. Tabl. 1), однако нужно учитывать, что речь в данном случае идет о единичном образце. В привлекаемой для сравнения выборке также встречаются образцы с аналогичным содержанием церия, более низким по сравнению со средним содержанием в группе (*Ibid.* Tabl. 3).

Примечательно, что верхняя хронологическая граница *широкого* распространения стекла группы 4 определяется перв. половиной/серединой IV в., при этом его объемы начинают заметно сокращаться уже в конце III – начале IV в. (*Foster, Jackson*, 2010. P. 3071; *Paynter, Jackson*, 2016. P. 40; *Jackson, Paynter*, 2016. P. 81; *Stamencović et al.*, 2017. P. 219). Примеры его наиболее позднего использования зафиксированы на сегодня в Восточной Европе в ареале черняховской культуры: из него изготовлены поздние типы шлифованных кубков финала римского времени – начала эпохи Великого переселения народов (*Rumyantseva, Belikov*, 2017). Однако к моменту совершения захоронения 110 на могильнике Заюково-3, датируемого не ранее VI в., стекло данной группы уже вышло из употребления. В литературе небольшие концентрации сурьмы в стекле, датирующемся временем после IV в., рассматриваются как свидетельства вторичного использования более раннего материала, содержащего данный элемент (*Paynter, Jackson*, 2016. P. 41). Это объяснение – использование для вставки стекла более раннего периода – представляется наиболее вероятным и в данном случае. Практика сбора стеклобоя была широко распространена как в римское время, так и позже, вплоть до эпохи развитого Средневековья. При этом его скопления, встречающиеся при археологических раскопках и предназначенные, как считается, для вторичной переработки, нередко содержат фрагменты более ранних (по сравнению с основной массой составляющих их находок) изделий (ссылки по теме см.: *Румянцева*, 2016).

Рис. 3. Содержание следовых элементов в содовом стекле изучаемой выборки и некоторых образцах из Средиземноморского региона, нормированное к земной коре. Нормирование по: (Wedepohl, 1995)

А – образец Кад-5 и средиземноморское стекло, обесцвеченное сурьмой; Б – образцы Кад-2, Кад-7 и стекло из сиро-палестинских стекловаренных центров; В – образцы стекла на основе природной соды (Кад-2, 4, 5 и 7); Г – образец Кад-4 и пример стекла группы НИМТ

1 – Юлия Феликс, группа CL1/1 (Градо, север Адриатического моря, воды Италии); 2 – Кад-5; 3 – Бет Элизер, группа левантийская II (сиро-палестинское побережье); 4 – Аполлония, группа левантийская I (сиро-палестинское побережье); 5 – Кад-7; 6 – Кад-2; 7 – Кад-4; 8 – Аквилея, группа AQ/1b (НИМТ)

1 – по: *Silvestri et al.*, 2008. P. 337. Tabl. 3; 3, 4 – по: *Freestone et al.*, 2000. Tabl. 3; 8 – по: *Gallo et al.*, 2014. P. 15. Tabl. 4

Две вставки коричневатого-фиолетового прозрачного стекла из погр. 86 м-ка Заюково-3 (рис. 1: 2, 3; табл. 1: 1, 2; 2: 1, 2; 3: 1, 2) окрашены при помощи марганца (Галибин, 2001. С. 38).

Одна из них (рис. 1: 1; табл. 1: 1) соответствует по составу стеклу серии 3.2, по системе Д. Фуа и др. (Foy *et al.*, 2003)². На сегодня стекло подобного состава датируется IV–VI вв. – по материалам Южной Франции, Британии, Италии и Балкан (Cholakova, Rehren, 2018. P. 61. Tabl. 3.2). Хронология группы, таким образом, хорошо согласуется с датой погребения, полученной на основе погребального инвентаря, – втор. пол. V – перв. пол. VI в. Происхождение стекла данной группы предположительно определяется исследователями как сиропалестинское или, что более вероятно, египетское (Foy *et al.*, 2003; Cholakova *et al.*, 2016; Cholakova, Rehren, 2018).

Соотношение следовых элементов подтверждает, что по геохимическим характеристикам сырья образец из Заюково действительно близок как стеклу сиропалестинского происхождения, так и стеклу, обесцвеченному сурьмой, которые, в свою очередь, близки между собой по содержанию микропримесей. Последнее, однако, отличается более низким содержанием бария (рис. 3: Б, В; подробнее см. ниже).

Вторая вставка из погр. 86 (табл. 1: 2; 2: 2; 3: 2) соответствует по основному составу стеклу группы НИМТ (High Iron, Manganese, Titanium) и наиболее близка подгруппе НИМТ 1, выделенной на основании материалов римской Британии (Foster, Jackson, 2009). Данная атрибуция подтверждается и содержанием следовых элементов – от стекла прочих групп (в т. ч. образцов, представленных в данной публикации) его отличают не только высокие концентрации циркония и бария, считающиеся характерным признаком НИМТ, но и более высокое содержание титана (Freestone *et al.*, 2000. P. 74. Fig. 9: 4; 2005; 2018) (рис. 3: В). Место производства стекла группы НИМТ не изучено археологически, однако комплекс данных об элементном и изотопном составе позволяет предполагать, что оно происходит из Юго-Восточного Средиземноморья – из Северного Египта или, скорее, Северного Синая (Freestone *et al.*, 2005; Nenna, 2014. P. 188). Время распространения группы НИМТ приходится на IV (вероятно, начиная с середины столетия) – V вв. (Foy *et al.*, 2003. P. 46 (группа 1); Foster, Jackson, 2009. P. 194, НИМТ-1; Freestone *et al.*, 2018)³, хорошо соотносясь с датой комплекса на основе погребального инвентаря – втор. пол. V – перв. пол. VI в.; при этом и металлические находки из этого захоронения, и состав стекла вставки указывают на его более вероятную принадлежность к ранней части данного периода. Содержание

² Стекло подобного состава на материалах Британии определялось также как подгруппа НИМТ-2 (Foster, Jackson, 2009), однако, судя по содержанию следовых элементов, стекло группы НИМТ и серии 3.2 имеют разное происхождение (см. также сн. 3).

³ Ранее верхняя хронологическая граница распространения стекла НИМТ определялась VII в. (Nenna, 2014. P. 186, 190), однако на современном этапе исследований обосновано, что некоторые серии стекла, которые ранее включались в состав группы НИМТ, не связаны с ней происхождением и теперь рассматриваются отдельно. Это обстоятельство позволило пересмотреть и хронологию группы (Cholakova *et al.*, 2016; Freestone *et al.*, 2018, там же см. ссылки на литературу).

следовых элементов в стекле вставки отличается от прочих образцов изучаемой выборки и близко их содержанию в стекле НІМТ (рис. 3: В, Г); различия в концентрациях галлия и бария обусловлены тем, что анализируется единичный образец, а разнородное содержание последнего в целом является отличительным признаком группы (*Freestone et al.*, 2005).

Стекло стенки выдувного сосуда с прошлифованным линейным декором из слоя м-ка Заюково-3 (рис. 1: 5; табл. 1: 5; 2: 5; 3: 5), судя по содержанию элементов, характеризующих основное сырье, в целом занимает пограничное положение между группами т. н. римского зелено-голубого стекла I–III / перв. пол. IV в. (*Foster, Jackson*, 2009) и левантийской I, получившей широкое распространение в Средиземноморском регионе и Европе в IV–VII вв. н. э. (*Freestone et al.*, 2000; *Freestone*, 2005; 2006; обзор на русском языке см.: *Румянцева*, 2015). Низкая (менее 7 %) концентрация кальция сближает его с более ранним римским стеклом, а высокое содержание алюминия (более 2,7 %) – с левантийской I группой IV–VII вв. (см.: *Freestone et al.*, 2000; 2015; *Schibille et al.*, 2017). Изделие имеет голубоватый оттенок, характерный для данных групп. Считается, что стекло подобного состава производилось на основе легендарного песка из устья реки Бел, упоминаемого античными авторами как место добычи сырья для стеклоделательного производства (*Brill*, 1988; *Галибин*, 2001. С. 7; *Freestone et al.*, 2000; *Glass making...*, 2014. Р. 15–17). Большая часть римского зелено-голубого стекла, судя по комплексу данных элементного и изотопного состава, также происходит из стекловаренных центров Сиро-Палестинского региона. Содержание следовых элементов, характеризующих состав песка, в исследуемом образце (табл. 3: 5) близко тому, что зафиксировано в продукции стекловаренных центров сиропалестинского региона византийского и раннеисламского времени – Аполлонии и Бет Элизере (рис. 3, Б) (*Freestone et al.*, 2000. Tabl. 3), подтверждая геологическую близость источников песка и, следовательно, общий регион производства стекла. Исследуемый образец не содержит намеренно введенного обесцвечивателя; невысокая (0,18 % MnO) концентрация марганца свидетельствует, скорее, о применении в производстве некоторой доли обесцвеченного стеклобоя (см.: *Jackson*, 2005; *Glass making...*, 2014. Р. 38). На это же может указывать и повышенное (для содового стекла) содержание фосфора (табл. 2: 5), за счет более длительного влияния на стекло атмосферы печи (*Schibille et al.*, 2012).

В прочих образцах содового стекла признаки применения в производстве стеклобоя, обычно хорошо выделяющиеся на основе данных LA-ICP-MS, не зафиксированы. К ним традиционно относят: наличие в составе стекла одновременно двух обесцвечивателей – марганца (в концентрации от 0,1 %) и сурьмы (по разным данным – более 30 или более 100 ppm) (*Glass making...*, 2014. Р. 38; 106; *Jackson, Foster*, 2014. Р. 10); микроконцентрации ряда других элементов, которые использовались как технологические добавки и содержались, в первую очередь, в красителях; считается, что они попадали в стекло с неидеально отсортированным стеклобоем, содержащим, в частности, декоративные элементы цветного стекла и т. п. – кобальта, меди, олова, цинка и свинца (и в меньшей степени – олова) (обычно – от 100 ppm; по другим данным, для меди – более 89 ppm Cu, для свинца – более 200 ppm Pb (*Jackson, Foster*, 2014. Р. 10)); слегка повышенные концентрации калия и фосфора за счет более длительного пребывания в печи

(и попадания в него частичек топливной золы) и некоторые другие (Freestone, 2015; Paynter, Jackson, 2016; там же см. ссылки на литературу). Отсутствие явных признаков присутствия стеклобоя в изучаемом стекле не является, однако, однозначным подтверждением того, что данная практика не применялась мастерами: стеклобой или тщательно сортировали, или его количество было незначительным; не исключено также, что смешивалось стекло однородного состава, не имевшее цветных декоративных элементов и т. д. Учитывая малый размер вставок, можно предположить, что для изготовления нескольких изделий мастера могли использовать очень небольшие объемы – один или несколько осколков однородного по составу стекла.

Итоги

Размер изученной выборки крайне мал и позволяет сделать лишь некоторые предварительные выводы, которые сводятся к следующему. К населению изучаемого региона поступали изделия, изготовленные из стекла, выполненного в двух традициях: содового, происхождение которого связано со Средиземноморьем, и зольного, сваренного на золе растений-галофитов, изготовленного на территории к востоку от Евфрата – возможно, в сасанидском Иране. При этом содовое стекло связано с горизонтом втор. пол. V – VI в. в Заюково-3, а единственная находка, выполненная из стекла зольного, – с более поздним погребением м-ка Балка Инал 4 VII–VIII вв. Безусловно, на сегодня речь идет о частных случаях, однако в целом наличие стекла, изготовленного в различных производственных традициях, позволяет говорить о разных направлениях культурных связей местного населения, которые подтверждаются на прочих материалах.

Состав содового стекла позволяет увязывать его происхождение с центрами, расположенными, вероятнее всего, в Сиро-Палестинском регионе и Египте. Выявленные различия в составе образцов позволяют утверждать, что оно сварено в нескольких крупных центрах, на песке, имеющем разный состав. Наличие широкого круга аналогий выявленным составам на территории Западной и Центральной Европы свидетельствует, что данное стекло было предметом массового импорта в европейские провинции Римской империи, очевидно, в виде полуфабрикатов (стекла-сырца). Данные по основному составу подтверждаются содержанием следовых элементов (рис. 3). Два образца (одна из вставок и стенка сосуда) (табл. 3: 1, 5) по содержанию последних близки как между собой (рис. 3: В), так и стеклу из сиро-палестинских стекловаренных центров (рис. 3: Б); один образец (табл. 3: 3), предположительно восточносредиземноморского или египетского стекла, отличается от них более низким содержанием бария (рис. 3: В)⁴; один

⁴ Стекла сиро-палестинского региона и береговой части Северного Египта могут характеризовать близкие содержания следовых элементов: у берегов Средиземного моря, между дельтой Нила и г. Акко, доминируют осадочные отложения, приносимые течением Нила, которые оказывают решающее влияние на состав песков региона. В ряде случаев, однако, стекло на основе египетского (неберегового) песка (Телль-эль-Ашмунейн; группа NIMT) существенно отличается от левантийского (Freestone, 2006).

образец (табл. 3: 2) с более высокими концентрациями титана, бария и циркония (рис. 3: В, Г) близок группе, происхождение которой увязывается с Северным Египтом или Синаем. Это не дает, однако, оснований говорить о происхождении самих изучаемых изделий из Восточного или Юго-Восточного Средиземноморья. Вероятно, они изготовлены из привозного стекла, бывшего в рассматриваемый период предметом торговли на дальние расстояния.

Наличие в украшении из погр. 110 стеклянной вставки, выполненной из самого высококачественного стекла римского времени, к моменту его совершения давно вышедшего из употребления, говорит, с одной стороны, о вторичном использовании данного стекла, с другой – возможно, о намеренном отборе материала определенного качества, который вряд ли был легко доступен на изучаемой территории. В перспективе полученная информация может быть важна при определении возможных зон производства изделий со стеклянными вставками для населения изучаемого региона.

Разница в основном составе стекла вставок из разных украшений погр. 86 м-ка Заюково-3 позволяет предположить либо случайный характер использовавшегося при изготовлении вставок сырья (в частности, сбор и использование мастерами для этих целей стеклобоя), либо разное происхождение самих украшений: комплект их в этом случае мог подбираться непосредственно «конечными» потребителями, с учетом цветового сочетания гранатовых вставок в подвеске с оттенками стекла на пряжке и не дошедшем до нас украшении.

ЛИТЕРАТУРА

- Амброз А. К., 1989. Хронология древностей Северного Кавказа V–VII вв. М.: Наука. 134 с., илл.
- Габуев Т. А., 2014. Аланские княжеские курганы V в. н. э. у села Брут в Северной Осетии. Владикавказ: Изд.-полиграф. предприятие им. В. А. Гассиева. 184 с., 68 с. 67 рис.
- Галибин В. А., 2001. Состав стекла как археологический источник. СПб.: Петербургское востоковедение. 216 с.
- Кадиева А. А., Демиденко С. В. Раскопки могильника Заюково-3 (Баксанский район Кабардино-Балкарской Республики) в 2017 г. // АО 2017. (В печати.)
- Румянцева О. С., 2015. Стекло I тыс. н. э.: происхождение и распространение по данным химического состава и изотопного анализа // КСИА. Вып. 237. С. 20–49.
- Румянцева О. С., 2016. Литое стекло с поселения черняховской культуры Комаров: престижная посуда или сырье стеклоделательной мастерской? // КСИА. Вып. 245. Ч. 1. С. 203–218.
- Румянцева О. С., Трифонов А. А., Ханин Д. А., 2018. Химический состав стекла эмалевых вставок и бус // Брянский клад украшений с выемчатой эмалью восточноевропейского стиля (III в. н. э.) / Отв. ред. А. М. Обломский. М.: ИА РАН; Вологда: Древности Севера. С. 199–220. (РСМ; вып. 18.)
- Рунич А. П., 1976. Захоронение вождя эпохи раннего средневековья в Кисловодской котловине // СА. № 3. 256–267.
- Рунич А. П., 1979. Раннесредневековые склепы Пятигорья // СА. № 4. С. 232–247.
- Brill R. H., 1988. Scientific Investigations of the Jalame Glass and Related Finds // Weinberg G. D. Excavations at Jalame: Site of a Glass Factory in Late Roman Palestine. Columbia: University of Missouri. P. 257–294.
- Calligaro T., Perin P., Vallet F., Poirot J.-P., 2006–2007. Contribution à l'étude des grenats mérovingiens (Basilique de Saint-Denis et autres collections du musée d'Archéologie nationale, diverses collections publiques et objets de fouilles récentes). Nouvelles analyses gemmologiques et géophysiques effectuées au Centre de Recherche et de restauration des musées de France // Antiquités Nationales. Vol. 38. P. 111–144.

- Cholakova A., Rehren T.*, 2018. A Late Antique manganese-decolourised glass composition: Interpreting patterns and mechanisms of distribution // *Things that Travelled: Mediterranean Glass in the First Millennium CE* / Eds.: D. Rosenow et al. London: UCL Press. P. 46–71.
- Cholakova A., Rehren T., Freestone I. C.*, 2016. Compositional identification of 6th c. AD glass from the Lower Danube // *JAS: Reports*. Vol. 7. P. 625–632.
- Foster H. E., Jackson C. M.*, 2009. The composition of «naturally coloured» late Roman vessel glass from Britain and the implications for models of glass production and supply // *JAS*. Vol. 36. Iss. 2. P. 189–204.
- Foster H. E., Jackson C. M.*, 2010. The composition of late Romano-British colourless vessel glass: glass production and consumption // *JAS*. Vol. 37. Iss. 12. P. 3068–3080.
- Foy D., Picon M., Vichy M., Thirion-Merle V.*, 2003. Caractérisation des verres de la fin de l'Antiquité en Méditerranée occidentale: l'émergence de nouveaux courants commerciaux // *Échanges et commerce du verre dans le monde antique. Actes du colloque de l'Accociation Française pour l'Archéologie du Verre, Aix-en-Provence et Marseille, 7–9 juin 2001* / Eds.: D. Foy, M.-D. Nenna. Montagnac: Éditions Monique Mergoil. P. 41–85.
- Foy D., Thirion-Merle V., Vichy M.*, 2004. Contribution à l'étude des verres antiques décolorés à l'antimoine // *Revue d'Archéométrie*. Vol. 28. P. 169–177.
- Foy D., Vichy M., Picon M.*, 2000. Les matières premières du verre et la question des produits semi-finis. Antiquité et Moyen Age // *Arts du feu et productions artisanales. XXe Rencontres internationales d'Archéologie et d'Histoire d'Antibes (21–23 octobre 1999)* ed. Antibes: APDCA. P. 419–433.
- Freestone I. C.*, 2005. The Provenance of Ancient Glass through Compositional Analysis // *Materials Research Society Symposium Proceedings*. 852: *Materials Issues in Art and Archaeology VII*. Warrendale: Cambridge University Press. P. 008.1.1–008.1.13.
- Freestone I. C.*, 2006. Glass production in Late Antiquity and the Early Islamic period: a geochemical perspective // *Geomaterials in Cultural Heritage* / Eds.: M. Maggetti, M. Messiga, London: Geological Society. P. 201–216. (Special Publication / Geological Society of London; vol. 257.)
- Freestone I. C.*, 2015. The Recycling and Reuse of Roman Glass: Analytical Approaches // *Journal of Glass Studies*. Vol. 57. P. 29–40.
- Freestone I. C., Degryse P., Lankton J., Gratuze B., Schneider J.*, 2018. HIMT glass composition and commodity branding in the primary glass industry // *Things that Travelled: Mediterranean Glass in the First Millennium CE* / Eds.: D. Rosenow, M. Phelps, A. Meek, I. Freestone. London: UCL Press. P. 159–190.
- Freestone I. C., Gorin-Rosen Y., Hughes M. J.*, 2000. Composition of primary glass from Israel // *La route du verre: Ateliers primaires et secondaires de verriers du second millinaire av. J.-C. au Moyen-Age* / Ed. M.-D. Nenna. Lyon: Maison de l'Orient Méditerranéen. P. 65–84. (Travaux de la Maison de l'Orient Méditerranéen; 33.)
- Freestone I. C., Wolf S., Thirlwall M.*, 2005. The production of HIMT glass: Elemental and Isotopic evidence // *Annales du 16e Congrès de l'Association Internationale pour l'Histoire du Verre* (London, 2003). Nottingham: AIHV. P. 153–157.
- Freestone I., Gutjahr M., Kunicki-Goldfinger J., McDonald I., Pike A.*, 2015. Composition, Technology and Origin of the Glass from the Workshop at 35 Basinghall Street // *Glass working on the margins of Roman London: Excavations at 35 Basinghall Street, City of London, 2005* / Ed. A. Wardle et al. London: Museum of London Archaeology. P. 75–90. (MOLA monograph; 70.)
- Gallo F., Marcante A., Silvestri A., Molin G.*, 2014. The glass of the «Casa delle Bestie Ferite»: a first systematic archaeometric study on Late Roman vessels from Aquileia // *JAS*. Vol. 41. P. 7–20.
- Ganio M., Boyen S., Brems D., Scott R., Foy D., Latruwe K., Molin G., Silvestri A., Vanhaecke F., Degryse P.*, 2012. Trade routes across Mediterranean: a Sr/Nd isotopic investigation on Roman colourless glass // *Glass Technology: European Journal of Glass Science Technology. Part A*. Vol. 53. No. 5. P. 217–224.
- Glass Making in the Greco-Roman World* / Ed. P. Degryse. Leuven: Leuven University Press, 2014. 189 p. (Studies in Archaeological Sciences; 4.)
- Henderson J., McLoughlin S. D., McPhail D. S.*, 2004. Radical changes in Islamic glass technology: evidence for conservatism and experimentation with new glass recipes from early and middle Islamic Raqqa, Syria // *Archaeometry*. Vol. 46. Iss. 3. P. 439–468.

- Jackson C. M.*, 2005. Making colourless glass in the Roman period // *Archaeometry*. Vol. 47. Iss. 4. P. 763–780.
- Jackson C., Foster H.*, 2014. The last Roman glass in Britain: recycling at the periphery of the empire // *Neighbours and successors of Rome. Traditions of glass production and use in Europe and the Middle East in the later 1st millennium AD* / Eds.: D. Keller, J. Price, C. Jackson. Oxford; Philadelphia: Oxbow Books. P. 6–14.
- Jackson C., Paynter S.*, 2016. A great big melting pot: Exploring patterns of glass supply, consumption and recycling in Roman Coppergate, York // *Archaeometry*. Vol. 58. Iss. 1. P. 68–95.
- Nenna M.-D.*, 2014. Egyptian glass abroad: HIMT glass and its markets // *Neighbours and successors of Rome: traditions of glass production and use in Europe and the Middle East in the later 1st millennium AD* / Eds.: D. Keller, J. Price, C. Jackson. Oxford; Philadelphia: Oxbow Books. P. 177–193.
- Paynter S., Jackson C.*, 2016. Re-used Roman rubbish: a thousand years of recycling glass // *European journal of Post-Classical Archaeologies*. 6. P. 31–51.
- Phelps M., Freestone I. C., Gorin-Rosen Y., Gratuze B.*, 2016. Natron glass production and supply in the late antique and early medieval Near East: The effect of the Byzantine-Islamic transition // *JAS*. Vol. 75. P. 57–71.
- Rehren Th., Freestone I. C.*, 2015. Ancient glass: from kaleidoscope to crystal ball // *JAS*. Vol. 56. P. 233–241.
- Rosenow D., Rehren Th.*, 2014. Herding cats – Roman to Late Antique glass groups from Budastis, northern Egypt // *JAS*. Vol. 49. P. 170–184.
- Rumyantseva O. S., Belikov K. N.*, 2017. A Late Roman Glass Workshop at Komarov (Middle Dniester) and the Problem of the Origin of «Barbarian» Facet Cut Beakers // *Annales du 20e Congrès de l'Association Internationale pour l'Histoire du Verre* / Eds.: S. Wolf, A. de Pury-Gysel. Romont: Verlag Marie Leidorf GmbH, 2017. P. 257–264.
- Schibille N., Degryse P., Corremans M., Specht C. G.*, 2012. Chemical Characterisation of Glass Mosaic Tesserae from Sixth-Century Sagalassos (South-West Turkey): Chronology and Production Techniques // *JAS*. Vol. 39 (5). P. 1480–1492.
- Schibille N., Sterrett-Krause A., Freestone I. C.*, 2017. Glass groups, glass supply and recycling in late Roman Carthage // *Archaeological and Anthropological Sciences*. Vol. 9. Iss 6. P. 1223–1241.
- Shortland A., Schachner L., Freestone I. C., Tite M. S.*, 2006. Natron as a flux in the early vitreous materials industry: sources, beginnings and reasons for decline // *JAS*. Vol. 33. Iss. 4. P. 521–530.
- Silvestri A., Molin G., Salviulo G.*, 2008. The colourless glass of Iulia Felix // *JAS*. Vol. 35. Iss. 2. P. 331–341.
- Stamencović S., Greiff S., Hartmann S.*, 2017. Late Roman glass workshop from Mala Kopašnica – forms and chemical analysis // *Annales du 20e Congrès de l'Association Internationale pour l'Histoire du Verre* / Eds.: S. Wolf, A. de Pury-Gysel. Romont: Verlag Marie Leidorf GmbH. P. 213–221.
- Thirion-Merle V., Vichy M.*, 2007. Annexe: Note sur la composition chimique des verres de l'épave des Embiez // *Fontaine S., Foy D. L'épave Ouest-Embiez 1, Var, le commerce maritime du verre brut et manufacturé en Méditerranée occidentale dans l'Antiquité* // *Revue archéologique de la Narbonnaise*. Vol. 40. P. 266–268.
- Wedepohl K. H.*, 1995. The composition of the continental crust // *Geochimica et Cosmochimica Acta*. Vol. 59. Iss. 7. P. 1217–1232.
- Whitehouse D.*, 2002. The transition from natron to plant ash in the Levant // *Journal of Glass Studies*. Vol. 44. P. 193–196.

Сведения об авторах

Румянцева Ольга Сергеевна, Институт археологии РАН, Москва, ул. Д. Ульянова, 19, Москва, 117036, Россия; e-mail: o.roumiantseva@mail.ru;

Кадиева Анна Анатольевна, Государственный исторический музей, Красная пл., д. 1, Москва, 109012, Россия; e-mail: adelgeida85@mail.ru;

Демиденко Сергей Викторович, Институт археологии РАН, ул. Д. Ульянова, 19, Москва, 117036, Россия; e-mail: svdemidenko@hotmail.com;

Ханин Дмитрий Александрович, МГУ им. М. В. Ломоносова, ГСП-1, Ленинские горы, 1, Москва, 119991; Институт экспериментальной минералогии РАН, ул. Академика Осипьяна, 4, г. Черноголовка, 142432, Московская область, Россия; e-mail: mamontenok49@yandex.ru;

Червяковская Мария Владимировна, Институт геологии и геохимии УрО РАН, ул. Академика Вонсовского, 15, Екатеринбург, 620016; Россия; e-mail: zaitseva.mv1991@gmail.com;

Трифонов Александр Андреевич, Компания «ОПТЭК», Денисовский пер., 26, Москва, 105005, Россия; e-mail: blast_88@mail.ru

O. S. Rumyantseva, A. A. Kadieva, S. V. Demidenko,
D. A. Khanin, M. V. Chervyakovskaya, A. A. Trifonov

GLASS FINDS FROM THE EARLY MEDIEVAL CEMETERIES
IN THE MOUNTAINOUS AREAS
OF THE NORTH CAUCASUS CENTRAL REGIONS:
CHEMICAL COMPOSITION AND ORIGIN

Abstract. The paper explores the chemical composition of a series of glass items originating from the early medieval cemeteries discovered in the North Caucasus central regions (second half of the 5th–8th centuries). The glass was analyzed by SEM-EDS, EPMA, LA-ICP-MS methods. The glass of one item was made of plant ash glass, originated from a region east of the Euphrates (possibly, Sasanian Iran); other items were made from natron glass and, most likely, came from the Eastern and Southeastern Mediterranean. Their composition is similar to the glass of the groups well-known in the Roman Empire during the same period and earlier (HIMT, Foy 3.2; Foy 4, Roman blue-green, Levantine I groups). Some aspects of the chemical composition suggest that the accidental choice of the glass used in making inserts and/or about different origin of the items with inserts.

Keywords: North Caucasus, early medieval period, glass, chemical composition, origin, SEM-EDS, EPMA, LA-ICP-MS.

REFERENCES

- Ambroz A. K., 1989. Khronologiya drevnostey Severnogo Kavkaza V–VII vv. [Chronology of antiquities of North Caucasus of V–VII cc.]. Moscow: Nauka. 134 p., ill.
- Gabuyev T. A., 2014. Alanskiye knyazheskiye kurgany V v. n. e. u sela Brut v Severnoy Osetii [Alanic princely kurgans of V c. AD near village Brut in North Ossetia]. Vladikavkaz: Izdatel'sko-poligraficheskoye predpriyatiye im. V. A. Gassiyeva. 184 p., 68 p. ill.
- Galibin V. A., 2001. Sostav stekla kak arkhologicheskii istochnik [Composition of glass as archaeological source]. St. Petersburg: Peterburgskoye vostokovedeniye. 216 p.
- Kadiyeva A. A., Demidenko S. V. Raskopki mogil'nika Zayukovo-3 (Baksanskiy rayon Kabardino-Balkarskoy respubliki) v 2017 g. [Excavations of cemetery Zayukovo-3 (Baksan district, Republic of Kabardino-Balkaria) in 2017]. *AO 2017*. (In print.)
- Rumyantseva O. S., 2015. Steklo I tys. n. e.: proiskhozhdeniye i rasprostraneniye po dannym khimicheskogo sostava i izotopnogo analiza [Glass in the I millennium AD: composition, origin and distribution]. *KSIA*, 237, pp. 20–49.
- Rumyantseva O. S., 2016. Litoye steklo s poseleniya chernyakhovskoy kul'tury Komarov: prestizhnaya posuda ili syr'ye steklodatel'noy masterskoy? [Cast glass from the Chernyakhov culture settlement

of Komarov: prestigious vessels or raw materials for a glass workshop?]. *KSLA*, 245, part I, pp. 203–218.

Rumyantseva O. S., Trifonov A. A., Khanin D. A., 2018. Khimicheskiy sostav stekla emalevykh vstavok i bus [Chemical composition of glass of enamels and beads]. *Bryanskiy klad ukrasheniy s vyemchatoy emal'yu vostochnoyevropeyskogo stilya (III v. n. e.) [Bryansk hoard of ornaments with champlevé enamel of East European style (III c. AD)]*. A. M. Oblomskiy, ed. Moscow: IA RAN; Vologda: Drevnosti Severa, pp. 199–220. (RSM, 18.)

Runich A. P., 1976. Zakhoroneniye vozhdya epokhi rannego srednevekov'ya v Kislovodskoy kotlovinе [Chieftain's burial of early Middle Ages in Kislovodsk basin]. *SA*, 3, pp. 256–267.

Runich A. P., 1979. Rannesrednevekovyye sklepy Pyatigor'ya [Early mediaeval burial vaults in Pyatigor'ye]. *SA*, 4, pp. 232–247.

About the authors

Rumyantseva Ol'ga S., Institute of Archaeology Russian Academy of Sciences, ul. Dm. Ulyanova, 19, Moscow, 117036, Russian Federation; e-mail: o.roumiantseva@mail.ru;

Kadieva Anna A., The State History Museum, Krasnaya pl. 1, Moscow, 109012, Russian Federation; e-mail: adelgeida85@mail.ru;

Demidenko Sergey V., Institute of Archaeology Russian Academy of Sciences, ul. Dm. Ulyanova, 19, Moscow, 117036, Russian Federation; e-mail: svdemidenko@hotmail.com;

Khanin Dmitriy A., Lomonosov Moscow State University, GSP-1, Leninskiye gory, 1, Moscow, 119991; Institute of Experimental Mineralogy Russian Academy of Sciences, ul. Akademika Osypkina, 4, Chernogolovka, 142432, Moscow region, Russian Federation; e-mail: mamontenok49@yandex.ru;

Chervyakovskaya Mariya V., The Zavaritsky Institute of Geology and Geochemistry of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, ul. Akademika Vonsovskogo, 15, Ekaterinburg, 620016, Russian Federation; e-mail: zaitseva.mv1991@gmail.com;

Trifonov Alexander A., OPTEC Group, Denisovskiy per., 26, Moscow, 105005, Russian Federation; e-mail: blast_88@mail.ru

МАТЕРИАЛЫ КРУГЛОГО СТОЛА «ОХОТНИЧЬЕ ВООРУЖЕНИЕ В КУЛЬТУРАХ ВЕРХНЕГО ПАЛЕОЛИТА, МЕЗОЛИТА И НЕОЛИТА ЕВРОПЫ: ТИПОЛОГИЯ, ТЕХНОЛОГИЯ И ТРАСОЛОГИЯ» (МОСКВА, 4–5 АПРЕЛЯ 2018 Г.)

М. Г. Жилин

ВКЛАДЫШЕВЫЕ КИНЖАЛЫ И ОХОТНИЧЬИ НОЖИ В МЕЗОЛИТЕ ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ

Резюме. Статья посвящена изучению вкладышевых кинжалов и охотничьих ножей, которые были важной частью вооружения охотников лесной зоны Восточной Европы начиная с раннего мезолита, а возможно, и ранее. Трасологический анализ показал, что они сочетали колющие и режущие функции. Это было личное оружие, на что указывает не только разнообразие их морфологии и тщательность отделки, но и различные, во многом оригинальные метки, рисунки и орнаменты, часто встречающиеся на костяных и роговых охотничьих ножах. Прямые однолезвийные и обоюдоострые вкладышевые охотничьи ножи известны с конца палеолита и распространены в мезолите от Белоруссии и Южной Скандинавии до Восточной Сибири. Остальные варианты вкладышевых охотничьих ножей представлены на мезолитических стоянках единичными экземплярами. В Восточной Европе вкладышевые охотничьи ножи наиболее часто встречаются на памятниках пребореального и бореального периодов (рис. 1). В статье предложена функциональная классификация мезолитических кинжалов и охотничьих ножей, описана техника их изготовления и следы использования (рис. 3–12).

Ключевые слова: кинжалы, охотничьи ножи, мезолит, Восточная Европа.

Метательное вооружение, игравшее ведущую роль в охоте на различного зверя, птицу и крупную рыбу, достигло высокого уровня развития в мезолите Восточной Европы. Возможность поражать жертву на расстоянии давало древнему человеку огромное преимущество перед любыми хищниками, а мощное метательное вооружение мезолитического населения лесной зоны Восточной Европы являлось свидетельством его успешной адаптации к своей экологической нише и поступательного развития. Но на охоте были нередки случаи и близкого контакта с различными крупными зверями, представлявшими серьезную опасность для охотника. Не говоря о крупных хищниках, такие травоядные, как лось и кабан, становились очень опасными, будучи ранеными и/или загнанными в безысходную ситуацию. Нередко раненый зверь бросался на охотника.

В этом случае незаменимым становилось оружие ближнего боя, к которому относятся кинжалы, охотничьи ножи и клевцы. Помимо этого, охотничьи ножи были необходимы для свежевания и разделки добычи.

К категории кинжалов и охотничьих ножей отнесены крупные острия колющего или колюще-режущего действия, для которых жесткое скрепление с древком не было обязательным. Многие изделия имеют выделенную рукояточную часть, нередко с отверстием, на некоторых сохранились следы обмотки. Встречаются кинжалы, приспособленные для закрепления в рукоятке, но их рукояточная часть отличается от насадов наконечников копий, к тому же для последних совершенно не характерна изогнутая форма. Однако следует заметить, что разделение крупных прямых костяных и роговых острий на наконечники копий, с одной стороны, и кинжалы и охотничьи ножи – с другой, весьма условно. Известны этнографические примеры, когда охотник в случае необходимости закреплял охотничий нож на конце древка и использовал его в качестве наконечника колющего копья (Семенов, 1968). С учетом этого можно предложить следующую функциональную классификацию кинжалов и охотничьих ножей из кости и рога (табл. 1).

Таблица 1. Функциональная классификация кинжалов и охотничьих ножей

Классификационная единица (уровень)	Критерии выделения	Примеры
Группа I	Назначение – наносить глубокие колотые раны	Кинжалы
Тип 1	Эффект при применении – глубокое проникновение	Колющие кинжалы
Варианты	Форма кинжала	1. Прямые плоские 2. Прямые массивные 3. Стилеты 4. Со скошенным лезвием плоские 5. То же, из локтевой кости 6. Изогнутые
Группа II	Назначение – наносить глубокие и широкие резаные раны; разделка добычи	Охотничьи ножи
Тип 1	Эффекты при применении – глубокое проникновение, разрезание шкуры, мышц, сухожилий, хрящей	Вкладышевые остроконечные ножи
Варианты	Форма охотничьего ножа	1. Прямые однолезвийные 2. Прямые обоюдоострые 3. Изогнутые однолезвийные 4. Изогнутые обоюдоострые 5. С одним скошенным лезвием

Группа I объединяет кинжалы, назначение которых – наносить глубокие колотые раны. Конец таких изделий остро заточен, а края тупые, не приспособленные для разрезания. Они были эффективны как при близком контакте, когда оружие дистанционного боя было бесполезно (например, когда раненый зверь бросался на охотника), так и для добывания добычи. Колющие кинжалы относятся по эффекту при применении к одному функциональному типу. Эта группа в данной статье не рассматривается.

Группа II включает охотничьи ножи, сочетающие острый конец с одним или двумя режущими краями, оснащенными кремневыми вкладышами. Назначение этих орудий – нанесение глубоких и широких колото-резаных ран, а также разрезание различных материалов. Они сочетают функции высокоэффективного оружия ближнего боя и универсального ножа, служившего для разделки добычи и различных повседневных нужд. От каменного века до современности функция этих ножей практически не изменилась, как и необходимость для каждого охотника постоянно иметь такой нож при себе. Охотничьи ножи относятся к одному функциональному типу, по форме выделяются варианты:

1. Прямые однолезвийные (рис. 2: 1–3), найдены в Веретье 1 (*Ошибкина*, 1983; 1997), Сухом (*Ошибкина*, 2006), Погостище 14 и 15 (*Андреанова и др.*, 2016), Ивановском 3 и 7 (слой III), Озерках 5, Становом 4 (слой III, раскопы 2 и 3) (*Жилин*, 2001; 2014) и др.

2. Прямые обоюдоострые (рис. 2: 4–10), встречены в Звейниесе 2 (средний слой) (*Zagorska, Zagorskis*, 1989), Кунда Ламмасяги (*Indreko*, 1948), Умбузи (*Гурина*, 1989), Озерном 2 (*Крывальцэвіч*, 1996), Оленеостровском могильнике (*Гурина*, 1956), Веретье 1, Нижнем Веретье, Сухом (*Ошибкина*, 1983; 1997; 2006), Погостище 15 (*Жилин, Косорукова*, 2018), Минино 1 (Вологодская обл.) (*Андреанова и др.*, 2016), Минино 2 (*Сорокин и др.*, 2018), Замостье 2 (*Лозовский*, 2008; *Lozovski*, 1996), Окаемове 5, Ивановском 3, 7 (слои IIa и IV), Чернецком 8, Становом 4 (слой IV; слой III, раскопы 2 и 3) (*Жилин*, 2001; 2014) и др.

3. Со скошенным лезвием из локтевой кости лося, найден в Веретье 1 (*Ошибкина*, 1997).

4. Изогнутые однолезвийные (рис. 2: 11, 12), представлены в Становом 4 (слой III, раскопы 2 и 3) (*Жилин*, 2001; 2014).

5. Изогнутые обоюдоострые (рис. 2: 13), имеются в Становом 4 (слой III, раскоп 3) (*Жилин*, 2001; 2014) и Замостье 2 (*Лозовский*, 2008; *Lozovski*, 1996).

Прямые однолезвийные и обоюдоострые вкладышевые охотничьи ножи известны с конца палеолита и распространены в мезолите от Белоруссии и Южной Скандинавии до Восточной Сибири (*Крывальцэвіч*, 1996; *Clark*, 1975; *Жилин*, 2001; *Савченко*, 2005; 2014; *Питулько*, 2001). Остальные варианты вкладышевых охотничьих ножей представлены на упомянутых выше стоянках единичными экземплярами. В Восточной Европе вкладышевые охотничьи ножи наиболее часто встречаются на памятниках пребореального и бореального периодов (рис. 1).

Прямые охотничьи ножи изготавливались из продольно разрезанных длинных трубчатых костей копытных или из плоских пластин-заготовок, полученных из тех же костей оббивкой (*Zhilin*, 2001). Внутренняя сторона таких заготовок часто обработана плоскими сколами по всей поверхности, как кремневые

Рис. 1. Мезолитические памятники с вкладышевыми ножами

1 – Озерное 2; 2 – Лубанское озеро; 3 – Звейниекы 2; 4 – Кунда Ламмасяги; 5 – Умбузи; 6 – Оленеостровский могильник; 7–9 – Веретье 1, Нижнее Веретье, Сухое; 10 – Погостище 15; 11 – Минино 1; 12 – Озерки 5; 13–16 – Замостье 2, Минино 2, Окаемово 5, Самотовино; 17 – Чернецкое 1; 18, 19 – Ивановское 3 и 7; 20 – Становое 4; 21 – Сахтыш 14; 22 – Шигирский торфяник; 23 – Береговая 2; 24 – Кокшаровско-Юрьинская 2

изделия. Последующее скобление и строгание приводило к тому, что для ряда прямых ножей тип заготовки не определяется. Интересным приемом было сохранение естественного отверстия около эпифиза трубчатой кости (рис. 2: 6, 7), которое иногда расширялось резцом, а также валиков по краям, служивших ребрами жесткости. Перед прорезанием пазов сначала перпендикулярно плоскости заготовки срезался край, который после прорезания паза выравнивался продольным строганием. Часто кинжалы после этого орнаментировались гравировкой, а затем полировались. Вкладыши, вероятно, подбирались заранее и ставились в паз, заполненный разогретой смолой. Сломанные вкладыши легко заменялись новыми.

Рис. 2. Вкладышевые охотничьи ножи. Прямые: однолезвийные (1-3) и обоюдоострые (4-10). Изогнутые: однолезвийные (11, 12) и обоюдоострые (13)

1, 4, 5, 11 – Становое 4, слой III, раскоп 2; 2 – Самотовино; 3, 7, 9, 12, 13 – Становое 4, слой III, раскоп 3; 6 – Оленеостровский могильник, погр. 100; 8 – Окаемово 5, слой III; 10 – Становое 4, слой IV

Охотничьи ножи из рога обрабатывались продольным резанием, скоблением и строганием, пазы прорезались резчиком перед окончательной доводкой оружия. Эти ножи редки и в целом индивидуальны.

Вкладышевые ножи, как и современные охотничьи ножи, были хорошо приспособлены и для удара, и для разделки добычи, о чем говорит износ острия и вкладышей, характерный как для колющего оружия, так и для разделочных ножей. Некоторые охотничьи ножи и их обломки, подробно изученные автором, заслуживают более подробного описания.

Прямой длинный охотничий нож из слоя III раскопа 2 Станового 4 сделан из трубчатой кости, один край острый, на другом прорезан паз, заполненный серой смолой (рис. 3: 1). В пазу сохранился обломок одного вкладыша – микропластинки без ретуши и отпечатки еще 6 таких же вкладышей – пластинок шириной до 7–8 мм без ретуши. Сечение паза трапециевидное, ширина – до 4 мм и глубина – до 6 мм. Паз начинается в 17 мм от острия, заканчивается в 75 мм от конца рукоятки, плавно сужающейся от лезвия. Граница лезвия и рукоятки отмечена поперечными нарезками, две поперечных пунктирных линии нанесены на рукоятке. Нож продольно выструган, паз прорезан от рукоятки к лезвию, после заполнения клеящей массой и постановки вкладышей лезвие отполировано, смола в начале паза у острия подогнана вровень с поверхностью кости. Вкладыши неоднократно менялись, смола расплавлялась и застывала, при этом смолой был перекрыт сломанный конец уцелевшего вкладыша и смазан отпечаток вкладыша, третьего от острия. Во время последнего ремонта этого вкладыша уже не было, а нового на его место не поставили. Поперечные линии на переходе лезвия в рукоятку нанесены до полировки, а ближе к концу рукоятки – уже после полировки изделия. Кончик острия сглажен, от него расходится неяркая заполировка, в пределах которой от кончика идут короткие и редкие более длинные тонкие царапины вдоль оси ножа и под острыми углами к ней, а также редкие короткие борозды (рис. 3: 2–4). Край вкладыша плоско выкрошен на обе стороны, ближний к острию ножа конец сломан наискось (рис. 3: 1; 4: 1, 2). Вдоль края вкладыша с двух сторон идет полоса неяркой «мясной» заполировки шириной около 0,5 мм, распадающаяся по мере удаления от кромки на субпараллельные тонкие продольные полосы направленной заполировки (рис. 4: 3, 4). Поверхность рукоятки более темного цвета, чем лезвие, в ее пределах видны поперечные темные полосы шириной около 5 мм (рис. 3: 1), вероятно следы обмотки полоской кожи или растительного материала. Стертости и сглаженности, заполировок и линейных следов на рукоятке не отмечено. Судя по следам работы, этот нож использовался как колющее орудие по мягкому загрязненному материалу и для разрезания подобного материала.

В том же слое найдено три обломка средних частей прямых обоюдоострых вкладышевых охотничьих ножей, сделанных из разрезанных продольно трубчатых костей. При этом кость разрезалась так, что средняя часть ножа получалась плоской, а по краям оставались валики, в которых прорезаны пазы для вкладышей. Оправы ножей были продольно выструганы, пазы прорезаны резчиком с очень узкой кромкой. На двух резчиком с точечной кромкой гравирован очень тонкими линиями орнамент, после чего оправы ножей отполированы. Пазы заполнены клеящей массой с отпечатками вкладышей – микропластинок

Рис. 3. Становое 4, слой III, раскоп 2

1 – вкладышевый нож; 2–4 – следы работы на острие ножа (увеличение: 2 – 10×; 3 – 20×; 4 – 40×)

без ретуши. Один нож по краям вдоль пазов был орнаментирован косой сеткой, а на плоскости очень тонкими линиями выгравирован заштрихованный ромб (рис. 2: 5). Другой был орнаментирован косой сеткой только по одному краю, на плоскости в средней части тонкими линиями выгравирован поперечный зигзаг (рис. 2, 4; 5: 1). Пазы этого обломка заполнены не серой смолой, как у остальных, а черной однородной клеящей массой (рис. 5). В одном пазу сохранился вкладыш из микропластинки с краевой двусторонней выкрошенностью и узкой полоской «мясной» заполировки вдоль кромки с двух сторон, как на разделочных ножах. На некотором удалении от кромки заметны тонкие линии направленной заполировки, идущие параллельно кромке и под острыми углами к ней (рис. 5: 5). Третий обломок ножа без орнамента, в одном пазу сохранился обломок микропластинки без ретуши, на кромке микровыкрошенность и неяркая «мясная» заполировка (рис. 6: 1–3). На некотором удалении от кромки заметны тонкие линии направленной заполировки, идущие параллельно кромке и под острым углом к ней (рис. 6: 4, 5), как на описанном выше целом прямом ноже (рис. 4: 3, 4). Имеется обломок рукоятки прямого ножа с одним пазом, заполненным серой смолой, которая была доведена до кипения, а затем застыла. Нож был продольно выструган и отполирован. На конце рукоятки наблюдается сглаженность выступов, тусклая заполировка, частые тонкие царапины, идущие под острыми углами от конца рукоятки к острию, — следы трения костяной рукоятки об неплотно прилегающую кожаную или берестяную обмотку при работе.

В слое III раскопа 2 Станового 4 найден целый слабоизогнутый вкладышевый охотничий нож (рис. 2: 11), вогнутый край массивный, уплощенный, вдоль него прорезан паз шириной 4 мм, глубиной 6 мм. Паз начинается в 3,5 см от острия и заканчивается на переходе в заузленную рукоять, отмеченном поперечными тонкими нарезками. Паз заполнен серой клеящей массой, в которой сохранились обломки двух вкладышей — микропластинок с ретушью утилизации и отпечатки еще четырех микропластинок (рис. 7: 1). Обушок дугобразный, тупой. Оправа ножа продольно вырезана резцом из трубчатой кости, частично сохранились обе ее поверхности. Резание велось углом орудия под острым углом к поверхности кости, срез за срезом последовательно убирался лишний материал. Затем оправа была тщательно продольно выстругана, так что сохранились только наиболее глубокие следы резца; намечен переход к рукоятке и прорезан паз. После этого лезвие отполировано, в паз на разогретую, судя по выплескам, смолу поставлены микропластинки. При этом, судя по отпечаткам, ориентировка «спинкой в одну сторону» в данном случае не соблюдалась. Кончик острия смят от ударов в твердый материал, от него идет слабая заполировка, в пределах которой видны многочисленные тонкие длинные (до 3 мм) и короткие царапины, идущие от острия под острым углом к оси (рис. 7: 2–4), — следы многократного проникновения в мягкий загрязненный материал. Вкладыши выломаны, в отпечатках на клее уцелели только их мелкие обломки. Первый вкладыш сохранился, хотя и раскололся на две части. На его кромке интенсивная выкрошенность на обе стороны в виде плоских фасеток с заломами (рис. 8), возникшая, вероятно, в результате контакта с костями в процессе разделки или добывания добычи. Выломан также край паза с одной стороны в средней части лезвия. На рукоятке

Рис. 4. Становое 4, слой III, раскоп 2. Следы работы на вкладыше ножа (увелич.: 1 – 6×; 2 – 10×; 3 – 20×; 4 – 40×) (см. рис. 3)

Рис. 5. Становое 4, слой III, раскоп 2

1 – обломок вкладышевого ножа; 2–5 – следы работы на вкладыше (увеличение: 2–4 – 6×; 5 – 20×)

заметны следы обмотки в виде параллельных друг другу темных полос, идущих под углом около 80° к оси орудия (рис. 7: *1*).

Массивный прямой обоюдоострый охотничий нож с обломанным концом из рога лося с пазами для вкладышей по обоим краям (рис. 2: *10*) найден в нижнем слое Станового 4. Обломанное острие и лезвие были сделаны из длинного отрезка, а рукоятка вырезана из лопаты рога лося. Поверхность тщательно продольно выстругана и отшлифована на мелкозернистом абразиве. Пазы неправильно

Рис. 6. Становое 4, слой III, раскоп 2

1 – обломок вкладышевого ножа; 2–5 – следы работы на вкладыше (увелич.: 2 – 6×; 3 – 10×; 4 – 20×; 5 – 40×) (см. рис. 4)

трапецевидного сечения шириной 2 и глубиной 4 мм заканчиваются в 2,5 см от конца рукоятки и были прорезаны до чистового строгания поверхности.

Плоский охотничий нож со слабоизогнутым лезвием из слоя III раскопа 3 Станового 4 сохранился целиком, он сделан из нетрубчатой кости, рукоятка расширена у лезвия и заужена на конце, лезвие очень плавно сужается к острию, обушок выпуклый, на вогнутом крае почти от острия прорезан паз, доходящий до рукоятки. Ширина паза – до 3,5 мм, глубина – до 5 мм, сечение трапецевидное. В пазу на сером клеящем веществе закреплено 7 вкладышей – микропластинок без вторичной обработки, но с ретушью утилизации, поставленных спинкой

Рис. 7. Становое 4, слой III, раскоп 2

1 – вкладышевый нож; 2–4 – следы работы на острие ножа (увелич.: 2 – 10×; 3 – 20×; 4 – 40×)

1 - 6 x

5 - 10 x

2 - 6 x

6 - 20 x

3 - 10 x

7 - 40 x

4 - 20 x

8 - 70 x

Рис. 8. Становое 4, слой III, раскоп 2. Следы работы на вкладыше ножа (увелич.: 1, 2 – 6×; 3, 5 – 10×; 4, 6 – 20×; 7 – 40×; 8 – 70×) (см. рис. 7)

в одну сторону и плотно подогнанных друг к другу. Первоначально вкладышей было 9, но первый и предпоследний выпали (рис. 2: 12; 9: 1). Все микропластинки сделаны из одного кремня и, вероятно, сняты с одного нуклеуса. Одна сохранила ударный бугорок, остальные – медиальные сечения. На границе рукоятки и лезвия с двух сторон просверлено отверстие диаметром 5 мм. Поверхность тщательно продольно выстругана и слегка полирована. На рукоятке хорошо видны темные полосы, идущие по спирали под углом около 85° к оси орудия, – следы обмотки полоской кожи или растительного материала. Кончик острия смят и выкрошен, от края выкрошенного участка расходится неявная заполировка, сливающаяся с полировкой поверхности. В ее пределах – многочисленные тонкие короткие и более длинные (до 5 мм) царапины, идущие от острия под острым углом к оси орудия. Такие следы говорят о колющих ударах, проникновении в мягкий загрязненный материал и контакте с твердым материалом. Они типичны для кинжалов, наконечников колющих копий и метательного оружия. На кромках вкладышей характерные следы разделочных ножей, включающие плоскую нерегулярную ретушь утилизации, заполировку и редкие линейные следы (рис. 10). Помимо этого, особенно на третьем и четвертом вкладышах, отмечена односторонняя мелкая ступенчатая ретушь утилизации, характерная для скобелей, использовавшихся для скобления кости с небольшим усилием, возможно, для снятия надкостницы лезвием ножа. Такой комплекс следов позволяет определить это орудие как универсальный охотничий нож, использовавшийся и как колющее оружие, и для разделки добычи.

Второй целый изогнутый охотничий нож из того же слоя сделан из отростка рога, сечение овальное, рукоятка выделена уступом от острия, вероятно, была составная. В рукоятке просверлено с двух сторон отверстие, на ее конце сохранились следы от другого, вероятно первоначального, отверстия. По обоим краям лезвия прорезаны пазы, они начинаются в 35 мм от острия и заканчиваются почти у конца рукоятки (рис. 2: 13; 11). В них на сером клеящем веществе поставлены вкладыши – микропластинки без вторичной обработки, но с выкрошенными краями и ретушью утилизации. На каждом крае было по шесть вкладышей. На выпуклом крае все, кроме первого, поставлены спинкой в одну сторону, а на вогнутом – все спинкой в противоположную. Отросток рога был выровнен и уплощен продольным строганием, после чего прорезаны пазы, поверхность слегка полирована. Вкладыши ставились на разогретый клей, о чем говорят выплески клеящего вещества. Рукоятка первоначально была длиннее, сломалась по месту первоначального отверстия, после чего прорезана кольцевая канавка и строганием от конца рукоятки снято 2 мм по ее периметру, так что образовался уступ. Последний вкладыш на вогнутом крае раскрошен сильным боковым нажимом. С двух сторон просверлено новое отверстие в 17 мм от предыдущего, диаметр внешний – 6–7 мм, внутренний – 4–5 мм. Такая обработка предполагает наличие съемной рукоятки, отверстия были сделаны для ее скрепления с лезвием. Поверхность рога эродирована. Вкладыши изломаны наискось, отмечены выломы углов и краев, от некоторых уцелели только фрагменты нижнего края в клеящей массе. На всех вкладышах отмечена также мелкая двусторонняя выкрошенность, «мясная» заполировка и линейные следы (рис. 12), как на описанном выше целом прямом ноже (рис. 4: 3, 4). Такой износ говорит

Рис. 9. Становое 4, слой III, раскоп 3

1 – вкладышевый нож; 2–5 – следы работы на острие ножа (увелич.: 2 – 10×; 3 – 20×; 4 – 40×; 5 – 70×)

Рис. 10. Становое 4, слой III, раскоп 3. Следы работы на вкладыше ножа (увелич.: 1, 2 – 10×; 3, 4 – 20×; 5, 6 – 40×) (см. рис. 9)

1, 3, 5 – вентральная сторона; 2, 4, 6 – дорсальная сторона

Рис. 11. Становое 4, слой III, раскоп 3. Вкладышевый охотничий нож

Рис. 12. Становое 4, слой III, раскоп 3. Следы работы на вкладышах ножа (увелич.: 1, 2, 6 – 10×; 3, 5, 7 – 20×; 4, 8 – 40×) (см. рис. 11)

об использовании этого охотничьего ножа при расчленении туши, когда разрезалось не только мясо, но и хрящи, сухожилия и т. п., при этом задевались кости.

Вкладышевые охотничьи ножи, сочетающие колющие и режущие функции, были важной частью вооружения охотников лесной зоны Восточной Европы начиная с раннего мезолита, а возможно, и с финала палеолита. Это было личное оружие, на что указывает не только разнообразие их морфологии и тщательность отделки, но и различные, во многом оригинальные метки, рисунки и орнаменты, часто встречающиеся на костяных и роговых охотничьих ножах.

ЛИТЕРАТУРА

- Андрианова Л. С., Васенина М. Г., Васильева Н. Б., Косорукова Н. В., Кукушкин И. П., Суворов А. В., 2016. В глубину веков. Очерки вологодской археологии. Вологда: Древности Севера. 135 с.
- Гурина Н. Н., 1956. Оленеостровский могильник. М.; Л.: Наука. 431 с. (МИА; № 47.)
- Гурина Н. Н., 1989. Мезолит Латвии и Эстонии // Мезолит СССР / Отв. ред. Л. В. Кольцов. М.: Наука. С. 46–54. (Археология СССР.)
- Жилин М. Г., 2001. Костяная индустрия мезолита лесной зоны Восточной Европы. М.: УРСС. 328 с.
- Жилин М. Г., 2014. Костяная индустрия бутовской культуры. Преемственность и трансформации в развитии [Электронный ресурс]. М.: ИА РАН. 300 с. Режим доступа: http://archaeolog.ru/media/books_2014/Zhilin.pdf. Дата обращения 20.03.2019.
- Жилин М. Г., Косорукова Н. В., 2018. Предметы вооружения из кости из мезолитической стоянки Погостище 15 (типология, технология изготовления, следы использования) // ПА. № 3. С. 118–138.
- Крывальцэвіч М., 1996. Касцяныя і рагавыя вырабы каменнага веку з возера Вячэра // 3 глыбі вякоў. Наш край. Мінск: Навука і тэхніка. С. 147–168.
- Лозовский В. М., 2008. Изделия из кости и рога мезолитических слоев стоянки Замостье 2 // Человек, адаптация, культура: сб. / Отв. ред. А. Н. Сорокин. М.: Гриф и К. С. 200–222.
- Ошибкина С. В., 1983. Мезолит бассейна Сухоны и Восточного Прионежья. М.: Наука. 296 с.
- Ошибкина С. В., 1997. Веретье 1. Поселение эпохи мезолита на Севере Восточной Европы. М.: Наука. 205 с.
- Ошибкина С. В., 2006. Мезолит Восточного Прионежья. Культура Веретье. М.: Гриф и К. 322 с.
- Питулько В. В., 2001. Общие тенденции в развитии вкладышевых орудий // Каменный век европейских равнин: объекты из органических материалов и структура поселений как отражение человеческой культуры: материалы Междунар. конф. (1–5 июля 1997 г.) / Ред. Т. Н. Манушина. Сергиев Посад: Подкова. С. 161–167.
- Савченко С. Н., 2005. Кинжалы и ножи из кости и рога в Шигирской коллекции Свердловского областного краеведческого музея // Каменный век лесной зоны Восточной Европы и Зауралья / Отв. ред. М. Г. Жилин. М.: Academia. С. 213–237.
- Савченко С. Н., 2014. Преемственность и инновации в развитии костяной индустрии мезолита горно-лесного Зауралья // SP. № 1. С. 181–208.
- Семенов С. А., 1968. Развитие техники в каменном веке. Л.: Наука. 376 с.
- Сорокин А. Н., Грачева Р. Г., Добровольская Е. В., Добровольская М. В., 2018. Геоархеология Заболотского края (13 500–7500 cal BC). М.: ИА РАН. 416 с.
- Clark J. G. D., 1975. The Earlier Stone Age Settlement of Scandinavia. New York; London: Cambridge University Press. 307 p.
- Indreko R., 1948. Die mittlere Steinzeit in Estland. Mit einer Übersicht über die Geologie des Kunda-Sees von K. Orviku. Stockholm. 427 S. (Kungl. Vitterhets historie och antikvitets akademien handlingar; 66.)
- Lozovski V. M., 1996. Zamostje 2: the Last Prehistoric Hunter-Fishers of the Russian Plain. Treignes: Editions du CEDARC. 97 p.

- Zagorska I., Zagorskis F., 1989. The Bone and Antler Inventory from Zvejnieki II, Latvian SSR // The Mesolithic in Europe: Papers Presented at the Third International Symposium (Edinburgh, 1985) / Ed. C. Bonsall. Edinburgh: John Donald. P. 414–423.
- Zhilin M. G., 2001. Technology of the manufacture of bone daggers in the Mesolithic of Upper Volga // Crafting bone: Skeletal Technologies through Time and Space / Eds.: A. M. Choykie, L. Bartosiewicz. Oxford: Archaeopress. P. 149–156. (BAR International series; 937.)

Сведения об авторе

Жилин Михаил Геннадиевич, Институт археологии РАН, ул. Д. Ульянова, 19, Москва, 117036, Россия; e-mail: mizhilin@yandex.ru

M. G. Zhilin

DAGGERS-INSERTS AND HUNTING KNIVES
IN THE MESOLITHIC OF EASTERN EUROPE

Abstract. The paper is dedicated to the study of daggers-inserts and hunting knives which were an important element of weapon sets used by hunters who lived in the forest belt of Eastern Europe starting from the Early Mesolithic, and, maybe, even earlier. The tracewear analysis demonstrated that these weapons had cut-and-thrust function. The weapons were personally owned which is demonstrated not only by their morphology and very careful finishing but also by various, and, largely, original marks, drawings and decorative patterns often made on bone and antler hunting knives. Straight one-bladed and double-bladed hunting knives-inserts were known since the end of the Paleolithic and were in use during the Mesolithic in the area spread from Belorussia and Southern Scandinavia to Eastern Siberia. Other variants of hunting knives-inserts are mostly represented at the Mesolithic sites by single items. In Eastern Europe inserted hunting knives are predominantly found at the sites dating from the preboreal and boreal periods (Fig. 1). The paper suggests a functional classification of Mesolithic daggers and hunting knives and describes their production technology and use-wear traces (Fig. 3–12).

Keywords: daggers, hunting knives, Mesolithic, Eastern Europe.

REFERENCES

- Andrianova L. S., Vasenina M. G., Vasil'yeva N. B., Kosorukova N. V., Kukushkin I. P., Suvorov A. V., 2016. V glubinu vekov. Ocherki vologodskoy arkheologii [To the depth of the past centuries. Essays on Vologda archaeology]. Vologda: Drevnosti Severa. 135 p.
- Clark J. G. D., 1975. The Earlier Stone Age Settlement of Scandinavia. New York; London: Cambridge University Press. 307 p.
- Gurina N. N., 1956. Oleneostrovskiy mogil'nik [Oleneostrovskiy cemetery]. Moscow; Leningrad: Nauka. 431 p. (MIA, 47.)
- Gurina N. N., 1989. Mezolit Latvii i Estonii [Mesolithic of Latvia and Estonia]. *Mezolit SSSR [Mesolithic of the USSR]*. L. V. Kol'tsov, ed. Moscow: Nauka, pp. 46–54. (Arkheologiya SSSR.)
- Indreko R., 1948. Die mittlere Steinzeit in Estland. Mit einer Übersicht über die Geologie des Kunda-Sees von K. Orviku. 427 S. (Kungl. Vitterhets historie och antikvitets akademiens handlingar, 66.)
- Kryval'tsevich M., 1996. Kastsyanyya i ragavyya vyraby kamennaga veku z vozera Vyachera [Bone and antler items of the Stone Age from Vyachear Lake]. *Z glybi vyakoŭ. Nash kray [From far-off centuries. Our land]*, 1. Minsk: Navuka i tekhnika, pp. 147–168.

- Lozovski V. M., 1996. Zamostje 2: the Last Prehistoric Hunter-Fishers of the Russian Plain. Treignes: Editions du CEDARC. 97 p.
- Lozovskiy V. M., 2008. Izdeliya iz kosti i roga mezoliticheskikh sloyev stoyanki Zamost'ye 2 [Artefacts of bone and antler from Mesolithic layers of settlement Zamostje 2]. *Chelovek, adaptatsiya, kul'tura* [Man, adaptation, culture]. A. N. Sorokin, ed. Moscow: Grif i K, pp. 200–222.
- Oshibkina S. V., 1983. Mezolit basseyna Sukhony i Vostochnogo Prionezh'ya [Mesolithic of Sukhona basin and Eastern part of Onega Lake region]. Moscow: Nauka. 296 p.
- Oshibkina S. V., 1997. Veret'ye I. Poseleniye epokhi mezolita na Severe Vostochnoy Evropy [Veret'ye I. Settlement of Mesolithic epoch in North of Eastern Europe]. Moscow: Nauka. 201 p.
- Oshibkina S. V., 2006. Mezolit Vostochnogo Prionezh'ya. Kul'tura Veret'ye [Mesolithic of Eastern part of Onega Lake region. Veret'ye culture]. Moscow: Grif i K. 322 p.
- Pitul'ko V. V., 2001. Obshchiye tendentsii v razvitii vkladyshevykh orudiy [General trends in development of inserted tools]. *Kamennyy vek evropeyskikh ravnin: ob'yekty iz organicheskikh materialov i struktura poseleniy kak otrazheniye chelovecheskoy kul'tury: materialy mezhdunarodnoy konferentsii* [Stone Age of European plains: objects of organic matters and settlement structure in mirror of human culture: proceedings of international conference]. T. N. Manushina, ed. Sergiyev Posad: Podkova, pp. 161–167.
- Savchenko S. N., 2005. Kinzhaly i nozhi iz kosti i roga v Shigirskoy kolleksii Sverdlovskogo oblastnogo krayevedcheskogo muzeya [Daggers and knives of bone and antler in Shigir collection of Sverdlovsk regional museum of local lore]. *Kamennyy vek lesnoy zony Vostochnoy Evropy i Zaural'ya* [Stone Age of forest zone of Eastern Europe and Trans-Urals]. M. G. Zhilin, ed. Moscow: Academia, pp. 213–237.
- Savchenko S. N., 2014. Preyemstvennost' i innovatsii v razvitii kostyanoy industrii mezolita gornolesnogo Zaural'ya [Continuity and innovations in development of bone industry of Mesolithic in Mountain-forest Trans-Urals]. *SP*, 1, pp. 181–208.
- Semenov S. A., 1968. Razvitiye tekhniki v kamennom veke [Development of technique in Stone Age]. Leningrad: Nauka. 376 p.
- Sorokin A. N., Gracheva R. G., Dobrovol'skaya E. V., Dobrovol'skaya M. V., 2018. Geoarkheologiya Zabolotskogo kraya (13 500–7500 cal BC) [Geoarchaeology of Zabolotskiy land (13 500–7500 cal BC)]. Moscow: IA RAN. 416 p.
- Zagorska I., Zagorskis F., 1989. The Bone and Antler Inventory from Zvejnieki II, Latvian SSR. *The Mesolithic in Europe: Papers Presented at the Third International Symposium*. C. Bonsall, ed. Edinburgh: John Donald, pp. 414–423.
- Zhilin M. G., 2001. Kostyanaya industriya mezolita lesnoy zony Vostochnoy Evropy [Bone industry of forest zone Mesolithic in Eastern Europe]. Moscow: URSS. 328 p.
- Zhilin M. G., 2001. Technology of the manufacture of bone daggers in the Mesolithic of Upper Volga. *Crafting bone: Skeletal Technologies through Time and Space*. A. M. Choykie, L. Bartosiewicz, eds. Oxford: Archaeopress, pp. 149–156. (BAR International series; 937.)
- Zhilin M. G., 2014. Kostyanaya industriya butovskoy kul'tury. Preyemstvennost' i transformatsii v razvitii (Elektronnyy resurs) [Bone industry of Butovo culture. Continuity and transformations in development (Electronic resource)]. Moscow: IA RAN. 300 p. URL: http://archaeolog.ru/media/books_2014/Zhilin.pdf
- Zhilin M. G., Kosorukova N. V., 2018. Predmety vooruzheniya iz kosti iz mezoliticheskoy stoyanki Pogostishche 15 (tipologiya, tekhnologiya izgotovleniya, sledy ispol'zovaniya) [Weaponry items made of bone from Mesolithic settlement Pogostishche 15 (typology, technology of production, usewear traces)]. *PA*, 3, pp. 118–138.

About the author

Zhilin Mikhail G., Institute of Archaeology Russian Academy of Sciences, ul. Dm. Ulyanova, 19, Moscow, 117036, Russian Federation; e-mail: mizhilin@yandex.ru

О. В. Лозовская

РАЗВИТИЕ КОСТЯНЫХ НАКОНЕЧНИКОВ СТРЕЛ В VII–V тыс. cal BC В ВЕРХНЕВОЛЖСКОЙ НИЗМЕННОСТИ ПО МАТЕРИАЛАМ МНОГОСЛОЙНОЙ СТОЯНКИ ЗАМОСТЬЕ 2*

Резюме. Охотничий инвентарь и, в первую очередь, наконечники метательного вооружения являются наиболее информативным элементом культуры в древнем обществе. В позднем мезолите и раннем неолите Верхнего Поволжья наблюдается большое разнообразие костяных наконечников стрел, отражающее локальные особенности местного и/или пришлого населения. На примере материалов стоянки Замостье 2 (306 экз.) рассмотрены изменения основных типов наконечников в период с начала VII по конец V тыс. cal BC; выделены характерные формы изделий для пяти культурных слоев (двух слоев позднего, а также слоев финального мезолита, верхневолжской и льяловской культур раннего и среднего неолита) и предложена типолого-хронологическая схема развития наконечников стрел для поселения Замостье 2 и прилегающих территорий.

Ключевые слова: мезолит, неолит, Волго-Окское междуречье, торфяниковая стоянка Замостье 2, костяной инвентарь, охотничье вооружение, наконечники стрел.

Введение

В каменном веке охотничье вооружение, и в первую очередь оснащение метательного оружия, играло ключевую роль в системах адаптации первобытного человека к различным экологическим нишам и наиболее чутко реагировало на изменения природной среды и доступных пищевых ресурсов в рамках определенных культурных традиций и социальной организации. В этом контексте разнообразие и изменчивость наконечников стрел может указывать либо на диверсифицированную экономику с большим набором промысловых животных,

* Исследования выполнены благодаря финансовой поддержке программы ФНИ ГАН № 0184-2018-0006 и 0184-2019-0008 и Сергиево-Посадского государственного историко-художественного музея-заповедника (2009–2018).

птиц и рыб (в отдельных случаях), либо на неоднородность населения, оставившего памятники материальной культуры. Конец бореала и начало атлантикума на широких просторах Восточной Европы характеризовались целым рядом важных событий – появлением первых земледельцев и скотоводов на юге, заметными изменениями в организации рыболовства в лесной зоне и, наконец, быстрым распространением гончарного производства. Сложные культурные процессы, связанные с возможными миграциями групп населения, переносом новых технологий, не могли не отразиться на такой важнейшей части инвентаря, как наконечники метательного оружия.

История изучения костяного метательного вооружения в Волго-Окском регионе

Волго-Окское междуречье в позднем мезолите и раннем неолите представляло собой разреженный лесной ландшафт с многочисленными озерами и протоками, притягивавшими древнего человека сбалансированным обилием разнообразных пищевых ресурсов (лось, бобр, реж – кабан и северный олень, водоплавающие и болотные птицы, глухарь, щука, окунь, сом, судак, карповые) и, кроме того, создававшими благоприятные условия для сохранности предметов материальной культуры из органических материалов (Жилин, 2004; Замостье 2. Озерное поселение..., 2013; Стоянка Замостье 2..., 2018). Именно здесь сосредоточены многие торфяниковые стоянки, давшие многочисленный костяной/роговой инвентарь, в том числе наконечники метательного вооружения. Как показывают материалы поселений с полным набором костяного и каменного инвентаря, именно кость в это время служила основным сырьем для оснащения охотничьего оружия (Жилин, 2016. С. 165). Еще более ярко эта модель прослеживается в материалах поселения Веретье 1 (Архангельская область), где не только костяные (226 экз.), но и деревянные (34 экз.) наконечники преобладали над кремневыми (всего 12) (Ошибкина, 1997. С. 54, 71, 104).

На мезонеолитических стоянках Волго-Окского междуречья найдено достаточно большое число костяных наконечников метательного оружия, различающихся рядом локальных особенностей. Первая попытка систематизации этих материалов была предпринята В. М. Лозовским в 1990 г. (Лозовский, 1993). На базе изучения 450 артефактов из 22 стоянок было предложено деление на 23 типа, которые отражали развитие вооружения на протяжении мезолита, раннего (верхневолжская культура), среднего (льяловская культура) и позднего (волосовская культура) неолита. Наконечники разделялись на три основные категории: наконечники стрел, наконечники острог с зубцами и наконечники гарпунов. Почти половина (205 экз.) исследованных орудий происходила из материалов первых раскопок стоянки Замостье 2 (1989–1990).

Большой вклад в изучение мезолитического костяного вооружения региона внесли работы М. Г. Жилина (Жилин, 1993). В предложенную им типологическую схему для всей лесной зоны Восточной Европы вошли 347 предметов из Верхнего Поволжья, включая Замостье 2 (Жилин, 2001). В ряде недавних работ им детально проанализированы наконечники стрел позднего мезолита

(Жилин, 2015), а также бутовской культуры (344 экз.) (Жилин, 2016), особое место в его работах уделено технологическим аспектам их производства. Для раннего и среднего неолита подобных обобщающих работ, к сожалению, пока нет.

Стоянка Замостье 2, общие данные

Материалы озерного поселения Замостье 2, расположенного в пойме реки Дубна, предоставляют возможность проследить развитие охотничьего вооружения с конца мезолита до начала позднего неолита на достаточно представительной серии наконечников. Этот участок заселялся разными группами охотников-рыболовов-собирателей на протяжении почти трех тысячелетий с небольшими перерывами, их материальная культура нашла отражение в пяти культурных комплексах стоянки: нижнем и верхнем слоях позднего мезолита (ок. 7000–6500 гг. cal BC и 6400–6000 гг. cal BC), слое финального мезолита (ок. 5950–5750 гг. cal BC), слоях верхневолжской (ранний неолит, ок. 5700–5400 гг. cal BC) и льяловской (средний неолит, ок. 4600–4000 гг. cal BC) археологических культур.

Инвентарь из твердых животных материалов в настоящий момент включает 574 типологически выраженных наконечника метательного вооружения из раскопок 1989–1991, 1995–2000, 2010–2013 гг. (Стоянка Замостье 2..., 2018. С. 73–153), в том числе 280 наконечников стрел (без неопределимых обломков стержней). Последние представлены во всех слоях, но наиболее многочисленные серии были получены для верхнего мезолитического слоя (ВМ) и для слоя раннего неолита (ВБК) – соответственно 85 и 82 изделия (табл. 1).

Основным сырьем для производства наконечников во всех слоях служили кости конечностей и рога лося. Сохранность поверхности костей, благодаря залеганию в водонасыщенных отложениях, исключительно хорошая, что позволяет анализировать как многочисленные технологические следы, так и следы износа. Для комплекса характерна достаточно высокая фрагментированность изделий, что является результатом интенсивного использования. Имеются также орудия со следами «оживления», переоформления, а также отдельные незавершенные заготовки. Следы огня на изделиях отсутствуют.

Закономерностей в пространственном распределении не выявлено. Возраст артефактов определялся на основании комплексного датирования археологических горизонтов, в которых они были найдены. Прямых дат для наконечников пока нет.

Следует также отметить, что в данную статью не включены зубчатые острия (135 экз.¹), многие из которых могли служить наконечниками стрел. Во-первых, они были детально рассмотрены в публикации 2013 г. (Лозовская, Лозовский, 2013); во-вторых, их функциональная интерпретация требует отдельного исследования.

¹ По данным на сегодняшний день, без учета гарпунов.

Таблица 1. Наконечники стрел. Распределение типологических групп по слоям

Типологические группы/слои	НМ	ВМ	ФМ	ВВК	ЛК	mix	Всего
наконечники стрел с пазами для вкладышей		9	1	1	1		12
шпы от наконечников стрел с пазами	1	9	3	1			14
ВСЕГО:							26
игловидные с орнаментом (с фрагментами)		11	2				13
игловидные, более 15 см	1	8	1	2		2	14
игловидные, 10–15 см	3	7	3	6	2	5	26
игловидные, менее 10 см	3	10		10	2	1	26
фрагменты игловидных	2	21	11	19	2	3	58
игловидные, тип льял					14	1	15
игловидные с биконической головкой, тип ВМ		4	3			1	8
с притупленным концом	1	9	8		1	1	20
листовидные		12	1	6		4	23
фигурные с 2–3 утолщениями и выделенным насадом				31			31
биконические разные, тип льял					18	1	19
индивидуальной формы		3	2	1	3	2	11
другие биконические типы			2	7	4	3	16
ВСЕГО:	10	85	33	82	46	24	280

Примечания: НМ – нижний слой, ВМ – верхний слой позднего мезолита, ФМ – финальный мезолит, ВВК – ранний неолит, ЛК – средний неолит, mix – переотложенные слои и сборы в реке

Вкладышевые наконечники стрел (12 экз.)

Наличие составного кремневого лезвия или хотя бы паза для вкладышей кажется достаточным основанием для выделения этой группы наконечников в отдельную категорию, поскольку технология их изготовления и эксплуатационные свойства значительно отличались. Тем не менее их отнесение к наконечникам стрел не вызывает сомнений.

Пазовые орудия на стоянке Замостье 2 не были широко распространенным явлением, что согласуется с общими тенденциями развития метательного вооружения в первой половине Атлантического периода (Жилин, 2001. С. 265).

Более того, они имели, судя по всему, особую функцию в духовной или социальной сфере (об этом говорит высокий процент орнаментации изделий – 7 из 12, или 58 %) и могут быть отнесены к престижным или культовым предметам.

Из 40 известных на сегодняшний день орудий с пазами и вкладышами к наконечникам стрел можно отнести 12 экземпляров, представленных в основном обломками. Наиболее выразительна серия миниатюрных предметов с линзовидным или ромбическим сечением, вдоль одного края которых идет паз для кремневых вкладышей шириной до 2 мм, глубиной 2–4 мм, а во всех пазах сохранились остатки смолы (рис. 1: 25, 26, 32). Второй край завершается длинным тонким и острым шипом. Два наконечника декорированы с обеих сторон, а также вдоль шипа сплошной или прерывистой линией зигзага; третий только насечками по краю. Эти шипы настолько характерны, что 14 отдельно найденных шипа (7 экз. также с зигзагом или насечками) тоже могут быть отнесены к этому же типу изделий (табл. 1); длина шипов составляет от 2 до 5 см (рис. 1: 10–22). Аналогичный шип известен в Озерах 5 (IV слой) (Жилин, 1993. Рис. 14: 4).

Кроме того, имеется еще три обломка острия с орнаментом (зигзаг, наклонные лесенки и линии с узелками) (рис. 1: 23, 24, 31) и обломок насада (зигзаг) (рис. 1: 33) (подробнее см.: Лозовская, 2001). Все относятся к слою ВМ.

В позднемезолитическое время близкие наконечники с пазом и длинным тонким шипом известны только в материалах стоянки Окаево 5, нижний слой (Жилин, 2015. С. 280; 2016. С. 155), в 10 км к западу от Замостья 2, что говорит о бытовании этого типа вооружения в микрорегионе. Единичные сходные экземпляры найдены также в раннеолитическом слое III стоянки Ивановское 3 (Жилин, 1993. Рис. 15: 3), а также в относящемся в бореалу слое III Станового 4 (Жилин, 2001. Рис. 17: 9).

Три мелких обломка без орнамента (рис. 1: 27, 28), один с сохранившимся кремневым вкладышем (рис. 1: 29), найдены в слоях финального мезолита, раннего и среднего неолита. Пазы у них начинаются значительно ближе к кончику острия, чем у мезолитических, паз односторонний. Общая форма изделий неизвестна.

Наконечник длиной 8 см, с двумя кремневыми лезвиями и округлым в сечении стержнем найден при подводных исследованиях на поверхности инсигного слоя в зоне рыболовной перегородки позднего мезолита (рис. 1: 9). Очень похожий экземпляр известен в материалах IV культурного слоя стоянки Ивановское 7, датирующегося пребореалом (Там же. С. 73; 2016. С. 141).

Еще один интересный экземпляр найден в верхнем слое мезолита (рис. 1: 30) – это обломок острия с коротким пазом длиной ок. 4 см и симметрично расположенной имитацией из кости кремневого вкладыша (Лозовская, 2001); прямых аналогий нет. Определенное сходство прослеживается с обломком из IV слоя Ивановского 7 (Жилин и др., 2002. Рис. 9: 3).

Если не учитывать три единичные типологически неопределенные находки из верхних слоев, то можно в целом рассматривать пазовые наконечники с шипом из Замостья 2 и Окаево 5 как завершающий этап в развитии мезолитических вкладышевых игловидных и двукрылых наконечников стрел на исследуемой территории.

Рис. 1. Замостье 2. Наконечники стрел (1-8); вкладышевые наконечники (9, 23-33) и шипы (10-22). Нижний (1-8) и верхний (9-26, 30-33) культурные слои позднего мезолита; финальный мезолит (29); ранний (28) и средний неолит (27)

Фото О. В. Лозовской. Рисунки: 1 – В. М. Лозовский; 2-8, 10-33 – О. В. Лозовская; 9 – Д. Черевко

Костяные наконечники стрел (280 экз.)

Цельные костяные наконечники, представленные целыми экземплярами и диагностичными обломками, показывают более или менее устоявшиеся типы, а также отдельные случайные и переходные формы и будут рассматриваться в хронологическом порядке по слоям (табл. 1).

Нижний мезолитический слой (рис. 1: 1–8)

Нижний мезолитический слой оказался беден наконечниками стрел (10 экз.). Типологически они достаточно однородны, хотя и маловыразительны. Все, кроме одного, целые экземпляры относятся к *игловидным формам* и различаются деталями. Это средней длины (10–17 см) наконечники с диаметром стержня 6–8 мм. У одного ограненное перо (рис. 1: 1), у другого односторонне уплощенные концы и выделенный боковыми нарезками насад (рис. 1: 2). Еще в трех случаях насады уплощены (рис. 1: 1, 7). С небольшими вариациями, эти формы существуют во всех слоях стоянки.

К отдельному типу мы можем отнести *миниатюрный наконечник с тупым концом* (рис. 1: 8), аналогий ему пока не известно; от более поздних похожих изделий он отличается малыми размерами, формой головки, а также фигурной формой насада.

Верхний мезолитический слой (рис. 2)

Верхний мезолитический слой, напротив, дал и самую большую серию наконечников (85 экз.), и самую большую вариабельность форм.

Представлена серия длинных *игловидных наконечников* (более 20 см), различающихся в оформлении боевой части (рис. 2: 22–25, 27). Целый наконечник, длиной 28 см, с ровным прямым стержнем диаметром 9 мм, завершается *асимметричным треугольным пером* (рис. 2: 22). Интересен экземпляр *с опущенными крыльями пера* (рис. 2: 26) (ср. Окаемово 5, Жилин, 2001. Рис. 16: 3). Подобные наконечники М. Г. Жилин относит к двукрылым, симметричным и асимметричным (Там же. С. 82–85, 231, 232), однако в контексте Замостья 2 эти единичные и целые (!) экземпляры выглядят как индивидуальные варианты игловидных наконечников.

Появляется также устойчивая форма *короткого треугольно-ромбовидного уплощенного пера* (рис. 2: 24, 25, 34), оформленного легкой двусторонней оградкой. Она встречается также на коротких игловидных экземплярах и обломках (всего 9 экз.). Похожие формы найдены в нижнем слое Озерков 5 (Жилин, 2015. С. 161).

Самый длинный наконечник с обломанным пером украшен по всей длине «змейками» – короткими отрезками двойного зигзага, разделенными поясами поперечных насечек (рис. 2: 23). Орнамент в виде простого зигзага или рядов точек присутствует на двух средней длины (15 см) наконечниках (рис. 2: 29, 30); все эти изделия стандартного диаметра (6–7 мм), поэтому к этому типу можно отнести и серию обломков округлых стержней с элементами орнаментов: «лесенки», линии «с ресничками» и зигзага (рис. 2: 13–16). В других слоях целые орнаментированные наконечники практически неизвестны.

Рис. 2. Замостье 2. Наконечники стрел. Поздний мезолит, верхний культурный слой

Фото О. В. Лозовской. Рисунки: 1, 3–6, 8, 10–33, 35–37 – В. М. Лозовский; 2, 7, 9, 34 – О. В. Лозовская

Один переоформленный после слома экземпляр имеет заточенный под конус боевой конец, на насаде сохранились остатки смолы (рис. 2: 33). У всех вышеперечисленных изделий симметрично зауженный короткий насад.

Один короткий игловидный наконечник имеет 5-гранное сечение и нарезки по ребрам по всей длине, очевидно, для улучшения сцепления с обмоткой (рис. 2: 21). Три выполнены на сырых заготовках с остатками технических пазов и необработанных краев, единственным тщательно отделанным элементом является остроконечное перо.

Длина целых игловидных наконечников варьирует от 7 до 28 см, при этом пик приходится на изделия укороченных пропорций (8–10 см) и средней длины (15–17 см) (рис. 2: 28–32) (табл. 2), длинные экземпляры (27–28 см) характерны только для этого слоя.

Таблица 2. Распределение целых игловидных наконечников по длине

Слои	Менее 8 см	8–10 см	10–12 см	12–15 см	15–17 см	17–20 см	Более 20 см
НМ	2	1	2	1	1		
ВМ	2	8	3	4	6	1	5
ФМ			2	1	1	1	1
ВВК	4	6	3	3	2		
ЛК	1	1		2	2 (тип льял)	1 (тип льял)	3 (тип льял)

Примечания см. в табл. 1

Также найдено не менее 16 обломков насадов, самый крупный, длиной 10 см, с коническим заостренным концом, выполнен из рога лося. Среди остальных преобладают слегка зауженные или симметрично уплощенные формы, три экземпляра заострены в профиль, один из них с асимметрично вогнутым срезом. Однако необходимо учитывать, что некоторые из них могли принадлежать игловидным зубчатым остриям. Многие сломанные наконечники имеют следы переоформления и вторичного использования.

Мелкие изделия *иволистной формы* насчитывают 12 экз. Они выполнены из плоских заготовок (целых или расщепленных костей) разной степени обработки (рис. 2: 1, 3, 19, 20, 36, 37). Длина – 6 см, у трех – 8–10 см, сечения острия линзовидное, ромбовидное или треугольное. У одного заостренный с боков насад.

Характерной для комплекса верхнего слоя мезолита (а также финального мезолита) является серия наконечников *с тупым концом* (9 экз.), которая традиционно связывается с охотой на пушных животных или птицу. Четыре из них имеют стандартную форму с поперечным расширением и плавно зауженным насадом (рис. 2: 7–9). На двух других на ударном конце оформлен широкий короткий конус, оба из рога лося (рис. 2: 2), размеры первых – 6–8 см, вторых – меньше 4,5 см. Еще три предмета с тупым коническим концом (6–7 см) оформлены на уплощенных заготовках (рис. 2: 4–6). Ближайшие аналогии найдены в материалах Озерков 5 (Жилин, 2016. Рис. 11–15, 36–38).

Два наконечника представляют оригинальный тип с *короткой шишечкой* в завершении тупого конуса (рис. 2: 17, 18). Оба изделия целые, сделаны из рога лося, что наводит на мысль об их неутилитарном назначении. Прямых аналогий нет.

Четыре наконечника, один из них совсем миниатюрных размеров – 5,5 см, имеют тщательно оформленную *биконическую головку* подтреугольного сечения, насад немного расширен по центру и на конце заострен (рис. 2: 10–12). Стиль оформления отличается от раннеолитического для близких по конструкции изделий. Аналогии прослеживаются в позднеолитических слоях Окаево 4 и 5, Озерки 5 (Жилин, 2015. С. 278), хотя последние несколько крупнее. Прототипом для них, видимо, являются широко распространенные на стоянках раннего и среднего мезолита длинные игловидные наконечники с биконической головкой, они хорошо известны в Становом 4, Озерках 16, Ивановском 7/III, на поселении Веретье 1 и др. (Ошибкина, 1997. С. 70, 159–161; Жилин, 2001. С. 64–67).

В единственном числе представлен уплощенный вырезанный наконечник с *крупным треугольным пером* (рис. 2: 35).

В целом комплекс отражает общее развитие мезолитических традиций в регионе в его завершающий период, что проявилось в существовании таких типов, как длинные игловидные наконечники (с орнаментом, с подтреугольным пером), миниатюрные с биконической головкой, вкладышевые с шипом, которые были генетически связаны с предшествующей эпохой. Определенные черты сходства чаще всего наблюдаются с материалами Озерков 5 и Окаево 5 (конец бореала – начало атлантикума). В то же время в Замостье 2 отмечается большое количество вариаций, заметное присутствие изделий с орнаментом и индивидуальные формы наконечников.

Финальноолитический слой (рис. 3)

К финальноолитическому слою отнесено 33 наконечника стрелы. Как обычно, в их числе как оригинальные, так и некоторые типичные для соседних слоев формы. Это касается, например, двух небольших игловидных наконечников с *выделенным ромбовидным пером* (рис. 3: 16, 17), которые аналогичны некоторым изделиям из ВМ-слоя.

Нестандартным, напротив, является орудие с одним *боковым крылом* на естественном крае заготовки, участок покрыт с двух сторон серией косых коротких насечек (рис. 3: 15). В единственном числе представлен здесь *орнаментированный игловидный наконечник с асимметричным оформлением тонкого острия* (рис. 3: 20, 20а), с обеих сторон которого нанесены простые и сдвоенные линии зигзага, по краю – едва заметные нарезки, в средней части наконечник чуть уплощен. Присутствует также экземпляр *простой игловидной формы* (рис. 3: 19). Все три наконечника длиной более 15 см, один – 12 см (рис. 3: 13); укороченные экземпляры (менее 10 см) отсутствуют.

Два игловидных наконечника с *биконической головкой с ободком и выделенным насадом* (рис. 3: 10, 11) перекликаются с миниатюрными наконечниками нижележащего слоя, но имеют гораздо более вытянутые пропорции (11 см), что скорее сближает их с упомянутыми выше образцами из Окаево 5 и Озерков 5 (Жилин, 2001. Рис. 9: 5, 10).

Рис. 3. Замостье 2. Наконечники стрел. Финальный мезолит

Фото О. В. Лозовской. Рисунки: 1–3, 5–15, 18–20 – В. М. Лозовский; 4, 16, 17 – О. В. Лозовская

Разнородна серия *тупых наконечников* (7 экз.), в нее включены изделия как с поперечными или скругленными, так и массивными коническими головками (рис. 3: 1, 3, 4, 6–8). Объединяют их всех плавно приостренные насады. Три предмета сделаны из рога лося. К этой группе примыкает нестандартный экземпляр с широким и плоским основанием и луковичной головкой (рис. 3: 9). Длина наконечников колеблется от 5,5 до 8 см.

Единично представлены два наконечника – *уплощенный иволистный* 10 см длиной (рис. 3: 12), близкий по пропорциям раннеолитическим формам, и *плоский с крупным треугольным пером* (рис. 3: 18). Наконечник вытянутой *ромбической формы* с плоским сечением является атипичным, его концы уплощены (рис. 3: 14). Найден также один *простой биконический* наконечник с остатками ободка в расширенной части и зигзагообразной штриховкой по периметру; сечение овальное, длина – 5 см (рис. 3: 5). Он заметно отличается от биконических изделий вышележащих слоев. Аналогий нет. У другого биконического экземпляра, выделяющегося уплощенным насадом, присутствует кольцевая канавка (рис. 3: 2) – характерная черта неолитических наконечников.

Раннеолитический слой (верхневолжская культура) (рис. 4)

Ранний неолит на стоянке Замостье 2 и во всем Волго-Окском регионе связывается с массовым распространением *фигурных наконечников* стрел (Уткин, 1985. С. 144, 145, 148; Лозовский, 1993; Жилин, 1993; и др.). Их основными характеристиками являются три (иногда два) утолщения: среднее, самое большое, выделено кольцевой нарезкой или уступом, которые часто пересечены короткой глубокой продольной канавкой (прорезью). Насад всегда выделен (нижнее расширение) и часто ограничен срезами. Поперечное сечение обычно слегка уплощенное, иногда выпукло-вогнутое – в соответствии с изгибом кости, иногда почти плоское. Перо узкое, плоское, иногда ромбовидной формы (верхнее расширение), иногда просто заострено. Несмотря на очевидный стандарт в изготовлении этого типа наконечников и существование почти идентичных экземпляров, в целом серия неоднородна и различается размерами (от 8 до 16 см), пропорциями, рисунком изгибов. Всего этот тип насчитывает 21 изделие (рис. 4: 17–23, 28–37), не считая незавершенные или частично переоформленные предметы (рис. 4: 1).

Этому типу изделий близки наконечники *с небольшим плавным утолщением, тонким игловидным острием и выделенным насадом*; сечение округлое (рис. 4: 12, 13), длина целых экземпляров около 9 см (5 экз.). От сходных артефактов из мезолитического слоя Озерков 5 (Жилин, 2016. Рис. 11–19) их отличает четко ограниченный короткий выделенный насад. В то же время идентичные формы можно отметить, например, в верхневолжских материалах Берендеево V (Уткин, 1985. Рис. 2–9), на Сахтыше 2а.

Есть также изделия (5 экз.) *с крупной веретенообразной головкой*, по центру которой идет кольцевая канавка, и выделенным насадом, вплотную примыкающим к ней (рис. 4: 8–11); у одного экземпляра тоже оформлено игловидное острие. В Окаево 18а найден очень близкий экземпляр (Жилин, 1997. Рис. 5: 10; 2001. Рис. 9: 8) в нижнем культурном слое.

Единичные формы включают небольшой наконечник *с объемным перьевидным острием* и также характерным выделенным уступом-насадом (рис. 4: 7).

Рис. 4. Замостье 2. Наконечники стрел.
Ранний неолит (верхневолжская культура)

Фото О. В. Лозовской, рисунки В. М. Лозовского

Игловидные наконечники в слое верхневолжской культуры представлены серией (10 экз.) целых изделий длиной 9–12 см (рис. 4: 5, 6, 26). Мелкие игловидные формы (4 экз.) длиной 7–8 см имеют приостренные концы (рис. 4: 4, 14–16). Самыми длинными изделиями являются четыре наконечника длиной 14–16 см (диаметр – 5–8 мм) (рис. 4: 24, 25). Крупные игловидные наконечники, подобные найденным в мезолитических слоях, отсутствуют. Однако найдено много обломков игловидных стержней диаметром от 4,5 до 7–8 мм.

Наконец, шестью экземплярами представлены простые *иволистные* наконечники (рис. 4: 2, 3), два из них вырезаны из ребра животного. Нестандартным является уплощенный наконечник *с длинным треугольным пером* (рис. 4: 27).

Приведенные выборочные аналогии раннеэнеолитическим костяным наконечникам стоянки Замостье 2 показывают, что население в эту эпоху было достаточно однородным.

Среднеэнеолитический слой (льяловская культура) (рис. 5)

Наконечники стрел льяловского поселения среднего неолита знаменуют собой довольно резкую смену отдельных типов и системы крепления в целом, которая проявилась в двух основных типах черешка – плоском в виде лопаточки и тонком заостренном.

На смену укороченным и коротким *игловидным наконечникам* раннего неолита, обычно с чуть зауженным насадом, пришли массивные ровные стержни длиной до 20 см и более, с округлым поперечным сечением, слегка сужающиеся к острию (10 экз.) (рис. 5: 27–32). Короткий плоский черешок «лопаточкой», ограниченный с двух сторон (реже с четырех) уступами, часто украшался геометрическим орнаментом (сеткой) (рис. 5: 28), а прилегающие участки стержня могли отмечаться «знаками собственности», в частности – крестиками (рис. 5: 18).

Широкий плоский насад наблюдается и на *коротких широких наконечниках с уплощенным сечением* (4 экз.), у двух самых крупных – ограниченное подтреугольное острие (рис. 5: 23, 24, 26). Аналогичная форма черешка-лопаточки у необычного массивного наконечника *с расширенной головкой* (рис. 5: 25).

Несколько случайными выглядят на этом фоне четыре *простых игловидных наконечника* средней длины (рис. 5: 22) и короткий плоский с двумя заострениями, как в нижележащем слое (рис. 5: 14). К игловидным индивидуальным формам также можно отнести нестандартный экземпляр с двумя заострениями и боковыми нарезками в широкой части (рис. 5: 13).

Среди фигурных наконечников два типа получили наибольшее распространение.

Первый тип – *биконический с острыми концами, огранкой поверхности и пояском* в расширенной части (9 экз.); размеры наконечников колеблются от 8 до 12 см (рис. 5: 2–8, 21).

Второй тип – это *веретеновидные* изделия с выделенным маленьким коническим острием (9 экз.), черешок оформлен в виде тонкого стерженька или заострения (рис. 5: 9–12). Размеры изделий от 5 до 7 см. Представлены также сломанные и переоформленные экземпляры (рис. 5: 15, 16, 19, 20).

Единственный наконечник *с тупым концом* выполнен в форме цилиндра с заостренным с боков насадом (рис. 5: 1). Единично представлен *крупный*

Рис. 5. Замостье 2. Наконечники стрел. Средний неолит (льяловская культура)
 Фото О. В. Лозовской, рисунки В. М. Лозовского

плоский наконечник с длинным иволистным пером и коротким насадом длиной 15 см (рис. 5: 17).

Как игловидные с плоским черешком, так и биконические и веретеновидные наконечники являются типичными изделиями для льяловской культуры среднего неолита, они встречены на многих стоянках этого периода в Волго-Окском междуречье (прежде всего, на стоянках Сахтышской, Берендеевской и Ивановской групп памятников) (*Костылева, Уткин, 2010; Уткин, 1984; 1989*).

Культурно-хронологические особенности наконечников стоянки Замостье 2

Таким образом, типологический набор представленных наконечников стрел очень широк, но не всегда он отражает выработанные формы.

Даже среди такой универсальной для мезолита и неолита формы изделий, как игловидные наконечники, в рамках каждого периода существует большое число вариаций в размерах, пропорциях, оформлении острия и насада. И лишь в некоторых случаях (длинные наконечники с орнаментом или треугольным пером из ВМ-слоя или с плоским насадом-лопаточкой из слоя среднего неолита) за этим стоит четкий культурно-хронологический контекст.

Некоторые типы фигурных и биконических форм наконечников, напротив, часто обладают выраженной привязкой ко времени, что не исключает большого числа переходных форм, смазывающих общую картину. Вряд ли также можно с уверенностью говорить о последовательном видоизменении каких-либо конкретных форм, но лишь об их появлении, бытовании и исчезновении. Наиболее ярко это проявляется в формах насадов раннего и среднего неолита.

Все эти особенности фиксируются на фоне общей преемственности в хозяйстве (охота – рыболовство – собирательство) и в большей части остального инвентаря (проколки, роговые тесла, ножи из ребер, скошенные орудия 45°, режущие инструменты из челюстей бобра). Другими словами, можно, с одной стороны, говорить либо о сохранении аборигенного населения, либо о выполнении неких универсальных задач (охотничьих, рыболовных практик), обусловивших, например, долгое бытование игловидных наконечников, а с другой – о привнесении явно новых форм и идей в конструкцию и оформление стрел.

Развитие костяных наконечников стрел в контексте региона

Краткий итог – типолого-хронологическая схема развития наконечников стрел на поселении Замостье 2.

Так, в перв. пол. VII тыс. cal BC (нижний слой позднего мезолита) важной частью охотничьего вооружения являются игловидные наконечники стрел; часть изделий имели уплощенные насады.

Во втор. пол. VII тыс. cal BC (верхний слой позднего мезолита) широко используются длинные игловидные наконечники стрел с по-разному оформленным боевым концом (треугольник, ромб, крылья), часто украшенные орнамен-

том в виде зигзага, лесенки, сетки. Средние и короткие игловидные экземпляры часто имеют индивидуальные черты. Насады изделий преимущественно слабо-зауженные симметричные. Появляется небольшая серия миниатюрных наконечников с биконической головкой. Тупые и с массивным коническим концом наконечники представляют важную часть охотничьего оснащения. Яркой чертой комплекса являются богато украшенные орнаментом вкладышевые наконечники стрел с длинным направленным книзу шипом.

Переходный период к раннему неолиту (слои финального мезолита, ок. 5950–5750 гг. cal BC) отмечается рядом индивидуальных форм наконечников – игловидный с одним крылом, плоское изделие с крупным треугольным пером, игловидный наконечник со скошенным острием и орнаментом. Короткие игловидные формы отсутствуют. Разнообразны наконечники с тупым или массивным боевым концом.

В период бытования верхневолжской культуры (ок. 5700–5400 гг. cal BC) появляются новые технологии. Это проявляется, в частности, в новых методах крепления наконечников стрел, на что косвенно указывают разные формы фигурных наконечников с одним типом насада – расширенным и ограненным. Наиболее характерным для верхневолжского населения типом наконечника стал фигурный с тремя утолщениями. Игловидные острия продолжают бытовать, но в основном укороченных пропорций.

С момента появления поселений льяловской культуры среднего неолита (V тыс. cal BC) произошла резкая смена традиции в способах оформления насада наконечников и типах самих изделий. Основными типами эпохи становятся крупные игловидные наконечники стрел с плоским коротким черешком в виде лопаточки, а также биконические с огранкой и веретеновидные с плоским конусовидным острием, оба типа с тонким заостренным черешком. И в раннем, и в среднем неолите ареал представленных наконечников выходит далеко за рамки микрорегиона Замостье (включая Окамово и Нушполы).

Заключение и дискуссия

Материалы стоянки Замостье 2 показывают большое типологическое разнообразие наконечников метательного вооружения, которое отражает существовавшие в VII–V тыс. cal BC в Волго-Окском междуречье культурные процессы и сопутствующие им изменения охотничьих приемов, приспособлений или конструкций. Если в слоях позднего и финального мезолита представлено много индивидуальных форм, то с наступлением неолита некоторые типы зубчатых острий (Лозовская, Лозовский, 2013) и фигурных наконечников, в среднем неолите – игловидных и биконических, приобретают черты серийности и массовости. Это две основные тенденции – поступательные качественные изменения и уход от мезолитического разнообразия к некоему типологическому единству – находят неоспоримое подтверждение в комплексах охотничьего вооружения, но они не всегда очевидны при анализе иных аспектов материальной культуры и костяного инвентаря.

Следует отметить, что синхронные памятники региона (например, Окамово 4, 5 и 18а, Нушполы 11, Озерки 5), кажется, демонстрируют аналогичную картину.

Вместе с тем мезолитический комплекс Замостье 2 показывает определенное типологическое своеобразие. В частности, вариабельность форм внутри, например, игловидных или тупых наконечников здесь значительно более широкая, чем на других стоянках. Многие наконечники представляют собой единичные оригинальные формы.

Несколько общих замечаний для характеристики комплекса. Во-первых, процент орнаментированных простых наконечников в целом мал (максимальный в слое ВМ – 13,75 %), исключение составляют вкладышевые изделия. Износ и фрагментированность, напротив, очень высоки, что кажется логичным для базового поселения. Во-вторых, вопросы реконструкции крепления наконечников пока носят теоретический характер, поскольку ни одного древка с остатками крепления не найдено.

Наконец, вопрос о назначении всех выделенных типов наконечников стрел, и даже целых категорий (прежде всего, зубчатых острий, которые в данной статье не рассматриваются), витает в воздухе, но пока не стоит в повестке дня за недостатком доказательной базы. Приближенные к реальности имитативные эксперименты (охота на лося, бобра, птиц, лучение рыбы, ритуальные обряды и военные конфликты) слишком сложны для выполнения, а химические анализы пока не нацелены на решение подобных задач. Хронологическая схема развития метательного вооружения, в свою очередь, требует уточнения с помощью прямого датирования серий наконечников, как мезолитического, так и неолитического возраста. Первоочередной задачей дальнейших исследований стоит прямое датирование основных типов наконечников для решения вопросов абсолютной хронологии развития охотничьего вооружения и культурных процессов в Волго-Окском регионе в позднем мезолите – среднем неолите.

Материалы стоянки Замостье 2, представленные в статье, находятся на хранении в Сергеево-Посадском государственном историко-художественном музее-заповеднике.

ЛИТЕРАТУРА

- Жилин М. Г., 1993. Костяное вооружение древнейшего населения Верхнего Поволжья. М.: Русская равнина. 33 с., 16 л. ил.
- Жилин М. Г., 1997. Памятники мезолита и раннего неолита западной части Дубненского торфяника // Древности Залесского края: материалы к Междунар. конф. «Каменный век Европейских равнин» / Ред. Т. Н. Манушина. Сергиев Посад: СПГИХМЗ. С. 164–196.
- Жилин М. Г., 2001. Костяная индустрия мезолита лесной зоны Восточной Европы. М.: УРСС. 326 с.
- Жилин М. Г., 2004. Природная среда и хозяйство мезолитического населения центра и северо-запада лесной зоны Восточной Европы. М.: Академия. 141 с.
- Жилин М. Г., 2015. Костяные наконечники стрел в позднем мезолите Верхнего Поволжья // КСИА. Вып. 239. С. 271–286.
- Жилин М. Г., 2016. Наконечники стрел бутовской мезолитической культуры // SP. № 1. С. 137–167.
- Жилин М. Г., Костылева Е. Л., Уткин А. В., Энгватова А. В., 2002. Мезолитические и неолитические культуры Верхнего Поволжья. М.: Наука, 2002. 244 с.
- Замостье 2. Озерное поселение древних рыболовов эпохи мезолита – неолита в бассейне Верхней Волги / Отв. ред.: В. Лозовский, О. Лозовская, И. Кlemente Конте. СПб.: ИИМК РАН, 2013. 240 с.

- Костылева Е. Л., Уткин А. В., 2010. Неолитическая стоянка Ивановское II // Вестник Ивановского гос. ун-та. Серия «Гуманитарные науки». Вып. 4. С. 32–61.
- Лозовская О. В., 2001. Вкладышевые орудия стоянки Замостье 2 // Каменный век европейских равнин: объекты из органических материалов и структура поселений как отражение человеческой культуры: материалы Междунар. конф. (1–5 июля 1997 г.) / Ред. Т. Н. Манушина. Сергиев Посад: Подкова. С. 273–291.
- Лозовская О. В., Лозовский В. М., 2013. Зубчатые острия и наконечники с зубцом стоянки Замостье 2 // Замостье 2. Озерное поселение древних рыболовов эпохи мезолита – неолита в бассейне Верхней Волги / Отв. ред.: В. Лозовский, О. Лозовская, И. Кlemente Конте. СПб.: ИИМК РАН. С. 76–109.
- Лозовский В. М., 1993. Костяное охотничье вооружение первобытного населения Волго-Окского междуречья // СА. № 2. С. 15–23.
- Ошибкина С. В., 1997. Веретье 1. Поселение эпохи мезолита на Севере Восточной Европы. М.: Наука. 204 с.
- Стоянка Замостье 2 и развитие природной среды Волго-Окского междуречья в голоцене: коллективная монография / Сост.: О. В. Лозовская, В. М. Лозовский. СПб.: ИИМК РАН, 2018. 214 с.: ил.
- Уткин А. В., 1984. Костяные изделия со стоянок Берендеево IV и VIII // КСИА. Вып. 177. С. 52–56.
- Уткин А. В., 1985. Костяные изделия стоянок Берендеево V и IX // СА. № 1. С. 143–150.
- Уткин А. В., 1989. Неолитическая стоянка Ивановское VI // СА. № 3. С. 229–231.

Сведения об авторе

Лозовская Ольга Владимировна, Институт истории материальной культуры РАН, Дворцовая наб., 18, Санкт-Петербург, 191186, Россия; e-mail: olozamostje@gmail.com

O. V. Lozovskaya

DEVELOPMENT OF BONE ARROWHEADS
IN THE UPPER VOLGA LOWLAND IN VII–V CAL BC:
A CASE STUDY OF THE MULTILAYER SITE ZAMOSTJE 2

Abstract. Hunting equipment and, in the first place, projectile points are the most informative element of culture in ancient society. In the Late Mesolithic and Early Neolithic of the Upper Volga region, a large variety of bone arrowheads is observed, which reflects the local features of the indigenous and / or newcomer population. Using the materials from the site Zamostje 2 (306 items), we examined changes in the main types of arrowheads from the beginning of 7th to the end of the 5th millennium cal BC. The revealed characteristic forms of arrowheads for the five cultural layers (Late and Final Mesolithic, Upper Volga and L'yalovo Early and Middle Neolithic cultures) served as the basis for the proposed typological-chronological scheme of arrowheads development for the Zamostje 2 settlement and adjacent territories.

Keywords: Mesolithic, Neolithic, Volga-Oka region; wetland site Zamostje 2, bone antler industry, hunting equipment, arrowheads.

REFERENCES

- Kostyleva E. L., Utkin A. V., 2010. Neoliticheskaya stoyanka Ivanovskoye II [Neolithic station Ivanovskoye II]. *Vestnik Ivanovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya «Gumanitarnyye nauki»* [Bulletin of Ivanovo state university. Ser. «Humanities»], 4, pp. 32–61.
- Lozovskaya O. V., 2001. Vkladyshovyie orudiya stoyanki Zamost'ye 2 [Inserted tools from Zamostje 2 station]. *Kamennyy vek evropeyskikh ravnin: ob'yekty iz organicheskikh materialov i struktura poseleniy kak otrazheniye chelovecheskoy kul'tury* [Stone Age of European plains: objects from organic materials and settlement structure reflecting human culture]. T. N. Manushina, ed. Sergiyev Posad: Podkova, pp. 273–291.
- Lozovskaya O. V., Lozovskiy V. M., 2013. Zubchatyye ostriya i nakonechniki s zubtsom stoyanki Zamost'ye 2 [Barbed points from the site of Zamostje 2]. *Zamost'ye 2. Ozerneye poseleniye drevnikh rybolovov epokhi mezolita – neolita v bassejne Verkhney Volgi* [Zamostje 2. Lake settlement of the Mesolithic and Neolithic fishermen in Upper Volga region]. V. M. Lozovskiy, O. V. Lozovskaya, I. Clemente-Conte, eds. St. Petersburg: IIMK RAN, pp. 76–109.
- Lozovskiy V. M., 1993. Kostyanoye okhotnich'ye vooruzheniye pervobytnogo naseleniya Volgo-Okskogo mezhdurech'ya [Bone hunters' weapons of ancient population of Volga-Oka area]. *SA*, 2, pp. 15–23.
- Oshibkina S. V., 1997. Veret'ye 1. Poseleniye epokhi mezolita na Severe Vostochnoy Evropy [Veret'ye 1. Settlement of Mesolithic age in North of Eastern Europe]. Moscow: Nauka. 204 p.
- Stoyanka Zamost'ye 2 i razvitiye prirodnoy sredy Volgo-Okskogo mezhdurech'ya v golotsene [Zamostje 2 settlement and evolution of environment in Volga-Oka interfluvium in Holocene]. O. V. Lozovskaya, V. M. Lozovskiy, eds. St. Petersburg: IIMK RAN, 2018. 214 p., ill.
- Utkin A. V., 1984. Kostyanyye izdeliya so stoyanok Berendeyevo IV i VIII [Bone items from Berendeyevo IV and VIII stations]. *KSIA*, 177, pp. 52–56.
- Utkin A. V., 1985. Kostyanyye izdeliya stoyanok Berendeyevo V i IX [Bone items from Berendeyevo V and IX stations]. *SA*, 1, pp. 143–150.
- Utkin A. V., 1989. Neoliticheskaya stoyanka Ivanovskoye VI [Neolithic station Ivanovskoye VI]. *SA*, 3, pp. 229–231.
- Zamost'ye 2. Ozerneye poseleniye drevnikh rybolovov epokhi mezolita – neolita v bassejne Verkhney Volgi [Zamostje 2. Lake settlement of the Mesolithic and Neolithic fishermen in Upper Volga region]. V. M. Lozovskiy, O. V. Lozovskaya, I. Clemente-Conte, eds. St. Petersburg: IIMK RAN, 2013. 240 p.
- Zhilin M. G., 1993. Kostyanoye vooruzheniye drevneyshego naseleniya Verkhnego Povolzh'ya [Bone weapons of earliest population of Upper Volga region]. Moscow: Russkaya ravnina. 33 p., 16 l. ill.
- Zhilin M. G., 1997. Pamyatniki mezolita i rannego neolita zapadnoy chasti Dubnenskogo torfyanika [Mesolithic and early Neolithic sites in western part of Dubna peat-bog]. *Drevnosti Zalesskogo kraya* [Antiquities of Zalesskiy land]. T. N. Manushina, ed. Sergiyev Posad, pp. 164–196.
- Zhilin M. G., 2001. Kostyanaya industriya mezolita lesnoy zony Vostochnoy Evropy [Bone industry of forest zone Mesolithic of Eastern Europe]. Moscow: URSS. 326 p.
- Zhilin M. G., 2004. Prirodnaya sreda i khozyaystvo mezoliticheskogo naseleniya tsentra i severo-zapada lesnoy zony Vostochnoy Evropy [Natural environment and economy of Mesolithic population of Center and North-west of forest zone of Eastern Europe]. Moscow: Akademiya. 141 p.
- Zhilin M. G., 2015. Kostyanyye nakonechniki strel v pozdnem mezolite Verkhnego Povolzh'ya [Bone arrowheads in the Late Mesolithic in the Upper Volga region]. *KSIA*, 239, pp. 281–286.
- Zhilin M. G., 2016. Nakonechniki strel butovskoy mezoliticheskoy kul'tury [Arrowheads of Butovo Mesolithic culture]. *SP*, 1, pp. 137–167.

About the author

Lozovskaya Olga V., Institute for the History of Material Culture Russian Academy of Sciences, Dvortsovaya nab. 18, St. Petersburg, 191186, Russian Federation; e-mail: olozamostje@gmail.com

Н. Б. Ахметгалиева

ТРАСОЛОГИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ КАМЕННОГО ОХОТНИЧЬЕГО ВООРУЖЕНИЯ СТОЯНОК ВЕРХНЕГО ПАЛЕОЛИТА БЫКИ*

Резюме. Определенная уникальность стоянок Пены, Быки-1, Быки-2, 3 и Быки-7 (слои I, Ib, Ia, Ic) заключается в присутствии серий геометрических микролитов (треугольников) в составе их кремневых коллекций 18–16 тыс. л. н. и фауне бореального подкомплекса мамонтового териокомплекса. В статье рассмотрены кремневые треугольники стоянок Быки как свидетельство древнейшего использования треугольников как наконечников стрел в Европе, представляющие собой отдельный тип треугольников поздней поры верхнего палеолита. Отмечена зависимость их формы от их конкретного использования и положения относительно древка или иной основы, что и является основным объяснением их отличия от других треугольных микролитов рассматриваемой эпохи.

Ключевые слова: метательное оружие, верхнепалеолитические стоянки Быки, экспериментально-трассологические методы исследований.

Внимание мировой научной общественности неоднократно было приковано к решению вопроса о развитии охотничьего метательного оружия и времени происхождения лука и стрел. Треугольники типа Быки остаются самыми древними в Европе треугольными микролитами, которые с момента открытия стоянки Быки-1 стали рассматриваться как возможные наконечники стрел. Так ли это?

Расположение комплекса стоянок Быки на стыке разных палеолитических регионов (Костёнковско-Борщевского, Десны, и степных стоянок Левобережья Украины) отразилось в своеобразии существовавшего здесь природного комплекса и материальных культур. Определенная уникальность стоянок Пены,

* Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ, проект № 18-00-00837 (КОМФ).

Быки-1, Быки-2, 3 и Быки-7 (слои I, Ib, Ia) заключается в присутствии серий геометрических микролитов (треугольников) в составе их кремневых коллекций 18–16 тыс. л. н. и фауне бореального подкомплекса мамонтового териокомплекса позднего верхнего палеолита (Ахметгалеева, 2015). Идентичное технологическое исполнение артефактов и всех их сложных элементов, очень высокая степень сходства этих археологических комплексов находок предполагает генетическое единство людей с этих стоянок. Основными объектами охоты были заяц, песец, дикая лошадь и северный олень (Ахметгалеева, Бурова, 2008). Теоретически основными орудиями охоты на них могли быть (помимо ловушек) копье-металка с дротиками или лук со стрелами. Насколько это отражено в метательном инвентаре стоянок?

С момента открытия группы стоянок Быки возникла дискуссия об их культурной принадлежности. Особое место в этой дискуссии отводилось роли именно кремневых треугольных микролитов. Их в первую очередь сравнивали с аналогичными формами каменного инвентаря других хронологически близких стоянок. Первыми прозвучали версии о принадлежности стоянок Быки к мадлену, и спор шел только о его стадиях. Наиболее четко свою позицию сформулировал в этом вопросе Г. П. Григорьев, выделивший в материалах стоянок сочетание мадленских и тарновских типологических элементов (Григорьев, 2006; 2008) для хронологически раннего комплекса позднего верхнего палеолита. К «восточному эпиграветту» с определением треугольников как «*треугольных острий типа тарденуа*» отнес данные памятники К. Н. Гаврилов (Гаврилов, 2014). Первый исследователь стоянки Быки-1 А. А. Чубур видел аналогии треугольникам в мезолитических иеневской и аренсбургской культурах (Чубур, 2001. С. 63).

Параллельно возникали вопросы о том, не может ли присутствие большой серии треугольных микролитов в инвентаре стоянок быть не более чем отражением разной функциональной направленности вскрытых участков или особенностями используемого сырья. Исследования последних лет полностью опровергли это предположение. Данные стоянки относятся к разным функционально-хозяйственным типам, имеют разные структуры и сезоны обитания, а используемое каменное сырье на них едино. Чтобы правильно оценить присутствие данных изделий в каменных коллекциях стоянок Быки, необходимо понять их функциональное назначение.

Следует отметить, что при первом же кратком ознакомлении с треугольниками Быков-1 известный специалист в области трасологии метательного оружия эпохи палеолита Д. Ю. Нужный (НАН Украины) осторожно связал их деформацию с метательным назначением (Личное сообщение). В своей монографии, ссылаясь на Дмитрия Юрьевича, А. А. Чубур уверенно заявил о том, что данные микролиты являются наконечниками стрел (Чубур, 2001. С. 63). Однако никаких конкретных трасологических объяснений/ доказательств предоставлено не было, поэтому гипотеза оставалась гипотезой.

В течение десяти последних лет неоднократно предпринимались попытки на разном уровне произвести трасологические исследования треугольных микролитов типа Быки. По завершении каждого этапа работ и при получении определенных результатов возникали все новые и новые вопросы. В данной работе будут представлены хронологические этапы и результаты исследований.

Методика

Материалы кремневых микролитов со стоянок Быки были исследованы с применением методик Экспериментально-трасологической школы ИИМК РАН.

При просмотре треугольников и фотофиксации макроизноса были использованы стереотринокуляр Альтами СМ-ТП (увеличение от $\times 15$ до $\times 75$), при изучении микроизноса применялся металлографический микроскоп Полам (увеличение $\times 100$ и 200).

В своей работе я опиралась на описания макроповреждений (известных и хорошо документированных) в работах специалистов в этой области (см., например: *Нужный*, 2008; *Sano*, 2012). Результаты трасологического исследования кремневых треугольников стоянок Быки сопоставлены и с основными известными характеристиками треугольников мадлена в контексте позднего верхнего палеолита Европы. В то же время определенные сравнения проводились и с треугольниками финального палеолита, мезолита Европы.

Треугольники типа Быки: технологические и функциональные особенности

Первые результаты были получены в 2001–2005 гг. Тогда изучение каменных изделий производилось только под большим увеличением от $\times 60$ до $\times 200$ (*Ахметгалиева*, 2005). Были выявлены примерно одинаковые следы использования и, соответственно, функциональное назначение треугольников. Микроследы отсутствовали, что вполне отвечало характеристикам вкладышей метательного оружия. На ряде предметов наблюдалась очень слабая заполировка от прокалывания мягкого материала в сочетании со слабыми следами проникновения/резания мяса на участках вблизи кончиков острия. Исследование «микроизноса» ретушированных кромок треугольников показало их контакт с деревом, означающий использование деревянных древков. При непосредственном изымании из культурного слоя микролитов было подмечено, что некоторые из них были наполовину покрыты патиной. Граница между патинированным и непатинированным участком орудия была четкая и проходила почти параллельно необработанному лезвию. Патинировано было, соответственно, лезвие, открытое во время использования. С течением времени поверхность кремня покрывалась патиной полностью. Данное наблюдение позволяло на уровне утверждения обосновать определенное расположение некоторых микролитов по отношению к древку. Первоначально было предположено боковое вложение в древко метательного или иного охотничьего оружия. Но не была исключена вероятность их использования в отдельных случаях (возможно, повторно) в качестве вкладышей мясных ножей, тем более что отмечался недостаток сырья для производства крупных пластин, удобных при разделке туш животных.

С 2012 г. была возобновлена работа по изучению треугольников. Технологические особенности изготовления кремневых микролитов стоянок Быки были изучены Ю. Э. Демиденко (*Ахметгалиева, Демиденко*, 2017). Он обратил внимание на присутствие технико-типологической связи первичного производства

узких и недлинных пластин, из которых затем изготавливались треугольные микролиты. Необходимые для изготовления треугольников пластины конвергентной и трапециевидной формы объясняют кажущуюся примитивность «нерегулярных» нуклеусов в коллекциях стоянок Быки с отсутствием среди них столь типичных для граветта и эпиграветта продольных и бипродольных нуклеусов прямоугольной и цилиндрической формы.

Комплекс технологических приемов производства треугольников оказался важным для определения культурной принадлежности стоянок, тем более что в двух комплексах Быков-7 они являются основным типом орудий. В Быках-1 треугольники имеют косотронкированное основание, а в двух комплексах Быков-7 присутствуют изделия как с косо-, так и прямотронкированным основанием. После оформления основания будущего треугольника простой притупляющей ретушью происходило ретуширование более длинной латерали. Это выделяет данные изделия среди хронологически близких треугольников других памятников.

Получается, что по заготовкам треугольники со стоянок Быки близки треугольникам финального палеолита – мезолита Европы, но последние преимущественно ретушировались полукрутой и/или пологой ретушью. По вторичной обработке треугольников только притупляющей ретушью треугольники типа Быки аналогичны треугольникам мадлена, но последние изготавливались на пластинках и длинный латеральный край у них оставался неретушированным, что связано, по мнению ряда исследователей (*Taller et al.*, 2012), с использованием их исключительно как боковых компонентов дротиков при охоте с копьеметалками.

В 2013 г. состоялось обсуждение функции микролитов со стоянок Быки на Международной конференции, проведенной в рамках работы научной организации «Преистория» в г. Курчатове. М. Г. Жилиным было отмечено, что некоторые из них повреждены аналогично мезолитическим треугольникам с косолезвийным вложением в древко. Это заставило вновь вернуться к их тра-сологическому изучению, но уже на другом уровне. Треугольники были заново рассмотрены на макроуровне.

Результаты

Выяснилось, что сильной деформации подверглось в целом 30–40 % треугольников, еще около 30 % имеют слаборазличимые следы макроизноса (мелкие выщербинки и т. п.), которые можно в некоторых случаях принять за маргинальную ретушь. Остальная часть является или недоделанными треугольниками или не имеет следов износа. Во время исследований учитывался характер патины на плоскостях изломов по отношению к остальной части поверхности изделия в целях исключения более поздних и современных повреждений.

Результаты функционального исследования треугольных микролитов стоянок Быки под $\times 15$ – $\times 45$ увеличением на предмет макроизноса показали одинаковые вариации следов использования треугольников и с Быков-1, и с Быков-7. Соответственно, функциональное назначение двух подтипов треугольников сходно. Но вот процентное соотношение разных комбинаций следов на разных типах треугольников несколько отличается.

Рассмотрим выявленные комбинации следов деформации кромок треугольников.

Первый блок следов: отсутствуют визуально различимые макроповреждения (рис. 1: 1а, в), но при просмотре треугольников под увеличением не менее $\times 10$ –15 отмечается легкая гофрированность и скругление кромок неретушированных латералей (рис. 1: 1з). Иногда в этих случаях наблюдаются визуально плохо различимые мелкие и средние фасетки. Они в большинстве случаев расположены поперечно относительно кромок лезвия, и только крупные фасетки имеют наклон в сторону острия, если расположены около острия, или в сторону основания при расположении около основания (рис. 1: 1б, д). Данные изделия, вероятно, *или не использовались, или использовались кратковременно*. Точное вложение в древко установить не удастся.

Второй блок следов. Следы выкрошенности на необработанной латерали концентрируются участками около кончика острия и/или в центре (рис. 1: 2). Присутствует также небольшой поперечный или косопоперечный излом самого кончика (рис. 1: 2б, з–е). В некоторых случаях есть выкрашивание острия с наличием микрофасеток и псевдомикрорезцовых негативов со ступенчатым окончанием (рис. 1: 2в, з, ж). Фрагментация псевдорезцовым снятием, которое идет по дуге от кончика острия и до основания, косо срезая и угол треугольника, и угол между основанием и неретушированной латералью и продольно фрагментируя собственно эту неретушированную латераль (рис. 1: 2, а, в).

Данные следы указывают на вероятность *продольного крепления* острия в древко.

Как вариацию данного типа повреждений следует рассмотреть и фрагментацию кончика острия, достигающую более одной трети предмета при отсутствии других повреждений и являющуюся особенностью продольного вложения острия в древко. К данным случаям, возможно, следует отнести и некоторые примеры раскола треугольника на три части, когда мы наблюдаем в коллекции или острия треугольников, или средние части. Но отметим, что в случаях с поперечно расположенными выломами на латерали нельзя исключать и поперечное вложение (рис. 1: 2б).

Третий блок следов связан с *косолезвийным и даже поперечнолезвийным креплением* наконечника в древко (рис. 2):

- фиксируются следы выкрошенности на необработанной латерали, концентрирующиеся участками в центре и/или возле тронкированного основания, сам угол основания и неретушированной латерали немного фрагментирован (рис. 2: д, к);

- сильная фрагментация угла основания и неретушированной латерали с отсутствием других видимых повреждений (рис. 2: а, ж);

- сочетание повреждения кончика острия с фрагментацией угла тронкированного основания и неретушированной латерали и выкрошенностью участками по латерали (рис. 2: б–з, е, з, и). Поперечный или косопоперечный излом кончика острия создает между плоскостью излома и ретушированной латералью чаще всего тупой угол. Мелкие и средние фасетки повреждений в большинстве случаев расположены поперечно относительно кромок лезвия, в то время как крупные фасетки повреждений имеют наклон в сторону острия, если

Рис. 1. Варианты макроповреждений на треугольниках с макрофотографиями кромок разных микролитов (увеличение $\times 15$)

1 – визуально не видимые повреждения: а – № 27/2014, Быки-1; б – № 40/2013, Быки-7/1а; в – свежие кромки, № 93/2014, Быки-7/1а; з – визуально не видимые повреждения на острие и углу основания и неретушированной латерали, № 12/2014, Быки-7/1а; д – центр неретушированной латерали около угла облома основания микролита № 117/2013, Быки-7/1а

2 – повреждения, указывающие на вероятность продольного положения: а – № 332/2003; б – 74/2014, Быки-7/1а; в – № 456/2003, Быки-7/1; з – № 246/2003, Быки-7/1а; д – обломанный кончик острия и неповрежденное основание, № 74/2014, Быки-7, 1а; е – средний фрагмент и угол № 322/2013, Быки-7/1а; жс – псевдорезцовые повреждения на острие и неповрежденное основание, № 248/2003, Быки-7/1

Рис. 2. Макроповреждения на треугольниках, указывающие на вероятность косозевийного или поперечного положения, с макрофотографиями кромок разных микролитов (увеличение $\times 15$)

а – № 135/2000, Быки-7/І; *б* – № 16/2013, Быки-7/Іа; *в* – ступенчатые изломы на острие, угол излома неретушированной латерали и излом основания, № 16/2013, Быки-7, Іа; *г* – № 402/2000, Быки-7/І; *д* – визуально не видимые повреждения на острие: углы – между короткой латералью и основанием и между длинной латералью и основанием, п/м, № 35/2014, Быки 1; *е* – псевдорезцовые повреждения на острие № 387/2003, Быки-7/І; *ж* – № 100/2000, Быки-7/І; *з* – № 381; *и* – № 166/2014, Быки-7/Іа; *к* – ретушь на острие и углу основания с брющка, № 40/2013, Быки-7/Іа

расположены около острия, или в сторону основания при расположении около основания. В некоторых случаях на фоне облома угла основания присутствует выкрашивание острия с наличием микрофасеток и псевдомикрорезцовых негативов со ступенчатым окончанием (рис. 2: *е*).

Отметим особенности сочетания повреждений на треугольниках: если есть значительное фрагментирование угла основания, то кончик острия в меньшей

степени поврежден, и наоборот. В случаях со слабой и средней степенью деформации степень фрагментации острия и кончика или немного перевешивает то в одну, то в другую сторону, или наблюдаются равнозначные повреждения. Есть случай сочетания серии повреждений, когда выкрошенность либо фиксируется с обеих сторон, либо приходится на ретушированную латераль, в том числе с повреждением углов оснований.

На сильно поврежденном треугольнике из I культурного слоя стоянки Быки-7 была выявлена линейная заполировка, направление которой подтверждает косозевийное крепление треугольника на конце древка стрелы (Ахметгалеева, Демиденко, 2015. С. 217, 218).

Обсуждение

Вышеописанные макроследы рассматриваются как следствие не просто метательного износа треугольников в качестве компонентов охотничьего метательного вооружения, а именно как *колющего элемента* наконечников древков стрел для лука. Почему именно для лука? В принципе, однозначно именно их расположение как колющего элемента. Размеры треугольников очень вариативны, но в целом невелики – 1,0–3,6 см длиной. Преобладающее большинство микролитов не более 2,5 см. Если учесть состав фауны в целом, увеличение количества костных остатков пушного зверя и птиц одновременно с увеличением в каменном инвентаре стоянок количества микролитов, то логично предположить между этим связь. Полагаю, что развитие охоты на средних и мелких животных способствовало развитию охотничьего вооружения, а конкретно – использованию лука и стрел, так как это наиболее оптимально отвечает характеру охотничьей добычи. Представление треугольников как наконечников стрел больше соответствует и их параметрам в сочетании с особенностями их вложения в древко.

При преимущественном использовании треугольников типа Быки как колющих элементов, результаты изучения совокупности повреждений на треугольниках и их сопоставление с экспериментальными данными (см. также: Lombard, Pargeter, 2008; Lombard, Phillison, 2010; Нужный, 2015) показали разнообразное вложение в древко треугольников на стоянках Быки.

При этом среди треугольников с косотронкированным основанием преобладает, предположительно, продольное вложение треугольника в древко, когда присутствует или минимальная выкрошенность по латерали от острия, или только фрагментация кончика острия. Среди треугольников с прямотронкированным основанием преобладает косозевийное вложение в древко, характеризующееся диагональным повреждением угла основания, а также сочетанием повреждения угла основания, кончика острия и наличием крупных фасеток с косой направленностью от кромки в сторону основания.

Полагаю, что мы наблюдаем зависимость формы треугольников стоянок Быки от их конкретного использования и вложения в древко. В первую очередь с этим связано ретуширование именно наиболее длинной латерали. Обратим внимание еще на один аспект: треугольники с косотронкированным основанием являются, судя по материалам Пенской стоянки и Быков-1, единственной формой треуголь-

ников и, соответственно, наиболее хронологически древней формой треугольников типа Быки. Возможность сравнения разных форм микролитов по материалам четырех культурных слоев (I, Ib, Ia и Ic) стоянки Быки-7 позволила вновь вернуться к вопросу о хронологической последовательности возникновения разных форм треугольников стоянок Быки, их конкретного использования и вложения в древко. Количественное сопоставление по слоям разных форм микролитов подтверждает гипотезу о том, что именно треугольники с косотронкированным основанием являются более древней формой треугольных микролитов – наконечников стрел. Процент микролитов с прямотронкированным основанием неуклонно растет от нижних слоев к верхним. При этом в коллекциях разных слоев стоянки Быки-7 треугольники с косотронкированным основанием имеют только незначительные макроповреждения, в то время как около 80 % треугольников с прямотронкированным основанием имеют сильные макроповреждения метательного характера. Почему? Это может быть следствием различной устойчивости двух форм микролитов при вложении в древко или имеющихся отличиях в креплении.

Зависимость формы треугольников стоянок Быки от их конкретного использования и положения в древке, полагаем, является основным объяснением их отличия, например, от мадленских треугольников. Этим можно объяснить и само присутствие треугольников в коллекциях стоянок Быки, в то время когда на хронологически близких памятниках используются микропластинки с притупленным краем в качестве боковых вкладышей метательного вооружения (*Нужный*, 2008. С 195, 196). Иначе говоря, форма вкладышей может быть предопределена их конкретным положением в основе.

Благодарности. Автор выражает свою благодарность за сотрудничество Ю. Э. Демиденко и Н. Д. Буровой. Особую признательность я хочу выразить за бесценные консультации Д. Ю. Нужному и М. Г. Жилину.

ЛИТЕРАТУРА

- Ахметгалиева Н. Б.*, 2005. Использование кости на верхнепалеолитических стоянках комплекса Быки Курской области: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Курск. 28 с.
- Ахметгалиева Н. Б.*, 2015. Каменный век Посеймья: верхнепалеолитическая стоянка Быки-7. Курск: Мечта. 254 с.
- Ахметгалиева Н. Б., Бурова Н. Д.*, 2008. Зооархеологические наблюдения и реконструкция функционального назначения вскрытых участков стоянки Быки-7 // *Человек, адаптация, культура* / Отв. ред. А. Н. Сорокин. М.: Гриф и К. С. 44–55.
- Ахметгалиева Н. Б., Демиденко Ю. Э.*, 2015. Роль костяных и кремневых наконечников в охотничьем метательном вооружении стоянок позднего верхнего палеолита Быки (центр Восточной Европы) // *SP. № 1*. С. 205–222.
- Ахметгалиева Н. Б., Демиденко Ю. Э.*, 2017. Комплексный анализ морфологии и типологии, технологии, следов износа по определению функционального назначения и индустриальной роли треугольников позднего верхнего палеолита стоянок Быки (Посеймье) // *Древний человек и камень: технология, форма, функция* / Отв. ред.: С. А. Васильев, В. Е. Щелинский. СПб.: Петербургское востоковедение. С. 198–208.
- Гаврилов К. Н.*, 2014. Восточный эпиграветт на территории бассейна Десны // *Верхний палеолит Северной Евразии и Америки: памятники, культуры, традиции*. СПб.: Петербургское востоковедение. С. 205–216.
- Григорьев Г. П.*, 2006. Сравнительная характеристика периодизаций верхнего палеолита и мезолита // *ТАС. Вып. 6. Т. I*. С. 87–95.

- Григорьев Г. П., 2008. Структура палеолита Десны // Хронология, периодизация и кросскультурные связи в каменном веке / Отв. ред. Г. А. Хлопачев. СПб.: Наука. С. 48–62. (Замятнинский сборник; вып. 1.)
- Нужный Д. Ю., 2008. Розвиток мікролітичної техніки в кам'яному віці: удосконалення зброї первісних мисливців. Київ: КНТ. 308 с.
- Нужный Д. Ю., 2015. Верхній палеоліт Західної і Північної України (техніко-типологічна варіабельність та періодизація). Київ: Олег Філюк. 478 с.
- Чубур А. А., 2001. Быки. Новый палеолитический микрорегион и его место в верхнем палеолите Русской равнины. Брянск: Брянск сегодня. 132 с.
- Lombard M., Pargeter J., 2008. Hunting with Howiessons Poort segments: pilot experimental study and the functional interpretation of archaeological tools // JAS. Vol. 35. Iss. 9. P. 2523–2531.
- Lombard M., Phillipson L., 2010. Indicational of bow and stone-tipped arrow use 64 000 years ago in KwaZulu-Natal, South Africa // Antiquity. Vol. 84. Iss. 325. P. 635–648.
- Sano K., 2012. Functional variability in the Late Upper Palaeolithic of North-Western Europe. A traceological approach. Bonn: Verlag Dr. Rudolf. 243 p. (Universitaetsforschungen zur praehistorischen Archaeologie; Bd. 219.)
- Taller A., Beyries S., Bolus M., Conard N. J., 2012. Are the Magdalenian backed pieces from Hohle Fels just projectiles or part of a multifunctional toolkit? // Mitteilungen der Gesellschaft für Urgeschichte. Bd. 21. P. 37–54.

Сведения об авторе

Ахметгалева Наталья Борисовна, Курчатовский государственный краеведческий музей, ул. Молодежная, 12, Курчатов, 307251, Курская обл., Россия; e-mail: achmetga@mail.ru

N. B. Akhmetgaleyeva

THE TRACEWEAR STUDY OF STONE HUNTING WEAPONS AT THE BYKI UPPER PALEOLITHIC SITE

Abstract. A certain uniqueness of the Peny, Byki-1, Byki-2, 3 and Byki-7 sites (layers I, Ib, Ia, Ic) is manifested in the presence of a series of geometric triangles in sets of flint artifacts in the period of 19,000–16,000 B.P. (uncalibrated) and the fauna of the boreal subcomplex of the mammoth theriocomplex referred to the late Upper Paleolithic. The paper suggests that the flint triangles from the Byki sites should be viewed as an evidence of the earliest use of triangles as arrowheads in Europe around 18,000–16,000 B.P. (uncalibrated), making these Byki triangles a special type of artifacts of the early – late Upper Paleolithic. There is correlation between the shape of the Byki triangles and their specific function and the way they were inserted into the shaft; such specific features set these triangles apart from other triangular microliths of the period in question.

Keywords: throwing weapons, Upper Paleolithic Byki sites; experimental and trace-wear methods of research.

REFERENCES

- Akhmetgaleyeva N. B., 2005. Ispol'zovanie kosti na verkhnepaleoliticheskikh stoyankakh kompleksa Byki Kurskoy oblasti: avtoreferat dissertatsii ... kandidata istoricheskikh nauk [Use of bone at Upper Palaeolithic stations of complex Byki, Kursk region: Ph.D. Thesis Abstract]. Kursk. 28 p.

- Akhmetgaleyeva N. B., 2015. Kamennyy vek Poseym'ya: verkhnepaleoliticheskaya stoyanka Byki-7 [Stone Age of Seym region: Upper Palaeolithic station Byki-7]. Kursk: Mechta. 254 p.
- Akhmetgaleyeva N. B., Burova N. D., 2008. Zooarkheologicheskiye nablyudeniya i rekonstruktsiya funktsional'nogo naznacheniya vskrytykh uchastkov stoyanki Byki-7 [Zooarchaeological observations and reconstruction of functional character of investigated areas of station Byki-7 in Seym region based on zooarchaeological data]. *Chelovek, adaptatsiya, kul'tura [Man, adaptation, culture]*. A. N. Sorokin, ed. Moscow: Grif i K, pp. 44–55.
- Akhmetgaleyeva N. B., Demidenko Yu. E., 2015. Rol' kostyanykh i kremnevykh nakonechnikov v okhotnich'yem metatel'nom vooruzhenii stoyanok pozdnego verkhnego paleolita Byki (tsentr Vostochnoy Evropy) [Role of bone and flint points in hunter's throwing weaponry at late Upper Palaeolithic sites Byki (Center of Eastern Europe)]. *SP*, 1, pp. 205–222.
- Akhmetgaleyeva N. B., Demidenko Yu. E., 2017. Kompleksnyy analiz morfologii i tipologii, tekhnologii, sledov iznosa po opredeleniyu funktsional'nogo naznacheniya i industrial'noy roli treugol'nikov pozdnego verkhnego paleolita stoyanok Byki (Poseym'e) [Complex analysis of morphology and typology, technology, use-wear traces for determination of function and industrial role of triangles of late Upper Palaeolithic from Byki settlements (Seym region)]. *Drevniy chelovek i kamen': tekhnologiya, forma, funktsiya [Early man and stone: technology, shape, function]*. S. A. Vasil'ev, V. E. Shchelinskiy, eds. St. Petersburg: Peterburgskoe vostokovedenie, pp. 198–208.
- Chubur A. A., 2001. Byki. Novyy paleoliticheskiy mikroregion i ego mesto v verkhnem paleolite Russkoy ravniny [Byki. New Palaeolithic microregion and its place in Upper Palaeolithic of Russian Plain]. Bryansk: Bryansk segodnya. 132 p.
- Gavrilov K. N., 2014. Vostochnyy epigravett na territorii basseyna Desny [Eastern epi-Gravette in territory of Desna basin]. *Verkhniy paleolit Severnoy Evrazii i Ameriki: pamyatniki, kul'tury, traditsii [Upper Palaeolithic of North Eurasia and America: sites, cultures, traditions]*. St. Petersburg: Peterburgskoye vostokovedeniye, pp. 205–216.
- Grigor'yev G. P., 2006. Sravnitel'naya kharakteristika periodizatsiy verkhnego paleolita i mezolita [Comparative characteristic of periodizations of Upper Palaeolithic and Mesolithic]. *TAS*, iss. 6, vol. I, pp. 87–95.
- Grigor'yev G. P., 2008. Struktura paleolita Desny [Structure of Desna Palaeolithic]. *Khronologiya, periodizatsiya i krosskul'turnyye svyazi v kamennom veke [Chronology, periodization and cross-cultural relations in Stone Age]*. G. A. Khlopachev, ed. St. Petersburg: Nauka, pp. 48–62. (Zamyatninskiy sbornik, 1.)
- Lombard M., Pargeter J., 2008. Hunting with Howiesons Poort segments: pilot experimental study and the functional interpretation of archaeological tools. *JAS*, vol. 35, iss. 9, pp. 2523–2531.
- Lombard M., Phillipson L., 2010. Indicational of bow and stone-tipped arrow use 64 000 years ago in KwaZulu-Natal, South Africa. *Antiquity*, vol. 84, iss. 325, pp. 635–648.
- Nuzhnyy D. Yu., 2008. Rozvytok mikrolitichnoy tekhniki v kam'yanomu vitsi: udoskonalennyya zbroi pervisnykh mislyvtiv [Development of microlithic technique in SATone Age: perfection of early hunters' weapons]. Kyiv: KNT. 308 p.
- Nuzhnyy D. Yu., 2015. Verkhniy paleolit Zakhidnoy i Pivnichnoy Ukraïny (tekhniko-tipologichna variabel'nist' ta periodyzatsiya) [Upper Palaeolithic of West and North Ukraine (technical-typological variability and periodization)]. Kyiv: O. Filyuk. 478 p.
- Sano K., 2012. Functional variability in the Late Upper Palaeolithic of North-Western Europe. A traceological approach. Bonn: Verlag Dr. Rudolf. 243 p. (Universitaetsforschungen zur praehistorischen Archaeologie, 219.)
- Taller A., Beyries S., Bolus M., Conard N. J., 2012. Are the Magdalenian Backed Pieces From Hohle Fels Just Projectiles or Part of a Multifunctional Tool Kit? *Mitteilungen der Gesellschaft für Urgeschichte*, 21, pp. 37–54

About the authors

Akhmetgaleyeva Natalia B., Kurchatov state museum of the Local Lore, ul. Molodezhnaya 12, Kurchatov 307251, Kursk Region, Russia; e-mail: achmetga@mail.ru

О. В. Вороненко

ОХОТНИЧЬЕ ВООРУЖЕНИЕ В КУЛЬТУРАХ ФИНАЛЬНОГО ПАЛЕОЛИТА НА ТЕРРИТОРИИ БЕЛОРУССКОГО ПОДНЕПРОВЬЯ

Резюме. В данной статье рассматриваются предметы охотничьего вооружения племен, обитавших на территории Белорусского Поднепровья в финальном палеолите. Источниковедческая база по финальному палеолиту Белорусского Поднепровья насчитывает более 60 памятников, из которых на 18 проводились стационарные раскопки. Проведенный технико-типологический анализ кремневых наконечников стрел с 15 поселений позволил сделать вывод о применении различных технологий при изготовлении предметов охотничьего вооружения. В результате исследований было установлено, что большинство известных в регионе предметов охотничьего вооружения было изготовлено в традициях бромме-лингби, аренсбургской, свидерской и гренской финальнопалеолитических культур.

Ключевые слова: финальный палеолит, Белорусское Поднепровье, наконечники стрел, поселения, культура бромме-лингби, аренсбургская культура, гренская культура, свидерская культура.

В кремневом инвентаре культур финального палеолита проявляется так много общих черт, что выбрать из них те, которые бы имели ограниченное локальное распространение, довольно проблематично. При описании коллекции памятника фиксируются все типы орудий – резцы, скребки, проколки, скобели, но понятно, что не все они одинаково информативны, когда дело доходит до определения культурной принадлежности памятника и его хронологии. По наиболее массовым на памятниках финального палеолита орудиям – резцам и скребкам – установить культурную атрибуцию памятника сложно. Поэтому основной упор в вопросе культурного различия большинство исследователей делают на охотничье вооружение, и в первую очередь на наконечники стрел. Примеров тому достаточно: гренская культура атрибутируется, прежде всего, по наличию так называемого наконечника гренского типа (асимметричного наконечника с боковой выемкой).

Следы пребывания в регионе населения лингбийской культурной традиции также определяются по присутствию крупных наконечников типа Лингби с четко выделенным со стороны спинки черешком и т. д.

Отталкиваясь от общепринятого в археологической науке тезиса о главенствующей роли наконечников стрел при определении культурной принадлежности, в работе будут рассмотрены основные типы наконечников стрел, встречающихся на стоянках финального палеолита Белорусского Поднепровья.

Минеральный состав отложений, в которых залегают культурные остатки того времени, не способствует сохранению каких-либо предметов за исключением каменных, в очень редких случаях сохраняется кость. В связи с этим для проведения сравнительно-типологического анализа мы будем использовать лишь наконечники из кремня.

Наиболее значимый вклад в исследования финального палеолита Белорусского Поднепровья внесли К. М. Поликарпович (*Палікарповіч*, 1928; 1930; *Поликарпович*, 1957а; 1957б; 1968), В. Д. Будько (*Будько*, 1966), В. Ф. Копытин (*Копытин*, 1991; 2000), В. П. Ксензов (*Ксензов*, 1986; 1988; 2006), Е. Г. Калечиц (*Калечиц*, 1987; 2003; 2013; *Калечиц і інш.*, 2010), И. Н. Езепенко (*Язэпенка*, 2014), А. В. Колосов (*Колосов*, 2012; 2013; 2015) и др. Благодаря их работам была сформирована современная источниковедческая база и на теоретическом уровне обоснована правомерность употребления термина «финальный палеолит» для территории Восточной Беларуси.

На сегодняшний день база данных по финальному палеолиту Белорусского Поднепровья насчитывает более 60 памятников, на 18 из которых проводились стационарные исследования и были получены наиболее представительные коллекции. Это стоянки Боровка (*Копытин*, 1991. С. 14–18), Лудчицы (Там же. С. 28–39), Дяльнее Лядо (Там же. С. 13), Коромка (Там же. С. 8–25), Гренск (Там же. С. 32–38), Горки (Там же. С. 49–54), Гута 1 (*Ксензов*, 2006. С. 19, 20), Городище 2 (Там же. С. 42, 43), Зборов 2 (*Вороненко*, 2017), Большие Бортники 1 (*Разлуцкая*, 2009; *Копытин*, 2001. С. 28, 29) и др.

Прежде всего, опираясь на материалы этих коллекций, мы будем рассматривать основные типы наконечников, используемые в финальном палеолите племенами различных археологических культур, обитавших на территории Верхнего Поднепровья в конце плейстоцена.

В настоящее время в регионе известны материалы как минимум четырех финальнопалеолитических культур: бромме-лингби, аренбургской (волкушанско-красносельской), гренской и свидерской. Каждая из культур имеет свои отличительные черты, выраженные в использовании различных технологий при изготовлении кремневого инвентаря, в том числе наконечников стрел. Рассмотрим подробнее их наиболее характерные типы: наконечники типа Лингби, аренбургские, гренские и наконечники свидерского типа.

Наконечники типа Лингби. Данный тип вооружения представляет собой наконечник стрелы или дротика, изготовленный из массивной пластины с выделенным черешком. Выделение черешка производилось посредством крутой ретуши по спинке или противоположащей. Острие орудия в основном необработанное, в некоторых случаях подправлялось крутой ретушью или резцовыми сколами. Наконечники типа Лингби имеют довольно крупные размеры, что отличает их

от аренбургских, изготавливаемых по схожей с лингбийскими технологии. Некоторые исследователи предлагают различать наконечники по размерам и приемам нанесения ретуши. Так, по В. Тауте, наконечник высотой более 5,5 см стоит отнести к типу Лингби, менее 5,5 см – к типу Аренбург. Другой позиции придерживаются М. Г. Жилин и Л. В. Кольцов, которые различают наконечники по ширине пластин-заготовок и применению ретуши: более 2 см – тип Лингби, менее 2 см – аренбургский тип; крупнофасеточная ретушь характерна только для наконечников типа Лингби (*Жилин, Кольцов*, 2008. С. 54).

Количество наконечников типа Лингби, известных на территории Белорусского Поднепровья, пока невелико. На сегодняшний день они известны в материалах стоянок Берестеново, Зборов 2, Коромка, Хвойная и Замковая Гора (г. Рогачев). За исключением последней, на всех производились раскопки.

В коллекции Берестеново из 13 наконечников к типу Лингби относится как минимум 9 экз. (рис. 1: 3, 4, 8–10). Это крупные и массивные наконечники стрел, иногда удлиненной формы, изготовленные из широких пластин и пластинчатых отщепов. Черешки широкие и толстые, выделенные крутой ретушью по спинке или противоположащей. Острие в большинстве случаев оставалось необработанным. Кроме симметричных в коллекции присутствует 4 асимметричных наконечника, у которых асимметрия задавалась за счет полной обработки одного из краев.

Следующим пунктом является стоянка Зборов 2, на которой кроме 4 симметричных и одного асимметричного наконечника стрелы имеется весьма редкая для Восточной Беларуси находка – наконечник дротика (рис. 1: 1). Изготовлен он из импортного кремня светло-серого цвета матового оттенка. Заготовкой служил массивный пластинчатый отщеп длиной 6,8 см, шириной до 5,1 см и толщиной у черешка 1,9 см. Черешок выделен по одному краю полукрутой ретушью, по противоположному – крупнофасеточной ретушью по брюшку. Перо изделия без вторичной обработки (*Ксензов и др.*, 2001. С. 45).

Еще один наконечник дротика был выявлен автором при работе с материалами коллекции со стоянки Замковая Гора (г. Рогачев) (рис. 1: 2). Наконечник изготовлен из мелового кремня невысокого качества. Заготовкой служил массивный пластинчатый отщеп. Черешок выделен крутой ретушью по спинке. Перо обработано с двух сторон полукрутой и крутой ретушью по всей длине. Практически вся поверхность спинки и частично черешка (с брюшка) уплощена, обработана крутой ретушью. Насад изделия оформлен противоположащей полукрутой ретушью. Размеры: длина – 7,5 см, ширина у черешка – до 6 см, толщина у черешка – 2 см.

Кроме вышеописанных пунктов, на возможное присутствие наконечников типа Лингби в коллекциях Коромки (рис. 1: 6, 7) и Хвойной указывал А. В. Колосов (*Колосов*, 2015. С. 15), с чем нельзя не согласиться, поскольку в материалах стоянок известны довольно крупные черешковые наконечники, по технике обработки весьма близкие к традициям лингбийской культуры (*Копытин*, 1991. С. 20, 21, 26. Рис. 3, 4).

Кроме классических наконечников типа Лингби на стоянках Зборов 2 и Коромка известны экземпляры, у которых черешок выделялся исключительно ретушью по брюшку (рис. 1: 1, 7, 11). Данное обстоятельство может служить

Рис. 1. Наконечники дротиков (1, 2) и стрел (3–11) типа Лингби
в Белорусском Поднепровье

1, 11 – Зборов; 2 – Замковая Гора; 3, 4, 8–10 – Берестеново; 5 – Турск; 6, 7 – Коромка

еще одним подтверждением родства культуры бромме-лингби с аренбургской. В аренбургской культуре наконечники, у которых черешок выделялся по брюшку по обоим краям, относят к типу Хинтерзее. Отличия наконечников из Зборова 2 и Коромки от аренбургских наконечников типа Хинтерзее заключаются лишь в характере нанесения ретуши. В Зборове 2 и Коромке ретушь крупнофасеточная. У наконечников типа Хинтерзее ретушь полукрутая.

Аренбургские наконечники. Большинство исследователей сходятся во мнении, что аренбургская культура сложилась на основе культуры бромме-лингби. В охотничьем вооружении это проявляется, прежде всего, в использовании схожей технологии при изготовлении черешковых наконечников стрел. О локальных различиях наконечников этих культур (размеры и характер ретуши) было сказано выше.

В восточноевропейской историографии наконечники, выполненные в аренбургских традициях, некоторые исследователи относят к волкушанской (*Калечиц*, 2013. С. 152) и красносельской культурам (*Залізняк*, 2005. С. 44–51). Но здесь стоит заметить, что корни аренбургской культуры, как бы ее ни называли (волкушанская или красносельская), все равно связывают с культурой бромме-лингби.

Сам по себе аренбургский наконечник имеет несколько разновидностей: классический тип и тип Хинтерзее. Отличия этих типов заключается лишь в том, что у наконечников типа Хинтерзее черешок выделялся с брюшка по обоим краям. Кроме симметричных черешковых в культуре известны и асимметричные черешковые наконечники. Перо наконечников могло быть как без вторичной обработки, так и скошено крутой ретушью или оформлено резцовым сколом.

Наконечники аренбургского типа известны в коллекциях стоянок Коромка, Гренск, Хвойно, Боровка, Зборов 2, Замковая Гора (г. Рогачев) и местонахождении Гадиловичи.

Наиболее многочисленная коллекция наконечников аренбургского типа известна на стоянке Коромка. Из 64 наконечников аренбургских насчитывается 28 экз. (рис. 2: 4–5, 7–10). В основном это черешковые симметричные формы с узкими и широкими черешками, выделявшимися крутой и полукрутой ретушью чаще всего по спинке, реже по брюшку, несколько экземпляров имеют противоположащую ретушь. Острия либо не обрабатывались, либо подправлялись резцовым сколом или крутой ретушью (5 экз.). Размеры наконечников колеблются по длине от 35 до 55 мм, по ширине от 15 до 25 мм.

Интересные материалы аренбургской культуры были получены автором на стоянке Замковая Гора (г. Рогачев). Выделяется несколько наконечников. Один из них – асимметричный черешковый – изготовлен из пластины (рис. 2: 1). Черешок выделен по спинке на проксимальном конце заготовки крутой регулярной ретушью, которой обработана вся сторона наконечника, включая перо. Со второй стороны крутой ретушью по спинке обработан насад изделия ($\frac{1}{3}$ наконечника), перо без вторичной обработки. Размеры: длина – 3,7 см, ширина у черешка – 1,4 см, толщина – 0,4 см.

Второй наконечник – черешковый симметричный, изготовлен из пластины. Черешок выделен крутой ретушью по спинке. С одной стороны перо изделия обработано крутой ретушью по спинке, с другой – подправлено небольшим

Рис. 2. Наконечники стрел (1–5, 7–10) и дротика (6) аренбургского типа в Белорусском Поднепровье

1, 2 – Замковая Гора; 3 – Зборов; 4, 5, 7–10 – Коромка; 6 – Гадиловичи

резцовым сколом (рис. 2: 2). Размеры: длина – 3,7 см, ширина у черешка – 1,8 см, толщина – 0,4 см.

Особый интерес представляет асимметричный черешковый косолезвийный наконечник дротика, выполненный в аренбургских традициях (рис. 2: 6), найденный в окрестностях д. Гадиловичи Рогачевского района. Орудие изготовлено из массивной правильной пластины. Черешок выделен на проксимальном конце заготовки крутой ретушью по спинке. Второй край изделия полностью обработан крутой регулярной ретушью также по спинке. Край острия без вторичной обработки, заметны следы использования. Длина – 7,5 см, ширина у черешка – 3 см в самой широкой части, толщина – 0,3–0,5 см.

Наконечники гренского типа представляют собой асимметричные черешковые наконечники стрел с боковой выемкой, т. е. наконечники, у которых один

край по всей длине обработан крутой ретушью, а на другом – оформлена выемка (длиной около $\frac{1}{3}$ наконечника по спинке); край пера со стороны выемки чаще всего ретушью не обрабатывался.

Как отмечают большинство исследователей, отличительными чертами гренской культуры, кроме собственно наконечников, являются высокие трапеции, отсутствие микропластинчатого расщепления и вкладышевой техники, что роднит культуру с иеневской на Верхней Волге и песочноровенской на Десне.

Впервые культура была выделена В. Д. Будько на основании коллекций памятников Гренск, Подлужье, Латки и др. и датировалась дриасом I – дриасом III (*Будько*, 1966). Впоследствии проблематикой гренской культуры занимались В. Ф. Копытин, В. П. Ксензов, Л. Л. Зализняк, Е. Г. Калечиц, Г. В. Сеницына, А. В. Колосов и др. Мнения исследователей относительно генезиса культуры различны.

В. Ф. Копытин считает, что заселение изучаемого региона происходило с юга – из среднеднепровской культурной области, в качестве переходного звена называется население гренской культуры (*Копытин*, 2000. С. 134).

Генетической основой гренской культуры В. П. Ксензов считает население, оставившее в Верхнем Поднепровье поселения Аносово 1 и 4, Берестеново, а заселение региона происходило с западного направления (*Ксензов*, 2006. С. 29–34).

Л. Л. Зализняк указывает, что гренская культура сформировалась в голоцене и входила в постаренбургскую область культур с асимметричными и черешковыми острями, сформировавшуюся на основе классической аренбургской и красносельской культур. Кроме собственно гренской (мезолитической) культуры, для финального палеолита Верхнего Поднепровья исследователь выделяет памятники типа Гренск (*Зализняк*, 2005. С. 51). Возможно, таким образом Л. Л. Зализняк пытался объяснить отсутствие в материалах гренской культуры высоких трапеций, для чего и выделял в отдельную категорию памятники типа Гренск.

В Белорусском Поднепровье памятники гренской культуры известны по материалам с более чем 40 стоянок. Наиболее исследованными являются памятники Боровка, Лудчицы, Дяльнее Лядо, Коромка, Гренск, Береговая Слобода, Гута 1, Печенеж, Поклады-2, Большие Бортники, Веричев, Вишенька, Речица 2 и Рекорд.

Прежде всего, из всех пунктов, где имеются гренские наконечники, хочется обратить внимание на комплексы, в которых эти наконечники встречаются без высоких асимметричных трапеций (точнее – острий со скошенным краем). Соглашаясь с Л. Л. Зализняком (Там же), автор считает, что сочетание этих двух типов вооружения в одном комплексе может выступать хронологическим репером, где комплексы без высоких трапеций будут древнее комплексов с трапециями. На территории Белорусского Поднепровья сочетание гренских наконечников с высокими трапециями широко известно в материалах памятников Посожья и неизвестно на остальной территории, западнее р. Сож.

Основной ареал гренской культуры, несомненно, находится на территории Белорусского Поднепровья и может выглядеть следующим образом: с востока условная граница проходит по р. Сож, с запада по р. Березина, с севера доходит

до верховьев Волги, с юга по р. Припять. Конечно, география отдельных пунктов с находками гренских наконечников шире, особенно в западном направлении. Материалы гренской культуры известны в Северо-Восточной Польше (деснинские древности) и в междуречье Немана и Припяти. Однако более 90 % находок гренских наконечников, при отсутствии в комплексах трапедий, приходится именно на Белорусское Поднепровье.

В самом конце плейстоцена – начале голоцена племена гренской культуры продвинулись на юг (бассейн Десны) и восток (бассейн Волги), что может быть связано с климатическими изменениями, и трансформировались в песочноровскую и иеневскую культуры. В результате адаптации к новым условиям охотники на северного оленя гренской культуры стали охотниками лесной зоны с более развитым набором охотничьего вооружения, что подтверждается повсеместным появлением в комплексах симметричных и асимметричных трапедий.

Наконечники свидерского типа. По форме свидерские наконечники подразделяются на черешковые и иволистные. Черешковые в свою очередь делятся на несколько типов. Они могут быть с четко и нечетко выделенным черешком, причем черешок всегда выделялся на проксимальной части пластины по спинке полукрутой ретушью, на брюшке плоской ретушью снимался ударный бугорок, что является одним из главных признаков наконечника свидерского типа. Острие наконечника либо оставалось необработанным, либо скашивалось полукрутой ретушью.

Состояние источников до начала 2000-х гг. указывало на исключительный характер присутствия этого культурного явления в Восточной Беларуси. К началу 2000-х гг. было известно лишь несколько стоянок свидерской культуры – Яново и Барколабово, открытых В. Ф. Копытиным еще в начале 1970-х гг. (*Копытин*, 1991. С. 26–28). Однако, как указывает А. В. Колосов, только на территории Посожья известно 37 пунктов, на которых были обнаружены свидерские материалы (*Колосов*, 2015. С. 23).

Стоит заметить, что стоянки Яново и Барколабово представлены относительно однородными коллекциями, тогда как на памятниках со смешанным материалом свидерские элементы рассматривались как свидетельство образования нового культурного явления. Так, по данным В. П. Ксензова, днепро-деснинская культура включала в себя лингбийские и свидерские черты (*Ксензов*, 2006. С. 40). Сожская позднемезолитическая культура, по мнению В. Ф. Копытина, сложилась в результате взаимодействия гренского и свидерского населения (*Копытин*, 1991. С. 59). После выделения данных культур материалы свидерской культуры, войдя в контекст новых культурных явлений, не воспринимались исследователями как отдельная культурная единица в составе механически смешанных материалов опорных стоянок днепро-деснинской и сожской культур. Конечно, новые археологические данные могли побудить исследователей посчитать возможным смешение культурных слоев, однако отказ от своих же выделенных культурных новообразований – большая редкость в истории археологии.

Таким образом, на современном этапе исследований в рассматриваемом регионе находки свидерских наконечников фиксируются более чем на 50 местонахождениях, наибольшая концентрация которых приходится на Посожье.

Подводя краткие итоги, стоит констатировать, что на стоянках финального палеолита Белорусского Поднепровья встречаются четыре основных типа накопителей стрел: наконечники типа Лингби, аренбургские, гренские и наконечники свидерского типа.

ЛИТЕРАТУРА

- Будько В. Д., 1966. Памятники свидерско-гренской культуры на территории Белоруссии // У истоков древних культур: эпоха мезолита. М.; Л.: Наука. С. 35–46. (МИА; № 126.)
- Вороненко О. В., 2017. Кремневые артефакты поселения финального палеолита – мезолита возле д. Зборов Рогачевского района Гомельской области // Весці Нацыянальнай акадэміі навук Беларусі. Серыя гуманітарных навук. № 4. Минск: Белорусская наука. С. 50–59.
- Жилин М. Г., Кольцов Л. В., 2008. Финальный палеолит лесной зоны Европы. М.: Институт археологии РАН. 313 с.
- Залізняк Л. Л., 2005. Фінальний палеоліт і мезоліт континентальної України. Культурний поділ та періодизація. Київ: Шлях. 184 с. (Кам'яна доба України. Вип. 8.)
- Калечиц Е. Г., 1987. Памятники каменного и бронзового веков Восточной Белоруссии. Минск: Наука и техника. 158 с.
- Калечиц Е. Г., 2003. Человек и среда обитания. Восточная Беларусь. Каменный век. Минск: Экоперспектива. 223 с.
- Калечиц Е. Г., 2013. Проблема первоначального заселения территории Беларуси в свете новых данных (финальный палеолит) // ТАС. Вып. 9. С. 149–159.
- Калечиц А. Г., Коласаў А. У., Абухоўскі В. С., 2010. Палеалітычныя помнікі Беларусі (культурна-храналагічная ідэнтыфікацыя крыніц). Мінск: Беларуская навука. 323 с.
- Колосов А. В., 2012. К вопросу о локальных культурах «свидерской традиции» // Вестник Полоцкого государственного университета. Серия А: Гуманитарные науки. № 1. С. 23–29.
- Колосов А. В., 2013. О заселении бассейна р. Сож в позднеледниковое время // Проблемы заселения Северо-Запада Восточной Европы в верхнем и финальном палеолите (культурно-исторические процессы). СПб.: ЭлекСис. С. 182–221.
- Колосов А. В., 2015. Финальный палеолит и мезолит Посожья. Могилев: Могилевский гос. ун-т им. А. А. Кулешова. 176 с.
- Копытин В. Ф., 1991. Памятники финального палеолита и мезолита Верхнего Поднепровья. Могилев: Могилевское управление по печати. 86 с.
- Копытин В. Ф., 2000. У истоков гренской культуры. Боровка. Могилев: Могилевский гос. ун-т им. А. А. Кулешова. 144 с.
- Копытин В. Ф., 2001. Археологические памятники Бобруйского района Могилевской области. Могилев: Могилевский гос. ун-т им. А. А. Кулешова. 147 с.
- Ксензов В. П., 1986. Поздний мезолит Белорусского Правобережья Днепра // СА. № 1. С. 11–28.
- Ксензов В. П., 1988. Палеолит и мезолит Белорусского Поднепровья. Минск: Наука и техника. 134 с.
- Ксензов В. П., 2006. Мезолит Северной и Центральной Беларуси. Мінск: Інстытут гісторыі НАН Беларусі. 170 с. (Матэрыялы па археалогіі Беларусі; № 13.)
- Ксензов В. П., Рікунов А. Н., Езепенко И. Н., 2001. Новые материалы каменного века из окрестностей д. Зборов Рогачевского района Гомельской обл. // Матэрыялы па археалогіі Беларусі. № 3. Мінск: Інстытут гісторыі НАН Беларусі. С. 44–56.
- Палікарповіч К. М., 1928. Дагістарычныя стаянкі сярэдняга і ніжняга Сожа (па доследах 1926 г.) // Працы кафедры археалогіі. Т. I. Менск. С. 123–253.
- Палікарповіч К. М., 1930. Дагістарычныя стаянкі сярэдняга Сожа (матэрыялы абследавання 1927 г.) // Працы археалогічнай камісіі. Т. II. Менск. С. 382–479.
- Поликарпович К. М., 1957а. Археологические исследования в БССР в 1945–1953 гг. // Материалы по археологии БССР. Т. I. Минск: АН БССР. С. 5–29.
- Поликарпович К. М., 1957б. Стоянки Среднего Посожья // Материалы по археологии БССР. Т. I. Минск: АН БССР. С. 45–148.
- Поликарпович К. М., 1968. Палеолит Верхнего Поднепровья. Минск: Наука и техника. 204 с.

- Разлуцкая А. А., 2009. Вялікія Бортнікі // Археалогія Беларусі: энцыклапедыя. Т. 1. Мінск: Беларуская навука. С. 204–205.
- Язэпенка І. М., 2014. Паселішчы неаліту і ранняга перыяду эпохі бронзы міжрэчча Бярэзіны і Дняпра. Магілёў: Магілёўскі дзяржаўны ўніверсітэт ім. А. А. Куляшова. 240 с.

Сведения об авторе

Вороненко Олег Васильевич, Институт истории Национальной Академии наук Беларуси, ул. Академическая, 1, Минск, 220072, Республика Беларусь; e-mail: voronenko111@yandex.ru

O. V. Voronenko

HUNTING WEAPONS IN THE CULTURES OF THE FINAL PALAEOLITHIC
IN THE BELORUSSIAN DNIEPER REGION

Abstract. The paper examines hunting weapons used by the population which inhabited the Belorussian Dnieper region during the Final Paleolithic. The database of historiographic sources on the Final Paleolithic in the Belorussian Dnieper region includes more than 60 sites, 18 sites underwent wide-scale excavations. The technical and typological analysis of flint arrowheads from 15 settlements enabled the author to come to the conclusion that different technologies had been used to make hunting weapons. The studies found that majority of hunting weapons known in the region had been made in accordance with the traditions of the Bromme-Lyngby, Ahrensburg, Grensk and Swider cultures of the Final Paleolithic.

Keywords: Final Paleolithic, Belorussian Dnieper region, arrowheads, settlements, Bromme-Lyngby culture, Ahrensburg culture, Grensk culture, Swider culture.

REFERENCES

- Bud'ko V. D., 1966. Pamyatniki svidersko-grenskoy kul'tury na territorii Belorussii [Sites of Svider-Grensk culture in territory of Byelorussia]. *U istokov drevnikh kul'tur: Epokha mezolita [At the origins of ancient cultures: Mesolithic epoch]*. Moscow; Leningrad: Nauka, pp. 35–46. (MIA, 126.)
- Kalechits E. G., 1987. Pamyatniki kamennogo i bronzovogo vekov Vostochnoy Belorussii [Sites of Stone and Bronze Ages in East Byelorussia]. Minsk: Nauka i tekhnika. 158 p.
- Kalechits E. G., 2003. Chelovek i sreda obitaniya. Vostochnaya Belarus'. Kamennyy vek [Man and environment. East Byelorussia. Stone Age]. Minsk: Ekoperspektiva. 223 p.
- Kalechits E. G., 2013. Problema pervonachal'nogo zaseleniya territorii Belarusi v svete novykh dannykh (final'nyy paleolit) [Problem of initial settling Byelorussia territory in light of new data (final Palaeolithic)]. *TAS*, 9, pp. 149–159.
- Kalechits A. G., Kolasay A. U., Abukhoyski V. S., 2010. Palealitychnyya pomniki Belarusi (kul'turno-khronologichnaya identyfikatsiya krynits) [Palaeolithic sites of Byelorussia (cultural chronological identification of sources)]. Minsk: Belaruskaya navuka. 323 p.
- Kolosov A. V., 2012. K voprosu o lokal'nykh kul'turakh «sviderskoy traditsii» [On issue of local cultures of «Svider tradition»]. *Vestnik Polotskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya A: Gumanitarnyye nauki [Bulletin of Polotsk state university. Ser. A: Humanities]*, 1, pp. 23–29.
- Kolosov A. V., 2013. O zaselenii basseyna r. Sozh v pozdnelednikovoye vremya [On settling basin of river Sozh in postglacial time]. *Problemy zaseleniya Severo-Zapada Vostochnoy Evropy v verkhnem i final'nom paleolite (kul'turno-istoricheskiye protsessy) [Problems of settling North-west of Eastern Europe in Upper and final Palaeolithic (Cultural historic processes)]*. St. Petersburg: ElekSis, pp. 182–221.

- Kolosov A. V., 2015. Final'nyy paleolit i mezolit Posozh'ya [Final Palaeolithic and Mesolithic of Sozh region]. Mogilev: Mogilevskiy gos. universitet im. A. A. Kuleshova. 176 p.
- Kopytin V. F., 1991. Pamyatniki final'nogo paleolita i mezolita Verkhnego Podneprov'ya [Sites of final Palaeolithic and Mesolithic of Upper Dnieper region]. Mogilev: Mogilevskoye upravleniye po pechati. 86 p.
- Kopytin V. F., 2000. U istokov grenskoy kul'tury. Borovka [At the origins of Grensk culture. Borovka]. Mogilev: Mogilevskiy gos. universitet im. A. A. Kuleshova. 144 p.
- Kopytin V. F., 2001. Arkheologicheskiye pamyatniki Bobruyskogo rayona Mogilyovskoy oblasti [Archaeological sites of Bobruysk district, Mogilev region]. Mogilev: Mogilevskiy gos. universitet im. A. A. Kuleshova. 147 p.
- Ksenzov V. P., 1986. Pozdnyy mezolit Belorusskogo Pravoberezh'ya Dnepra [Late Mesolithic of Byelorussia Dnieper right bank]. *SA*, 1, pp. 11–28.
- Ksenzov V. P., 1988. Paleolit i mezolit Belorusskogo Podneprov'ya [Palaeolithic and Mesolithic of Byelorussia Dnieper region]. Minsk: Nauka i tekhnika. 134 p.
- Ksenzov V. P., 2006. Mezolit Severnoy i Tsentral'noy Belarusi [Mesolithic of North and Central Byelorussia]. Minsk: Instytut gistoryi Natsyyanal'nay akademii navuk Belarusi. 170 p. (Materyyaly pa arkealogii Belarusi, 13.)
- Ksenzov V. P., Rikunov A. N., Ezepeko I. N., 2001. Novyye materialy kamennogo veka iz okrestnostey d. Zborov Rogachevskogo rayona Gomel'skoy obl. [New materials of Stone Age from vicinities of village Zborov, Rogachev district, Gomel region]. *Materyyaly pa arkealogii Belarusi [Materials on archaeology of Byelorussia]*, 3. Minsk: Instytut gistoryi Natsyyanal'nay akademii navuk Belarusi, pp. 44–56.
- Palikarpovich K. M., 1928. Dagistarychnyya stayanki syarednyaga i nizhnyaga Sozha (pa dosledakh 1926 g.) [Prehistoric stations on Middle and Lower Sozh (investigations of 1926)]. *Pratsy kafedry arkeologii [Works of chair of archaeology]*, I. Mensk, pp. 123–253.
- Palikarpovich K. M., 1930. Dagistarychnyya stayanki syarednyaga Sozha (materyyaly absledavannya 1927 g.) [Prehistoric stations of Middle Sozh (materials of 1927 surveys)]. *Pratsy arkeolegichnay komisii [Works of archaeological commission]*, II. Mensk, pp. 382–479.
- Polikarpovich K. M., 1957a. Arkheologicheskiye issledovaniya v BSSR v 1945–1953 gg. [Archaeological investigations in BSSR in 1945–1953]. *Materialy po arkeologii BSSR [Materials on archaeology of BSSR]*, 1. Minsk: AN BSSR, pp. 5–29.
- Polikarpovich K. M., 1957b. Stayanki Srednego Posozh'ya [Sites of Middle Sozh region]. *Materialy po arkeologii BSSR [Materials on archaeology of BSSR]*, 1. Minsk: AN BSSR, pp. 45–148.
- Polikarpovich K. M., 1968. Paleolit Verkhnego Podneprov'ya [Palaeolithic of Upper Dnieper region]. Minsk: Nauka i tekhnika. 204 p.
- Razlutsкая A. A., 2009. Vyalikiya Bortniki [Vyalikiya Bortniki]. *Arkheologiya Belarusi: entsyklopedyya [Archaeology of Byelorussia: encyclopedia]*, 1. Minsk: Belaruskaya navuka, pp. 204–205.
- Voronenko O. V., 2017. Kremnevyye artefakty poseleniya final'nogo paleolita-mezolita vozle d. Zborov Rogachevskogo rayona Gomel'skoy oblasti [Flint artefacts from settlement of final Palaeolithic-Mesolithic near village Zborov, Rogachev district, Gomel region]. *Vestsi Natsyyanal'nay akademii navuk Belarusi. Seryya humanitarnykh navuk [Bulletin of National academy of sciences of Byelorussia. Ser. Humanities]*, 4. Minsk: Belorusskaya nauka, pp. 50–59.
- Yazepka I. M., 2014. Paselishchy nealitu i rannyya peryyadu epokhi bronzy mizhrechcha Byareziny i Dnyapra [Settlements of Neolithic and early Bronze Age in Berezina and Dnieper interfluv]. Magileu: Magileuskiy dzyarzhauy universitet im. A. A. Kulyashova. 240 p.
- Zaliznyak L. L., 2005. Final'nyy paleolit i mezolit kontynental'noi Ukraïny. Kul'turnyy podil ta periodyzatsiya [Final Palaeolithic and Mesolithic of continental Ukraine. Cultural division and periodization]. Kyïv: Shlyakh. 184 p. (Kam'yana doba Ukraïny, 8.)
- Zhilin M. G., Kol'tsov L. V., 2008. Final'nyy paleolit lesnoy zony Evropy [Final Palaeolithic of Europe forest zone]. Moscow: IA RAN. 313 p.

About the author

Voronenko Oleg V., Institute of History National Academy of Sciences of Belarus, ul. Akademicheskaya, 1, Minsk, 220072, Republic of Belarus; e-mail: voronenko111@yandex.ru

И. Н. Езепенко

КРЕМНЕВЫЕ НАКОНЕЧНИКИ СТРЕЛ ПОСЕЛЕНИЙ МЕЗОЛИТА И НЕОЛИТА В МЕЖДУРЕЧЬЕ БЕРЕЗИНЫ И ДНЕПРА *

Резюме. В статье публикуются новые данные об одной из определяющих категорий охотничьего вооружения: наконечниках стрел из культурных слоев мезолитических и неолитических поселений Юго-Восточной Беларуси (междуречья Березины и Днепра). Самые выразительные серии наконечников получены в результате раскопок на памятниках: Комарин 5, Прорва 2, Прорва 4 (в окрестностях города Рогачева), в урочищах Борок Семиновский, Дедков Борок (вблизи деревни Лучин) Рогачевского района Гомельской области и возле деревни Нижняя Олба (урочище Лукошница) в устье Березины Днепровской, в 4 км севернее ее впадения в Днепр. Самой сложной проблемой для изучаемой территории этой части Верхнего Поднепровья является фрагментарность представлений о спектре и наборе орудий из кремня, что затрудняет выявление преемственности в развитии кремневой индустрии от мезолитической эпохи и продолжении традиций кремневой технологии в начале неолита. Типлисты орудий, которые призваны считаться культурно-определяющими для памятников раннего периода днепро-донецкой культуры (или как модно сейчас трактовать – днепро-донецкой общности), представлены или небольшими сериями, или единичными экземплярами.

Ключевые слова: поздний мезолит – ранний неолит, кремневые наконечники стрел, бассейн Верхнего Поднепровья, поселения Прорва 2, Комарин 5, Нижняя Олба 1.

Позднемезолитические культуры бассейна Верхнего Днепра в 1970–1990-х гг. определялись ведущими исследователями на основе типологических характеристик кремневого инвентаря. Доминирующую позицию в этих характеристиках

* Статья подготовлена в рамках совместного российско-белорусского проекта «Мультидисциплинарное исследование торфяниковых памятников мезолита – неолита Верхнего Поднепровья и Верхнего Поволжья» при поддержке РФФИ, грант № 18-59-00007, и БРФИ, грант № Г18Р-015.

занимали наконечники стрел (*Копытин*, 1977. С. 63, 65; 1991. С. 48–58, 79–86; *Ксензов*, 1979. С. 231, 232. Рис. 3: 1–6; 1981; 1986; 1997. С. 12). Предпринимались попытки региональной классификации этой категории предметов вооружения (*Ксензов*, 1999).

В первом томе археологии Беларуси, посвященном каменному и бронзовому векам, вышедшем из печати в 1997 г., из археологических культур позднего мезолита наиболее подробно опубликована сожская (Археалогія Беларусі..., 1997. С. 55–67). Приводятся также данные по яниславицкой культуре на территории Беларуси и 3 стоянкам Понеманья (Белица 2, Несиловичи 1, Личицы 2), но без конкретного упоминания памятников с яниславицким инвентарем в Верхнем Поднепровье (Там же. С. 67–76). Памятники типа Кудлаевка, или кудлаевская культура, представлены материалами Центрального и Восточного Полесья: Озерное 1, Кажан Городок, Белосорока, Липляны 3, Речица 2 (Там же. С. 76–81).

О существовании на территории Белорусского Поднепровья днепро-деснинской культуры лишь упоминается, со ссылкой на основные работы В. П. Ксензова (Там же. С. 23). На первом этапе изучения поселений Березины и Днепра В. П. Ксензовым использовался термин *верхнеднепровская мезолитическая культура* (*Ксензов*, 1986. С. 19). Позднее в монографии 1988 г., автореферате докторской 1994 г. и обобщающей публикации 1997 г. исследователь меняет название культуры на днепро-деснинскую (*Ксензов*, 1988; 1994б. С. 16–22; 1997. С. 11–15).

Типологические построения, которые касаются культурно-определяющей категории орудий – наконечников стрел, аккумулируют данные по отдельным поселениям. Наконечники вначале описываются как черешковые, «выполненные на правильно оговоренных ножевидных пластинах... черешок выделен крутой ретушью со спинки (7 экз.), с брюшка (1 экз.) и противоположащей ретушью (1 экз.)», подправка пера – либо «острие скошено крутой ретушью со спинки по одному краю (1 экз.)», либо «обработано крутой противоположащей ретушью по обоим краям (2 экз.)», и у одного «острие оформлено в виде выемки, остальные несут на острие мелкую ретушь»; и упоминается «небольшой свидероидный наконечник с обломанным острием, черешок обработан со спинки по обоим краям крутой ретушью, с брюшка плоской» (*Ксензов*, 1979. С. 230, 231. Рис. 3: 1–6).

Среди материалов Береговой Слободы (исследования 1977–1978 гг.) констатируется наличие наконечников постсвидерского облика и типа Хинтерзее (Там же. С. 232). Чуть позже по итогам раскопок 1979 г. в отношении наконечников употребляются термины: эписвидерские (6 экз.), «наконечники с черешками, хорошо выделенными со спинки крутой ретушью» (6), и один наконечник с боковой выемкой (*Ксензов*, 1981. С. 105, 106. Рис. 1: 1–7). В обобщающей публикации по позднему мезолиту белорусского правобережья Днепра перечислены следующие типы наконечников стрел: 1) эписвидерские; 2) черешковые симметричные; 3) черешковые асимметричные (близкие по форме эпиаренсбургским); 4) с боковой выемкой (единичны) и 5) ланцетовидные (также единичные экземпляры) (*Ксензов*, 1986. С. 12, 14. Рис. 2).

Для поселений второго этапа развития днепро-деснинской культуры В. П. Ксензовым, помимо более ранних форм наконечников стрел (постсвидерских=хвалибоговичских, симметричных, асимметричных), фиксируется появление новых типов – с боковой выемкой (Береговая Слобода, Михайловка,

Гливин), хотя отмечается их немногочисленность (единичность) и несущественность в облике кремневого инвентаря. Еще одним типом, который дополняет типологическую характеристику наконечников второй половины мезолитической эпохи, являются бесчерешковые (ланцетовидные), присущие памятникам Березины (Михайловка, Городок 4, Гливин) (*Ксензов*, 1994а. С. 77; 1994б. С. 19, 20; 1997. С. 14; 2006. С. 55).

В. Ф. Копытин отмечает, что в инвентаре позднемезолитических памятников Днепра и Сожа «представлены наконечники гренского типа, постсвидерские, типа Хинтерзее, типа Добраничевки (с черешком, оформленным противоположащей ретушью) и собственно черешковые». Характерными особенностями признаются использование в качестве вкладышей сечений ножевидных пластин и наличие острий-ланцетов («режущих» острий, по И. Г. Шовкоплясу) (*Копытин*, 1977. С. 62, 65).

В более поздней публикации, 1983 г., в одну из наиболее выразительных форм орудий позднемезолитических комплексов Посожья выделены наконечники стрел: «1) асимметричные черешковые (генетически связанные с мезинской культурой); 2) свидероидного типа из правильно огранных пластин, имеющие хорошо выделенный полукрутой ретушью острый черешок, с последующей подправкой плоской ретушью с брюшка; 3) симметричные черешковые и их разновидности типа Хинтерзее и типа Добраничевки с черешком, оформленным противоположащей ретушью». Последний тип, по мнению В. Ф. Копытина, доживает до конца мезолита, а единственный тип, который бытует на территории Верхнего Поднепровья в неолитическую эпоху, – свидероидный (*Копытин*, 1983. С. 46, 47. Рис. 1: 1–8).

Монографическое исследование 1991 г. содержит раздел по позднему мезолиту Верхнего Поднепровья, где кратко повторяется характеристика наконечников стрел сожской мезолитической культуры «из правильно огранных пластин, оформленных в свидерской традиции, со слабо или хорошо выделенным полукрутой ретушью острым черешком, у которого фасетками плоской ретуши с брюшка снят ударный бугорок» (*Копытин*, 1991. С. 48).

И даже в процессе описания основных категорий орудий труда эталонного памятника стоянки-мастерской Горки выделен всего лишь один абзац (5 предложений), в котором, помимо данных об общем количестве наконечников (85 экз.), отмечено в очень обобщенном виде наличие обработки крутой ретушью со спинки хорошо выделенного черешка и подправки плоской ретушью с брюшка. Заготовкой для большинства изделий признается пластина с естественным заострением конца, и в отдельных случаях фиксируется нанесение плоской ретуши по перу со стороны брюшка. Отмечено небольшое количество черешковых наконечников, оформленных противоположащей ретушью или ретушью, нанесенной только с брюшка (Там же. С. 53).

А. В. Колосов считает, что наконечники типа Хинтерзее и трапеции не являются надежными индикаторами датировки памятников Посожья позднемезолитическим временем в силу того, что первые происходят из нестратифицированных стоянок и определяются типологически, а появление вторых увязывается либо с заключительными этапами палеолита, либо, по аналогии с иеневскими материалами, с пребореальным временем. Ссылаясь на данные Л. Л. Зализняка

по свицерским памятникам Полесья, повторяется двойственный подход в отношении трапедий: 1) поздние примеси; 2) раннее появление, исходя из залегания их в четких стратиграфических условиях (Раска, Смячка XIV) (*Колосов*, 2005. С. 11).

В этой же публикации А. В. Колосовым ставится под сомнение одновременность находок (на примере наконечников стрел и единичных трапедий) в коллекции эталонного памятника сожской культуры Горки, а также предполагается синкретизм всего кремневого инвентаря стоянки и культуры в целом или демонстрация примера инокультурной примеси (Там же. С. 13).

Наконечники стрел из Горок А. В. Колосов характеризует как свицерские – изделия с четко или слабо выделенным черешком, который со стороны брюшка дополнительно подправлен плоской ретушью (*Колосов*, 2010б. С. 81, 87. Рис. 2В: 23–29). По способам оформления пера выделены наконечники с естественными очертаниями дистального конца заготовки, а также с подправкой дорсальной ретушью острия, в сочетании с плоской обработкой вентрального фаса пластины. Упоминаются и черешковые наконечники со скошенным пером (тип Смячки XIVа) (Там же. С. 81, 89. Рис. 2В: 28). Отдельные наконечники стрел позднесвицерских форм и единичные трапедии предположительно отнесены к началу мезолитической эпохи (Там же. С. 81).

Из мезолитических культур Нижнего Посожья только материалы кудлаевской культуры («1) различные по форме и способам изготовления микролиты – пластинки с притупленным краем, острия типа Ставиного – Кудлаевка, высокие и средневысокие трапедии; 2) черешковые наконечники стрел, отдельные из которых имеют подправку насада и пера плоской ретушью со стороны брюшка» (Новые Громыки (Аврамов Бугор), Новые Терешковичи (Крыга), Присно (Замостовье) и Романовичи)), исходя из типологического состава коллекций с развитым комплексом микролитов, условно датированы позднемезолитическим временем (*Колосов*, 2010а. С. 25; 2010б. С. 84).

В верховье Березины начиная с 1967 г. неоднократно исследовалась неолитическая торфяниковая стоянка Заценье (Чарняўскі, 1996). В кремневом инвентаре этого памятника отмечено присутствие в коллекции листовидных наконечников стрел на пластинах (разнотипных и разновременных). Наиболее ранние представлены фрагментами перьев (3 экз.) с угловатыми остриями, ретушированными с обеих плоскостей изделий (Там же. С. 140, 141. Рис. 4: 1–3). Кроме того, в коллекции имеются 4 трапедии, симметричные, узкие и широкие (Там же. С. 141. Рис. 4: 4–7), пластинки с ретушированным краем (Там же. Рис. 4: 10–13), одна из которых имела обработанное с брюшка основание и представляла высокий треугольник. Два фрагмента происходят от ланцетоподобных острий со сплошь ретушированным скошенным концом (Там же. Рис. 4: 15, 16). Похожий целый экземпляр короткий, имеет также ретушь на прямом основании и с брюшка (Там же. Рис. 4: 14). По мнению М. М. Чернявского, кремневые изделия в большинстве имеют раннеолитический облик, а частично – даже позднемезолитический, это как раз относится к перечисленным категориям (фрагментам наконечников, трапедиям, ланцетам и пластинкам с ретушированным краем). Ближайшие аналогии фиксируются на позднемезолитических стоянках Понеманья (Кусевщина) и ранненарвских памятниках Белорусского Поозерья (Асавец 4) и Понеманья (Сосенка 3) (Там же. С. 142).

В раскопе 1990 г. (площадью 40 кв. м) автором статьи выявлено 185 кремневых изделий, 27 из них могут быть отнесены к орудиям. Небольшой, но очень выразительной серией в 5 экз. представлены ланцеты, выполненные на пластинах правильной огранки треугольного и трапециевидного сечения (рис. 1). Все без исключения орудия данной категории имеют скошенный мелкой полукрутой ретушью конец. Три экземпляра, представленные полным профилем, небольших размеров: длиной 3,5–4 см (рис. 1: 2–4), одно орудие изготовлено на дистальном фрагменте пластины (рис. 1: 5) и еще одно на массивной широкой пластине, ретушированной со спинки и по одному из краев (рис. 1: 1). Наконечники стрел представлены 2 экз. на фрагментах пластин, перо оформлено полукрутой ретушью со спинки (рис. 1: 6, 7).

Рис. 1. Стоянка Зацење. Кремневый инвентарь. Ланцеты (1–5), фрагменты наконечников стрел (6, 7), пластинка с ретушированным краем (8), фрагмент пластины (9)

Среди пластин с нерегулярной и частичной ретушью (18 экз.) стоит выделить оружие на фрагменте пластинки, с притупленным ретушью краем (рис. 1: 8).

Характеристики ранних категорий предметов вооружения – наконечников стрел, сохранившихся исключительно во фрагментах (5 экз.), а также яркая серия ланцетов (ланцетовидные остря), часть из которых могла использоваться либо в качестве вкладышей – составных элементов лезвий предметов вооружения или охоты, либо в роли цельных орудий (наконечников стрел), дополняются новыми данными по палинологии. Один из палинологических комплексов (ПК 2) на стоянке Заценье – слой торфа на глубине 2,53–2,75 м – накапливался во втор. пол. пребореала и в бореале (РВ-2–ВО). Это позволяет высказать предположение о том, что нижняя хронологическая граница появления самых ранних наконечников стрел связана со втор. пол. бореального периода, не позднее рубежа VII – VI тыс. до н. э. (Еловичева и др., 2002. С. 44, 46). В стратиграфическом разрезе шурфа № 1 2000 г. на глубине 1,9–2,18 м, в нижней части оторфованных песков залегает культурный слой с находками артефактов, в том числе кремневый нуклеус на обломке конкреции, фиксирующий верхнюю границу ранних кремневых орудий на стоянке в пределах атлантического периода (АТ-2–АТ-3) (Там же).

В культурном слое поселения Нижняя Олба 1, недалеко от устья реки Березины, в раскопе № 3 2017 г. найдено 5 наконечников стрел. Два неолитических, треугольной формы (рис. 2: 2), поверхность которых обработана плоской подправляющей ретушью со стороны спинки и брюшка. Два черешковых наконечника на пластинах – мезолитические. У одного наконечника мелкой вентральной ретушью оформлены насад и перо (рис. 2: 1). Возможные аналогии – среди материалов культуры Кунда/технокомплекс Пулли, на территории Посожья Беларуси – стоянка Дедня, Чаусский район Могилевской области (предполагаемая хронология – пребореальный период). Второй тип наконечника – постсвидерский/эписвидерский (бутовский) – исполнен на пластине регулярной огранки, черешок (насад) подправлен мелкой ретушью с брюшка (рис. 2: 4).

Еще одним выразительным типом охотничьего вооружения на стоянке Нижняя Олба 1 являются два бифасиальных подромбических наконечника дротиков, поверхность которых с обеих сторон тщательно обработана плоской крупно- и мелкофасеточной ретушью (рис. 2: 5, 6). Предварительно их можно отнести ко втор. пол. неолитического периода, нижний рубеж – середина IV тыс. до н. э.

Кремневые наконечники стрел пойменных стоянок Рогачевского Поднепровья выступают как одна из доминирующих категорий орудий в кремневом инвентаре и охватывают широкий хронологический диапазон – от позднего мезолита и до начала эпохи бронзы. Устойчивыми и стабильными сериями представлены изделия ромбической и треугольной формы. Морфологически черешковые формы относятся либо к мезолитическому этапу освоения территории поселений, либо к среднему периоду бронзового века.

Коллекция кремневого инвентаря на неолитической пойменной стоянке Комарин 5 в окрестностях г. Рогачева Гомельской области (в результате раскопок 1998, 2005–2007 и 2011 гг.) насчитывает 2858 ед., изделий со вторичной обработкой 402 ед. (14 % всего комплекса). В культурном слое поселения обнаружено 39 целых наконечников стрел, 24 их фрагмента и 6 заготовок этого вида орудий. Преоблада-

Рис. 2. Нижняя Олба 1. Кремневые наконечники стрел (1–4) и дротиков (5, 6)

Рис. 3. Комарин 5. Кремневые наконечники стрел

ют наконечники треугольной формы с прямым (рис. 3: 4–7) или слегка вогнутым основанием (Езепенко, Вороненко, 2017. С. 159. Рис. 5: 1, 2, 7, 12). Поверхность, как со стороны спинки, так и с брюшка, обработана уплощающей или полукрутой ретушью. Вторая по численности типологическая группа наконечников стрел представлена изделиями ромбической формы (рис. 3: 8–13) (Там же. Рис. 5: 6, 15). Более ранними типологически выглядят изделия треугольной формы, выполненные на пластинках с полукрутой ретушью края со спинки (рис. 3: 1, 3).

В процессе раскопок на неолитическом поселении Прорва 2 Рогачевского района Гомельской области, размещенном на пойменной дуне левобережья Днепра, найдено 2203 кремневых артефакта, из которых 405 изделий со вторичной обработкой (18 % общего количества предметов в коллекции). Наконечники стрел составляют довольно представительную серию (47 экз., или 11,6 % количества орудий). По форме целые орудия (30 экз.) подразделяются на: листовидные (рис. 4: 2), треугольные (рис. 4: 1, 3, 4), более ранние, черешковые

Рис. 4. Прорва 2. Кремневые наконечники стрел (1–5),
дротиков (6, 7) и вкладыши (сечения) (8–17)

Рис. 5. Борок Семиновский.
Кремневые наконечники стрел (1–14) и наконечник копья (15)

асимметричные (рис. 4: 5) и ромбические (Язепенка, 2014. С. 165, 169. Рис. 82: 25; 86: 10–12). Заготовками орудий служили отщепы, пластинчатые отщепы и пластины коротких пропорций. Обработаны изделия плоской ретушью с двух сторон, причем покрывалась ретушью либо вся поверхность, либо с брюшка ретушировались участки краев.

Небольшой серией представлены наконечники дротиков (рис. 4: 6, 7) и заготовки. Готовые орудия имеют листовидную форму, более массивны (по сравнению с наконечниками стрел), и их поверхность с обеих сторон тщательно обработана плоской ретушью.

Сечения пластин (23 экз.) – с ретушью по одному и двум краям со спинки (рис. 4: 8–17); не исключено, что часть этих микролитов могла быть использована в качестве вкладышей для лезвий наконечников стрел или являлась фрагментами иных предметов охотничьего вооружения. Не менее выразительная серия из 15 микровкладышей (медиальных фрагментов пластинок), с мелкой ретушью со спинки по одному-двум краям изделия или без ретуши, обнаружена на поселении Узвалье (окрестности д. Лучин) Рогачевского района Гомельской области. Эта часть кремневого инвентаря стоянки Узвалье, наряду с серией острий (5 экз.), пластинки с притупленным ретушью краем, черешкового асимметричного наконечника стрелы (Там же. С. 133. Рис. 50: 1–6, 9, 20–33), может быть отнесена к мезолитическому периоду.

На поселении Борок Семиновский (1,5 км на восток от д. Лучин) наконечники стрел представлены выразительной серией (24 экз.), целых среди них – 16. В их числе наконечник ромбической формы со слабо выделенным черенком, с плоской отжимной ретушью с обеих сторон (рис. 5: 13); асимметричный на пластине, с полукрутой ретушью по перу – со спинки – и плоской подправляющей с брюшка (рис. 5: 10); листовидный асимметричный на пластине, плоской ретушью обработаны обе поверхности изделия (рис. 5: 14). Самым многочисленным типом являются треугольные наконечники с едва обозначенной выемкой в основании и плоской ретушью со стороны спинки и брюшка (рис. 5: 1–9).

Единственный наконечник копья/дротика (рис. 5: 15) выполнен на массивной широкой пластине, поверхность его с обеих сторон покрыта плоской крупной ретушью.

Таким образом, относительная хронология кремневых наконечников стрел на поселениях мезолита – неолита в междуречье Березины и Днепра охватывает весьма широкий диапазон – от раннего мезолита в низовье Березины (Нижняя Олба 1) и до перехода от финала неолита к началу эпохи бронзы. Наиболее обеспеченной радиоуглеродными датировками и палинологическими данными является торфяниковая стоянка Заценье (бассейн верховья Березины). Появление ранних, в том числе бесчерешковых, ланцетовидных форм может рассматриваться в пределах палинокомплексов втор. пол. бореального – начальных фаз атлантического периода.

ЛИТЕРАТУРА

- Археалогія Беларусі. Т. 1: Каменны і бронзавыя вякі. Мінск: Беларуская навука, 1997. 424 с.
- Езепенко И. Н., Вороненко О. В., 2017. Неолитические материалы поселения Комарин 5 в бассейне Верхнего Днепра (Гомельское Поднепровье) по итогам раскопок 1998, 2005–2007, 2011 годов // Самарский научный вестник. Т. 6. № 3 (20). С. 155–162.
- Еловичева Я. К., Дрозд Е. Н., Скопцова Н. В., Снаговский С. Н., Ляшкевич Э. А., Разлуцкая А. А., Лакиза В. Л., 2002. Реконструкция природных условий местообитания древнего человека на стоянке Заценье (Беларусь) // Литосфера. № 2 (17). Минск. С. 41–51.
- Колосов А. В., 2005. История изучения и проблемы историографии сожской мезолитической культуры // Веснік Магілёўскага дзяржаўнага ўніверсітэта ім. А. А. Куляшова. № 4. С. 8–14.
- Колосов А. В., 2010а. Новые данные по мезолиту бассейна р. Сож // Вестник Полоцкого государственного университета. Серия А: Гуманитарные науки. № 1. С. 20–27.
- Колосов А. В., 2010б. Финальный палеолит и мезолит Посожья // Матэрыялы па археалогіі Беларусі. Вып. 18. Мінск: Інстытут гісторыі НАН Беларусі. С. 77–89.
- Копытин В. Ф., 1977. Мезолит Юго-Восточной Белоруссии // КСИА. Вып. 149. С. 60–65.
- Копытин В. Ф., 1983. Поздний мезолит Посожья // Изыскания по мезолиту и неолиту СССР / Отв. ред. Л. Я. Крижевская. Л.: Наука. С. 44–51.
- Копытин В. Ф., 1991. Памятники финального палеолита и мезолита Верхнего Поднепровья. Могилев: Могилевское управление по печати. 86 с.
- Ксензов В. П., 1979. Позднемезолитическое поселение Береговая Слобода на Днепре (по раскопкам 1977 г.) // СА. № 3. С. 227–232.
- Ксензов В. П., 1981. Мезолитическое поселение Береговая Слобода (по раскопкам 1979 г.) // КСИА. Вып. 165. С. 105–108.
- Ксензов В. П., 1986. Поздний мезолит Белорусского Правобережья Днепра // СА. № 1. С. 11–28.
- Ксензов В. П., 1988. Палеолит и мезолит Белорусского Поднепровья. Минск: Наука и техника. 134 с.
- Ксензов В. П., 1994а. Мезолитическая днепро-деснинская культура // Гістарычна-археалагічны зборнік. № 5. Мінск. С. 61–86.
- Ксензов В. П., 1994б. Мезолитические культуры Белорусского Подвинья и Поднепровья: автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Минск. 33 с.
- Ксензов В. П., 1997. Финальный палеолит и мезолит Поднепровья Беларуси // РА. № 1. С. 5–20.
- Ксензов В. П., 1999. Мезолитические наконечники стрел Подвинья и Поднепровья Беларуси // Гістарычна-археалагічны зборнік. № 14. Мінск. С. 24–27.
- Ксензов В. П., 2006. Мезолит Северной и Центральной Беларуси. Минск: Інстытут гісторыі НАН Беларусі. 170 с. (Матэрыялы па археалогіі Беларусі; № 13.)
- Чарняўскі М. М., 1996. Тарфяніковая стаянка Заценне // 3 глыбі вякоў. Наш край. Вып. 2. Мінск: Навука і тэхніка. С. 132–147.
- Язепенка І. М., 2014. Паселішчы неаліту і ранняга перыяду эпохі бронзы міжрэчча Бярэзіны і Дняпра. Магілёў: Магілёўскі дзяржаўны ўніверсітэт. 240 с.

Сведения об авторе

Езепенко Игорь Николаевич, Институт истории НАН Беларуси, ул. Академическая, 1, Минск, 220072, Республика Беларусь; e-mail: eze63@yandex.ru

I. N. Ezenenko

FLINT ARROWHEADS FROM THE MESOLITHIC AND NEOLITHIC SITES IN THE BEREZINA AND DNIEPER INTERFLUVE REGION

Abstract. The paper publishes new data on one of the groups of hunting weapons used for providing general characterization of the culture such as arrowheads from the occupation layers at the Mesolithic and Neolithic settlements in Southeastern Belorussia (the Berezina

and Dnieper interfluvium). The most impressive series of the arrowheads were retrieved during the excavations at Komarin 5, Prorva 2, Prorva 4 (near the town of Rogachev), in the Borok Seminovsky, Dedkov Borok areas (near the village of Luchin) of the Rogachev district, Gomel region, and near the village of Nizhnyaya Olba (the Lukoshinitza area) in the mouth of the Berezina (the Dnieper tributary) four kilometers north of the confluence of the Berezina and the Dnieper. The most difficult issue identified for this area in the Upper Dnieper region under study is fragmentation of concepts concerning the range and the set of flint weapons, which makes it difficult to identify continuity of Mesolithic flint industry traditions in the early Neolithic. Regarding the sites of the early period of the Dnieper-Donets culture (or the Dnieper-Donets community as this culture is now termed), the type-lists of tools used in culture characterization are represented by small series or singular specimens.

Keywords: Late Mesolithic – Early Neolithic, flint arrowheads, the Upper Dnieper region, Prorva 2, Komarin 5, Nizhnyaya Olba 1 settlements.

REFERENCES

- Arkheologiya Belarusi [Archaeology of Byelorussia], 1. Kamenny i bronzavy vyaki [Stone and Bronze Ages]. Minsk: Belaruskaya navuka, 1997. 424 p.
- Charnyaŭski M. M., 1996. Tarfyanikovaya stayanka Zatsenne [Peat-bog settlement Zatsen'ye]. *Z glybi vyakoj. Nash kray [From far-off centuries. Our land]*, 2. Minsk: Navuka i tekhnika, pp. 132–147.
- Elovicheva Ya. K., Drozd E. N., Skoptsova N. V., Snagovskiy S. N., Lyashkevich E. A., Razlutsкая A. A., Lakiza V. L., 2002. Rekonstruktsiya prirodnikh usloviy mestoobitaniya drevnego cheloveka na stoyanke Zatsen'ye (Belarus') [Reconstruction of environmental conditions of early man habitation at settlement Zatsen'ye (Byelorussia)]. *Litosfera [Lithosphere]*, 2(17). Minsk, pp. 41–51.
- Ezpenko I. N., Voronenko O. V., 2017. Neoliticheskiye materialy poseleniya Komarin 5 v basseynе Verkhnego Dnepra (Gomel'skoye Podneprov'ye) po itogam raskopok 1998, 2005–2007, 2011 godov [Neolithic materials from settlement Komarin 5 in Upper Dnieper basin (Gomel Dnieper region) based on results of excavations of 1998, 2005–2007, 2011]. *Samarskiy nauchnyy vestnik [Samara scientific bulletin]*, vol. 6, no. 3 (20), pp. 155–162.
- Kolosov A. V., 2005. Istoriya izucheniya i problemy istoriografii sozhskoy mezoliticheskoy kul'tury [History of study and historiography issues of Sozh Mesolithic culture]. *Vestnik Magileuskago dzyarzhavnaga universiteta im. A. A. Kulyashova [Bulletin of A. A. Kuleshov Mogilev state university]*, 4, pp. 8–14.
- Kolosov A. V., 2010a. Novyye dannyye po mezolitu basseyna r. Sozh [New data on Mesolithic of Sozh river basin]. *Vestnik Polotskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya A: Gumanitarnyye nauki [Bulletin of Polotsk state university. Ser. A: Humanities]*, 1, pp. 20–27.
- Kolosov A. V., 2010b. Final'nyy paleolit i mezolit Posozh'ya [Final Palaeolithic and Mesolithic of Sozh region]. *Materyyaly pa arkheologii Belarusi [Materials on archaeology of Byelorussia]*, 18. Minsk: Instytut gistoryi Natsyyanal'nay akademii navuk Belarusi, pp. 77–89.
- Kopytin V. F., 1977. Mezolit Yugo-Vostochnoy Belorussii [Mesolithic of South-eastern Byelorussia]. *KSIА*, 149, pp. 60–65.
- Kopytin V. F., 1983. Pozdnyy mezolit Posozh'ya [Late Mesolithic of Sozh region]. *Izyskaniya po mezolitu i neolitu SSSR [Investigations on Mesolithic and Neolithic of the USSR]*. L. Ya. Krizhevskaya, ed. Leningrad: Nauka, pp. 44–51.
- Kopytin V. F., 1991. Pamyatniki final'nogo paleolita i mezolita Verkhnego Podneprov'ya [Sites of final Palaeolithic and Mesolithic of Upper Dnieper region]. Mogilev: Mogilevskoye upravleniye po pechati. 86 p.
- Ksenzov V. P., 1979. Pozdne mezoliticheskoye poseleniye Beregovaya Sloboda na Dnepre (po raskopkam 1977 g.) [Late Mesolithic settlement Beregovaya Sloboda on Dnieper (excavations of 1977)]. *SA*, 3, pp. 227–232.
- Ksenzov V. P., 1981. Mezoliticheskoye poseleniye Beregovaya Sloboda (po raskopkam 1979 g.) [Mesolithic settlement Beregovaya Sloboda (excavations of 1979)]. *KSIА*, 165, pp. 105–108.

- Ksenzov V. P., 1986. Pozdnyy mezolit Belorusskogo Pravoberezh'ya Dnepra [Late Mesolithic of Byelorussia Dnieper right bank]. *SA*, 1, pp. 11–28.
- Ksenzov V. P., 1988. Paleolit i mezolit Belorusskogo Podneprov'ya [Palaeolithic and Mesolithic of Byelorussia Dnieper region]. Minsk: Nauka i tekhnika. 134 p.
- Ksenzov V. P., 1994a. Mezoliticheskaya dnepro-desninskaya kul'tura [Mesolithic Dnieper-Desna culture]. *Gistarychna-arkhealagichny zbornik [Historical-archaeological transactions]*, 5. Minsk, pp. 61–86.
- Ksenzov V. P., 1994b. Mezoliticheskiye kul'tury Belorusskogo Podvin'ya i Podneprov'ya: avtoreferat dissertatsii ... doktora istoricheskikh nauk [Mesolithic cultures Byelorussia Dvina and Dnieper regions ... Thesis for a Doctor's degree Abstract]. Minsk. 33 p.
- Ksenzov V. P., 1997. Final'nyy paleolit i mezolit Podneprov'ya Belarusi [Final Palaeolithic and Mesolithic of Dnieper region, Byelorussia]. *RA*, 1, pp. 5–20.
- Ksenzov V. P., 1999. Mezoliticheskiye nakonechniki strel Podvin'ya i Podneprov'ya Belarusi [Mesolithic arrowheads of Dvina and Dnieper regions, Byelorussia]. *Gistarychna-arkhealagichny zbornik [Historical-archaeological transactions]*, 14. Minsk, pp. 24–27.
- Ksenzov V. P., 2006. Mezolit Severnoy i Tsentral'noy Belarusi [Mesolithic of North and Central Byelorussia]. Minsk: Instytut gistoryi Natsyyanal'nay akademii navuk Belarusi. 170 p. (Materyyaly pa arkhealogii Belarusi, 13.)
- Yazepenko I. M., 2014. Paselishchy nealitu i rannyya peryyadu epokhi bronzy mizhrechcha Byareziny i Dnyapra [Settlements of Neolithic and early Bronze Age in Berezina and Dnieper interfluve]. Magileu: Magileuski dzyarzhauny universitet. 240 p.

About the author

Ezpenko I. N., Institute of History National Academy of Sciences of Belarus, ul. Akademicheskaya, 1, Minsk, 220072, Republic of Belarus; e-mail: ezep63@yandex.ru

С. Н. Кореневский, Ш. О. Давудов

ПОСЕЛЕНИЕ ЭПОХИ РАННЕГО БРОНЗОВОГО ВЕКА У СТАНИЦЫ СТАРОТИТАРОВСКОЙ КРАСНОДАРСКОГО КРАЯ И НАЙДЕННОЕ НА НЕМ ПОГРЕБЕНИЕ

Резюме. В статье представлена публикация новых находок эпохи раннего бронзового века на поселении у станицы Старотитаровской Краснодарского края. Культурный слой поселения плохо выражен и нарушен поселением античного времени. К эпохе раннего бронзового века относится обломок каменного топора, кремневая пластина, несколько сосудов с формовочной массой без минеральных примесей и с минеральными примесями. Судя по ним, поселение датируется концом IV тыс. до н. э. Среди форм керамики присутствуют сосуды с круглым и плоским дном. В яме 58-Б расчищены 4 скелета людей: трех мужчин и юной женщины. Эти находки ставят вопрос об особых формах погребальной обрядности у местного населения и их соотношения с погребальными традициями майкопской культуры.

Ключевые слова: майкопско-новосвободненская общность, псекупский вариант, погребение, скелет, поза покойного человека, яма, поселение, керамика, антропология, аналогия, ранний бронзовый век Предкавказья.

В июне – августе 2015. г. «Старотитаровский» отряд ООО «Археологическое общество Кубани» под руководством Ш. Давудова (Давудов, 2015) проводил раскопки крупного поселения античного времени у станицы Старотитаровской (рис. 1) в 40 км на восток от ст. Таманской Краснодарского края. Поселение получило название Старотитаровское 19. Оно расположено в 6,1–6,75 км к западо-северо-западу от кладбища ст. Старотитаровской, на склоне возвышенности. Вместе с античной керамикой были найдены сосуды и иные артефакты эпохи раннего бронзового века (рис. 2: 1–11). Сам слой этого периода практически не прослеживается.

В число находок эпохи раннего бронзового века входит каменный топор (длинной 11 см) с отверстием. Диаметр отверстия – 2 см. Топор сломан, у него отбита обушная часть (рис. 2: 1). Кремневая пластина с ретушью по краям длиной 6 см

Рис. 1. Местоположение поселения Старотитаровское 19 на карте

Условные обозначения: *a* – границы субъектов РФ; *b* – населенные пункты; *v* – реки; *z* – каналы; *d* – водохранилища; *e* – гидроузлы; *ж* – железные дороги

Рис. 2. Поселение Старотитаровское 19. Находки
1, 2 – камень; 3–11 – керамика

(рис. 2: 2). Далее следует упомянуть сосуды ручной лепки с восстановленным туловом. Два сосуда крупные, высотой 26 и 28 см по тулову, с прямым, слегка отогнутым наружу венчиком, высота венчиков – 4 и 5 см. Один сосуд имеет округлое дно (рис. 2: 3) другой (рис. 2: 4), видимо, тоже. Три небольших сосуда (рис. 2: 7–9) имеют высоту около 10 см. Один напоминает кубок с высоким цилиндрическим горлом, небольшим округлым туловом и слегка уплощенным дном (рис. 2: 8). Другой – плоскодонный горшок с хорошо обозначенным туловом и отогнутым наружу венчиком (рис. 2: 9). Третий сосуд, высотой около 8 см, имеет круглое дно и прямой венчик (рис. 2: 7).

Двугорлый сосуд ближневосточного типа найден в обломках (рис. 2: 10).

Полностью восстановлен сосуд из теста без минеральных примесей красноватого цвета (рис. 2: 11). Высота его тулова – около 17 см, высота венчика – около 4 см. Тулово сосуда имеет ребро, на верхней части тулова нанесен наклонными прорезными линиями орнамент (рис. 2: 11а). По этому признаку его можно отнести к реберчатым майкопским сосудам группы РБ-2 (Корневский, 2004. Рис. 43; 45). Аналогии им известны из разных памятников Западного Предкавказья, например из кургана Синюха (Трифонов, 2014. С. 278. Рис. 2: 1). Один такой сосуд из погребения 15 кургана 1 могильника Ольховский имеет дату Ki-19225: 4400 ± 50 BP, 3096–2901 cal BC (1σ) (Корневский и др., 2018), что соответствует позднему этапу МНО и согласуется с датами поселений Тузла-15 на Тамани и Чекон в Анапском районе Краснодарского края (Гей, Зазовская, 2013). К этому времени, как стало сейчас ясно, относится и захоронение в Нальчикской гробнице – 4410 ± 25 BP, 3092–2943 cal BC (1σ) (Belinskij et al., 2017. P. 24).

Совершенно неожиданной при раскопках поселения стала находка коллективного захоронения четырех человеческих костяков (объект 58-Б) (рис. 3; 4).

Яма, в которой они были обнаружены (рис. 3), имеет диаметр по верхнему краю 2,75 × 2,83 м; глубина ямы от уровня фиксации до дна примерно 84 см. Ко дну ямы немного расширяется в западной части и сужается – в восточной. Диаметр ямы по дну равняется 2,8–2,5 м. В яме зафиксированы скелеты четырех человек, лежавших в скорченном положении, но в разных позах и с разной ориентировкой по странам света (рис. 3: 1; 4: в–е). Антропологические определения выполнены Е. Г. Зубаревой (Волгоградский государственный университет).

Скелет № 1 (рис. 4: в) принадлежал мужчине крупного телосложения. Длина бедренной кости составляла 45 см. Его биологический возраст в момент смерти соответствовал 35–45 годам (*Adultus-maturus*). Костяк лежал скорченно на спине, колени, первоначально поднятые вверх, упали налево. При этом левое колено находилось между ног скелета № 3 (рис. 4: д). Ступни скелета № 1 упирались большими пальцами в стенку ямы. Левая рука была вытянута вдоль туловища. Правая рука прижата плечевой костью к туловищу, предельно согнута в локтевом суставе так, что локтевая и лучевая кости пересекали грудную клетку и выводили кисть в область правой ключицы и нижней челюсти. Костяк был ориентирован головой на запад с небольшим отклонением к северу.

Антропологическое исследование черепа выявило на лобной кости (на внутренней поверхности с левой стороны от лобного синуса) волнообразные возвышения, возможно маркирующие лобный гиперостоз. Васкулярная реакция костной ткани охватывает надбровные дуги.

1

2

Рис. 3. Поселение Старотитаровское 19, объект 58-Б

1 – расположение костяков в яме; 2 – яма после снятия костяков

**Рис. 4. Поселение Старотитаровское 19. Объект 58-Б.
Коллективное погребение. План**

Условные обозначения: а – камень; б – фр-ты лепных сосудов; в – скелет № 1; г – скелет № 2; д – скелет № 3; е – скелет № 4

Из патологий зубочелюстной системы следует отметить отложения зубного камня второго балла. Мышечный рельеф на длинных костях скелета развит хорошо. Интенсивно развитая мускулатура, вероятнее всего, присутствовала на костях предплечья, где все признаки достигают третьего балла.

При изучении посткраниального скелета патологических отклонений на костях, за исключением краевых разрастаний на поясничных позвонках и фалангах пальцев рук, не зафиксировано.

Скелет № 2 (рис. 4: з) лежал перпендикулярно костяку № 1, и его череп покоился на правом предплечье последнего. Костяк принадлежал мужчине в возрасте 25–35 лет (судя по стертости зубов и начальной стадии зарастания черепных швов). Длина бедренной кости составляла около 40 см. Покойный был уложен на правый бок с сильным завалом на грудь и ориентирован головой на восток. Правая рука была согнута в локте и кисть находилась под корпусом. Ноги согнуты в коленных суставах и фиксируют положение «бегущего» человека. Левая рука, незначительно согнутая в локте, находилась между костями ног, а точнее – перекрывала правый коленный сустав и сама была перекрыта коленным составом левой ноги.

Для антропологического исследования были предоставлены фрагменты черепа и посткраниального скелета. На лобных дугах отмечена васкулярная реакция первого балла. Затылочная область уплощенная по типу бешика. В результате воздействия непреднамеренной деформации черепная коробка в затылочной области имеет правостороннюю асимметрию.

При изучении костей посткраниального скелета удалось выявить следующее: суставы костей изношены незначительно, мышечный рельеф на длинных костях верхних и нижних конечностей развит хорошо. Необходимо отметить резко развитый рельеф длинных костей скелета. Так, на правой лучевой кости сильно развиты бугристость лучевой кости (3-й балл) и бороздки и бугорки дистальной части задней поверхности. На правой локтевой интенсивное развитие имеет бугристость локтевой кости в месте прикрепления *m. brachialis*, а также гребень супинатора – в месте начала мышцы *m. supinator*. На правой бедренной кости третьего балла по своему развитию достигает малый вертел и ягодичная бугристость.

Из патологических отклонений важно указать на дегенеративные изменения на первых двух шейных позвонках и слабый горизонтальный остеофитоз в нижнем отделе позвоночника.

Скелет № 3 (рис. 4: д) принадлежал девушке 14–15 лет. О юном возрасте свидетельствует полный набор постоянной смены зубов без третьих моляров, уровень окостенения которых находится в пределах 14–15 лет, что подтверждают и размеры диафизов костей: левая плечевая кость – 223 мм; правая лучевая – 187 мм; правая бедренная – 297 мм. Поза скелета № 3 динамична и не отражает положение «покоя» мертвого человека.

Тело девушки (?) было положено слева от костяка № 1 и частично вплотную к нему. Ее таз перекрыл кисть и локтевую кость левой руки скелета № 1; корпус был развернут на левый бок и грудь, череп – на левом виске. Бедренные кости согнуты в тазобедренных суставах и разведены. При этом левое колено мужчины находилось между ними. Берцовые кости ног смещены, но, скорее всего, ноги девушки были согнуты в коленях.

Позвоночник был сильно прогнут (особенно в поясничном отделе), голова запрокинута. Кости рук предельно согнуты в локтях, кисти сведены вместе и находились у лица в позе адорации.

Из-за плохой сохранности костей больше ничего установить не удалось. Обследование зубочелюстной системы показало наличие минерализованных отложений на коронках. Зубной камень темно-коричневого цвета. На нижних резцах и клыках горизонтально-ориентированные линии маркируют эмалевую гипоплазию. Зубная система без стертости.

Скелет № 4 (рис. 4: е) принадлежал мужчине в возрасте 25–30 лет. Он располагался к северу от черепа костяка № 1. Сильно скорченный костяк лежал на правом бок с разворотом на грудь и был ориентирован головой на восток с отклонением к северу. Положение костей предполагает, что труп был упакован или связан в компактный блок. Кости ног сведены вместе, бедренные кости предельно прижаты к области живота. Параллельно им лежат берцовые кости. Пятки буквально вдавлены в таз. Лопатки расположены крыльями вверх. Правая рука была согнута в локте и находилась под грудными костями, кистью у колен. Левая рука (в слабосогнутом, почти прямом, положении) неестественно отведена за спину, пересекает сзади кости таза.

Для антропологического исследования были предоставлены фрагменты черепа и посткраниального скелета. Рельеф на черепе выражен выше среднего. Места прикрепления мышц в височной и затылочной областях обладают сильной рельефностью. Надбровье средне выражено. Сосцевидные отростки крупные. Судя по вышеперечисленным признакам, череп принадлежал мужчине. Степень стертости зубов совпадает со степенью облитерации швов, это позволяет определить возраст умершего в пределах 25–30 лет, что также подтверждается признаками посткраниального скелета. На зубах наблюдается зубной камень светлого цвета. Мышечный рельеф длинных костей скелета развит слабо. Суставные площадки на костях скелета практически не имеют следов изношенности.

В заполнении ямы у восточной стенки, рядом с костяком № 3 найдены камень (рис. 4: а) и обломки керамических сосудов (рис. 4: б), среди которых обнаружился крупный фрагмент (рис. 5: 1) стенки сосуда бурого цвета с обилием ракушки в примеси формовочной массы. Венчик сосуда имеет наклон внутрь. Его высота около 5 см. Диаметр тулова примерно равен 26 см, высота тулова при его реконструкции равнялась бы 20 см. Сосуд, скорей всего, был плоскодонным. На верхней части имеется наклепной орнамент в виде группы из трех вертикальных миндалевидных выпуклин.

Такой же орнамент отмечен на фрагменте сосуда похожего облика и формовочной массы с примесью ракушки, найденного в 2012 г. на поселении Тузла-15 (раскопки С. Н. Корневского) (рис. 5: 2) (Сударев, 2013). Эта аналогия позволяет сближать слои поселений Старотитаровское 19 и Тузла-15 во времени и по культурному контексту, поскольку в них встречается характерная керамика майкопско-новосвободненской общности – конусы с полым туловом, типичные для псекупского варианта МНО.

Зафиксированные в яме 58-Б размещение покойных и их позы позволяют прийти к заключению, что мы имеем дело с особым случаем погребальной обрядности коллективного захоронения, где есть главный погребенный и остальные, сопутствующие ему.

Главный костяк (№ 1) мужчины возмужалого возраста положен на спину скорченно, головой на запад, с особой позицией рук. Его доминирующее положение в символике обряда похорон связано с тем, что он был перекрыт костяками № 2 и 3.

Левая рука костяка № 1 была вытянута вдоль тела, правая согнута в локте, кисть – у лица. К нему слева вплотную и частично поверх положили девушку

Рис. 5. Керамика. Поселение Старотитаровское 19, объект 58-Б (1); аналогия из пос. Тузла-15, рис. С. Н. Корневского (2)

(скелет № 3), так, что ее таз касался таза мужчины. Руки девушки были сложены в молитвенной позе – кистями у лица, корпус сильно прогнут, голова запрокинута. Такая динамическая поза предполагает, что смерть настигла девушку именно в могиле в момент похорон.

Справа и перпендикулярно положили мужчину в слабоскорченном положении на правом боку, в «позе бега» (скелет № 2). К северу от головы главного покойного был уложен труп еще одного мужчины (скелет № 4), принявшего смерть на стороне и принесенного к месту захоронения в «упакованном» состоянии.

Описанная погребальная обрядность не согласуется с типичными обычаями захоронения в курганах племен раннего майкопского варианта МНО, ни ее

долинского варианта, ни новосвободненской группы. Для погребальных традиций этих вариантов характерной была поза покойного человека скорченно на боку, но не на спине. Нет в этом погребении и охры, часто отмечаемой в майкопских курганных захоронениях.

Важно еще отметить, что погребения на территории майкопских поселений к востоку от причерноморской полосы – явление необычное. В причерноморских поселениях они встречаются, но редко. Так, на поселении Чекон в Анапском районе тоже были зафиксированы человеческие останки (*Корневский и др.*, 2015).

Интересно также, что на поселениях Старотитаровском и Чекон были обнаружены обломки каменных топоров (или «чеканов») с округлым обухом (*Бочковой*, 2013; *Бочковой и др.*, 2013. С. 5; *Корневский*, 2018. Рис. 4: 3), которые на памятниках МНО в других местах просто отсутствуют.

Таким образом, и публикуемое коллективное погребение, и материалы поселения позволяют поставить вопрос о необходимости дальнейшего изучения подобных случаев в погребальной практике населения причерноморской части псекупского варианта МНО и специфики обнаруженных находок, а также уточнения их культурной атрибуции.

ЛИТЕРАТУРА

- Бочковой В. В.*, 2013. Отчет Краснодарской археологической экспедиции о раскопках поселения Чекон и кургана у с. Юровка в 2011 г.: в 6 т. Краснодар // Архив ИА РАН. № 29344.
- Бочковой В. В., Марченко И. И., Лимберис Н. Ю., Резепкин А. Д.*, 2013. Поселение майкопской культуры «Чекон» // Археология и этнография понтийско-кавказского региона: сб. науч. тр. Вып. 1 / Ред. Н. И. Кирей и др. Краснодар: Кубанский гос. ин-т. С. 5–18.
- Гей А. Н., Зазовская Э. П.*, 2013. Новые радиоуглеродные даты поселения Мысхако и майкопского поселения Чекон // Шестая Международная кубанская археологическая конференция / Отв. ред. И. И. Марченко. Краснодар: Экоинвест. С. 81–84.
- Давудов Ш. О.*, 2015. Отчет об охранно-спасательных археологических исследованиях поселения «Старотитаровская 19» на территории Темрюкского района Краснодарского края в 2015 г. // Архив ИА РАН.
- Корневский С. Н.*, 2004. Древнейшие земледельцы и скотоводы Предкавказья: Майкопско-новосвободненская общность: проблемы внутренней типологии. М.: Наука. 246 с.
- Корневский С. Н.*, 2018. На пороге цивилизации. Майкопско-новосвободненская общность, Западный Кавказ // МИАСК. Вып. 16 / Ред. Е. И. Нарожный. Армавир; Краснодар. С. 7–43.
- Корневский С. Н., Медникова М. Б., Бочковой В. В.*, 2015. Новые данные о разнообразии погребальных обрядов майкопско-новосвободненской общности // АЭАЕ. Т. 43. № 2. С. 32–42.
- Корневский С. Н., Медникова М. Б., Добровольская М. В., Яцюк Д. А.*, 2018. Майкопские погребения могильника Ольховский // Горы Кавказа и Месопотамская степь на заре бронзового века: сб. к 90-летию со дня рождения Р. М. Мунчаева. (В печати.)
- Сударев Н. И.*, 2013. Отчет о проведении археологических раскопок на территории г. Анапа, Славянск-на-Кубани Славянского района и в Темрюкском районе Краснодарского края в 2012 г. // Архив ИА РАН. № 35481.
- Трифонов В. А.*, 2014. Западные пределы распространения майкопской культуры // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. Т. 16. № 3. С. 276–284.
- Belinskij A., Hansen S., Reinhold S.*, 2017. The Great Kurgan from Nal'nik. A Preliminary Report // At the Northern Frontier of Near Eastern Archaeology. Turnhout: Brepols Publishers. P. 13–32. (Subartu; vol. XXVIII.)

Сведения об авторах

Кореневский Сергей Николаевич, Институт археологии РАН, ул. Дм. Ульянова, 19, Москва, 117036, Россия; e-mail: skorenevskiy@yandex.ru;

Давудов Шамиль Омарович, ООО «Археологическое общество Кубани», пр-т Чехова, 62, оф. 5, Ростов-на-Дону, 344006, Россия; e-mail: shamyl@mail.ru

S. N. Korenevskiy, Sh. O. Davudov

THE EARLY BRONZE AGE SETTLEMENT AND THE GRAVE
NEAR THE VILLAGE OF STAROTITAROVSKAYA,
THE KRASNODAR REGION AND BURIAL DISCOVERED AT THE SITE

Abstract. The paper publishes new Early Bronze Age finds excavated at the settlement near the village of Starotitarovskaya in the Krasnodar region. The cultural attribution of the occupation layer of the settlement is not easily identifiable; it was strongly disturbed by a settlement dating to the Classical period. A fragment of a stone shaft-hole axe, a retouched flint blade and several vessels made from clay tempered with mineral admixture and clay tempered without mineral inclusions were dated to the Early Bronze Age. Based on these finds, the settlement was attributed to the end of the 4th mill. BC. Pottery finds include several vessels with a round and flat bottom. Four skeletons were discovered in pit 58-B: skeletons of three males and a skeleton of one young woman. These finds raise an issue of special forms of funerary rites practiced by the local population and their correlation with funerary traditions of the Majkop culture.

Keywords: Majkop-Novosvobodnaya population, Psekupskaya variant, grave, skeleton, position of the deceased, pit, settlement, ceramics, anthropology, analogy, Early Bronze Age of the Fore-Caucasus.

REFERENCES

- Belinskij A., Hansen S., Reinhold S., 2017. The Great Kurgan from Nalčik. A Preliminary Report. *At the Northern Frontier of Near Eastern Archaeology*. Turnhout: Brepols Publishers, pp. 13–32. (Subartu, XXVIII.)
- Bochkovoy V. V., 2013. Otchet Krasnodarskoy arkheologicheskoy ekspeditsii o raskopkakh poseleniya Chekon i kurgana u s. Yurovka v 2011 g.: v 6 t. [Report of Krasnodar archaeological expedition on excavations of settlement Chekon and kurgan near village Yurovka in 2011: 6 vols.]. *Archive of IA RAS*. (In Russian, unpublished.)
- Bochkovoy V. V., Marchenko I. I., Limberis N. Yu., Rezepkin A. D., 2012. Materialy poseleniya Chekon i klassifikatsiya keramiki maykopskoy kul'tury [Materials of settlement Chekon and classification of ceramics of Maykop culture]. *Drevniye kul'tury stepey Evrazii i ikh vzaimodeystviye s drevnimi tsivilizatsiyami [Early cultures of Eurasia steppes and their interaction with early civilizations]*, 2. V. A. Alekshin, ed. St. Petersburg: IIMK RAN: Periferiya, pp. 95–100.
- Bochkovoy V. V., Marchenko I. I., Limberis N. Yu., Rezepkin A. D., 2013. Poseleniye maykopskoy kul'tury «Chekon» [Settlement of Maykop culture «Chekon»]. *Arkheologiya i etnografiya pontiysko-kavkazskogo regiona [Archaeology and ethnography of Ponto-Caucasian region]*, 1. N. I. Kirey, ed. Krasnodar: Kubanskiy gos. institut, pp. 5–18.
- Davudov Sh. O., 2015. Otchet ob okhranno-spatatel'nykh arkheologicheskikh issledovaniyakh poseleniya «Starotitarovskaya 19» na territorii Temryukskogo rayona Krasnodarskogo kraya v 2015 g. [Report on protective-rescue archaeological investigations of settlement «Starotitarovskaya 19» in territory of Temryuk district, Krasnodar region in 2015]. *Archive of IA RAS*. (In Russian, unpublished.)

- Gey A. N., Zazovskaya E. P., 2013. Novyye radiokarbonnyye daty poseleniya Myskhako i maykopskogo poseleniya Chekon [New radiocarbon dates from settlement Myskhako and Maykop settlement Chekon]. *Shestaya Mezhdunarodnaya kubanskaya arkheologicheskaya konferentsiya [Sixth International Kuban archaeological conference]*. I. I. Marchenko, ed. Krasnodar: Ekoinvest, pp. 81–84.
- Korenevskiy S. N., 2004. Drevneyshiye zemledel'tsy i skotovody Predkavkaz'ya: Maykopsko-novosvobodnenskaya obshchnost': problemy vnutrenney tipologii [Earliest farmers and stock-breeders of Fore-Caucasus: Maykop-Novosvobodnaya entity: problems of inner typology]. Moscow: Nauka. 246 p.
- Korenevskiy S. N., 2018. Na poroge tsivilizatsii. Maykopsko-novosvobodnenskaya obshchnost', Zapadnyy Kavkaz [On the threshold of civilization. Maykop-Novosvobodnaya entity, West Caucasus]. *MIASK*, 16. E. I. Narozhnyy, ed. Armavir; Krasnodar, pp. 7–43.
- Korenevskiy S. N., Mednikova M. B., Bochkovoy V. V., 2015. Novyye dannyye o raznoobrazii pogrebal'nykh obryadov maykopsko-novosvobodnenskoy obshchnosti [New data on diversity of burial rites in Maykop-Novosvobodnaya entity]. *AEAE*, vol. 43, no. 2, pp. 32–42.
- Korenevskiy S. N., Mednikova M. B., Dobrovol'skaya M. V., Yatsyuk D. A., 2018. Maykopskiye pogrebeniya mogil'nika Ol'khovskiy [Maykop burials in Ol'khovskiy cemetery]. *Gory Kavkaza i Mesopotamskaya step' na zare bronzovogo veka [Caucasian mountains and Mesopotamian steppe at the dawn of Bronze Age]*. H. A. Amirkhanov, ed. Moscow: IA RAN. (In Print.)
- Sudarev N. I., 2013. Otchet o provedenii arkheologicheskoy raskopki na territorii g. Anapa, Slavyansk-na-Kubani Slavyanskogo rayona i v Temryukskom rayone Krasnodarskogo kraya v 2012 g. [Report on archaeological excavations in territory of city Anapa, Slavyansk-na-Kubani, Slavyansk district, and Temryuk district, Krasnodar region in 2012]. *Archive of IA RAS*. (In Russian, unpublished.)
- Trifonov V. A., 2014. Zapadnye predely rasprostraneniya majkopskoy kul'tury [Western Boundaries of Extension of the Maikop Cultur]. *Izvestiya Samarskogo nauchnogo tsentra Rossiyskoy akademii nauk [Bulletin of Samara Scientific Centre of the Russian Academy of Sciences]*, vol. 16, no. 3, pp. 276–284.

About the authors

Korenevskiy Sergey N., Institute of Archaeology Russian Academy of Sciences, ul. Dm. Ulyanova, 19, Moscow, 117036, Russian Federation; e-mail: skorenevskiy@yandex.ru;

Davudov Shamil' O., ООО «Archaeological Society of Kuban», prospekt Chekhova, 62, of. 5, Rostov-on-Don, 344006, Russian Federation; e-mail: shamyl@mail.ru

С. В. Сотникова

К ВОПРОСУ ОБ ИНТЕРПРЕТАЦИИ ЗНАКОВ НА ИГРАЛЬНЫХ КОСТЯХ КАТАКОМБНОЙ КУЛЬТУРЫ

Резюме. В статье предложен новый подход к интерпретации знаков на катакомбных игральных костях (октаэдрах). Автор исходит из предположения, что ромбовидная плоскость кости вместе с нанесенным знаком представляли собой одно целое и должны интерпретироваться с учетом этой специфики. Население катакомбной культуры (культур) Л. С. Клейн убедительно связывает с индоариями. У ведийских ариев существовали сакральные числа, которые отражали основные этапы космогенеза. Сопоставление с текстом «Ригведы» позволило, с определенной долей вероятности, реконструировать катакомбный числовой ряд на игральных костях – 1, 2, 3, 4. Катакомбные фигурные знаки на ромбической плоскости представляли наглядную символику этапов космогенеза, которая, возможно, отчасти соответствовала концепции ведийских ариев. Однако ведийские представления о мире, безусловно, отличались большей сложностью. Катакомбные наборы, состоящие из нескольких костей, вероятно, использовались для создания сакральных чисел, представляющих составную целостность (например, 7 или 12). Катакомбные кости могли использоваться в ритуалах, включающих игровую составляющую, где требовалось отождествление сакральных чисел с этапами космогенеза.

Ключевые слова: эпоха средней бронзы, евразийские степи, катакомбная культура, игральные кости, интерпретация знаков, сакральные числа, космогенез.

Наборы игральных костей широко известны в погребениях катакомбной культуры с территории Правобережного Поднепровья, Северского Донца, Нижнего Подонья и Прикубанья. Кости, как правило, имеют вид октаэдра с четырьмя сглаженными горизонтальными ребрами, вследствие чего получается не восемь, а четыре грани выпуклой ромбической формы. Реже встречаются кости в виде прямоугольного параллелепипеда со сглаженными ребрами, где четыре длинные грани имеют овальную форму. Независимо от формы (ромбическая или овальная) одна из четырех граней кости оставалась пустой, на остальных наносились знаки, которые исследователи интерпретируют как определенные числа. Вопрос

о назначении костей достаточно спорен, поэтому употребляемое в данной статье определение «игральные» носит во многом условный характер.

Интерпретации знаков на катакомбных игровых костях посвящен ряд работ. Одним из первых достаточно полную сводку игровых костей донецкой катакомбной культуры Северского Донца (15 экз.) дал С. Н. Санжаров, который сгруппировал стороны костей в четыре вертикальные колонки, разместив в каждой колонке идентичные, с его точки зрения, знаки (*Санжаров*, 1988. Рис. 10). По способу нанесения знаков он условно разделил катакомбные кости на две группы. В одной группе знаки представлены черточкой и кружочками, в другой – нарезными знаками. Опираясь на древневосточные аналогии, исследователь попытался дать их расшифровку. Он предположил, что единица изображалась в виде вертикальной черты, клина, вытянутого эллипса, десятка обозначалась в виде небольшого кружка, 40 – четыре малых кружка (т. е. «кружок» обозначал десятку). По мнению С. Н. Санжарова, в той группе костей, где знаки представлены черточкой и кружочками, нанесены числа 1, 10, 40. Во второй группе костей, где нанесены нарезные знаки, вертикальная черта также обозначала 1, косой крест обозначал 10, а фигура в виде двух схематичных треугольников с параллельными основаниями обозначала 40, т. е. во второй группе представлен тот же набор чисел – 1, 10, 40 (Там же. С. 155).

Л. С. Клейн считает, что вариант расшифровки знаков на катакомбных костях, предложенный С. Н. Санжаровым, представляет собой «совершенно немотивированную символику» (*Клейн*, 1997. С. 48). Прежде всего, по мнению Л. С. Клейна, на катакомбных костях вообще нет кружков, там маленькие ямки, т. е. точки. Он полагает, что к преобразованию точек в кружки С. Н. Санжарова «толкнуло принятие риска за единицу: если единица уже есть, то на той же кости одна точка единицей быть уже не может, значит, точка – не точка... Но коль скоро ямка не кружок (и не десятка), то и скопление ямок – не десятки. Выходит, риска здесь не единица, а обозначение особого числа, отличного от прочих, обозначенных точками. Вероятно, самого выигрышного» (Там же. С. 48, 50).

В статье Л. С. Клейна представлен каталог находок игровых костей бронзового века из степей Причерноморья, в котором учтено 49 костей (новосвободненских и катакомбных). Он сгруппировал схематические изображения знаков, представленные на каждой стороне кости, в четыре вертикальные колонки, с учетом своих представлений о значении этих знаков (Там же. Табл. I). Исследователь делит находки катакомбных костей в погребениях на большие (трехкостные) и малые (двухкостные, однокостные) наборы. Основное внимание он уделяет интерпретации знаков на костях из больших катакомбных наборов, где, по его мнению, представлены две системы обозначений. Первая система – в основном точками на плоскостях. В наборах из Николаевки, Сватова и Брюховецкой «пустая сторона, конечно, означает ноль, единица и четверка недвусмысленно обозначены точками... Оставшаяся продольная черта означает число выдающееся, коль скоро для него избран особый, незаурядный, выделяющийся знак. Поскольку минимальные значения в ряду чисел (0 и 1) уже заняты, остается максимальное. Это могут быть пятерка или шестерка». Л. С. Клейн отдает предпочтение числу 6 (Там же. С. 58. Табл. I). Итак, в первой группе, по его мнению, представлен ряд 0, 1, 4, 6. Вторая система обозначений – фигурные

нарезные знаки на гранях. Знаки расположены не на плоскостях, а на скругленных ребрах, глядящих кверху при стабилизации кости на месте выпадения. Пустая сторона соответствует нулю, единица – это фигура, похожая на прорисовку щели. Шестерку изображают два клиновидных треугольника основаниями друг к другу (как бы составной ромб). «Оставшийся знак – крестовидный квадрат, квадрат с вогнутыми сторонами, с выступающими из углов рисками, продолжающимися диагонали, – не может означать ничего, кроме четверки» (Клейн, 1997. С. 58). Итак, во второй системе представлен тот же ряд, что и на костях с точками: 0, 1, 4, 6.

Относительно малых наборов (двухкостных, однокостных) Л. С. Клейн отмечает, что на них также присутствуют две системы обозначений, знаки на костях те же, соответственно, числовые значения такие же (Там же. С. 59).

Следует полностью согласиться с мнением исследователей о том, что на катакомбных костях представлены две системы знаков. Первая – в основном точками на плоскостях, вторая – в виде фигурных нарезных знаков. Далее, соответственно, они обозначаются автором как первая (рис. 1) и вторая (рис. 2) системы обозначений на игральных костях.

Вместе с тем представляется возможным предложить другой подход к интерпретации знаков на катакомбных костях. Отличие его заключается в том, что предыдущие исследователи интерпретировали только сами знаки, без учета ромбовидной формы сторон катакомбной кости. Однако для игровой кости более простой и удобной была бы форма кубика с квадратными сторонами, а не форма октаэдра с ромбическими сторонами. Следовательно, сама ромбическая форма стороны октаэдра была не менее значима, чем знак, нанесенный на ее поверхность. Поэтому ромб и вписанный в него знак представляли собой единое изображение (одно целое) и, соответственно, должны интерпретироваться с учетом данной специфики. И безусловно, в целях дальнейшей интерпретации будут использованы, в основном, прорисовки ромбической плоскости кости с нанесенными на ней знаками. Именно такие прорисовки ромбических граней со знаками содержатся в статье С. Н. Санжарова (*Санжаров*, 1988. Рис. 10).

В качестве источниковой базы для интерпретации знаков на катакомбных костях были привлечены доступные автору опубликованные находки четырех игровых костей из могильника Малозахарьино (*Ковалева и др.*, 1989. С. 7. Рис. 2: 7–10), трех – из могильника у станции Брюховецкая (*Бочкарев и др.*, 1991. С. 40. Рис. 42), двух – из Второго Власовского могильника (*Синюк, Березуцкий*, 1996. С. 97. Рис. 7: 3) и еще двух – из могильника Никополь (*Кривцова-Гракова*, 1962. Рис. 15: 8, 9). В этих статьях представлены прорисовки знаков на всех четырех (ромбических или овальных) гранях игровых костей. Одним из основных источников, где содержатся подробные сведения о знаках на катакомбных игровых костях, является статья С. Н. Санжарова, в которой приведены данные о 15 костях из 4 могильников (Шпаковка, Александровск, Сватово, Николаевка) (*Санжаров*, 1988. Рис. 10), но для интерпретации пригодны только 14. В наборе из погребения 12 кургана 10 Александровска третья кость нестандартная, вместо фигурных знаков нанесена точка и косые черты (Там же). Подробная информация о некоторых наборах игровых костей оказалась нам недоступна. С целью расширения источниковой базы были привлечены сведения

№	Местонахождение	Система знаков				Опубликовано
		Стороны кости				
		1	2	3	4	
1	Сватово кург. 12, погр. 2					Санжаров, 1988
2
3
4	Николаевка кург. 1, погр. 4
5
6
7	Николаевка кург. 2, погр. 2
8
9
10	Брюховецкая кург. 3, погр. 17					Бочкарев и др., 1991
11
12
13	Второй Власовский могильник кург. 5, погр. 7					Синюк, Березуцкий, 1996
14
15	Никополь кург. 1 погр. 9					Кривцова-Гракова, 1962
16
17	Малозахарьино кург. 1 погр. 5					Ковалева и др., 1989
18
19
20

Рис. 1. Катакомбные игральные кости. Первая система обозначений

№	Местонахождение	Система знаков				Опубликовано
		Стороны кости				
		1	2	3	4	
1	Шпаковка кург. 9, погр. 5			×	△	Санжаров, 1988
2				×	△	
3	Александровск кург. 2, погр. 6.					
4	Александровск кург. 10, погр. 12					
5						
6						
7	Шахаевская II кург. 4, погр. 3			×	≡	Клейн, 1997
8	Койсуг кург. 5, погр. 25			×	≡	
9				×	≡	
10	Говоруха кург. 7, погр. 17			×	≡	
11				×	≡	
12				×	≡	
13	Лимаревка кург. 1, погр. 5			×	≡	
14				×	≡	
15				×	≡	
16				×	≡	
17				×	≡	
18	Лимаревка кург. 1 погр. 19			×	≡	
19				×	≡	
20	Сладковский кург. 29, погр. 26			✱	△	
21				✱	△	

Рис. 2. Катакомбные игральные кости. Вторая система обозначений

из таблицы в статье Л. С. Клейна, где даны схематические изображения знаков на игровых костях (*Клейн*, 1997. Табл. I). Это 15 костей из 5 могильников (Шахаевская II, Койсуг, Говоруха, Лимаревка, Сладковский). Информация о знаках на костях из всех могильников была сгруппирована в четыре вертикальные колонки в той же последовательности, что и в статье С. Н. Санжарова (*Санжаров*, 1988. Рис. 10). Такая последовательность представляется наиболее удачной для интерпретации.

К игральным костям, на которых представлена первая система обозначений (рис. 1), относятся наборы из могильников Сватово, Николаевка, Брюховецкая, Второй Власовский могильник, Малозахарьино, Никополь.

К катакомбным костям, на которых представлена вторая система обозначений (рис. 2), отнесены наборы игровых костей из могильников Шпаковка, Александровск, Шахаевская II, Койсуг, Говоруха, Лимаревка, Сладковский.

Население катакомбной культуры (культуры) Л. С. Клейн убедительно связывает с индоариями (*Клейн*, 2013. С. 295–328). Поэтому для интерпретации ромбов со знаками на катакомбных игровых костях вполне оправдано привлечение ведийских письменных источников, прежде всего – гимнов «Ригведы».

При интерпретации знаков также учитывалось мнение исследователей древнеиндийских ритуальных текстов о том, каким образом в этих произведениях воплощалась идея числа. В. С. Семенов при изучении этих текстов приходит к выводу, что идея числа как символа целого хорошо известна уже в «Ригведе». Он отмечает, что данное явление было замечено и подробно проанализировано А. Бергенем, который считал, что «большинство мифологических чисел “Ригведы”, и особенно числа два, три, пять, семь, выражают не просто идею “неопределенного множества”, но “целостность” и эта целостность в принципе соответствует совокупности миров» (*Семенов*, 1981. С. 150). Т. Я. Елизаренкова отмечает, что «космогонический процесс, как он прослеживается в гимнах Ригведы, находит свое выражение в числовом ряде» (*Елизаренкова*, 1999. С. 477). Таким образом, представляется возможным предположить, что на катакомбных костях знаки, нанесенные на ромбическую плоскость, отражают основные этапы космогенеза.

В обеих системах обозначений в первой колонке представлена пустая грань (рис. 1; 2). Для интерпретации понятия «пустоты» у ведийских ариев обратимся к гимну X, 129 (Космогония) «Ригведы», в котором исходное состояние вселенной представлено следующим образом: «Не было не-сущего, и не было сущего тогда. / Не было ни воздуха, ни небосвода за его пределами... / Не было ни смерти, ни бессмертия тогда. / Не было ни признака дня (или) ночи. / Дышало, не колебля воздуха, по своему закону Нечто Одно, / И не было ничего другого, кроме него. / Мрак был сокрыт мраком в начале. / Неразличимая пучина – все это. / То жизнедеятельное, что было заключено в пустоту, / Оно Одно было порождено силой жара!» (РВ. X, 129, 1–3).

Т. Я. Елизаренкова полагает, что исходный этап космогенеза – «хаос, нерасчлененное единство» – выражается числом 1 (*Елизаренкова*, 1999. С. 477). Следует отметить, что «хаос», согласно гимну, – это не отсутствие порядка, а слитное, не расчлененное на части существование всех элементов «космоса», которое есть «Нечто Одно». Это «Нечто Одно» характеризуется как «неразличимая пучина», оно «сокрыто мраком в начале», «заключено в пустоту». Следовательно, можно

предположить, что пустая грань игральной кости означала 1 – не разделенное на части пространство.

Во второй колонке в обеих системах обозначений представлен ромб со знаком в виде одной вертикальной черты, клина, вытянутого эллипса (по терминологии С. Н. Санжарова) или фигуры, похожей на прорисовку щели (по терминологии Л. С. Клейна) (рис. 1; 2). С. Н. Санжаров считает, что данная фигура означает единицу в обеих группах, Л. С. Клейн полагает, что в первой системе обозначений продольная черта означает шестерку, а во второй системе фигура, похожая на щель, это – единица. В данном споре точка зрения С. Н. Санжарова выглядит более убедительной в том отношении, что вертикальная черта, клин, вытянутый эллипс или щель – все это один и тот же знак, но с определенными особенностями нанесения на поверхность кости.

В гимне X, 129 «Ригведы» о начале космогенеза говорится следующее: «Происхождение сущего в не-сущем открыли / Мудрецы размышлением, ища в сердце (своем). / Поперек был протянут их шнур. / Был ли низ? Был ли верх?» (РВ. X, 129, 4–5). Опираясь на текст гимна, можно предположить, что, вероятно, вертикальная черта на катакомбных костях вообще не является каким-либо числом, это – вспомогательный разделительный знак, тот «шнур», который делит ромбическую (овальную) грань кости на две части или на две половины.

Число 2, по мнению Т. Я. Елизаренковой, символизирует начало бинаризма в существовании вселенной: различие мужского и женского принципов, верха и низа, света и тьмы, дня и ночи и т. п. (Елизаренкова, 1999. С. 477). Это число представлено также парным божеством Небо-и-Земля, которое обозначается словом, употребляющимся только в двойственном числе. Небо-и-Земля рассматриваются как мужское и женское начало – от них произошли все боги (Там же. С. 473, 477). Об этом в «Ригведе» говорится: «Прежде всего, я настойчиво зову Небо-и-Землю... / Ведь и те прежние поэты, воспевая, / Ставили впереди (всех) двоих великих, чьи сыновья – боги. / Создайте преимущество двоим перворожденным, родителям...» (РВ. VII, 53, 1–2). Другой способ обозначения Неба-и-Земли в «Ригведе» – двучленная вселенная *ródasī*, обозначаемая существительным, употребляющимся, как правило, в двойственном числе. Под этим названием кроются небо и земля, представленные как две половины мироздания, или две распростертые смыкающиеся чаши, составляющие сферическую вселенную (Елизаренкова, 1999. С. 473, 477).

Таким образом, с определенной долей вероятности можно высказать предположение, что с помощью разделительного знака на грани катакомбной кости обозначалось начало космогенеза – создание двучленной вселенной. Не исключено, что уже в катакомбное время существовали представления о парном божестве Небо-и-Земля, которое в «Ригведе» названо «двоими перворожденными, родителями». Таким образом, сторона кости в виде ромба с вертикальной чертой по центру (включая разные варианты нанесения), по-видимому, означала число 2.

Обращает на себя внимание некоторое несоответствие с текстом «Ригведы». На катакомбных костях обозначена вертикальная черта, а в гимне «Ригведы» – «шнур» был натянут поперек. Но в следующей же строке гимна высказано сомнение, которое в то же время, вероятно, является и объяснением: «Поперек

был протянут их шнур. / Был ли низ? Был ли верх?») Иначе говоря, в начале космогенеза отсутствовало вертикальное и горизонтальное членение вселенной. Начало космогенеза – слитное существование парного божества Небо-и-Земля. Возможно, именно вертикальная черта на катакомбных игральных костях свидетельствовала о слитном состоянии двух половин мироздания.

В третьей колонке для первой и второй систем используются разные варианты знаков (рис. 1; 2). В первой системе обозначений это – ромб с одной ямкой или углублением в центре (рис. 1).

Согласно реконструкции Т. Я. Елизаренковой, со следующим космогоническим этапом – разъединением неба и земли – связано число 3. Они оказались разделены промежуточным звеном – воздушным пространством, а также опорой, удерживающей этот мир в равновесии. Этот акт творения положил начало существованию организованного Космоса по вертикали: верх – середина – низ, т. е. трехчленной вселенной. Та точка, где совершался акт творения, представлялась как центр мироздания. Центр мироздания кодируется в «Ригведе» словом *nābhi-* – «пуп», «центральная точка» пространства (первоначальное значение – «отверстие», «углубление»). Именно через это отверстие проходит мировая ось, кратчайший путь, связывающий землю и небо (Елизаренкова, 1999. С. 472–475, 477).

Учитывая, что центр кодируется словом *nābhi-*, а его первоначальное значение «отверстие», «углубление», можно предположить, что на катакомбных костях ромб с углублением в центре, вероятно, обозначал число 3. Иначе говоря – это знак трехчленной вселенной.

Во второй системе обозначений вместо ромба с точкой в третьей колонке представлен ромб со знаком в виде простого креста в центре (рис. 2). Этот знак, по мнению Л. С. Клейна, имеет варианты: «крестовидный квадрат, квадрат с вогнутыми сторонами, с выступающими из углов рисками, продолжающими диагонали» (Клейн, 1997. С. 58). Перечисленное многообразие может объясняться тем, что через центр проходят или с ним совпадают различные сакрализованные объекты, организующие мир по вертикали: мировая гора; мировое дерево; опорный столп; алтарь, на котором приносятся жертвы. Вероятно, на катакомбных костях ромб со знаком в виде креста также задавал центр пространства и, следовательно, также означал число 3.

Таким образом, вполне возможным следует считать предположение, что на катакомбных костях число 3 обозначалось двумя разными способами: ромбом с точкой в центре и ромбом со знаком в виде креста, где также акцентировался центр.

В четвертой колонке для первой и второй систем используются два основных варианта обозначений. В первой системе обозначений это – ромб с четырьмя ямками (углублениями) в центре (рис. 1). Л. С. Клейн считает, что этот знак обозначает число 4, с чем, безусловно, следует согласиться. В Николаевке (кург. 1, погр. 4) на одной кости вместо четырех точек нанесено три. Учитывая небольшие размеры игровой кости, можно предположить, что для четвертой точки просто не нашлось достаточного места, но сам характер нанесения знаков не мешал воспринимать это изображение как 4.

Во Втором Власовском могильнике и в могильнике Никополь обнаружены наборы, состоящие из двух игровых костей. На обеих власовских и на одной

никопольской кости знаки на трех сторонах соответствуют первой системе обозначений, а на четвертой стороне нанесен другой знак, состоящий из пары углублений, расположенных по вертикальной оси ромба (овала), напротив друг друга (рис. 1). По-видимому, это еще один вариант (сокращенный?) нанесения числа 4. В могильнике Малозахарьино обнаружен набор из четырех костей, имеющих вид прямоугольного параллелепипеда со сглаженными ребрами, где четыре длинные грани имеют овальную форму. Две кости имеют на всех четырех гранях одинаковые знаки. На трех сторонах знаки соответствуют первой системе обозначений, а на четвертой стороне изображен прямой крест, занимающий все пространство плоскости и делящий ее на 4 части (рис. 1). На одной кости поперечная линия креста имеет небольшой наклон, что, вероятно, является погрешностью при нанесении, так как размеры малозахарьинских костей очень малы (длина – 6–7 мм) (Ковалева и др., 1989. С. 7, 8. Рис. 2: 8). На двух других костях из этого набора один знак повторен дважды. На одной кости – это знак, связанный с числом 2, на другой – с числом 3 (рис. 1). Причем одинаковые знаки располагались на противоположащих сторонах, что, вероятно, связано с особенностями использования костей. На одной из этих нестандартных костей также имеется сторона со знаком прямого креста, причем без погрешностей нанесения. По-видимому, прямой крест, присутствующий на трех костях из Малозахарьино, являлся еще одним вариантом обозначения числа 4.

В «Ригведе» число 4 связано с организацией пространства по горизонтали (четверичное членение вселенной). Способом ориентации на земле служили стороны света, которых обычно различали 4: север, юг, восток, запад (Елизаренкова, 1999. С. 474, 476).

Во второй системе обозначений в четвертой колонке присутствует изображение двух клиновидных треугольников основаниями друг к другу (как бы составной ромб) (рис. 2). Схематизация этих знаков (Александровск), по наблюдениям Л. С. Клейна, ведет к тому, что сближенные основаниями треугольники превращаются просто в две параллельные линии с перпендикулярами наружу (вверх и вниз) или в две параллельные линии, пересеченные одной перпендикулярной (как бы лежащее Н). Он считает, что эти знаки означают число 6 (Клейн, 1997. С. 58).

Прежде чем интерпретировать эти знаки, относящиеся ко второй системе обозначений, следует учитывать, что сами стороны игральной кости имели форму ромба. Две параллельные линии с перпендикулярами наружу (вверх и вниз) или две параллельные линии, пересеченные одной перпендикулярной (как бы лежащее Н), с учетом ромбической формы стороны игральной кости, схематически изображали два треугольника основаниями друг к другу, иначе говоря, составной ромб. Вероятно, таким способом подчеркивалась значимость четырех углов ромба. С точки зрения космогенеза, эти знаки соответствуют организации пространства по горизонтали, по четырем сторонам света (четверичное членение вселенной). Поэтому во второй системе обозначений знак в виде двух треугольников основаниями друг к другу (составной ромб), представленный несколькими вариантами, по-видимому, также означал число 4.

Таким образом, несмотря на то что на катакомбных костях присутствовало две системы обозначений (в которых для числа 4 было несколько вариантов

фигурных знаков), можно предполагать, что числовой ряд, передаваемый этими знаками, был одинаков – 1, 2, 3, 4.

Сопоставление с текстом «Ригведы» позволило, с определенной долей вероятности, реконструировать катакомбный числовой ряд на игральном костях. Вполне допустимо считать, что на катакомбных костях присутствовали сакральные числа в виде фигурных знаков на ромбической (реже овальной) плоскости. Они представляли наглядную символику этапов космогенеза, которая, возможно, отчасти соответствовала концепции ведийских ариев. Однако ведийские представления о мире, безусловно, отличались большей сложностью.

Требуется объяснения факт присутствия в катакомбных погребениях наборов, состоящих из двух, трех костей или более. По-видимому, следует согласиться с мнением А. Бергена, что большинство мифологических чисел «Ригведы» выражают идею не множества, а «целостность» (Семенцов, 1981. С. 150), которая есть не что иное, как вселенная в целом.

Числовой ряд, присутствующий на четырех сторонах катакомбных костей в виде фигурных знаков, обладал следующей особенностью. Эти сакральные числа наглядно обозначали либо слитное существование элементов мироздания (1 и 2), либо создание вселенной при помощи деления изначальной целостности на части (3 и 4). Следует предположить, что сакральных чисел, связанных с представлениями о мире, было больше. Этим объясняется наличие в катакомбных погребениях наборов, состоящих из нескольких костей, что позволяло при их одновременном выбросе получать сакральные числа больше 4 (составную целостность).

По-видимому, для создания составной целостности имели значение не все стороны октаэдра. Изначальная целостность мира представляла собой первозданную слитность элементов, не пригодную для создания мира. На катакомбных костях пустая сторона, означающая 1, по-видимому, не участвовала в создании составной целостности. На той стороне кости, которая связана с числом 2, присутствовал лишь вспомогательный знак, который числом также не являлся. По мнению Б. Л. Огибенина, по ведийским представлениям организованной вселенной противостоит неорганизованный мир, характеризуемый, в частности, тем, что земля и небо составляют единое целое (Огибенин, 1968. С. 14). Таким образом, при одновременном выбросе нескольких костей знаки, означающие слитное состояние вселенной (1 и 2), вероятно, не учитывались. По-видимому, только знаки, связанные с числами 3 и 4, имели отношение к вселенной, разделенной на части, и, безусловно, были важны для создания сакральных чисел больше 4. Например, две кости, выпавшие соответственно сторонами 3 и 4, в совокупности составляли 7. Вероятно, с этим числом были связаны представления не только о создании основных элементов космоса, а о творении высшей ценности во Вселенной – мирового (космического) порядка, который строится из трех миров (небо, земля, воздушное пространство) и четырех сторон света. Три кости, выпавшие одновременно одинаковыми сторонами со знаком 4, или четыре кости, выпавшие одинаковыми сторонами со знаком 3, составляли в совокупности число 12, которое во временном аспекте было равно году. В «Ригведе» в гимне-загадке год загадывается через образ колеса с 12 спицами-месяцами: «О двенадцати спицах – ведь оно не изнашивается! / Вращается колесо закона по небу»

(РВ I, 164, 11). Текст этой загадки интересен тем, что год в ней предстает как составная целостность. По ведийским представлениям, время, как и пространство, считалось состоящим из отдельных частей (временных циклов). В Майтри упанишаде говорится: «Поистине, существуют два образа Брахмана – время и не-время. Далее, что перед солнцем, то не-время, лишенное частей. Далее, что (начинается) от солнца, то – время, состоящее из частей. Поистине, год – это образ состоящего из частей. Поистине, от года рождаются эти существа. Поистине, с годом возрастают рожденные; в году они исчезают...» (Майтри упанишада, 6. 15). Таким образом, мы получаем определенные основания для заключения, что фигурные знаки, присутствующие на катакомбных костях, и наборы, состоящие из нескольких костей, не предназначались для обычного счета или игры. Вероятно, они использовались для получения сакральных чисел, означающих целостность, которая отождествлялась с миром во временном и/или пространственном аспекте. Не случайно материалом для изготовления трехкостного набора из Николаевки (кург. 1, погр. 4) послужила слоновая кость, окрашенная солями меди в матово-зеленый цвет (Санжаров, 1988. С. 146).

Вопрос о назначении катакомбных костей является спорным. С. Н. Санжаров считает, что в катакомбном обществе игра в кости первоначально имела культовый характер, была прерогативой определенного сословия, связанного с выполнением жреческих функций (Там же. С. 155). Л. С. Клейн отмечает, что из этнографии и истории культуры известно, что метательные кости использовались в игре, жеребьевке, а также для гадания, в операциях магии и в ритуале. Но игровая функция постепенно становилась ведущей и определяла облик этих предметов, их разработку и развитие. Поэтому значительное место в его работе уделено проблеме реконструкции древних игр (Клейн, 1997. С. 50).

По-видимому, в древности игровая и культовая практика не были однозначно противопоставлены друг другу. Вероятно, изначально игровой момент был включен в ритуал как одна из его необходимых составляющих. В качестве аналогии можно привести ритуал брахмодья (состязание в загадывании и отгадывании загадок на космогонические темы), который практиковался в древней Индии и был приурочен к стыку Старого и Нового года (Елизаренкова, Топоров, 1997. С. 327). Игровая составляющая ритуалов в культурах эпохи бронзы евразийских степей пока остается малоизученной. С определенной долей вероятности можно предположить, что катакомбные метательные кости, исходя из предложенной выше интерпретации фигурных знаков, вполне могли использоваться в ритуалах, где требовалось отождествление сакральных чисел с представлениями о мире. Наибольший интерес вызывает погр. 5 кургана 1 у с. Малозахарьино. Катакомба содержала костяк взрослого человека, перед лицом которого в пятне охры стоял вверх дном сосудик усеченно-конической формы высотой 4 см, выдолбленный из торцевого среза листовенного дерева. В нем находились 4 игровых кости со знаками (Ковалева и др., 1989. С. 8). Вполне возможно предположение, что здесь нашел отражение игровой момент ритуала. В погр. 7 кургана 5 Второго Власовского могильника в катакомбе на органической подстилке черного цвета лежал окрашенный в красный цвет скелет мужчины старше 60 лет. Голова была преднамеренно отчленена. Рядом с черепом положены в ряд 5 астрагалов, рядом – 2 кости в форме октаэдров со знаками (Синюк, Березуцкий, 1996. С. 101, 102).

В могильнике Александровск в погр. 12 кургана 10 (кенотаф) на дне рядом располагались 3 игральные кости и 2 астрагала. В Сватово (кург. 12, погр. 2) в районе пояса взрослого человека находились три игральные кости и астрагал (*Санжаров*, 1988. С. 143). В этих погребениях астрагалы и игральные кости входили, судя по их расположению, в один комплект, что, по-видимому, также может свидетельствовать об игровой составляющей ритуала. В погребении Второго Власовского могильника представляет интерес преднамеренная манипуляция с черепом старика и окрашивание всего скелета в красный цвет, что может дополнительно свидетельствовать о его причастности к культовой практике. В курганной группе Шахаевская II (кург. 4, погр. 3) на дне катакомбы обнаружен костяк человека старческого возраста, в области шеи которого находился каменный октаэдр со знаками (*Федорова-Давыдова*, 1983. С. 50, 51). Таким образом, в двух погребениях октаэдры находились при костяках людей старческого возраста. Возможно, именно старики были хранителями традиций и/или отправителями подобных культов.

Таким образом, вполне допустимо предположение, что так называемые игральные катакомбные наборы предназначались для ритуальных действий с игровой составляющей.

ЛИТЕРАТУРА

- Бочкарев В. С., Бестужев Г. Н., Бианки А. М., Трифонов В. А.*, 1991. Раскопки курганов у станции Брюховецкой Краснодарского края в 1978 г. // Древние культуры Прикубанья (по материалам археологических работ в зонах мелиорации Краснодарского края) / Ред. В. М. Массон. Л.: Наука. С. 3–58.
- Елизаренкова Т. Я.*, 1999. Мир идей ариев Ригведы // Ригведа. Мандалы V–VIII. М.: Наука. С. 452–479.
- Елизаренкова Т. Я., Топоров В. Н.*, 1997. О ведийской загадке типа brahmodya // Из работ московского семиотического круга / Сост. Т. М. Николаева. М.: Языки русской культуры. С. 303–338.
- Клейн Л. С.*, 1997. Происхождение нуля, или Древнейшая эволюция игры в кости между Дунаем и Индом // Стратум: структуры и катастрофы. Сборник символической индоевропейской истории / Ред. М. Е. Ткачук, И. В. Манзура, Л. А. Мосионжик. СПб.: Нестор. С. 47–66.
- Клейн Л. С.*, 2013. Индоарии в степях // *Клейн Л. С.* Этногенез и археология. Т. 2: Арии и varia. СПб.: Евразия. С. 290–328.
- Ковалева И. Ф., Андросов А. В., Шалобудов В. Н., Мартюшенко Д. В.*, 1989. Курганы эпохи бронзы степного Правобережья Днепра // Проблемы археологии Поднепровья / Ред. И. Ф. Ковалева. Днепропетровск: ДГУ. С. 4–26.
- Кривцова-Гракова О. А.*, 1962. Погребения бронзового века и предскифского времени на Никопольском курганном поле // Памятники скифо-сарматской культуры / Ред. К. Ф. Смирнов. М.: АН СССР. С. 5–55. (МИА; № 115.)
- Огибенин Б. Л.*, 1968. Структура мифологических текстов «Ригведы» (Ведийская космогония). М.: Наука. 115 с.
- Санжаров С. Н.*, 1988. Погребения донецкой катакомбной культуры с игральными костями // СА. № 1. С. 140–158.
- Семенов В. С.*, 1981. Проблемы интерпретации брахманической прозы. Ритуальный символизм. М.: Наука. 182 с.
- Синюк А. Т., Березуцкий В. Д.*, 1996. Погребения эпохи бронзы Второго и Третьего Власовских могильников // Археологические исследования высшей педагогической школы / Ред. А. Т. Синюк. Воронеж: ВГПУ. С. 89–107.
- Федорова-Давыдова Э. А.*, 1983. Раскопки курганной группы Шахаевская II на р. Маныче // Древности Дона / Ред. Ю. А. Краснов. М.: Наука. С. 35–87.

Сведения об авторе

Сотникова Светлана Владимировна, Тобольский педагогический институт – филиал Тюменского государственного университета, ул. Знаменского, 58, Тобольск, 626150, Россия; e-mail: svetlanasotnik@mail.ru

S. V. Sotnikova

THE ISSUE OF INTERPRETATION OF SIGNS ON DICE
FROM THE CATACOMB CULTURE REVISITED

Abstract. The paper proposes a new approach to interpretation of signs on dice (octahedron) attributed to the Catacomb culture. The author proceeds from the assumption that a rhombic side of the dice and pips arranged in patterns on the face formed parts of a whole and were to be interpreted based on this specific nature. L. S. Klein links the population of the Catacomb culture(s) with the Indo-Aryans with quite convincing effect. Indeed, Vedic Aryans had sacral numbers which reflected main stages of cosmogenesis. Comparison with the text of Rigveda provided an opportunity to reconstruct Catacomb numerical series, i. e. 1, 2, 3, 4, with a certain degree of probability. Catacomb pips arranged in patterns denoting the numbers on the rhombic side reflected a visual symbolism of the cosmogenesis stages which, to some extent, probably corresponded to the concept of the Vedic Aryans. However, Vedic concepts of the world were definitely more sophisticated. The Catacomb sets of several dice were, most likely, used to generate sacral numbers representing parts of a whole (e. g. 7 or 12). Dice could be used in rites that included gambling where sacral numbers had to be identified with the cosmogenesis stages.

Keywords: Middle Bronze Age, Eurasian steppes, Catacomb culture, dice, interpretation of pips arranged in patterns, sacral numbers, cosmogenesis.

REFERENCES

- Bochkarev V. S., Bestuzhev G. N., Bianki A. M., Trifonov V. A., 1991. Raskopki kurganov u stan-tsii Bryukhovetsky Krasnodarskogo kraya v 1978 g. [Excavations of kurgans near village Bryukhovetskaya, Krasnodar region in 1978]. *Drevniye kul'tury Prikuban'ya (po materialam arkheologicheskikh rabot v zonakh melioratsii Krasnodarskogo kraya)* [Ancient cultures of Kuban region (based on materials of archaeological works in water reclamation zones, Krasnodar region)]. V. M. Masson, ed. Leningrad: Nauka, pp. 3–58.
- Elizarenkova T. Ya., 1999. Mir idey ariyev Rigvedy [World of ideas of the Aryans of the Rig Veda]. *Rigveda. Mandaly V–VIII [Rig Veda. Mandalas V–VIII]*. Moscow: Nauka, pp. 452–479.
- Elizarenkova T. Ya., Toporov V. N., 1997. O vediyskoy zagadke tipa brahmodya [On Vedic riddle of brahmodya type]. *Iz rabot moskovskogo semioticheskogo kruga [From works of Moscow semiotic circle]*. T. M. Nikolayeva, ed. Moscow: Yazyki russkoy kul'tury, pp. 303–338.
- Fedorova-Davydova E. A., 1983. Raskopki kurgannoy gruppy Shakhayevskaya II na r. Manyche [Excavations of Kurgan group Shakhayevskaya II on river Manych]. *Drevnosti Dona [Antiquities of the Don]*. Yu. A. Krasnov, ed. Moscow: Nauka, pp. 35–87.
- Klein L. S., 1997. Proiskhozhdeniye nulya, ili drevneyshaya evolyutsiya igry v kosti mezhdun Dunayem i Indom [The origin of zero, or ancient evolution of the dice game between Danube and Indus]. *Stratum: struktury i katastrofy. Sbornik simvolicheskoy indoevropeyskoy istorii [Stratum: structures and catastrophes. Annual of symbolic Indo-European history]*. M. E. Tkachuk, I. V. Manzura, L. A. Mosionzhnik, eds. St. Petersburg: Nestor, pp. 47–66.

- Klein L. S., 2013. Indoarii v stepyakh [Indo-Aryans in steppes]. *Klein L. S. Etnogenez i arkeologiya [Ethnogenesis and archaeology], 2. Arii i varia [The Aryans and varia]*. St. Petersburg: Evraziya, pp. 290–328.
- Kovaleva I. F., Androsova A. V., Shalobudov V. N., Martyushenko D. V., 1989. Kurgany epokhi bronzы stepnogo Pravoberezh'ya Dnepra [Bronze Age kurgans in Dnieper right bank steppe region]. *Problemy arkheologii Podneprov'ya [Problems of archaeology of Dnieper region]*. I. F. Kovaleva, ed. Dnepropetrovsk: Dnepropetrovskiy gos. universitet, pp. 4–26.
- Krivtsova-Grakova O. A., 1962. Pogrebeniya bronzovogo veka i predskifskogo vremeni na Nikopol'skom kurgannom pole [Burials of Bronze Age and pre-Scythian time in Nikopol kurgan field]. *Pamyatniki skifo-sarmatskoy kul'tury [Sites of Scythian-Sarmatian culture]*. K. F. Smirnov, ed. Moscow: AN SSSR, pp. 5–55. (MIA, 115.)
- Ogibenin B. L., 1968. Struktura mifologicheskikh tekstov «Rigvedy» (Vediyskaya kosmogoniya) [Structure of mythological texts of «Rig Veda» (Vedic cosmogony)]. Moscow: Nauka. 115 p.
- Sanzharov S. N., 1988. Pogrebeniya donetskoy katakombnoy kul'tury s igral'nymi kostyami [Burials of Donetsk catacomb culture with dice]. *SA*, 1, pp. 140–158.
- Sementsov V. S., 1981. Problemy interpretatsii brakhmanicheskoy prozy. Ritual'nyy simbolizm [Problems of interpretation of Brahmanic prose. Ritual symbolism]. Moscow: Nauka. 182 p.
- Sinyuk A. T., Berezutskiy V. D., 1996. Pogrebeniya epokhi bronzы Vtorogo i Tret'yego Vlasovskikh mogil'nikov [Bronze Age burials of Second and Third Vlasovskiy cemeteries]. *Arkheologicheskiye issledovaniya vysshey pedagogicheskoy shkoly [Archaeological investigations of Higher pedagogical school]*. A. T. Sinyuk, ed. Voronezh: Voronezhskiy gos. pedagogicheskiy universitet, pp. 89–107.

About the author

Sotnikova Svetlana V., Tobolsk Pedagogical Institute – Branch of The Tyumen State University, ul. Znamenskogo, 58, Tobol'sk, 626150, Russian Federation; e-mail: svetlanasotnik@mail.ru

А. П. Мошинский

КЕРАМИЧЕСКИЙ КОМПЛЕКС КОБАНСКОГО ПОСЕЛЕНИЯ САУАР В КОНТЕКСТЕ КОБАНО-КОЛХИДСКОЙ КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКОЙ ОБЩНОСТИ*

Резюме. В работе анализируется керамический комплекс кобанского поселения Сауар (Дигорское ущелье Северной Осетии), исследуемого Северо-Кавказской археологической экспедицией Государственного исторического музея с 1988 г. Исследованный участок поселения датируется V–IV вв. до н. э. При анализе материала обращает на себя внимание тот факт, что формы керамики (за исключением некоторых видов тарных сосудов) продолжают традиции кобанского керамического производства «классического» периода. В орнаментальной системе, напротив, отмечаются многочисленные инновации. Практически все они находят параллели в керамическом комплексе кобано-колхидской культурно-исторической общности – как в материалах предшествующего времени, так и синхронного. Делается вывод о безусловном колхидском влиянии на систему орнаментации керамики поселения Сауар, возможно связанном с приходом в Дигорию колхидских гончаров.

Ключевые слова: кобанская культура, кобано-колхидская культурно-историческая общность, керамика, орнамент.

Позднекобанское поселение Сауар составляет единый комплекс памятников с могильником Гастон Уота. Поселение и могильник расположены в 300 м друг от друга у с. Лезгор в Дигорском ущелье Северной Осетии. Оба памятника были обнаружены в 1987 г. Северо-Кавказской экспедицией Государственного исторического музея. Раскопки могильника Гастон Уота были полностью завершены в 1998 г., раскопки поселения Сауар начаты в 1988 г. и продолжаются ежегодно.

* Статья подготовлена в рамках проекта РФФИ «Северо-Западное Закавказье (Абхазия) в эпоху поздней бронзы – раннего железа» (№ 18-09-00293).

Поселение Сауар является на сегодняшний день первым поселением, раскопанным в горной зоне центральной кобанской культуры (по Е. И. Крупнову (*Крупнов*, 1960) – центральный вариант кобанской культуры). Нами совместно с А. Ю. Скаковым было разработано определение для понятия «археологическая культура»: «внутренне связанная система оставленных древним населением определенной территории археологических памятников, имеющих значительные черты сходства, обусловленные изначально общими для этого населения традициями» (*Мошинский, Скаков*, 2008б). Здесь принципиальным является введение в определение понятия «традиция», что, несомненно, важно для памятников, оставленных членами традиционных обществ. С этим понятием в кобанской культуре в наибольшей степени связана керамика. Знаменитая кобанская бронза в той или иной степени распространяется по всему региону не в силу общности происхождения, но в первую очередь в результате межкультурных контактов. Таким образом, мы видим не локальные варианты, но разные, хоть и близкие культуры: западную, центральную и восточную, значительно отличающиеся по своему керамическому комплексу и частично пересекающиеся по металлу.

Внутри культур мы можем наблюдать локальные варианты, которые в разные эпохи могут изменять свои границы. Так, безусловно, в Горной Дигории в позднекобанское время может быть выделен дигорский локальный вариант. Это обусловлено определенными историческими процессами, которые приводили к некоторой изоляции Дигорского ущелья с характерными отражениями в материальной культуре его населения (например, появление мужских поясных пряжек и женских браслетов дигорского типа; обе категории предметов имеют свои линии развития).

Позднекобанское дигорское поселение Сауар (участок, раскопанный к настоящему моменту, датируется V–IV вв. до н. э.) представляло собой производственный поселок. На раскопанных 900 кв. м обнаружено 10 гончарных и 8 металлургических мастерских, а также 2 косторезные мастерские, мастерская углежого и 5 культовых центров.

По материалам раскопок опубликована обобщающая работа, содержащая типологию и классификацию всех найденных на могильнике и поселении к 2004 г. археологически целых артефактов (*Мошинский*, 2006а). Подготовлена и сдана в печать полная публикация могильника Гастон Уота. По материалам поселения Сауар вышла из печати серия статей (*Мошинский*, 1990; *Журавлев, Мошинский*, 1992а; 1992б; *Мошинский, Скаков*, 1996а; 1996б; 1999; 2001; *Мошинский*, 2006б; 2007; *Мошинский, Скаков*, 2008а; 2008б; *Мошинский*, 2011; 2014; 2015; 2016; 2018).

При анализе керамики (целых форм) были рассмотрены: тарная керамика (2 корчаги и 1 крупный кувшин из Гастон Уота), 2 кухонных горшка (один из Гастон Уота и один из Сауара), 12 кружек (10 из Гастон Уота, 1 из Верхней Рутхи и 1 из Кумбулты (Верхней Рутхи?)) и 1 миска из Сауара (*Мошинский*, 2006а. Рис. 41, 42).

За пределами систематизации оказались первично обработанные более 100 000 фрагментов керамики. Анализ этого массива вводит в научный оборот абсолютно новый для научного сообщества материал, отличный от известной

до сих пор «классической» кобанской керамики, разобранной Д. В. Деопиком и Е. И. Крупновым на примере Змейского поселения (*Деопик, Крупнов, 1961*). Эталонная коллекция из этого памятника хранится в ГИМ (ГИМ Б 1088). Здесь же комплектуется и эталонная коллекция для позднекобанского времени из поселения Сауар.

На сегодняшний день не существует классификации керамики «классического» кобанского времени центрального варианта кобанской культуры. Вызвано это объективными причинами. Основная часть материалов с территории Северной Осетии, к сожалению, происходит из грабительских раскопок XIX в. Многотысячные коллекции, хранящиеся во многих музеях мира (самая крупная в ГИМ), содержат артефакты, про которые в лучшем случае известно место их находки: могильник, из которого они добыты, или название села, у которого находился этот могильник. Именно этим объясняется тот факт, что В. И. Козенковой были классифицированы все материалы восточного и западного вариантов кобанской культуры (*Козенкова, 1982; 1995; 1996; 1998*), но классификационно не обработаны материалы центра (хотя, конечно, она уделяла им большое внимание в многочисленных трудах).

Автором данной работы в свое время был полностью обработан весь массив целых форм керамики центрального варианта кобанской культуры, хранящихся в Историческом музее, Эрмитаже и в Северной Осетии. Результаты работы не опубликованы, тем не менее можно указать на некоторые черты, присущие этой керамике.

Вся керамика «классического» периода – лепная, следов вращения ни на целых сосудах, ни на фрагментах не обнаружено. Керамика практически вся очень хорошего обжига, плотная, в своем составе содержит мелкотолченую дресву (по определению С. Ю. Внукова – плагиоклазы).

Одним из основных условий пропорционального строения сосудов является соблюдение правил симметрии: размещение максимального диаметра практически посередине тулова и близость значений максимального диаметра и высоты сосуда. Обязательной чертой керамики при наличии ручек является присоединение ручки от верха венчика сосуда. Венчики сосудов, как правило, не имеют валиков, иногда присутствуют слабовыраженные валики.

Орнамент – по преимуществу врезной геометрический (наиболее частый – штрихованные треугольники и ромбы), также иногда присутствуют фризы семечковидных и ямочных вдавлений.

К сожалению, внутри полутысячелетнего периода из-за почти полного отсутствия комплексов мы пока не можем создать дробную хронологическую классификацию керамики.

В керамическом комплексе позднекобанского поселения Сауар более 80 % фрагментов черного или темно-серого цвета – результат восстановительного обжига. В ряде случаев черепок черный только снаружи. Фрагменты керамики красного или близкого к нему цвета (с окислительным обжигом) встречаются значительно реже. Тесто керамики имеет принципиально тот же состав, что и в «классический» период.

На ряде фрагментов на внутренней стороне прослежены ротационные круги. В основном – это фрагменты венчиков, реже – фрагменты донцев, иногда –

фрагменты стенок сосудов. Ротационные круги не вполне ровные и частые. Происходят, несомненно, не от круга быстрого вращения. На поселении обнаружены места для установок гончарного круга – ямки, обложенные сланцевыми плитками. Около одной из таких ямок лежали 10 заготовок для изготовления гончарных сосудов – глиняные круглые необожженные «лепешки», уже содержащие замешанный в них отошитель – дресву. Для изготовления лепных сосудов заготовки имели пирамидальную форму.

Ряд фрагментов несет на себе следы лощения. Лощение наносилось на сосуды костяными плоскими лощилками, в большом количестве обнаруженными при раскопках (Мошинский, 2006а. Рис. 18: 1–4). Лошылки имели приостренные концы для нанесения орнамента. Практически все лошылки несут на себе следы работы (поперечные потертости). Хорошо лощеных фрагментов керамики немного. Большая часть – слегка подлощенные или хорошо заглаженные с внешней стороны.

Судя по всему, орнаментацией керамики занимались женщины. Основным аргументом в пользу этого служит впускное погребение ребенка – девочки (до 3 лет, с височными кольцами и браслетами) – в коллективном погребении 21 могильника Гастон Уота. С девочкой была уложена типичная костяная лошылка с оформленным кончиком для нанесения орнамента (без следов сработанности). Косвенным свидетельством участия женщин в процессе производства керамики являются находки на производственных площадках бусин и пряслиц. В вынужденных перерывах женщины могли здесь же заниматься пряжей. Фрагменты бронзовых браслетов, обнаруженные на поселении, скорее всего, являются металлическим ломом, предназначенным для переплавки.

Для позднекобанской керамики было выделено шесть категорий сосудов: корчаги, кувшины, горшки, банки, миски, кружки (не считая редких форм культовых сосудов и сосудов, предназначенных для технологических целей).

Корчаги – крупные тарные сосуды с широким высоким горлом и оттянутым венчиком, предназначенные для хранения сыпучих продуктов. Наряду с корчагами, к тарным сосудам принадлежат и крупные кувшины. Венчики последних не всегда можно отличить от венчиков корчаг. Безусловно, венчики кувшинов всегда имеют воронковидную форму. Но близкую форму могут иметь и венчики корчаг, хотя для них в большей степени характерны практически горизонтально отогнутые венчики.

Горшки – кухонные сосуды с отогнутым наружу венчиком и коротким горлом. Сосуды баночных форм – с венчиком, загнутым внутрь. Вероятно, они были предназначены для хранения небольших объемов продуктов. Миски – столовая посуда с устьем, значительно превышающим по размерам высоту. Венчик может быть отогнут как внутрь, так и наружу. Столовые кувшины – посуда относительно небольших размеров, с высоким горлом, воронковидным венчиком и ручкой. Кружки – небольшие сосуды для питья, как правило, с ручкой (но есть экземпляры и без ручки). В абсолютном большинстве случаев венчик загнут наружу, иногда – внутрь.

Все ручки сосудов, как кувшинов, так и кружек, без исключения отходят от венчика, продолжая традицию «классической» керамики центральной кобанской культуры. Пропорции почти всех сосудов близки к «стандартам» «класси-

ческого» времени. Заметные отличия встречаются только у нескольких экземпляров кружек.

Безусловно, новацией является массовое оформление венчиков корчаг, горшков, кувшинов и мисок валиками. Валики (когда удастся это проследить) часто делались путем петлевидного загиба края венчика с последующей его доформовкой. Иногда венчик подрезался. Наиболее часты случаи подрезки венчика в позднем слое поселения, датирующемся IV в. до н. э. Абсолютной новацией являются достаточно редкие массивные венчики корчаг и тарных кувшинов.

Выделяются 2 основных вида орнамента: врезной и налепной. Вариантом врезного орнамента могут, безусловно, считаться различные штампы, насечки, продавленные в тело сосуда каннелюры, которые могут комбинироваться между собой. Таким образом, на сосудах присутствуют всего 7 основных видов орнамента: геометрический, волна, насечки, в том числе по валику, валики по тулову сосудов, линейный орнамент, каннелюры по тулову. Все виды врезного орнамента размещаются по сосудам горизонтальными фризами (линейный орнамент может покрывать горизонтально значительную часть сосуда). Вертикально и наклонно могут размещаться только валики и каннелюры. Разные виды врезного орнамента могут сочетаться на одном сосуде чередующимися фризами.

Фрагменты, украшенные геометрическим орнаментом, на поселении встречаются достаточно редко. Всего встречено 52 фрагмента, из них только 4 относятся к IV в. до н. э., а остальные – к V в. до н. э. Пока известно всего два основных типа геометрического орнамента: в виде треугольников, штрихованных (рис. 1: 8), покрытых орнаментом в виде сетки (рис. 1: 10), составленных из точечных вдавлений (рис. 1: 9), и орнамент в виде сетки. Штрихованные треугольники – равнобедренные, заштрихованы наискосок сверху вниз, справа налево.

Орнамент в виде сетки наносился по этому же принципу. Сначала наносились линии наискосок сверху вниз, справа налево, а потом – пересекающие их линии наискосок сверху вниз, слева направо (рис. 1: 10). Начало и конец линий – хорошо отличимые по их более широкому вдавленному началу и более узкому, как правило, менее вдавленному концу.

Орнамент в виде волны наносился инструментом, имеющим либо один острый кончик (хорошо известные типы ложилок), либо зубчатый кончик. В результате получалась либо однолинейная, либо многолинейная волна. Однолинейная волна может быть симметричной, прочерченной не наклонно, при этом в различных вариантах: с острыми высокими пиками или низкими плавными волнами (рис. 1: 1–3). Однолинейная волна, как и многолинейная, может быть и асимметричной, с наклонно нанесенной волной (рис. 1: 4, 5). Наклонно нанесенная волна всегда имеет наклон в левую сторону, что объясняется тем, что рисунок наносился правой рукой, а сосуд вращался левой рукой на себя – против часовой стрелки. Правая линия волны при этом проводилась слева направо сверху вниз, а левая – снизу вверх. Левая линия, как правило, короче правой. Когда зубчатым инструментом наносилась многорядная волна, при движении инструмента сверху вниз слева направо – он был ориентирован всей плоскостью и оставлял широкий разборчивый след, при движении инструмента снизу вверх – он не разворачивался и линии волны либо находились близко друг от друга (рис. 1: 6), либо иногда сливались, иногда превращались в вертикальную линию (рис. 1: 7).

Рис. 1. Поселение Сауар. Фрагменты стенок сосудов с орнаментом

Никаких закономерностей в распределении по слоям поселения каких-либо вариантов форм орнамента в виде волны установить не удалось.

Орнамент в виде насечек делится на три основные группы: насечки-прорези, семечковидные вдавления и насечки, сделанные зубчатым штампом. Орнамент мог наноситься непосредственно на поверхность стенки сосуда (без валика) и на налепной валик.

Насечки-прорези наносились путем прорезания глины острым концом костяного орудия. Скорее всего, для этого использовались лощилки с треугольным концом. Семечковидные вдавления наносились как сверху вниз, так и снизу вверх, как правило, наискосок (рис. 2: 6, 7). Вероятно, для их нанесения использовались лощилки другого типа – с выделенным приостренным кончиком. Насечки, выполненные зубчатым штампом (орудия для выполнения этого действия пока не найдены), могут быть как прямыми, так и семечковидными вдавлениями. На изученных фрагментах хорошо видно, что насечки наносились снизу вверх наискосок (рис. 2: 8), что объясняется меньшей возможностью нанесения вреда форме необожженного сосуда при давлении на его плечики.

В ряде случаев насечки наносились елочным горизонтальным фризом. Иногда елочкой наносились разные виды насечек (рис. 2: 4). Верхняя сторона елочки, например, – прорезями, а нижняя – семечковидными вдавлениями. Фризы насечек зачастую ограничены снизу и сверху кольцевыми линиями.

Насечки и семечковидные вдавления по горизонтальному валику (рис. 1: 10) являются для кобанской керамики новацией, в керамике «классического» периода отмечены только фризы ямок или насечек, нанесенных непосредственно на «тело» сосуда.

Многочисленные фрагменты керамики, обнаруженные на поселении, покрыты горизонтальным линейным орнаментом. Линейные полосы, образующие круги, могут быть узкими и широкими, плоскими и угольно заостренными, глубокими и мелкими, располагаться по отношению друг к другу близко и относительно далеко.

Достаточно редки фрагменты, покрытые беспорядочными неглубокими частыми расчесами. Такая керамика опять-таки обнаружена во всех слоях исследованного участка поселения.

Орнамент в виде фризов волны, различных насечек, валиков с насечками и линейного орнамента может сочетаться на одном сосуде в самых различных комбинациях.

Редким видом является ямочный орнамент. Округлые ямки могут являться точечными наколами (рис. 2: 1) или достигать в диаметре 0,5 см (рис. 2: 2). Ямочный орнамент располагается кольцевыми фризами. Единственная надежная в стратиграфическом контексте находка фрагмента керамики с округлыми ямками датируется первой половиной – серединой V в. до н. э.

Очень широко в керамическом комплексе поселения Сауар распространен орнамент в виде выступающих валиков. Валики могут быть как вертикальными, так и горизонтальными. По своему сечению они могут быть как треугольными, так и округлыми или уплощенными. Могут слабо или сильно выступать от поверхности сосуда, быть гладкими или покрытыми насечками или семечковидными вдавлениями.

Рис. 2. Поселение Сауар. Фрагменты стенок сосудов с орнаментом

В редких случаях валики имеют изогнутую форму. 16 фрагментов изогнутых валиков найдены во всех слоях поселения. В пяти случаях изогнутые валики завершаются змеиными головками (эти фрагменты были обнаружены в слоях начала – середины V в. до н. э.).

Украшались сосуды и орнаментом в виде каннелюр. Широкие вертикальные и горизонтальные каннелюры, встреченные в слое IV в. до н. э., находят прямую аналогию на корчаге из могильника Гастон Уота в погребальном комплексе – «жертвеннике», датированном IV в. до н. э. (*Mošinskij*, 1999. Abb. 3: 5). На отдельных фрагментах присутствуют скошенные узкие каннелюры, датирование которых представляется затруднительным.

По материалам как могильника, так и поселения сразу бросается в глаза тот факт, что большинство форм сосудов восходит к керамике «классического» времени центрального варианта кобанской культуры. Практически все ручки сосудов отходят от венчиков. Сами сосуды имеют характерную округлую форму с максимальным диаметром, находящимся примерно в центре тулова. Никакого сходства с формами колхидских сосудов не наблюдается. Безусловно присутствует развитие местной традиции. Изменения связаны в основном с появлением гончарного круга.

Исключением являются редкие находки массивных орнаментированных венчиков крупных тарных сосудов (корчаг и кувшинов). Всего отмечено 10 таких фрагментов, девять из них датируются V в. до н. э., один был найден в слое IV в. до н. э. Не исключено, что эти тарные сосуды являются импортами из Колхиды.

Три венчика были покрыты косым сетчатым орнаментом (рис. 3: 3), один – насечками, нанесенными штампом, один – прорезанными крестовидными насечками (рис. 3: 1), один – однорядной симметричной волной (рис. 3: 4), один – многорядной симметричной волной, три – елочными насечками (рис. 3: 2), один из последних и был найден в слое IV в. до н. э.

Массивные венчики с орнаментом по внешней поверхности хорошо известны в колхидских материалах. Сетчатый орнамент на венчиках корчаг присутствует на колхидской керамике VI–III вв. до н. э. из Мухурчи (*Гогодзе*, 1984. Рис. 1: 1), Вани (*Лордкипанидзе и др.*, 1981. Табл. 20), Саирхе (*Надирадзе*, 1975. Табл. XXX, XXXV, XXXVI; 1990. Табл. XVII), Нокалакеви (ГМГ, № 12-974-6094), Джантухского могильника (*Скаков, Джошуа*, 2017. С. 80. Рис. 3).

На могильнике Гастон Уота погребения датируются временем от VII в. до н. э. В V в. до н. э. поселение резко разрослось. Именно в это время происходит и перемена в орнаментации керамики. В слоях V и IV вв. до н. э. поселения Сауар геометрический орнамент крайне редок. Зато появляется практически неизвестный ранее в кобанской культуре набор орнаментальных фризов, валиков, ребер и каннелюр. Именно этот набор встречен в колхидских памятниках, предшествующих по времени.

Среди материалов Западной Грузии VIII–VI вв. до н. э. в Носири-Мухурча отмечены семечковидный штамп (в том числе и зубчатый), насечки по валику, фризы из насечек, расположенных елочкой (в том числе и по валику), сетчатый орнамент, широкие каннелюры (*Гогодзе*, 1984. Рис. II; 2017. С. 124, 127; Нацио-

Рис. 3. Поселение Саур.
Фрагменты венчиков корчаг и тарных кувшинов с орнаментом

нальный музей Грузии¹ № 12–974: 6091; 61–68: 1997; 61–68: 2017; 61–68: 2045; 61–68: 3248; 61–68: 3156); в Горадзири – орнамент в виде волны, семечковидные вдавления и линейный орнамент (*Гогадзе, Давлианидзе*, 1981. Табл. XVIII–XX); в Очхомури – керамика с орнаментом в виде волны и семечковидные вдавления (*Анакидзе*, 1991. Табл. XIV, XVII); в Урекском могильнике – орнамент в виде фризов семечковидных вдавлений и волны (*Микеладзе*, 1985. Табл. XLVI, XLVII).

В материалах Абхазии конца II – начала I тыс. наблюдается похожая ситуация. На керамике Бамборского поселения – семечковидные вдавления по валику (*Габелия*, 2014. Табл. XXIV: 1, 2), семечковидные вдавления, нанесенные по валику зубчатым штампом (Там же. Табл. XXIV: 3), семечковидные вдавления, нанесенные елочным фризом (Там же. Табл. XXIV: 6), семечковидные вдавления, нанесенные елочным фризом зубчатым штампом (Там же. Табл. XXIV: 5), фризы сетчатого орнамента (Там же. Табл. XXV: 3, 9). На керамике Тамышского поселения – орнамент по оттянутому венчику (Там же. Табл. XXX: 3, 11–13, 16; XXXI: 2–6).

Ту же картину мы можем наблюдать и в материалах Западной Грузии, синхронных поселению Саур: на керамике из Вани VI–IV вв. до н. э. – зубчатый штамп (*Лордкипанидзе и др.*, 1981. Табл. 27), насечки по валику (Там же.

¹ Приношу глубокую благодарность сотрудникам Национального музея Грузии, и особенно – Н. Кобаля.

Табл. 26), фризы из насечек, расположенных елочкой (*Лордкипанидзе и др.*, 1981. Табл. 28, 37), ребра (Там же. Табл. 30). В Саирхе (VI–IV вв. до н. э.) мы видим врезную волну, насечки по валику, сетчатый орнамент по венчикам корчаг (*Надирадзе*, 1975. Табл. XXX, XXXV, XXXVI; 1990. Табл. XVII). В Колотаурском поселении V–IV вв. до н. э. (*Мамуладзе, Халваши*, 2002) – волна с уклоном влево (Там же. Табл. V: 5). По венчику тарного сосуда – сетка (Там же. Табл. III: 1, 4, 5), семечковидные вдавления зубчатым штампом (Там же. Табл. IV: 2), сетка по тулову (Там же. Табл. IV: 5). При раскопках поселения Намчедури выявлена керамика, орнаментированная фризами врезной волны (IV–III вв. до н. э.) (*Микеладзе, Хахуташвили*, 1985. Табл. 50), фризами косых насечек (Там же. Табл. 64).

В абхазских материалах V–III вв. до н. э. из Джантухского могильника среди декоративных мотивов преобладают орнаменты в виде волны (*Скаков, Джошуа*, 2014. Рис. 2: 7, 9). Распространен орнамент в виде косой сетки (Там же. Рис. 2: 8), в ряде случаев при нанесении этого орнамента использовался штамп (Там же. С. 105). Косые насечки на сосудах также иногда выполнены при помощи штампа (Там же). Присутствуют: сетчатый орнамент по венчикам (*Скаков, Джошуа*, 2017. С. 80. Рис. 3), семечковидные вдавления по горизонтальным валикам (Там же. С. 80. Рис. 5), фризы из елочных насечек (*Скаков, Джошуа*, 2014. Рис. 1: 2; 2017. С. 80. Рис. 2).

Таким образом, перед нами встает интереснейшая картина несомненного прямого контакта внутри кобано-колхидской культурно-исторической общности не позднее V в. до н. э. До этого времени мы не видим на поселении Саур целого ряда орнаментальных мотивов, присущих колхидской керамике начала I тыс. до н. э. В V в. до н. э. происходит очевидная замена традиционной кобанской системы декорирования сосудов на колхидскую (при сохранении и развитии традиционных форм сосудов). Фактически происходит полное замещение орнаментальной системы на уровне ее элементов.

Весьма вероятен приход гончаров из Колхиды в Дигорское ущелье. Мастера (мастерицы?) принесли с собой набор орнаментального украшения сосудов. Формы же сосудов ими изготовлялись в основном по образцу и подобию существовавших на этой территории ранее. Производство было, безусловно, товарным, и спросом пользовались привычные формы. Следует заметить, что формы бронзовых предметов – в традициях кобанской культуры. Орнамент был, очевидно, не настолько важен. Именно в это время активно проникает в местное искусство и скифский звериный стиль. Время перемен (с соблюдением тем не менее множества кобанских традиций) наступает именно в V в. до н. э.

ЛИТЕРАТУРА

- Апакидзе Д. Б.*, 1991. Центральная Колхида в эпоху поздней бронзы – раннего железа. Тбилиси: Мецниереба. 200 с.
- Габелия А. Н.*, 2014. Абхазия в предантичную и античную эпохи. Сухум. 505 с.
- Гогадзе Э. М.*, 1984. К вопросу о хронологии и периодизации памятников колхидской культуры (по материалам Носири-Мухурчи) // Вестник Государственного музея Грузии им. С. Н. Джанашиа. Вып. XXXVII-B / Ред. Л. А. Чилашвили. Тбилиси: Мецниереба. С. 28–54.

- Гогадзе Э. М., 2017. К вопросу о хронологии и периодизации памятников колхидской культуры (по материалам Носири-Мухурчи) // *Proceedings of the Martvili Museum of Local Lore*. I. Tbilisi. С. 117–136.
- Гогадзе Э. М., Давлианидзе Ц. О., 1981. Горадзири. Тбилиси: Мецниереба. 120 с. (На груз. яз.)
- Деоник Д. В., Крупнов Е. И., 1961. Змейское поселение кобанской культуры // *Археологические раскопки в районе Змейской Северной Осетии* / Ред. Е. И. Крупнов. Орджоникидзе: Северо-Осетинское кн. изд-во. С. 11–36. (Материалы по археологии и древней истории Северной Осетии; т. 1.)
- Журавлев Д. В., Мошинский А. П., 1992а. Гончарный производственный комплекс позднекобанского времени на поселения Сауар в Дигории // *РА. № 2*. С. 171–180.
- Журавлев Д. В., Мошинский А. П., 1992б. Исследования на поселении Сауар в 1988–1991 гг. // XVII Крупновские чтения по археологии Северного Кавказа: тез. докл. Майкоп: Адыгея. С. 42.
- Козенкова В. И., 1982. Типология и хронологическая классификация предметов кобанской культуры. Восточный вариант. М.: Наука. 176 с. (САИ; вып. В2-5.)
- Козенкова В. И., 1995. Оружие, воинское и конское снаряжение племен кобанской культуры (систематизация и хронология). Западный вариант. М. 168 с. (САИ; вып. В2-5.)
- Козенкова В. И., 1996. Культурно-исторические процессы на Северном Кавказе в эпоху поздней бронзы и в раннем железном веке (Узловые проблемы происхождения и развития кобанской культуры). М. 164 с.
- Козенкова В. И., 1998. Материальная основа быта кобанских племен. Западный вариант. М. 200 с. (САИ; вып. В2-5.)
- Крупнов Е. И., 1960. Древняя история Северного Кавказа. М.: Наука. 520 с.
- Лордкипанидзе О. Д., Гиголашвили Е. Г., Качаравა Д. Д., Личели В. Т., Пирихалава М. С., Чкониа А. М., 1981. Колхидская керамика VI–IV вв. до н. э. из городища Вани (типологическая и хронологическая классификация, каталог) // Вани. Археологические раскопки. V / Ред. О. Д. Лордкипанидзе. Тбилиси: Мецниереба. С. 5–82. (На груз. яз.)
- Мамуладзе Ш., Халваши М., 2002. Колотаурское поселение античного времени // *Труды Батумского археологического музея*. II / Гл. ред. А. Кахидзе. Батуми. С. 28–41. (На груз. яз.)
- Микеладзе Т. К., 1985. Колхидские могильники эпохи раннего железа. Урекский и Нигвзианский могильники. Тбилиси: Мениереба. 184 с. (На груз. яз.)
- Микеладзе Т. К., Хахуташивили Д. А., 1985. Древнеколхидское поселение Намчедури. Тбилиси: Мецниереба. 116 с.
- Мошинский А. П., 1990. Керамический комплекс памятников кобанской культуры в Дигории в V–IV вв. до н. э. // XVI Крупновские чтения по археологии Северного Кавказа: тез. докл. Ставрополь. С. 58–59.
- Мошинский А. П., 2006а. Древности Горной Дигории VII–IV вв. до н. э. Систематизация и хронология. М.: ГИМ. 206 с. (Труды ГИМ; вып. 154.)
- Мошинский А. П., 2006б. Керамическое производство в Горной Дигории в V в. до н. э. // XXIV Крупновские чтения по археологии Северного Кавказа: тез. докл. Нальчик. С. 139–141.
- Мошинский А. П., 2007. Гончарное производство в Горной Дигории в V – начале IV в. до н. э. // Северный Кавказ и мир кочевников в раннем железном веке / Отв. ред.: В. И. Козенкова, В. Ю. Малашев. М.: Таус. С. 321–343. (Материалы и исследования по археологии России; № 8.)
- Мошинский А. П., 2011. Раскопки позднекобанского поселения Сауар в 2006–2009 гг. // Вопросы древней и средневековой археологии Кавказа / Отв. ред. Х. М. Мамаев. Грозный; Москва: ИА РАН. С. 192–203.
- Мошинский А. П., 2014. Новые производственные комплексы поселения Сауар // Е. И. Крупнов и развитие археологии Северного Кавказа. XXVIII Крупновские чтения по археологии Северного Кавказа: материалы Междунар. науч. конф. М.: ИА РАН. С. 182.
- Мошинский А. П., 2015. Исследования поселения Сауар // АО 2010–2013 гг. М.: ИА РАН. С. 401–403.
- Мошинский А. П., 2016. Культы поселения Сауар в свете новых открытий // Изучение и сохранение археологического наследия народов Кавказа. XXIX Крупновские чтения: материалы Междунар. науч. конф. Грозный: Чеченский гос. ун-т. С. 102–104.

- Мошинский А. П., 2018. Мошинский А. П., 2018. Кобанские пинтадеры V–IV вв. до н.э. из поселения Сауар в Горной Дигории // Кавказ в системе культурных связей Евразии в древности и средневековье. XXX Крупновские чтения: материалы Междунар. науч. конф. Карачаевск: Изд-во Карачаево-Черкесского гос. ун-та. С. 234–236.
- Мошинский А. П., Скаков А. Ю., 1996а. Железоделательная мастерская на поселении Сауар // Актуальные проблемы археологии Северного Кавказа. XIX Крупновские чтения по археологии Северного Кавказа: тез. докл. М. С. 116–117.
- Мошинский А. П., Скаков А. Ю., 1996б. Работы Северо-Кавказской экспедиции ГИМ в 1991–1995 гг. // Отчетная сессия Государственного исторического музея по итогам полевых археологических исследований и новых поступлений в 1991–1995 гг.: тез. докл. М. С. 35–37.
- Мошинский А. П., Скаков А. Ю., 1999. Культовый комплекс в производственном квартале поселения Сауар // 60 лет кафедре археологии МГУ им. М. В. Ломоносова: тез. докл. юбилейной конференции. М. С. 146–148.
- Мошинский А. П., Скаков А. Ю., 2001. Культы кобанского поселения Сауар (Северная Осетия) // Северный Кавказ: историко-археологические очерки и заметки / Отв. ред.: М. П. Абрамова, В. И. Марковин. М.: ИА РАН. С. 86–102. (Материалы и исследования по археологии России; № 3.)
- Мошинский А. П., Скаков А. Ю., 2008а. Древние металлурги Горной Осетии // Руда и металлы. Специальный выпуск. Посвящен Государственному историческому музею. М. С. 5–9.
- Мошинский А. П., Скаков А. Ю., 2008б. Кобано-колхидская культурно-историческая общность: внутренняя структура и отражающие ее понятия // Вс. Ф. Миллер и актуальные проблемы кавказоведения: I Всероссийские Миллеровские чтения: тез. докл. Владикавказ: Северо-Осетинский ин-т гуманитарных и социальных исслед. С. 28–29.
- Надирадзе Д. Ш., 1975. Археологические памятники Квирильского ущелья. Тбилиси: Сакартвело. 168 с. (На груз. яз.)
- Надирадзе Д. Ш., 1990. Саирхе – древнейший город Грузии (к истории восточной провинции Колхиды I тысячелетия до н. э.). Тбилиси: Сакартвело. 200 с. (На груз. яз.)
- Скаков А. Ю., Джошуа А. И., 2014. Керамика могильника Джантух эпохи раннего железа (Восточная Абхазия) // КСИА. Вып. 236. С. 99–108.
- Скаков А. Ю., Джошуа А. И., 2017. Керамика Джантухского могильника // Материалы IV Абхазской международной археологической конференции, посвященной археологу-кавказоведу Л. Н. Соловьеву, «Кавказ и Абхазия в древности и в Средневековье: взаимодействие и преемственность культур». Сухум: Абхазский ин-т гуманитарных исслед. С. 75–80.
- Mošiniskij A., 1999. Die Bestattung eines «Priesters» der Koban-Kultur im Gräberfeld Gaston Uota, Nordkaukasien // Eurasia Antiqua. Bd. 5. S. 217–231.

Сведения об авторе

Мошинский Александр Пинкусович, Государственный исторический музей, Красная площадь, 1, Москва, 109012, Россия, e-mail: tarkos@mail.ru

A. P. Moshinskiy

A CERAMIC ASSEMBLAGE FROM THE SAUAR KOBAN SETTLEMENT IN THE CONTEXT OF THE KOBAN-CHOLCHIAN CULTURAL AND HISTORICAL COMMUNITY

Abstract. The paper analyzes a ceramic assemblage from Sauar (the Digori gorge in North Ossetia), a Koban settlement where excavations carried out by the North-Caucasian expedition of the State Historical Museum have been going on since 1988. The excavated section of the settlement is dated to the 5th–4th centuries BC. The analysis of the material

highlights the fact that the ceramic shapes (with the exception of some tare vessels) follow the traditions of the Koban ceramic production of the 'classical' period. Meanwhile the ornamentation system reveals numerous innovations. All of them have parallels with ceramic assemblages of the Koban-Cholchian community from the preceding period and the period in question. The inference from this analysis is definite Cholchian influence on the system of ceramic ornaments at the Sauar settlement, probably, linked to the arrival of Cholchian potters to Digoria.

Keywords: Koban culture, a Koban-Cholchian cultural and historical community, ceramics, ornament.

REFERENCES

- Apakidze D. B., 1991. Tsentral'naya Kolkhida v epokhu pozdney bronzy – rannego zheleza [Central Colchis in Late Bronze – Early Iron Ages]. Tbilisi: Metsniyereba. 200 p.
- Deopik D. V., Krupnov E. I., 1961. Zmeyskoye poseleniye kobanskoy kul'tury [Zmeyskaya settlement of Koban culture]. *Arkheologicheskiye raskopki v rayone Zmeyskaya Severnoy Osetii* [Archaeological excavations in Zmeyskaya vicinity, North Ossetia]. E. I. Krupnov, ed. Ordzhonikidze: Severo-Osetinskoye knizhnoye izdatel'stvo, pp. 11–36. (Materialy po arkheologii i drevney istorii Severnoy Osetii, 1.)
- Gabeliya A. N., 2014. Abkhaziya v predantichnuyu i antichnuyu epokhi [Abkhazia in pre-Antique and Antique epochs]. Sukhum. 505 p.
- Gogadze E. M., 1984. K voprosu o khronologii i periodizatsii pamyatnikov kolkhidskoy kul'tury (po materialam Nosiri-Mukhurchi) [On issue of chronology and periodization of sites of Colchis culture (based on materials of Nosiri-Mukhurchi)]. *Vestnik Gosudarstvennogo muzeya Gruzii imeni S. N. Dzhnashia* [Bulletin of Georgia S. N. Dzhnashia State museum], XXXVII-V. L. A. Chilashvili, ed. Tbilisi: Metsniyereba, pp. 28–54.
- Gogadze E. M., 2017. K voprosu o khronologii i periodizatsii pamyatnikov kolkhidskoy kul'tury (po materialam Nosiri-Mukhurchi) [On issue of chronology and periodization of Colchis culture sites (based on materials of Nosiri-Mukhurchi)]. *Proceedings of the Martvili Museum of Local Lore*, I. Tbilisi, pp. 117–136.
- Gogadze E. M., Davlianidze Ts. O., 1981. Goradziri [Goradziri]. Tbilisi: Metsniyereba. 120 p. (In Georgian.)
- Kozenkova V. I., 1982. Tipologiya i khronologicheskaya klassifikatsiya predmetov kobanskoy kul'tury. Vostochnyy variant [Typology and chronological classification of items of Koban culture. Eastern variant]. Moscow: Nauka. 176 p. (SAI.)
- Kozenkova V. I., 1995. Oruzhiye, voinskoye i konskoye snaryazheniye plemen kobanskoy kul'tury (sistemizatsiya i khronologiya). Zapadnyy variant [Weapons, military and horse equipment of Koban culture tribes. Systematization and chronology. Western variant]. Moscow. 168 p. (SAI.)
- Kozenkova V. I., 1996. Kul'turno-istoricheskiye protsessy na Severnom Kavkaze v epokhu pozdney bronzy i v rannem zheleznom veke (Uzlovyye problemy proiskhozhdeniya i razvitiya kobanskoy kul'tury) [Cultural historical processes in North Caucasus in Late Bronze Age and Early Iron Age (Key problems of origin and development of Koban culture)]. Moscow. 164 p.
- Kozenkova V. I., 1998. Material'naya osnova byta kobanskikh plemen. Zapadnyy variant [Material base of everyday life of Koban tribes. Western variant]. Moscow. 200 p. (SAI, V.)
- Krupnov E. I., 1960. Drevnyaya istoriya Severnogo Kavkaza [Ancient history of North Caucasus]. Moscow: Nauka. 520 p.
- Lordkipanidze O. D., Gigolashvili E. G., Kacharava D. D., Licheli V. T., Pirtskhalava M. S., Chkonia A. M., 1981. Kolkhidskaya keramika VI–IV vv. do n. e. iz gorodishcha Vani (tipologicheskaya i khronologicheskaya klassifikatsiya, katalog) [Colchis ceramics of VI–IV cc. BC from hillfort Vani (typological and chronological classification, catalogue)]. *Vani. Arkheologicheskiye raskopki* [Vani. Archaeological excavations], V. O. D. Lordkipanidze, ed. Tbilisi: Metsniyereba, pp. 5–82. (In Georgian.)

- Mamuladze Sh., Khaltvashvili M., 2002. Kolotaurskoye poseleniye antichnogo vremeni [Kolotaur settlement of Antique time]. *Trudy Batumskogo arkhologicheskogo muzeya [Works of Batumi archaeological museum]*, II. A. Kakhidze, ed. Batumi, pp. 28–41. (In Georgian.)
- Mikeladze T. K., 1985. Kolkhidskiye mogil'niki epokhi rannego zheleza. Urekskiy i Nigvzianskiy mogil'niki [Colchis cemeteries of Early Iron Age (Ureki and Nigvziani cemeteries)]. Tbilisi: Metsniyereba. 184 p. (In Georgian.)
- Mikeladze T. K., Khakhutaishvili D. A., 1985. Drevne-kolkhidskoye poseleniye Namcheduri [Ancient Colchis settlement Namcheduri]. Tbilisi: Metsniyereba. 116 p.
- Moshinskiy A. P., 1990. Keramicheskiy kompleks pamyatnikov kobanskoy kul'tury v Digorii v V–IV vv. do n. e. [Ceramic complex of Koban culture sites in Digoria, V–IV cc. BC]. *XVI Krupnovskiy chteniya po arkhologii Severnogo Kavkaza: tezisy dokladov [XVI Krupnov readings on archaeology of North Caucasus: abstracts]*. Stavropol', pp. 58–59.
- Moshinskiy A. P., 2006a. Drevnosti Gornoy Digorii VII–IV vv. do n. e. Sistematizatsiya i khronologiya [Antiquities of Mountainous Digoria of VII–IV cc. BC. Systematization and chronology]. Moscow: GIM. 206 p. (Trudy GIM, 154.)
- Moshinskiy A. P., 2006b. Keramicheskoye proizvodstvo v Gornoy Digorii v V v. do n. e. [Ceramic production in Mountainous Digoria in V c. BC]. *XXIV Krupnovskiy chteniya po arkhologii Severnogo Kavkaza: tezisy dokladov [XXIV Krupnov readings on archaeology of North Caucasus: abstracts]*. Nal'chik, pp. 139–141.
- Moshinskiy A. P., 2007. Goncharnoye proizvodstvo v Gornoy Digorii v V – nachale IV v. do n. e. [Pottery-making in Mountainous Digoria in V – early IV c. BC]. *Severnyy Kavkaz i mir kochevnikov v rannem zheleznom veke [North Caucasus and nomad world in Early Iron Age]*. V. I. Kozenkova, V. Yu. Malashev, eds. Moscow: Taus, pp. 321–343. (Materialy i issledovaniya po arkhologii Rossii, 8.)
- Moshinskiy A. P., 2011. Raskopki pozdnkobanskogo poseleniya Sauar v 2006–2009 gg. [Excavations of late Koban settlement Sauar in 2006–2009]. *Voprosy drevney i srednevekovoy arkhologii Kavkaza [Issues of ancient and medieval archaeology of Caucasus]*. Kh. M. Mamayev, ed. Groznyy; Moscow: IA RAN, pp. 192–203.
- Moshinskiy A. P., 2014. Novyye proizvodstvennyye komplekсы poseleniya Sauar [New production complexes at settlement Sauar]. *E. I. Krupnov i razvitiye arkhologii Severnogo Kavkaza. XXVIII Krupnovskiy chteniya po arkhologii Severnogo Kavkaza: materialy Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii [E. I. Krupnov and development of archaeology of North Caucasus. XXVIII Krupnov readings on archaeology of North Caucasus: proceedings of International scientific conference]*. Moscow: IA RAN, p. 182.
- Moshinskiy A. P., 2015. Issledovaniya poseleniya Sauar [Investigations of settlement Sauar]. *AO 2010–2013*. Moscow: IA RAN, pp. 401–403.
- Moshinskiy A. P., 2016. Kul'ty poseleniya Sauar v svete novykh otkrytiy [Cults at settlement Sauar in light of new discoveries]. *Izucheniye i sokhraneniye arkhologicheskogo naslediya narodov Kavkaza. XXIX Krupnovskiy chteniya: materialy Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii [Study and preservation of archaeological heritage of Caucasus peoples. XXIX Krupnov readings: proceedings of International scientific conference]*. Groznyy: Chechenskiy gos. universitet, pp. 102–104.
- Moshinskiy A. P., 2018. Kobanskiye pintadery V–IV vv. iz poseleniya Sauar v Gornoy Digorii [Koban pintaderas of V–IV cc. from settlement Sauar in Mountainous Digoria]. *Kavkaz v sisteme kul'turnykh svyazey Evrazii v drevnosti i srednevekov'ye. XXX Krupnovskiy chteniya: materialy Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii [Caucasus in system of Eurasia cultural relations in antiquity and Middle Ages. XXX Krupnov readings: proceedings of International scientific conference]*. Karachayevo-Cherkesskiy gos. universitet, pp. 234–236.
- Moshinskiy A. P., Skakov A. Yu., 1996a. Zhelezodelatel'naya masterskaya na poselenii Sauar [Iron-making workshop at settlement Sauar]. *Aktual'nyye problemy arkhologii Severnogo Kavkaza. XIX Krupnovskiy chteniya po arkhologii Severnogo Kavkaza: tezisy dokladov [Current issues of archaeology of North Caucasus. XIX Krupnov readings on archaeology of North Caucasus: abstracts]*. Moscow, pp. 116–117.
- Moshinskiy A. P., Skakov A. Yu., 1996b. Raboty Severo-Kavkazskoy ekspeditsii GIM v 1991–1995 gg. [Works of North-Caucasus expedition of GIM in 1991–1995]. *Otchetnaya sessiya Gosudarstvennogo Istoricheskogo muzeya po itogam polevykh arkhologicheskikh issledovaniy i novykh postupleniy*

- v 1991–1995 gg.: *tezisy dokladov [Reporting session of State Historic museum on results of field archaeological investigations and new acquisitions in 1991–1995: abstracts]*. Moscow, pp. 35–37.
- Moshinskiy A. P., Skakov A. Yu., 1999. Kul'tovyy kompleks v proizvodstvennom kvartale poseleniya Sauar [Cult complex in production quarter of settlement Sauar]. *60 let kafedre arkheologii MGU imeni M. V. Lomonosova: tezisy dokladov yubileyной konferentsii [60 years of Chair of archaeology, M. V. Lomonosov MGU: abstracts of anniversary conference]*. Moscow, pp. 146–148.
- Moshinskiy A. P., Skakov A. Yu., 2001. Kul'ty kobanskogo poseleniya Sauar (Severnaya Osetiya) [Cults of Koban settlement Sauar (North Ossetia)]. *Severnyy Kavkaz: istoriko-arkheologicheskiye ocherki i zametki [North Caucasus: historic-archaeological essays and notes]*. M. P. Abramova, V. I. Markovin, eds. Moscow: IA RAN, pp. 86–102. (Materialy i issledovaniya po arkheologii Rossii, 3.)
- Moshinskiy A. P., Skakov A. Yu., 2008a. Drevniye metallurgi Gornoy Osetii [Ancient metallurgists of Mountainous Ossetia]. *Ruda i metally. Spetsial'nyy vypusk. Posvyashchen Gosudarstvennomu istoricheskomu muzeyu [Ores and metals. Special issue. Devoted to State Historic museum]*. Moscow, pp. 5–9.
- Moshinskiy A. P., Skakov A. Yu., 2008b. Kobano-kolkhidskaya kul'turno-istoricheskaya obshchnost': vnutrennyaya struktura i otryazhayushchiye eye ponyatiya [Koban-Colchis cultural historical entity: internal structure mirrored in concepts]. *Vs. F. Miller i aktual'nyye problemy kavkazovedeniya: I Vserossiyskiye Millerovskiyе chteniya: tezisy dokladov [Vs. F. Miller and current problems of Caucasus studies: I All-Russian Miller readings: abstracts]*. Vladikavkaz: Severo-Osetinskiy institut gumanitarnykh i sotsial'nykh issledovaniy, pp. 28–29.
- Mošinskiy A., 1999. Die Bestattung eines «Priesters» der Koban-Kultur im Gräberfeld Gaston Uota, Nordkaukasien. *Eurasia Antiqua*, 5, pp. 217–231.
- Nadiradze D. Sh., 1975. Arkheologicheskiye pamyatniki Kviril'skogo ushchel'ya [Archaeological sites of Kvirili gorge]. Tbilisi: Sakartvelo. 168 p. (In Georgian.)
- Nadiradze D. Sh., 1990. Saikhe – drevneyshiy gorod Gruzii. (k istorii vostochnoy provintsii Kolkhidy I tysyacheletiya do n. e.) [Saikhe – earliest city in Georgia (to the history of Colchis eastern province in I millennium BC)]. Tbilisi. Sakartvelo. 200 p. (In Georgian.)
- Skakov A. Yu., Dzhopua A. I., 2014. Keramika mogil'nika Dzhantukh epokhi rannego zheleza (Vostochnaya Abkhaziya) [Pottery from cemetery Dzhantukh of the Early Iron Age (Eastern Abkhazia)]. *KSIA*, 236, pp. 99–108.
- Skakov A. Yu., Dzhopua A. I., 2017. Keramika Dzhantukhskogo mogil'nika [Ceramics of Dzhantukh cemetery]. *Materialy IV Abkhazskoy mezhdunarodnoy arkheologicheskoy konferentsii, posvyashchennoy arkheologu-kavkazovedu L. N. Solov'yevu «Kavkaz i Abkhaziya v drevnosti i v Srednevekov'ye: vzaimodeystviye i preymstvennost' kul'tur» [Proceedings of IV Abkhazian international archaeological conference held in honour of archaeologist, specialist in Caucasus studies L. N. Solov'yev «Caucasus and Abkhazia in antiquity and Middle Ages: interaction and continuity of cultures»]*. Sukhum: Abkhazskiy institut gumanitarnykh issledovaniy, pp. 75–80.
- Zhuravlev D. V., Moshinskiy A. P., 1992a. Goncharnyy proizvodstvennyy kompleks pozdnkobanskogo vremeni na poseleniya Sauar v Digorii [Pottery-making assemblage of late Koban period at Sauar settlement in Digoria]. *RA*, 2, pp. 171–180.
- Zhuravlev D. V., Moshinskiy A. P., 1992b. Issledovaniya na poselenii Sauar v 1988–1991 gg. [Investigations at settlement Sauar in 1988–1991]. *XVII Krupnovskiyе chteniya po arkheologii Severnogo Kavkaza: tezisy dokladov [XVII Krupnov readings on archaeology of North Caucasus: abstracts]*. Maykop: Adygeya, p. 42.

About the author

Moshinskiy Aleksandr P., The State Historical Museum, Krasnaya pl. 1, Moscow, 109012, Russian Federation; e-mail: tarkos@mail.ru

Т. М. Кузнецова

К ВОПРОСУ О ПРООБРАZE ИЗОБРАЖЕНИЙ УШАСТОГО ГРИФОНА

Резюме. Вопрос об определении прообраза изображений фантастических существ, которые называются в исследованиях ушастыми грифонами (рис. 1–3), развитие этого мотива вообще и в скифском зверином стиле в частности представляется в настоящее время важным и актуальным. Фигурка хищного орнитоморфа с ушами, украшавшая бронзовый литой наносник (рис. 3: а), найденный в конской могиле № 1 кургана № 6 у пос. Днепрорудный, послужила поводом для поисков истоков этого образа. В изысканиях такого рода следует учитывать природные прототипы. Исследователи находят сходство «грифонов» с орлами и грифами Старого Света. Предполагается, что наличие уха у орнитоморфных изображений, которое отсутствует у птиц, отражает результат осмысления реальности, а не ее фиксации. Однако в природе существуют птицы, в оперении которых присутствуют длинные перьевые «уши». Ими являются совы, среди которых выделяются филины и ушастые совы (рис. 3: и, к). В том виде, в каком совы известны сейчас, они живут на Земле не один миллион лет. Отношение человека к совам всегда было особенным из-за их облика, таинственного ночного образа жизни, бесшумного полета и жутковатого голоса. Поэтому не исключено, что ухо появилось в иконографии орнитоморфного грифона как результат фиксации реального существа и дальнейшего осмысления его образа во времени и пространстве.

Ключевые слова: искусство, ушастый грифон, скифское время, филин, ушастая сова.

Образ грифона, безусловно, выделяется в изобразительном творчестве различных эпох и, видимо, отражает мировоззрение носителей тех культур, где он представлен. Искусство донесло до нас большое количество полиморфных изображений, показывающих разнообразных фантастических существ. Очень часто они представлены причудливым соединением птиц с конем, львом, змеем, человеком. Такие сочетания можно увидеть и на ассирийском каменном рельефе (рис. 1: а) из дворца в Нимруде (Barnett, 1959. S. 30. Pl. 8), и в античной (рис. 1: б)

Рис. 1. Орнитоморфные изображения

а – ассирийский каменный рельеф из северо-западного дворца в Нимруде (помещ. I); *б* – чернофигурный кратер Клития («ваза Франсуа»), обнаруженный возле г. Кьюзи (Chiusi) в Италии, с изображением грифона

вазописи (*Irmscher, Johne*, 1982. S. 176; Мифы народов мира..., 1987. С. 278), и на предметах из скифских памятников (рис. 2).

С опорой на данные письменных источников (см.: Тигрица и грифон..., 2002. С. 62–68), в научных трудах термином «грифон» чаще всего называется синкретическое существо, в котором сочетаются анатомические элементы птицы (голова, крылья) и части тела различных хищных животных (уши, туловище, лапы, хвост), а иногда рыб и рептилий. Подобные изображения известны в Северном Причерноморье и на Кавказе, как в период скифской архаики, к примеру на фиале (зеркале?) из кургана 3/Ш или 4/Ш (рис. 2: *а–в*) Келермесского могильника (*Галанина*, 2006. С. 63. Илл. 85), на ножнах мечей из Мельгуновского (рис. 2: *г*) и 1/Ш (рис. 2: *д, е*) Келермесского курганов (*Граков*, 1971. Табл. XXV; *Алексеев*, 2012. С. 81), так и в период скифской классики (рис. 2: *жс*) в кургане «Толстая Могила» (*Мозолевский*, 1979. С. 78. Рис. 59: *б*) и других памятниках (рис. 3: *а–з*).

Рис. 2. Изображения грифонов

а–в – фиалы (зеркало?) из кург. 3/Ш или 4/Ш Келермесского м-ка; *г* – ножны меча из Мельгуновского кург.; *д, е* – ножны меча из кург. 1/Ш Келермесского м-ка; *ж* – пектораль из кург. «Толстая Могила»

Рис. 3. Изображения «ушастой птицы» на литых наносниках из скифских памятников (а–з) и их прообразы (и, к)

а – пос. Днепрорудный, кург. 6, конск. мог. 1; б–г – кург. «Гайманова Могила»; д – кург. «Чертомлык»; е – «Братолюбовский» кург., погр. 6; ж – с. Межгорье, Белогорский район, сл. нах.; з – с. Филипповка, кург. № 21; и – филин; к – ушастая сова

Иконография «грифона» слагалась, по мнению исследователей, в древнейших государствах Переднеазиатского мира (Пугаченкова, 1959. С. 70), так как фантастические птицы присутствуют почти во всех их мифологиях (Немировский, 2001. С. 38). Ранние изображения грифона известны в восточной изобразительной традиции уже в конце IV – начале III тыс. до н. э. (Khazai, 1978). Этот художественный мотив был широко распространен, таким образом, в искусстве многих древних народов, и у скифов в том числе (Переводчикова, 1994. С. 48–53; Канторович, 2015а). Проблема его происхождения давно привлекла внимание специалистов, и ему посвящена обширная литература (см.: Канторович, 2015б. С. 25–63), однако поиск истоков и путей развития темы грифона вообще и в скифском зверином стиле в частности остается по-прежнему актуальным (Канторович, 2010).

По мнению специалистов, среди изображений как на европейской, так и на азиатской территории в скифо-сарматское время наиболее популярен тип орлиноголового грифона (Руденко, 1960. С. 283–285; Баркова, 1987; Черемисин, 2009. С. 88; Канторович, 2010; 2012; Засецкая, 2012, С. 353, 354; Шауб, 2017), который следует отличать от мотива фантастической хищной птицы, наделенной такими же, как у грифона, ушами (Засецкая, 2012. С. 354). Однако Е. Ф. Королькова верно указала, что в классификации образов хищных птиц скифо-сибирского звериного стиля пока еще нет единодушия, так как одни исследователи склонны видеть в их изображениях «мифического орла» (с ушами и гребнем), другие называют подобных существ орлиноголовыми грифонами или просто грифонами, если голова хищной птицы имеет звериное ухо (Королькова, 2006. С. 53).

Одно из изображений, имеющее вид «ушастой птицы» (Кузнецов, Кузнецова, 2005. С. 322. Рис. 3: А), обратив на себя внимание, дало возможность попытаться выявить для него прообразы, существовавшие и существующие в природе.

Изображение было обнаружено в составе уздечного набора и украшало бронзовый литой наносник (налобник), находившийся рядом с черепом лошади в конской могиле № 1 кургана № 6 у пос. Днепрорудный (ныне г. Днепрорудное, Васильевский район, Запорожская область, Украина). Предмет представлен узким удлинненным щитком уплощенной формы. В верхней части щитка и перпендикулярно ему помещено скульптурное изображение головы хищного орнитоморфа с ушами. Показаны шея и грудная часть. Уши в профиле – овальные, наклонены слегка вперед. Клюв изогнут и сомкнут, восковица воспроизведена как рельефный выступ, линия рта обозначена углублением. Глаза округлые, занимают основную часть головы. У основания головы – круглое сквозное отверстие. Ширина предмета – 2,4 см; длина общая (с ухом) – 4,0 см; диаметр отверстия – 0,8 см¹ (рис. 3: а).

Отдельные элементы сбруйного комплекта из конской могилы № 1 кургана № 6 находят довольно много аналогий в памятниках кочевого населения Северного Причерноморья V–IV вв. до н. э., но в различных иных сочетаниях (Ильинская, 1973). В кургане «Гайманова Могила» найдено несколько уздечных

¹ В статье (Кузнецов, Кузнецова, 2005. С. 325) в указании размера отверстия – ошибка.

наборов, по составу близких тем, что обнаружены в конской могиле № 1 кургана № 6 у поселка Днепрорудный: нащечники в виде стилизованной задней лапы кошачьего хищника², подпружные пряжки, круглые полусферические бляхи с петлей на обороте, конические ворварки и наносники в виде головы хищного орнитоморфа с ушами (Кузнецов, Кузнецова, 2005. С. 322. Рис. 3: А; Бидзиля, Полин, 2012. С. 186–224, 508–510).

Отмеченные наносники присутствуют и в степных, и в лесостепных скифских памятниках IV в. до н. э., но не все они представляют полные аналогии рассматриваемому экземпляру. Довольно близкие формы происходят из тризны центральной гробницы № 2 кургана «Гайманова Могила» (рис. 3: б–г), датированного перв. четв. IV в. до н. э. (Там же. Комплекты № 3 (Кат. 19); 5 (Кат. 35); 6 (Кат. 44–1). Рис. 70: 4; 71: 1; 77: 4; 78: 11; 324); кургана «Чертомлык» (рис. 3: д), датированного 350–300 гг. до н. э. (Алексеев и др., 1991. С. 151, 152. Кат. № 17; Алексеев, 1996. С. 43; 2003. С. 268); из конской могилы (погр. 6, конь № 2) «Братолюбовского» кургана (рис. 3: е), датированного 2-й четв. IV в. до н. э. (Кубышев и др., 2009. С. 105, 118. Рис. 21: 5); кургана 3 (погр. 1) у с. Нововладимировка, датированного IV–III вв. до н. э. (Ковпаненко, Яковенко, 1973. С. 253, 264. Рис. 2: 23) или перв. пол. IV в. до н. э. (Бидзиля, Полин, 2012. С. 211); кургана № 24 у с. Колбино (Гуляев, 2001. Рис. 16: 1; Могилов, 2008. Рис. 162: 10; Шевченко, 2009. Рис. 25: 2). Похожие наносники известны по случайным находкам в Крыму (рис. 3: ж) в окрестностях с. Межгорье Белогорского района (Скорый, Зимовец, 2014. С. 75. № 9/258). Один сходный наносник обнаружен в Южном Приуралье (рис. 3: з), в могильнике у с. Филипповка (рубеж V–IV вв. до н. э.) в комплексе, располагавшемся к северу от насыпи кургана № 21 (Рукавишников, 2010. С. 153. Рис. 1: 2; Яблонский, 2013. С. 177. Кат. 2157).

Почти полная сводка подобных или близких рассматриваемому изображению находок представлена в работе А. Р. Канторовича (Канторович, 2015а. С. 8–10; 2015б. С. 709, 710, 1610).

Фигурки, подобные той, что украшает анализируемый наносник (рис. 3: а–з), атрибутируются как ушастая птица с загнутым клювом. Специалисты видят в ее очертаниях фантастическую хищную птицу или фантастическое животное – ушастого грифона (Колтухов, 2007. С. 196, 197; Бидзиля, Полин, 2012. С. 211; Скорый, Зимовец, 2014. С. 75; Канторович, 2015б. С. 708).

Исследователи правомерно предположили, что в поисках истоков образа грифона скифо-сибирского звериного стиля следует учитывать и природные прототипы, найдя в его фигуре сходство птичьих компонентов с биологическими орлами и «грифонами Старого Света». Предполагается, что прообразом грифона мог служить черный гриф (*Aegypius monachus*), обитающий в предгорьях и горах Центральной и Средней Азии, Кавказа, Крыма и Северной Африки, поскольку он имеет длинный клюв, круто загнутый на самом конце, хохолок из перьев и воротник на нижней части шеи – «ожерелье из длинных заостренных перьев» (Канторович, 2010. С. 193, 194). Специалисты отмечают также,

² Некоторые исследователи связывают этот тип нащечников с изображением «медвежьей лапы» (Тереножский и др., 1977. С. 187, 188. Рис. 43: 11; Братченко и др., 1989. С. 175; Бидзиля, Полин, 2012. С. 200. Кат. 8).

что наряду с черным грифом прототипами для иконографии птицеголовых монстров, в том числе грифонов, могли послужить и иные природные особи семейства ястребиных: беркуты (*Aquila chrysaetus*), степные орлы (*Aquila nipalensis*)³ и другие (*Полосьмак*, 1994. С. 8; *Канторович*, 2010. С. 194).

Для изображений грифонов из памятников Северного Причерноморья в научной литературе выделяется несколько иконографических моделей: ориентализирующая, или переднеазиатская, раннегреческая и «скифского звериного стиля» (*Погребова*, 1948. С. 62).

При этом изображение, которое принято называть «скифским грифоном», по мнению Н. Н. Погребовой, «в большинстве случаев оказывается просто головой хищной птицы», нередко имеющей звериное ухо (Там же. С. 66, 67). Именно это, по справедливому замечанию А. И. Шкурко, не дает повода применять к таким изображениям термин «грифон», поскольку лишь утрирование природных признаков хищной птицы придает фантастичность этому образу (*Шкурко*, 1982. С. 3).

Это положение хотя и поддерживается исследователями, но вызывает и возражения. В частности, А. Р. Канторович пишет, что если преувеличенность глаза и чрезмерная изогнутость клюва «могут объясняться таким утрированием, то наличие уха, не свойственного птицам в природе, нельзя отнести на счет стилизации», учитывая также неполные фигуры, которые не позволяют «с абсолютной уверенностью утверждать, каким это целое представлялось создателю изображения и его созерцателям – зверем с птичьей головой (грифоном) или птицей со звериными ушами» (*Канторович*, 2010. С. 205). Е. Ф. Королькова отметила, что наличие уха в подобных изображениях свидетельствует о каком-то содержательном аспекте, заставлявшем внести эту деталь, отсутствующую у представителей фауны в природе, и отражает результат осмысления реальности, а не ее фиксации (*Королькова*, 2006. С. 54).

Исходя из этого, появление мотива фантастической хищной птицы или птицеголового грифона, наделенных ушами, требует некоторого объяснения. Действительно, природа не наградила птиц ушами, подобными ушам млекопитающих. Тем не менее существуют птицы, в оперении которых присутствуют «ушки». И такими птицами являются совы, среди которых в данном случае особого внимания заслуживают филины (рис. 3: и) и ушастые совы (рис. 3: к) (*Коблик*, 2001б. С. 20, 33. Рис. 5; 13).

По мнению исследователей, филин (*Bubo bubo*) – самая величественная из сов. Размах его крыльев составляет почти два метра. У филина перьевые «ушки» находятся на голове, над ушными отверстиями. В сочетании с большими направленными вперед глазами они придают его облику вид рыси. Эти перья у сов имеют разное положение в зависимости от времени суток и состояния птицы. При возбуждении и напряженном внимании ушки несколько приподнимаются, при угрозе и страхе – прижимаются (*Пукинский*, 1977. С. 9–12).

³ Для степного орла ныне используется иное латинское название, ранее он описывался как один вид с каменным орлом (*Aquila garrax*), распространенным в Африке и Индии (*Коблик*, 2001а. С. 332).

Филины распространены весьма широко, населяя Северную и Южную Америку, Центральную и Южную Африку, Индию и Индокитай. Филин встречается во всей Евразии, за исключением Крайнего Севера материка (*Пукинский*, 1993. Рис. 63; *Беме и др.*, 1998. С. 379).

Орнитологи отмечают, что эта птица может приспосабливаться к самым разнообразным условиям существования. Ее можно встретить как у полярной границы леса, так и в горной тайге, в густых лесах, и в пустынях, и в степях, и высоко в горах. Во всех этих разнообразных ландшафтах филин отлично уживается и переносит как холод севера и высокогорья, так и жару юга (*Бутурлин*, 1928). Подмечено, что в закрытом ландшафте он охотится, в основном подкарауливая жертву, и является сугубо ночной совой. В степи же часто вылетает на кормежку еще до захода солнца, совершая поисковые полеты. Исследователи считают, что филин достаточно пластичен и легко приспосабливается к разным условиям.

Голос филина очень мощный, вокализация разнообразна, обычно это низкое двухсложное уханье, иногда хохот, плач, гудение, визгливые крики (*Коблик*, 2001б. С. 20). Натуралисты определяют его голос как одно из чудес ночи. По силе, глубине и производимому им в ночном лесу впечатлению ему нет равного звука. Крики филина воздействуют не только на птиц, но и на зверей. Тем, кому приходилось слышать по вечерам крик филина, знают, что в ответ на него где-нибудь в лесной чаще мог раздаться и заунывный волчий вой (*Пукинский*, 1977. С. 107–120).

Глаза сов могут видеть не только в густых сумерках, но и днем. Наблюдения за поведением филина днем показали, что он замечает далеко пролетающего дневного хищника или ворону, даже если смотрит против солнца (Там же. С. 12–27).

На голове ушастой совы (*Asio otus*) также расположены длинные (до шести сантиметров) перьевые «ушки», торчащие вверх, которые хорошо заметны и состоят из 6 перьев. Некоторые из ее представителей напоминают обликом небольших филинов, размах крыльев которых около метра (*Константинов и др.*, 1982).

Ушастые совы распространены по всему свету, кроме Австралии. В Евразии эта сова может быть обнаружена почти повсеместно, исключая самые северные и крайние южные районы материка (*Пукинский*, 1993. Рис. 68; *Беме и др.*, 1998. С. 385). Орнитологи определили, что, хотя жизнь ушастой совы тесно связана с древесной растительностью, сплошных лесных массивов она решительно избегает. Ушастая сова – полулесная птица: она охотится, как правило, в открытом ландшафте, а деревья ей нужны лишь для отдыха и гнездования (*Пукинский*, 1977. С. 225–227).

Для большинства сов характерна сумеречная и ночная активность. Совы начинают охотиться обычно сразу же после захода солнца. Около полуночи наступает спад интенсивности охоты или она даже прекращается, но перед рассветом наблюдается новый пик деятельности. Замечено, что в лунные ночи совы более активны (Там же. С. 12–27).

Совы очень схожи с дневными хищными птицами, и при их визуальном сравнении нетрудно найти общие черты: крючкообразный клюв типичного пернатого хищника, загнутые когти, приспособленные для удержания и закалывания

жертвы, однако, в отличие от последних, совы могут кусать свою добычу (*Коблик*, 2001б. С. 3). Даже в истории орнитологии известны попытки сблизить сов с дневными хищными птицами (*Пукинский*, 1977. С. 26, 27)⁴. Орлиной совой («Eagle-owl») филина называют в Англии (*Коблик*, 2001б. С. 20). В археологических исследованиях также отмечалось, что образ хищной птицы часто отождествляется с изображением грифона (*Баркова*, 1987. С. 5).

Как и все совообразные, филин и ушастая сова выделяются крупной головой, очень большими и выпуклыми глазами. Птицы имеют загнутое с заостренным крючковидным концом и острыми краями надклювье, основание клюва одето восковицей, которая всегда прикрыта длинными волосовидными перьями (вибриссами). У сов превосходное зрение и чрезвычайно тонкий слух (*Бутурлин, Дементьев*, 1936. С. 101–106). У них очень крупное продолговатое ушное отверстие, которое окружено кожным валиком, формирующим подобие наружного уха, присущего млекопитающим (*Коблик*, 2001б. С. 5). Над ушными отверстиями у некоторых из них, как уже отмечалось, расположены перьевые «уши».

Таким образом, сведения, связанные с обликом филина и ушастой совы (большие глаза, загнутый клюв, одетый в основании восковицей, длинные перьевые «ушки»), полностью соответствуют изображениям «ушастой птицы», присутствующим на некоторых наносниках (рис. 3: а–з), обнаруженных в составе конской упряжки скифских памятников, и в частности в конской могиле № 1 кургана № 6 у пос. Днепрорудный, что позволяет ретроспективно объяснить появление ушей и у грифонов.

В том обличье, в каком мы видим сов сейчас, они живут на Земле не один миллион лет (*Пукинский*, 1977. С. 9, 10). В природе «ушастые птицы», которые относятся к семейству «настоящих сов» (*Strigidae*), распространены, как уже говорилось, достаточно широко, и население ойкумены могло не только их наблюдать с очень раннего времени, а и накапливать знания о них, оценивать ощущение их присутствия, взаимодействие с окружающим миром, и с человеком в том числе. Еще Э. Дюркгейм, предложивший такой термин, как «коллективные представления», полагал, что эти представления возникают из «общих действий» (практик) и на них же основана приобретаемая впоследствии способность передавать значения при помощи символов (*Durkheim*, 1915; *Rawls*, 2001. P. 33; *Ройлз*, 2005. С. 3).

Как верно отметила Е. В. Переводчикова, способ изображения животных опирается не на непосредственное восприятие, а на осмысление многообразных впечатлений о мире и его обитателях и является результатом деятельности определенной общности людей, чьи обычаи предписывали подчеркивать именно те черты животного, которые считались основными, т. е. определяющими образ того или иного существа в сознании древних (*Переводчикова*, 1994. С. 23). В недрах каждого сообщества выкристаллизовывались общезначимые «коллективные представления», которые, став общими для группы, продолжали жить в языке и повествованиях этой группы и могли быть впоследствии вызваны

⁴ В настоящее время совы – обособленная в морфологическом и экологическом отношениях группа птиц (*Пукинский*, 1977. С. 9, 10).

вновь при помощи символов, пробуждающих переживания, лежавшие у истока данных представлений (*Дюркгейм*, 1995. С. 208–243).

Каждая древняя культура по-своему представляла и изображала тех или иных существ, что привело к возникновению определенных изобразительных традиций. Мастера, следовавшие этим традициям, рожденным и жившим «коллективными представлениями» носителей древних культур, воплощали в предметах отражение их мировоззрения.

Отношение людей к совам всегда было особым. Странная внешность, таинственный ночной образ жизни, бесшумный полет и жутковатый голос издревле порождали в человеке суеверный страх.

Из-за своего голоса филин получил народное название – «пугач» (русское: пугуч, украинское: пугач, польское: puchacz) (*Фасмер*, 1987. С. 400; *Коблик*, 2001б. С. 20). Наблюдатель, пораженный большеголовостью птиц, их задумчивым и мечтательным взглядом, был склонен приписывать этим птицам особый ум и наделять их сверхъестественными свойствами (*Западова*, 1977. С. 119, 120). Поэтому не исключено, что ухо появилось в иконографии хищной птицы и орнитоморфного грифона как результат фиксации реального существа и дальнейшего осмысления его образа во времени и пространстве.

Однако следует заметить, что все высказанные исследователями соображения, связанные с возможными прототипами для орнитоморфных образов в скифских и иных древностях, безусловно, верны и не вызывают возражений, несмотря на их кажущуюся противоречивость, поскольку интерпретация изображения очень субъективна, в отличие от творчества его создателя и оценки потребителей, а также многообразна в толковании его современными наблюдателями.

Изображения «ушастой птицы» в скифских памятниках, отмеченные ранее, связаны с экипировкой коней, сопровождавших скифские захоронения. Поэтому невозможно определить, была ли узда, в состав которой входили наносники с такими изображениями, изготовлена в качестве приношений для заупокойных церемоний или использовалась скифами еще при жизни. Оттого вопрос о семантике образа «ушастой птицы» пока оставим открытым.

ЛИТЕРАТУРА

- Алексеев А. Ю.*, 1996. Хронография Европейской Скифии (VII–IV вв. до н. э.): автореф. дис. ... д-ра ист. наук. СПб. 51 с.
- Алексеев А. Ю.*, 2003. Хронография Европейской Скифии (VII–IV веков до н. э.). СПб.: ГЭ. 416 с.
- Алексеев А. Ю.*, 2012. Золото скифских царей в собрании Эрмитажа. СПб.: ГЭ. 271 с.
- Алексеев А. Ю., Мурзин В. Ю., Ролле Р.*, 1991. Чертомлык. Скифский царский курган IV в. до н. э. Киев: Наукова думка. 413 с.
- Баркова Л. Л.*, 1987. Образ орлиноголового грифона в искусстве древнего Алтая // АСГЭ. Вып. 28. Л.: ГЭ. С. 5–29.
- Беме Р. Л., Динец В. Л., Флинт В. Е., Черенков А. Е.*, 1998. Птицы. М.: АБФ. 432 с. (Энциклопедия природы России.)
- Бидзиля В. И., Полин С. В.*, 2012. Скифский царский курган Гайманова Могила. Киев: Скиф. 751, 64 с.
- Братченко С. Н., Швецов М. Л., Дубовская О. Р.*, 1989. Курган IV в. до н. э. в бассейне Северского Донца // СА. № 1. С. 170–177.

- Бутурлин С. А., 1928. Определитель видов птиц СССР, их подвиды, распространение, польза и вред для хозяйства. Вып. 1: Дневные хищники и совы СССР. М.: Книгосоюз. 120 с.
- Бутурлин С. А., Дементьев Г. П., 1936. Полный определитель птиц СССР. Т. 3: Трубконосые, дневные хищные, совы, дятловые. М.; Л.: КОИЗ. 131 с.
- Галанина Л. К., 2006. Скифские древности Северного Кавказа в собрании Эрмитажа. Келермесские курганы. СПб.: ГЭ. 80 с.
- Граков Б. Н., 1971. Скифы. М.: МГУ. 200 с.
- Гуляев В. И., 2001. Общие проблемы археологии Среднего Дона в скифское время // Археология Среднего Дона в скифскую эпоху. Труды Потуданской археологической экспедиции ИА РАН (1993–2000 гг.) / Отв. ред. В. И. Гуляев. М.: ИА РАН. С. 18–52.
- Дюркгейм Э., 1995. Социология. Ее предмет, метод, предназначение / Пер. с фр. А. Б. Гофмана. М.: Канон. 352 с.
- Западова Е., 1977. Волшебная арфа. Сказки народов Бирмы. М.: Художественная литература. 351 с.
- Засецкая И. П., 2012. Изображения грифонов и «грифов» в сарматском зверином стиле // Золото, конь и человек. Киев: Скиф. С. 353–383.
- Ильинская В. А., 1973. Скифская узда IV в. до н. э. // Скифские древности / Отв. ред. А. И. Тереножкин. Киев: Наукова думка. С. 42–63.
- Канторович А. Р., 2010. Истоки и вариации образов грифона и грифоподобных существ в раннескифском зверином стиле VII–VI вв. до н. э. // Археологический альманах. Вып. 21. Донецк: Лебедь. С. 189–224.
- Канторович А. Р., 2012. К вопросу об истоках и вариациях образов грифона и грифоподобных существ в раннескифском зверином стиле VII–VI вв. до н. э. // Евразия в скифо-сарматское время / Отв. ред.: Д. В. Журавлев, К. Б. Фирсов. М.: ГИМ. С. 106–133. (Труды ГИМ; вып. 191.)
- Канторович А. Р., 2015а. Скифский звериный стиль Восточной Европы: классификация, типология, хронология, эволюция: автореф. дис. ... д-ра ист. наук. М. 69 с.
- Канторович А. Р., 2015б. Скифский звериный стиль Восточной Европы: классификация, типология, хронология, эволюция: дис. ... д-ра ист. наук. Т. 1–3. М. 1724 с.
- Коблик Е. А., 2001а. Разнообразие птиц (по материалам экспозиции Зоологического музея МГУ). Ч. 1. М.: МГУ. 384 с.
- Коблик Е. А., 2001б. Разнообразие птиц (по материалам экспозиции Зоологического музея МГУ). Ч. 3. М.: МГУ. 360 с.
- Ковпаненко Г. Т., Яковенко Э. В., 1973. Скифские курганы на юге Херсонщины // Скифские древности / Отв. ред. А. И. Тереножкин. Киев: Наукова думка. С. 253–265.
- Колтухов С. Г., 2007. Основное погребение кургана Беш-Оба 4/2 // Древняя Таврика / Ред.: Ю. П. Зайцев, В. И. Мордвинцева. Симферополь: Универсум. С. 193–206.
- Константинов В. М., Марголин В. А., Бабенко В. Г., 1982. Особенности экологии ушастой совы в антропогенных ландшафтах Центрального района Европейской части СССР // Гнездовая жизнь птиц / Ред. А. М. Болотников. Пермь: Пермский гос. пед. ин-т. С. 121–132.
- Королькова Е. Ф., 2006. Звериный стиль Евразии. Искусство племен Нижнего Поволжья и Южного Приуралья в скифскую эпоху (VII–IV вв. до н. э.). СПб.: Петербургское востоковедение. 272 с.
- Кубышев А. И., Бессонова С. С., Ковалев Н. В., 2009. Братолюбовский курган. Киев: ИА НАНУ. 192 с.
- Кузнецов С. В., Кузнецова Т. М., 2005. Курганы скифского времени у пос. Днепрорудный и с. Большая Белозерка // Древности Евразии: от ранней бронзы до раннего Средневековья / Отв. ред. В. И. Гуляев. М.: ИА РАН. С. 317–332.
- Мифы народов мира. Т. 1 / Гл. ред. С. А. Токарев. М.: Советская энциклопедия, 1987. 720 с.
- Могилов О. Д., 2008. Спорядження коня скіфської доби у Лісостепу Східної Європи. Київ; Кам'янець-Подільський: ІА НАНУ. 439 с.
- Мозолевський Б. М., 1979. Товста Могила. Київ: Наукова думка. 251 с.
- Немировский А. И., 2001. Мифы древности. Ближний Восток. М.: Лабиринт. 308 с.
- Переводчикова Е. В., 1994. Язык звериных образов. Очерки искусства евразийских степей скифской эпохи. М.: Восточная литература. 206 с.

- Погребова Н. Н.*, 1948. Грифон в искусстве Северного Причерноморья в эпоху архаики // КСИИМК. Вып. XXIII. С. 62–67.
- Полосьмак Н. В.*, 1994. Стереющие золото грифы (ак-алахинские курганы). Новосибирск: Наука. 125 с.
- Пугаченкова Г. А.*, 1959. Грифон в античном и средневековом (изобразительном) искусстве Средней Азии // СА. № 2. С. 70–74.
- Пукинский Ю. Б.*, 1977. Жизнь сов. Л.: Ленинградский ун-т. 240 с. (Жизнь наших зверей и птиц; вып. 1.)
- Пукинский Ю. Б.*, 1993. Филин. Ушастая сова // Птицы России и сопредельных регионов: Рябкообразные, Голубеобразные, Кукушкообразные, Совеобразные / Отв. ред.: В. Д. Ильичев, В. Е. Флинт. М.: Наука. С. 270–313. (Птицы СССР; т. 5.)
- Роулз Э.*, 2005. Дюркгеймовская трактовка практики: альтернатива конкретным практикам и представлений как оснований разума // Социологическое обозрение. Т. 4. № 1. С. 3–30.
- Руденко С. И.*, 1960. Культура населения Центрального Алтая в скифское время. М.; Л.: АН СССР. 360 с., 128 табл.
- Рукавишников И. В.*, 2010. Изучение стилистических черт предметов с изображениями в зверином стиле из Южного Приуралья, анализ металла и проблемы происхождения этих изделий // Торевтика в древних и средневековых культурах Евразии / Отв. ред. А. А. Тишкин. Барнаул: Азбука. С. 151–154. (Труды Сибирской ассоциации исследователей первобытного искусства. Вып. VI.)
- Скорый С. А., Зимовец Р. В.*, 2014. Скифские древности Крыма. Материалы одной коллекции. Киев: Олег Філюк. 180 с.
- Тереножкин А. И., Ильинская В. А., Мозолевский Б. Н.*, 1977. Скифский курганный могильник Гайманово Поле (раскопки 1968 г.) // Скифы и сарматы / Отв. ред. А. И. Тереножкин. Киев: Наукова думка. С. 152–199.
- Тигрица и грифон: Сакральные символы животного мира* / Пер. и исслед. А. Г. Юрченко. СПб.: Азбука-классика; Петербургское востоковедение, 2002. 400 с.
- Фасмер М.*, 1987. Этимологический словарь русского языка. Т. III. М.: Прогресс. 832 с.
- Черемисин Д. В.*, 2009. О семантике орнитоморфных персонажей звериного стиля в ритуальной атрибутике пазырыкских курганов // АЭАЕ. Т. 37. № 1. С. 85–94.
- Шауб И. Ю.*, 2017. Монстры в культуре скифов // Новое прошлое/The New Past. № 4. С. 24–46.
- Шевченко А. А.*, 2009. Новые материалы к изучению курганного могильника скифского времени Колбино I на Среднем Дону // Археология Среднего Дона в скифскую эпоху. Труды Донской археологической экспедиции ИА РАН (2004–2008 гг.) / Отв. ред. В. И. Гуляев. М.: ИА РАН. С. 26–111.
- Шкурко А. И.*, 1982. Фантастические существа в искусстве Лесостепной Скифии // Археологические исследования на юге Восточной Европы / Отв. ред. Д. Л. Талис. М.: ГИМ. С. 3–8. (Труды ГИМ; вып. 54.)
- Яблонский Л. Т.*, 2013. Золото сарматских вождей. Элитный некрополь Филипповка I (по материалам раскопок 2004–2009 гг.): Каталог коллекции. Кн. 1. М.: ИА РАН. 232 с.
- Barnett R. D.*, 1959. Assyrische palastreliefs. Prag: Artia. 174 S.
- Durkheim É.*, 1915. The Elementary Forms of the Religious Life. London: G. Allen & Unwin, LTD; New York: The Macmillan Company. 476 p.
- Irmscher J., Johne R.*, 1982. Lexikon der antike. Leipzig: Gondrom Verlag GmbH. 639 S.
- Khazai Kh.*, 1978. L'évolution et la signification dugriffon dans l'iconographie iranienne // Iranica Antiqua. Vol. XIII. P. 1–34.
- Rawls A.*, 2001. Durkheim's treatment of practice: Concrete practice vs. representations as the foundation of reason // Journal of Classical Sociology. Vol. 1. No 1. P. 33–68.

Сведения об авторе

Кузнецова Татьяна Михайловна, Институт археологии РАН, ул. Дм. Ульянова, 19, Москва, 117036, Россия; e-mail: mamulya-kuznecova@yandex.ru

T. M. Kuznetsova

REVISITING THE ISSUE OF A PROTOTYPE FOR THE IMAGES OF LONG-EARED GRIFFONS

Abstract. The issue of finding a prototype of fantastic creatures called long-eared griffons in the studies (Fig. 1–3), and development of this motif in general and in the Scythian animal style, in particular, appear to be important and relevant today. The figure of a ornithomorph bird of prey which decorated a bronze cast noseband (Fig. 3: *a*) and was discovered in horse grave No. 1, kurgan No. 6, near the Dneprorudny settlement encouraged the author to search the roots of this image. Studies of this kind should rely on natural prototypes. Researchers find similarities between griffons and eagles and vultures of the Old World. It is believed that the presence of the ears that ornithomorphic images have and that birds in nature do not have reflect attempts to interpret reality rather than document it. However, birds with long ear tufts are found in nature, for example owls, especially, eagle-owls and long-eared owls (Fig. 3: *i, j*). These birds that we know today have lived on the planet for more than one million years. People's attitude towards owls has always been special because of their appearance, secretive nocturnal habits, noiseless flight and creepy sounds they make. For this reason, it is quite possible that the ear appeared in the iconography of a ornithomorphic griffon as an element of representation of a creature seen in nature and an attempt to better understand its image in time and space.

Keywords: art, long-eared griffon, Scythian period, eagle-owl, long-eared owl.

REFERENCES

- Alekseyev A. Yu., 1996. Khronografiya Evropeyskoy Skifii (VII–IV vv. do n. e.): avtoreferat dissertatsii ... doktora istoricheskikh nauk [Chronography of European Scythia (VII–IV cc. BC): Thesis for a Doctor's degree. Abstract]. St. Petersburg: GE. 51 p.
- Alekseyev A. Yu., 2003. Khronografiya Evropeyskoy Skifii VII–IV vekov do n. e. [Chronography of European Scythia of VII–IV centuries BC]. St. Petersburg: GE. 416 p.
- Alekseyev A. Yu., 2012. Zoloto skifskikh tsarey v sobranii Ermitazha [Gold of Scythian kings in collection of Statae Hermitage]. St. Petersburg: GE. 271 p.
- Alekseyev, A. Yu., Murzin V. Yu., Rolle R., 1991. Chertomlyk. Skifskiy tsarskiy kurgan IV v. do n. e. [Chertomlyk. Scythian royal kurgan of IV c. BC]. Kiev: Naukova dumka. 413 p.
- Barkova L. L., 1987. Obraz orlinogolovogo grifona v iskusstve drevnego Altaya [Image of eagle-headed griffin in art of ancient Altai]. *ASGE*, 28. Leningrad: GE, pp. 5–29.
- Barnett R. D., 1959. Assyrische palastreliefs. Prag: Artia. 174 S.
- Beme R. L., Dinets V. L., Flint V. E., Cherenkov A. E., 1998. Ptitsy [Birds]. Moscow: ABE. 432 p. (Entsiklopediya prirody Rossii.)
- Bidzilya V. I., Polin S. V., 2012. Skifskiy tsarskiy kurgan Gaymanova Mogila [Scythian royal kurgan Gaymanova Mogila]. Kiev: Skif. 751, 64 p.
- Bratchenko S. N., Shvetsov M. L., Dubovskaya O. R., 1989. Kurgan IV v. do n. e. v bassejne Severskogo Dontsa [Kurgan of IV c. BC in Severskiy Donets basin]. *SA*, 1, pp. 170–177.
- Buturlin S. A., 1928. Opredelitel' vidov ptits SSSR, ikh podvidy, rasprostraneniye, pol'za i vred dlya khozyaystva [Determinant of species of birds of the USSR, their subspecies, distribution, benefit and harm to economy], 1. Dnevnyye khishchniki i sovy SSSR [Daytime predators and owls of the USSR]. Moscow: Knigosoyuz. 120 p.
- Buturlin S. A., Dement'ev G. P., 1936. Polnyy opredelitel' ptits SSSR [Complete guide to the birds of the USSR], 3. Trubkonosyye. Dnevnyye khishchnyye. Sovy. Dyatlovyye [Pipe-nosed birds. Daytime birds of prey. Owls. Woodpecker birds]. Moscow, Leningrad: KOIZ. 131 p.

- Cheremisin D. V., 2009. O semantike ornitomorfnykh personazhey zverinogo stilya v ritual'noy atributike pazyrykskikh kurganov [On semantic of ornithomorphic images of animal style in ritual attributes of Pazyryk kurgans]. *AEAE*, vol. 37, no. 1, pp. 85–94.
- Durkheim É., 1915. *The Elementary Forms of the Religious Life*. London: G. Allen & Unwin, LTD; New York: The Macmillan Company. 476 p.
- Durkheim E., 1995. Sotsiologiya. Ee predmet, metod, prednaznachenie [Sociology. Its subject, method, purpose]. A. B. Gofman, trans. Moscow: Kanon. 352 p.
- Fasmer M., 1987. Etimologicheskii slovar' russkogo yazyka [Etymological dictionary of Russian language], III. Moscow: Progress. 832 p.
- Galanina L. K., 2006. Skifskiye drevnosti Severnogo Kavkaza v sobranii Ermitazha. Kelermesskiye kurgany [Scythian antiquities of North Caucasus in collection of State Hermitage. Kelermes kurgans]. St. Petersburg: GE. 80 p.
- Grakov B. N., 1971. Skify [The Scythians]. Moscow: MGU. 200 p.
- Gulyayev V. I., 2001. Obshchiye problemy arkheologii Srednego Dona v skifskoye vremya [General problems of Middle Don archaeology in Scythian time]. *Arkheologiya Srednego Dona v skifskuyu epokhu. Trudy Potudanskoy arkheologicheskoy ekspeditsii IA RAN [Archaeology of Middle Don in Scythian time. Transactions of Potudan archaeological expedition of IA RAS] (1993–2000)*. V. I. Gulyayev, ed. Moscow: IA RAN, pp. 18–52.
- Il'inskaya V. A., 1973. Skifskaya uzda IV v. do n. e. *Skifskiye drevnosti [Scythian bridle of IV c. BC. Scythian antiquities]*. A. I. Terenozhkin, ed. Kiev: Naukova dumka, pp. 42–63.
- Irmscher J., Johne R., 1982. *Lexikon der antike*. Leipzig: Gondrom Verlag GmbH. 639 S.
- Kantorovich A. R., 2010. Istoki i variatsii obrazov grifona i grifonopodobnykh sushchestv v ranneskifskom zverinom stile VII–VI vv. do n. e. [Sources and variants of images of griffin and griffin-like beings in early Scythian animal style of VII–VI cc. BC]. *Arkheologicheskii al'manakh [Archaeological miscellany]*, 21. Donetsk: Lebed', pp. 189–224.
- Kantorovich A. R., 2012. K voprosu ob istokakh i variatsiyakh obrazov grifona i grifonopodobnykh sushchestv v ranneskifskom zverinom stile VII–VI vv. do n. e. [On issue of sources and variants of images of griffin and griffin-like beings in early Scythian animal style of VII–VI cc. BC]. *Evrasiya v skifo-sarmatskoye vremya [Eurasia in Scythian-Sarmatian time]*. D. V. Zhuravlev, K. B. Firsov, eds. Moscow: GIM, pp. 106–133. (Trudy GIM, 191.)
- Kantorovich A. R., 2015a. Skifskiy zverinyy stil' Vostochnoy Evropy: klassifikatsiya, tipologiya, khronologiya, evolyutsiya: avtoreferat dissertatsii ... doktora istoricheskikh nauk [Scythian animal style of Eastern Europe: classification, typology, chronology, evolution: Thesis for a Doctor's degree Abstract]. Moscow. 69 p.
- Kantorovich A. R., 2015b. Skifskiy zverinyy stil' Vostochnoy Evropy: klassifikatsiya, tipologiya, khronologiya, evolyutsiya: dissertatsiya ... doktora istoricheskikh nauk [Scythian animal style of Eastern Europe: classification, typology, chronology, evolution: Thesis for a Doctor's degree Manuscript], 1–3. Moscow. 1724 p.
- Khazai Kh., 1978. L'évolution et la signification du griffon dans l'iconographie iranienne. *Iranica Antiqua*, XIII. P. 1–34.
- Koblik E. A., 2001a. Raznoobrazie ptits (po materialam ekspozitsii Zoologicheskogo muzeya MGU) [Diversity of birds (based on materials of exposition of Zoological museum of MGU)], 1. Moscow: MGU. 384 p.
- Koblik E. A., 2001b. Raznoobrazie ptits (po materialam ekspozitsii Zoologicheskogo muzeya MGU) [Diversity of birds (based on materials of exposition of Zoological museum of MGU)], 3. Moscow: MGU. 360 p.
- Koltukhov S. G., 2007. Osnovnoye pogrebeniye kurgana Besh-Oba 4/2 [Central burial of kurgan Besh-Oba 4/2]. *Drevnyaya Tavrika [Ancient Taurica]*. Yu. P. Zaytsev, V. I. Mordvintseva, eds. Simferopol': Universum, pp. 193–206.
- Konstantinov V. M., Margolin V. A., Babenko V. G., 1982. Osobennosti ekologii ushastoy sovy v antropogennykh landshaftakh Tsentral'nogo rayona Evropeyskoy chasti SSSR [Features of ecology of the eared owl in anthropogenic landscapes of the Central region of the European part of the USSR]. *Gnezdovalaya zhizn' ptits [Nest life of birds]*. A. M. Bolotnikov, ed. Perm': Permskiy gos. pedagogicheskii institut, pp. 121–132.

- Korol'kova E. F., 2006. Zverinyy stil' Evrazii. Iskustvo plemen Nizhnego Povolzh'ya i Yuzhnogo Priural'ya v skifskuyu epokhu (VII–IV vv. do n. e.) [Animal style of Eurasia. Art of Lower Volga and South Urals tribes in Scythian time (VII–IV cc. BC)]. St. Petersburg: Peterburgskoye vostokovedeniye. 272 p.
- Kovpanenko G. T., Yakovenko E. V., 1973. Skifskiye kurgany na yuge Khersonshchiny [Scythian kurgans in south of Kherson region]. *Skifskiye drevnosti [Scythian antiquities]*. A. I. Terenozhkin, ed. Kiev: Naukova dumka, pp. 253–265.
- Kubyshev A. I., Bessonova S. S., Kovalev N. V., 2009. Bratolyubovskiy kurgan [Bratolyubovskiy kurgan]. Kiev: IA NANU. 192 p.
- Kuznetsov S. V., Kuznetsova T. M., 2005. Kurgany skifskogo vremeni u pos. Dneprorudnyy i s. Bol'shaya Belozerkka [Kurgans of Scythian time near settlement Dneprorudnyy and village Bol'shaya Belozerkka]. *Drevnosti Evrazii: ot ranney bronzy do rannego Srednevekov'ya [Antiquities of Eurasia: from Early Bronze Age to early Middle Ages]*. V. I. Gulyayev, ed. Moscow: IA RAN, pp. 317–332.
- Mify narodov mira [Myths of the peoples of the world], I. S. A. Tokarev, ed. Moscow: Sovetskaya entsiklopediya, 1987. 720 p.
- Moglyov O. D., 2008. Sporyadzhennyya konya skifs'koï doby u Lisostepu Skhidnoï Evropy [Horse equipment of Scythian time in Forest-steppe of Eastern Europe]. Kyiv; Kam'yanets'-Podil's'kyi: IA NANU. 439 p.
- Mozolevs'ky B. M., 1979. Tovsta Mogyla [Tovsta Mogila]. Kyiv: Naukova dumka. 251 p.
- Nemirovskiy A. I., 2001. Mify drevnosti. Blizhniy Vostok [Myths of antiquity. Near East]. Moscow: Labirint. 308 p.
- Perevodchikova E. V., 1994. Yazyk zverinykh obrazov. Ocherki iskusstva evraziyskikh stepey skifskoy epokhi [Language of animal images. Essays of art of Eurasian steppes in Scythian epoch]. Moscow: Vostochnaya literatura. 206 p.
- Pogrebova N. N., 1948. Grifon v iskusstve Severnogo Prichernomor'ya v epokhu arkhaiki [Griffin in art of North Pontic region in archaic epoch]. *KSIMK*, XXIII, pp. 62–67.
- Polos'mak N. V., 1994. Steregushchiye zoloto grify (ak-alakhinskiye kurgany) [Griffins guarding gold (Ak-Alakha kurgans)]. Novosibirsk: Nauka. 125 p.
- Pugachenkova G. A., 1959. Grifon v antichnom i srednevekovom (izobrazitel'nom) iskusstve Sredney Azii [Griffin in Classical and medieval (figurative) art of Middle Asia]. *SA*, 2, pp. 70–74.
- Pukinskiy Yu. B., 1977. Zhizn' sov [Life of owls]. Leningrad: Leningradskiy universitet. 240 p. (Zhizn' nashikh zverey i ptits, 1.)
- Pukinskiy Yu. B., 1993. Filin. Ushastaya sova [Eagle owl. Long-eared owl]. *Ptitsy Rossii i sopredel'nykh regionov: Ryabkoobraznyye. Golubeobraznyye. Kukushkoobraznyye. Sovoobraznyye [Birds of Russian and adjacent regions: Grouse-like. Pigeon-like. Cuckoo-like. Owl-like]*. V. D. Il'ichev, V. E. Flint, eds. Moscow: Nauka, pp. 270–313. (Ptitsy SSSR, 5.)
- Rawls A., 2001. Durkheim's treatment of practice: Concrete practice vs. representations as the foundation of reason. *Journal of Classical Sociology*, vol. 1, no 1. P. 33–68.
- Rawls A., 2005. Dyurkgeymovskaya traktovka praktiki: al'ternativa konkretnykh praktik i predstavleniy kak osnovaniy razuma [Durkheim's treatment of practice: Alternative of concrete practice and representations as foundations of reason]. *Sotsiologicheskoye obozreniye [Sociological review]*, vol. 4, no. 1, pp. 3–30.
- Rudenko S. I., 1960. Kul'tura naseleniya Tsentral'nogo Altaya v skifskoye vremya [Culture of Central Altai population in Scythian time]. Moscow; Leningrad: AN SSSR. 360 p., 128 tabl.
- Rukavishnikova I. V., 2010. Izuchenie stilisticheskikh chert predmetov s izobrazheniyami v zverinom stile iz Yuzhnogo Priural'ya, analiz metalla i problemy proiskhozhdeniya etikh izdeliy [The study of stylistic features of objects with images in animal style from the Southern Urals, the analysis of metal and the problems of the origin of these items]. *Torevtika v drevnikh i srednevekovykh kul'turakh Evrazii [Toreutics in ancient and medieval cultures of Eurasia]*. A. A. Tishkin, ed. Barnaul: Azbuka, pp. 151–154. (Trudy Sibirskoy assotsiatsii issledovateley pervobytnogo iskusstva, VI.)
- Shaub I. Yu., 2017. Monstry v kul'ture skifov [Monsters in Scythians' culture]. *Novoye proshloye = The New Past*, 4, pp. 24–46.
- Shevchenko A. A., 2009. Novyye materialy k izucheniyu kurgannogo mogil'nika skifskogo vremeni Kolbino I na Srednem Donu [New materials for study of kurgan cemetery of Scythian time Kolbino I on Middle Don]. *Arkheologiya Srednego Dona v skifskuyu epokhu. Trudy Donskoy*

- arkheologicheskoy ekspeditsii IA RAN. [Archaeology of Middle Don in Scythian time. Proceedings of Don archaeological expedition of IA RAS (2004–2008)]*. V. I. Gulyayev, ed. Moscow: IA RAN, pp. 26–111.
- Shkurko A. I., 1982. Fantasticheskiye sushchestva v iskusstve Lesostepnoy Skifii [Fantastic beings in art of Forest-steppe Scythia]. *Arkheologicheskiye issledovaniya na yuge Vostochnoy Evropy [Archaeological investigations in South of Eastern Europe]*. D. L. Talis, ed. Moscow: GIM, pp. 3–8. (Trudy GIM, 54.)
- Skoryy S. A., Zimovets R. V., 2014. Skifskiy drevnosti Kryma. Materialy odnoy kollektsii [Scythian antiquities of Crimea. Materials from one collection]. Kiev: Oleg Filyuk. 180 p.
- Terenzhkin A. I., Il'inskaya V. A., Mozolevskiy B. N., 1977. Skifskiy kurgannyy mogil'nik Gaymanovo Pole (raskopki 1968 g.) [Scythian kurgan necropolis Gaymanovo Pole (excavations of 1968)]. *Skify i sarmaty [Scythians and Sarmatians]*. A. I. Terenzhkin, ed. Kiev: Naukova dumka, pp. 152–199.
- Tigritsa i grifon: Sakral'nyye simvol'y zhivotnogo mira [Tigress and griffin: Sacral symbols of animal world]. A. G. Yurchenko, trans. St.Petersburg: Azbuka-klassika: Peterburgskoye vostokovedeniye, 2002. 400 p.
- Yablonskiy L. T., 2013. Zoloto sarmatskikh vozhdey. Elitnyy nekropol' Filippovka 1 (po materialam raskopok 2004–2009 gg.): Katalog kollektsii [Gold of Scythian chieftains. Elite necropolis Filippovka 1 (based on materials from excavations of 2004–2009): Catalogue of collection], 1. Moscow: IA RAN. 232 p.
- Zapadova E., 1977. Volshebnaya arfa. Skazki narodov Birmy [Magic harp. Fairy-tales of Burma peoples]. Moscow: Khudozhestvennaya literatura. 351 p.
- Zasetskaya I. P., 2012. Izobrazheniya grifonov i «grifov» v sarmatskom zverinom stile [Images of griffins and «vultures» in Sarmatian animal style]. *Zoloto, kon' i chelovek [Gold, horse and man]*. Kiev: Skif, pp. 353–383.

About the author

Kuznetsova Tat'yana M., Institute of Archaeology Russian Academy of Sciences, ul. Dm. Ulyanova, 19, Moscow, 117036, Russian Federation; e-mail: mamulya-kuznecova@yandex.ru

А. Н. Свиридов, С. В. Язиков

ПОГРЕБАЛЬНЫЕ ОБРЯДЫ МОГИЛЬНИКА РИМСКОГО ВРЕМЕНИ ФРОНТОВОЕ 3 В ЮГО-ЗАПАДНОМ КРЫМУ

Резюме. Статья посвящена характеристике погребального обряда могильника Фронтное 3, расположенного в 1 км к СЗЗ от с. Фронтное Нахимовского р-на г. Севастополь и полностью исследованного отрядом Крымской новостроечной экспедиции ИА РАН в 2018 г. Вскрыто 13 948 кв. м; раскопано 328 погребений конца I – IV в. н. э. и 4 – эпохи бронзы, в т. ч. 305 подбойных могил, 12 грунтовых склепов, 7 грунтовых ям, 1 погребение в амфоре, 1 захоронение лошади и 2 – собаки. Среди особенностей могильника следует выделить значительное преобладание подбойных могил, ориентировку погребенных в юго-восточный сектор, присутствие особого типа кремационных погребений, а также соотношение погребальной камеры с входной ямой в грунтовых склепах.

Прослеженные на памятнике обряды имеют аналогии в ряде памятников Юго-Западного и Центрального Крыма, но сочетание типов обряда и их процентное соотношение во Фронтном своеобразно.

Ключевые слова: Крым, Фронтное 3, подбой, грунтовый склеп, погребение в грунтовой яме, ингумация, кремация, римское время.

Могильник Фронтное 3 – новый объект археологического наследия, обнаруженный в ходе работ в полевом сезоне 2018 г. вторым Севастопольским отрядом Крымской новостроечной экспедиции ИА РАН¹. Памятник расположен

¹ Авторы выражают благодарность за консультации Олегу Васильевичу Шарову, Игорю Олеговичу Гавритухину, Владимиру Юрьевичу Малашеву. Отдельные слова благодарности приносим сотрудникам отряда, всем, кто работал на могильнике в поле и обрабатывал материал в камеральных условиях, – Алейникову С., Сивожелезову И., Бадалову А., Белогуровой В., Сивожелезовой А., Юнкину Д., Степановой А., Гацаеву Т., Алейниковой А., Плынчевой Ю., Белоглазовой Е., Красильникову А., Головачеву А., Соколовой Е., Кравченко Д. и др.

в 1 км к СЗЗ от с. Фронтное Нахимовского района города Севастополь. Работы на могильнике носили охранно-спасательный характер и выполнялись авторами данной статьи в рамках проекта по сохранению памятников культурного наследия, попадающих в зону строительства автомобильной трассы «Таврида».

Памятник исследован полностью, площадь раскопа вместе с перекрывающим могильник в южной части поселением Нового времени составила 13 948 кв. м. Выявлено и полностью исследовано 332 погребения и 5 хозяйственных ям в юго-восточной части раскопа.

Основная часть погребений относится к римскому времени² и может быть датирована концом I – концом IV в. н. э. Погребения расположены системно. Наиболее ранние комплексы, конца I – первой половины II в., концентрируются на северо-западе памятника. С востока и юга их окружают погребения, датируемые вплоть до первой половины или середины III в. Погребения, датируемые не ранее второй половины III в., располагаются далее на юго-восток. Плотность расположения могил становится заметно более разреженной. Крайняя юго-восточная часть некрополя является самой поздней, здесь нет индикаторов ранее второй четверти IV в.

Одной из отличительных особенностей могильника Фронтное 3 является однообразие погребального обряда³. Подавляющее большинство конструкций представлено подбойными могилами: всего их 305. Второй по численности группой являются грунтовые склепы, их насчитывается 12. Немногочисленны грунтовые ямы: их всего 7. Помимо этого, исследовано одно погребение в амфоре и три ямы с погребениями животных: одной лошади и двух собак (рис. 1)⁴.

Подбойные могилы составляют 93 % всех выявленных погребальных комплексов. Входные ямы прямоугольные и узкие, длиной в большинстве случаев до 2,2–2,4 м, единично выявлены более крупные, длиной до 2,6 и шириной до 0,7 м. Ориентированы чаще всего по линии северо-запад – юго-восток. В центральной части могильника наиболее четко прослеживается система расположения ям в линии, вытянутые с северо-востока на юго-запад. Здесь не встречено ни одного случая перекрытия более ранних могил более поздними. В отдельных случаях при снятии грунта над входной ямой в восточной ее части фиксировались крупные камни, возможно части надгробий.

Преобладают подбой, вырытые в северо-восточной стенке входной ямы, подбоях случаев зафиксировано 226, что составляет 74 % общего числа подбойных могил (рис. 2: 1–3). В юго-западной стенке подбой сооружены в 19 случаях (6,2 %) (рис. 2: 4, 5). Подбой в обеих длинных стенках выявлены в 60 могилах (19,6 %) (рис. 2: 6, 7). Могилы с двумя подбоями распространены равномерно по всему могильнику. Подбой в юго-западной стенке характерны для ранней

² На памятнике исследовано 4 погребения эпохи бронзы, кратко о них будет сказано ниже.

³ В данной статье нами будут затронуты только особенности устройства погребальных конструкций и расположение погребенных, более подробное описание памятника, его зон и находок в них см.: *Гавритухин и др.*, в печати.

⁴ Два сильно разрушенных объекта – № 34, 204 – отнесены нами к погребениям условно.

Рис. 1. Могильник Фронтное 3. План

а – грунтовые могилы эпохи бронзы; *б* – грунтовые могилы римского времени; *в* – грунтовые склепы; *г* – подбойные могилы с каменным закладом; *д* – могилы с кремацией; *е* – подбойные могилы без каменного заклада; *ж* – подбойные могилы с подпирающими погребенного камнями

Рис. 2. Могильник Фронтное 3. Погребения в подбоях

1 – № 117; 2 – № 64; 3 – № 36; 4 – № 298; 5 – № 52; 6 – № 171; 7 – № 325; 8 – № 276

(северо-западной) части памятника либо для поздней (юго-восточной) части, в центральной части их нет.

Ширина подбойных могил колеблется от 0,43 до 0,7 м. Длина подбоя зачастую превышает длину входной ямы, доходя до 2,6 м. Дно камеры подбоя находится на уровне дна входной ямы или ниже его на 0,15–0,4 м, подобная особенность зафиксирована в 25 случаях (рис. 2: 8). Чаще в стенке, противоположной стене с подбоем, оставлялась ступенька шириной 0,2–0,3 м и высотой от 0,15 до 0,45 м. Подобные ступеньки зафиксированы в 70 случаях (рис. 3: 1, 3). Сооружение подбоев на разном уровне выявлено в единичных случаях (рис. 3: 2).

В большинстве случаев подбойные могилы имели заклад из камня, сооруженного различными способами. Примерно в равных пропорциях представлены бессистемные навалы камней (рис. 3: 3) и перекрытия с установленными вертикально камнями. Вертикальные камни располагались как на материковом грунте (рис. 2: 8), так и на одном или нескольких уложенных друг на друга рядах камней (рис. 2: 5; 3: 4). Чаще всего таких рядов зафиксировано два, но встречаются заклады, в которых насчитывается по 3–4 или даже до 5 рядов, расположенных под вертикально установленными камнями. В 60 погребениях удалось проследить ряды из камней, плотно уложенных друг на друга, перекрывающие камеру полностью (рис. 3: 1, 5). Территориально перекрытие из вертикально поставленных плит преобладает в ранней, северо-восточной части памятника, в остальных местах различные варианты устройства каменного заклада встречены примерно в равных пропорциях.

Помимо этого, в ранних могилах устройство перекрытия пространства для погребенного имеет большую вариативность, в отличие от центральной и юго-восточной частей некрополя. В 23 случаях каменный заклад отсутствовал вовсе, вероятно, были использованы деревянные перекрытия, но их следов зафиксировать не удалось (рис. 2: 7). В ранней части могильника в 17 случаях зафиксирован выложенный по дну входной ямы один неполный ряд камней; в некоторых случаях камни размещены в районе головы, таза и ног, как бы подпирая погребенного (рис. 3: 6).

Забутовка верхней части входной ямы камнем нехарактерна для погребальных комплексов могильника, подобные случаи единичны. Чаще в верхних слоях заполнения присутствует один или несколько крупных камней.

Примеров нарушения поздними могилами более ранних выявлено семь, все они локализуются в северо-западной, ранней части могильника. Чаще всего это выражается в частичном прорезании одной входной ямы подбоя другой. При этом у ранней могилы может быть поврежден лишь край подбоя либо кости скелета более ранних погребений смещаются в сторону. В одном случае скелет остался на месте, но был частично разрушен – у погребенного ноги срезаны по бедренным костям. В двух случаях новые могильные ямы полностью разрушили более ранние. Зафиксировано также повторное захоронение со смещением к стенке костей и инвентаря более раннего погребенного.

В подбойных могилах захоронения произведены в основном по обряду ингумации, кремация зафиксирована в 14 погребениях. При этом в восьми случаях для погребения по обряду кремации использовалась отдельная яма с подбоем (рис. 4: 1, 2), несколько могил были комбинированы. Для погребения по обряду

Рис. 3. Могильник Фронтное 3. Погребения в подбоях

1 – № 105; 2 – № 174; 3 – № 76; 4 – № 25; 5 – № 321; 6 – № 319

Рис. 4. Могильник Фронтвое 3.

Погребения в подбоях, грунтовых ямах, погребения животных

1 – № 72; 2 – № 30; 3 – № 281; 4 – № 297; 5 – № 317; 6 – № 140; 7 – № 44; 8 – № 310; 9 – № 18; 10 – № 222

кремации и обряду ингумации была сооружена отдельная погребальная камера. В трех случаях погребения по обряду сожжения были произведены в одном подбое с погребениями по обряду ингумации. В погребении 112 при разборе каменного заклада остатки кремации были зафиксированы на одном из камней. В двух погребениях сожженные на стороне кости были помещены поверх костяка человека. При этом в одном случае их поместили на груди, в другом – на берцовых костях (рис. 4: 3).

В 304 погребальных камерах (всего, учитывая могилы с двумя подбоями, их выявлено 365) удалось зафиксировать положение погребенного. Подавляющее большинство расположено вытянуто на спине, помимо этого, выявлены случаи, когда погребенные были положены со слегка согнутыми ногами, с завалом на правый (41 костяк) или левый (7 костяков) бок.

Руки погребенных расположены либо вытянуто вдоль тела, либо слегка согнуты и кисти расположены на тазовых костях. Кисть левой руки на тазе встречена у 74, а правой – у 31 погребенного. У 47 погребенных зафиксировано расположение обеих рук на костях таза.

В небольшом количестве случаев руки были согнуты в локтевом суставе под острым углом. У восьми погребенных левая рука согнута в локте, при этом кисть может располагаться на правой стороне таза, либо прижата к локтевой кости правой руки, либо перекрывать правую кисть. У трех погребенных правая рука согнута в локте и лежит на левой половине таза.

Ноги в большинстве вытянуты, у 67 погребенных сведены в голених, в 14 случаях при вытянутом положении ног сведены стопы. У 13 погребенных фиксируются согнутые ноги. У 16 погребенных отмечено скрещивание ног в районе берцовых костей. В четырех случаях левая нога расположена над правой, в 12 – наоборот. У троих костяков ступни перекрывают друг друга.

Большинство погребений одиночные, за исключением семи случаев. В северном подбое погребения 45 были помещены 4 костяка, при этом кости всех погребенных были смещены и уложены скоплениями. В погребении 94 между длинных костей ног расчищено погребение ребенка с сопроводительным инвентарем. В погребении 91 на дне подбоя одно захоронение было совершено над другим с небольшой грунтовой прослойкой. Интересное положение костяков зафиксировано в погребении 106: первый индивид расположен вытянуто на спине, головой на ЮВВ в сопровождении погребального инвентаря, а второй лежит параллельно первому вытянуто на животе, руки расположены под верхней частью туловища. В погребении 297 подбой изначально делался большим, под двойное захоронение, на его дне было совершено погребение двух мужчин вытянуто на спине головами на ЮВВ (рис. 4: 4). Особо следует отметить погребение 317, где один женский костяк был расположен на мужском несколько изогнуто, чтобы голова верхнего погребенного не перекрывала голову нижнего. Правая рука верхнего костяка немного отведена от тела, и уложена на правую руку нижнего погребенного, как бы приобнимая ее (рис. 4: 5).

Ориентировка погребенных в подбойных могилах выявлена у 333 костяков. Все, за исключением одного погребения, головой ориентированы в юго-восточный сектор. Преобладает направление юго-восток–восток (211 случаев),

нередким является юго-восточное направление (89), далее по убыванию следует восточное направление (27), юго-юго-восточное (7), южное (1), северо-северо-западное (1).

Древесные остатки в подбойных могилах зафиксированы в основном в виде органического тлена: всего наличие подобных элементов выявлено в 89 погребениях. В 63 случаях тлен сохранился за черепом погребенного, в 12 случаях только в ногах, в 14 – в ногах и за головой погребенного. Остатки гробов зафиксированы в четырех погребениях. Размеры гробовищ варьируются в пределах 35–40 × 165–195 см. В двух могилах частично сохранилась крышка гроба, перекрывающая костяк. В семи могилах выявлены остатки деревянных колод. Размер варьируется в пределах 45–55 см по ширине и 195–205 см по длине. Остатки деревянных конструкций встречены равномерно по всей площади могильника и характерны для всех хронологических периодов.

Простые грунтовые ямы представлены 7 погребениями и могут быть разделены на две группы. К первой относятся неглубокие, до 0,3–0,5 м, прямоугольной формы ямы с закругленными углами, размером 0,8–1,3 × 1,31–1,97 м, на дне которых погребенные уложены на левый или правый бок. Три из них расположены на северо-западной окраине некрополя, одна в восточной части и отдалена от основного массива погребений на 15–20 м. По положению погребенных и сопроводительному инвентарю эти ямы могут быть датированы эпохой бронзы (рис. 4: 8).

Вторая группа представлена тремя могилами; это продолговатые ямы с заплечиками в длинных стенках, ориентированные по линии ЮВВ – СЗЗ (рис. 4: 6, 7). Входные ямы – прямоугольной формы длиной до 2,4–2,6 м при ширине 0,55–0,65 м. На высоте около 0,4–0,7 м от дна могилы располагались заплечики шириной до 0,3 м. В двух случаях заплечики служили опорой для перекрытия погребений каменными плитами, в одном, вероятно, деревянными плахами, следы которых не сохранились. Погребение 6 оказалось грабленным, плиты перекрытия в нем были завалены, на дне обнаружены смещенные останки двух индивидов. В других погребениях костяки расположены вытянуто на спине с вытянутыми руками и ногами, головой ориентированы на ЮВВ. Территориально ямы с заплечиками расположены в южной части некрополя.

Грунтовые склепы. На могильнике изучено 12 подобных конструкций, что составляет 6,3 % всего числа погребений (рис. 5; 6).

Большинство сооружений располагается в южной части памятника и частично в центральной. Склепы расположены на участке могильника, где погребальные конструкции имеют более разреженное расположение, здесь не зафиксировано ни одного случая перекрытия грунтового склепа другими могилами.

Во всех склепах погребальная камера является продолжением длиной оси входной ямы, ориентированы они по линии СЗ – ЮВ, с расположением входной ямы с ЮВ стороны от погребальной камеры. У склепов 86 и 89 продольная ось смещена относительно других и тяготеет больше к направлению запад – восток. У всех сооружений, за исключением склепа 86, свод погребальной камеры рухнул, и на уровне зачистки фиксировалось темное гумусированное округлое пятно разных размеров, входная яма фиксировалась по пятну светло-желтого суглинка.

Рис. 5. Могильник Фронтное 3. Грунтовый склеп № 178

Погребальные камеры прямоугольные в плане, размер варьирует от $2,2 \times 2,3$ до $2,7 \times 3$ м. Глубина погребальной камеры от современной поверхности у большинства варьирует в пределах 4–4,5 м. Пол погребальной камеры во всех случаях ниже пола входной ямы на 0,5–0,95 м. Начало свода от уровня пола фиксируется на уровне от 1,5 до 1,95 м.

Входные ямы имеют длину от 2,1 до 5,2 м. Ширина их у входа в камеру на уровне зачистки фиксируется в пределах 0,5–1,1 м, ко дну практически у всех увеличивается до 1,35. В склепе 155, напротив, уменьшается на 10 см. В большинстве случаев входные ямы расширяются от входа в нее ко входу в камеру, за исключением склепов 16 и 41, здесь они имеют одинаковую ширину по всей длине – 1 м. В тех случаях, где входная яма в начале имеет более узкую часть, ширина ее составляет от 0,32 до 0,5 м по верху, с небольшим расширением ко дну, которая у входа в камеру варьирует в пределах 0,4–0,65 м. Количество ступенек от 5 до 8, обычно они имеют сильно развернутый угол, длина не превышает 0,3 м, высота варьирует от 0,3 до 0,5 м.

Во всех случаях входные ямы имели заклады из вертикально установленных уплощенных камней. Высота их составляет 0,8–0,9 м, ширина от 0,5 до 1 м. В 6 случаях камни были расположены наклонно, все эти склепы в той или иной степени оказались ограблены в древности. В северо-западной стороне входной ямы склепа 172 прослежено пятно от грабительского лаза, который разрушил первоначальные ее стенки, расширив здесь пространство до 1,2 м.

Дромос в 11 случаях имел длину в пределах 0,3–0,7 м, в самом большом по размерам склепе его длина составляет 1,1 м (рис. 5). Высота и ширина по дну колеблется в пределах от 0,5 до 1 м.

У некоторых склепов имелись особенности в конструкции. В склепе 16 в северо-западной стенке были зафиксированы три ниши, вырубленные в материковом грунте на одном уровне. Они имели сводчатый верх и уплощенное дно (рис. 6: 1). В юго-западной стенке входной ямы склепа 154 было расчищено погребение в подбое, перекрытое, вероятнее всего, деревянными плахами, следы которых сохранились во входной яме (рис. 6: 2). Ниша была вырублена в материковом грунте на высоте 1,35 м от пола и имела ширину 0,7 м. Подобная ниша, но без остатков погребенного, была обнаружена в северо-восточной стенке склепа 178 (рис. 5). Располагалась она на высоте 0,45 м от дна, ее ширина 0,8 м, длина 2,6 м, высота 1 м.

В склепах были обнаружены останки 34 индивидов, от 1 до 6 в каждом. За исключением упомянутого выше погребения во входной яме, все костяки располагались на полу погребальной камеры, на спине, с вытянутыми руками и ногами. В склепах, которые расположены ближе к центру могильника, среди более ранних могил, погребенные расположены вдоль длинной оси сооружений.

В остальных склепах, где удалось зафиксировать останки погребенных *in situ*, все покойники были уложены перпендикулярно оси входной ямы. В двух случаях в погребальной камере находилось по пять индивидов, единожды встречены случаи с двумя и тремя индивидами. Головами погребенные расположены в ЮЮЗ и ССВ направлениях. При этом в некоторых склепах погребенные уложены головами в разные стороны, у многих костяков в районе головы или ног сохранились остатки деревянных конструкций.

Погребения животных. Как уже отмечалось выше, всего подобных могил зафиксировано три. Погребение лошади совершено в прямоугольной яме размерами 2,1 × 0,7 м, на глубине 0,8 м. Костяк лошади расположен на левом боку с подогнутыми ногами. Погребение безынвентарное (рис. 4: 9). В двух случаях зафиксированы останки собак в неглубоких ямах размером 0,4 × 0,8 м (рис. 4: 10). Они находятся на небольшом расстоянии друг от друга в ранней части могильника.

Погребальные обряды Фронтowego 3 в сравнении с синхронными памятниками Крыма. Погребения в могильнике Фронтowego 3 имеют аналогии среди погребений некрополей как в Юго-Западном (Совхоз 10, Бельбек 4 и другие), так и Предгорном (Дружное, Нейзац и другие) Крыму.

Описания погребального обряда и находок опубликованы как в работах по отдельным памятникам (*Стрежелецкий и др.*, 2005; *Гущина, Журавлев*, 2016; *Богданова, Гущина*, 1964; 1967; *Храпунов*, 2002; 2011б; 2013; 2016а; *Богданова*, 1989; *Богданова и др.*, 1976; *Пуздровский, Труфанов*, 2016), так и в работах обобщающего характера (*Айбабин*, 1999. С. 13–54; *Айбабин, Хайрединова*, 2017; *Дашевская*, 1991; *Пуздровский*, 2007; *Храпунов*, 1990; 2016б).

Кратко остановимся на отличительных чертах могильника Фронтowego 3 на фоне других некрополей Юго-Западного и Центрального Крыма.

Одной из особенностей некрополя является незначительное разнообразие погребальных конструкций: где подбойные могилы преобладают, а в комплексах,

Рис. 6. Могильник Фронтвое 3. Грунтовые склепы

1 – № 16; 2 – № 154

датируемых концом I – серединой III в., это практически единственный тип погребального сооружения⁵. Подобная ситуация встречена только в одном могильнике – Скалистое 2, – который датируется не позднее III в. и полностью состоит из подбойных могил (Дашевская, 1991. С. 26). В других могильниках процент подбойных могил гораздо ниже; в частности, в Скалистом 3 подобных могил около 59 %, в Инкерманском – 52 %, в Нейзаце – 32 % (Дашевская, 1991. С. 26; Храпунов, 2016а. С. 12). В среднем процент подбойных могил конца I – середины III в. в Крыму оценивается исследователями по имевшейся у них выборке в пределах 32–59 % (Гущина, 1967. С. 40–43; Дашевская, 1991. С. 26).

Ориентировка погребенных в юго-восточный сектор редко встречается в синхронных некрополях. Исключение составляют погребения Совхоза 10, где в ЮВ сектор ориентировано около 85 % погребенных (*Стрежелецкий и др.*, 2005. С. 47–54). В основном же преобладают ориентировки на ЮЗ, Ю, СВ, В (Гущина, 1967. С. 45; 1970; Гущина, Журавлев, 2016).

Второй отличительной особенностью является наличие подбойных могил с кремацией, в которых сожженные кости вытянуты наподобие ингумации либо сложены кучкой, в т. ч. в комбинации с трупоположением. В большинстве могильников Центрального и Юго-Западного Крыма кремация неизвестна. Нет ее и в могильниках, наиболее схожих по многим признакам с Фронтовым 3, – Нейзаце, Дружном, Бельбеке 4. В Юго-Западном Крыму подобный обряд зафиксирован в нескольких некрополях: в Бельбеке 1 (4 случая кремации без могильной ямы и урны), в Чернореченском (33 случая кремации в урнах, которыми служили амфоры). Наибольший процент кремационных погребений представлен в могильнике Совхоз 10, но здесь они совершены в керамических урнах, которые располагались либо в специальных ямах, либо в каменных ящиках, датированных II–III вв. и концом III – первой четвертью IV в. (Дашевская, 1991. С. 27; *Стрежелецкий и др.*, 2005. С. 47–54).

Для могильников, синхронных с поздним периодом существования Фронтового 3, А. И. Айбабин приводит сведения об известных 80 захоронениях с трупосожжениями, относящихся к некрополям, возникшим в середине III в. (Айбабин, 1999. С. 24). Исследователь разделяет погребения с сожжениями на семь типов, при этом только один случай из Фронтового 3 подходит под указанную типологию. Это частично разрушенное погребение, в амфоре, которое может быть соотнесено с типом 4 по классификации А. И. Айбабина (урны с прахом стоят в засыпанных грунтом ямах). Остальные кремационные погребения, представленные двумя вариантами, не попадают под предложенную типологию: в двух случаях – расположением кремационных останков поверх костей погребенного; в 10 случаях – в отдельных подбойных могилах. В пяти кремациях Фронтового 3 есть инвентарь: керамические сосуды, бронзовые украшения, бусы. Некоторые погребения по находкам могут быть датированы концом II – началом III в. Ряд исследователей появление кремационных погребений в Крыму связывают с приходом германских племен во второй половине III в. (Там же. С. 26; Храпунов, 2002. С. 79). В связи с этим погребения с трупосожжением из комплексов рубежа II–III вв. из Фронтового 3 вызывают интерес.

⁵ За исключением разрушенного погребения в амфоре.

Отдельно нужно сказать о грунтовых склепах. Во Фронтovém 3 они датируются IV в., в других подобных могильниках – III–IV вв. У всех грунтовых склепов из Фронтového 3 погребальная камера прямоугольная, ориентирована длинной осью по оси входной ямы. Этот признак для синхронных конструкций в Крыму встречается реже, чем Т-образная форма грунтовых склепов, с длинной осью камеры перпендикулярно длинной оси входной ямы. Случаи расположения погребальной камеры так же, как в Фронтovém 3, известны в комплексах у с. Заречное, в Озерном III, Инкермане (Лобода, 1977; Масякин, 2010; Стржелецкий, 1947. С. 288–302). В Нейзаце из 87 изученных склепов всего два имеют подобную планировку (Мульд, 2016. С. 40), подобная ситуация выявлена и в Дружном, где из 24 склепов продольная планировка зафиксирована также в двух случаях (Храпунов, 2002. С. 35. Рис. 62; с. 37. Рис. 62). Планиграфически с Фронтovým 3 наиболее схож могильник Дружное, в обоих могильниках присутствует четкая рядная планировка погребений и отсутствуют прорезающие друг друга комплексы (Там же. Рис. 1).

Важной особенностью грунтовых склепов Фронтového 3 является расположение погребенных внутри погребальной камеры. За исключением двух непотребованных погребений в склепах 16 и 41, во всех остальных склепах костяки лежали перпендикулярно оси входной ямы. В склепах 86, 136, 154, 155 это положение зафиксировано *in situ* у 15 индивидов. Помимо этого, по расположению инвентаря можно предположить, что подобное положение погребенных, вероятно, было таким же в склепах 172 и 178, ограбленных в древности.

Случаи расположения погребенных перпендикулярно длинной оси входной ямы в синхронных комплексах Крыма единичны. В Дружном подобная ситуация встречена единожды в склепе 3, все остальные погребенные расположены головами или ногами ко входу (Там же. С. 15. Рис. 4). Подобное расположение зафиксировано в могильниках Опушки, Озерное III, Нейзац (Лобода, 1977; Храпунов, 2011а. С. 21; 2018. С. 139, 143, 144; Мульд, 2016. Рис. 1: 1; 2: 1; 3: 4; 4: 3).

Подводя предварительные итоги анализа погребального обряда некрополя Фронтového 3, следует отметить, что подобное сочетание типов обряда и их процентное соотношение своеобразно на фоне синхронных некрополей Юго-Западного Крыма римского времени. Дальнейшее изучение материалов могильника, несомненно, даст новые возможности для исследования и реконструкции социокультурных процессов в регионе в римское время.

ЛИТЕРАТУРА

- Айбабин А. И., 1999. Этническая история ранневизантийского Крыма. Симферополь: Дар. 352 с.
 Айбабин А. И., Хайрединова Э. А., 2017. Крымские готы страны Дори (середина III – VII в.). Симферополь: Антиква. 366 с.
 Богданова Н. А., Гущина И. И., 1967. Новые могильники II–III вв. н. э. у с. Скалистое в Крыму // КСИА. Вып. 112. С. 132–139.
 Богданова Н. А., 1989. Могильник первых веков н. э. у с. Заветное // Археологические исследования на юге Восточной Европы. М.: ГИМ. С. 17–70. (Труды ГИМ; вып. 70.)
 Богданова Н. А., Гущина И. И., 1964. Раскопки могильников первых веков нашей эры в Юго-Западном Крыму в 1960–1961 гг. // СА. № 1. С. 324–330.

- Богданова Н. А., Гуцина И. И., Лобода И. И., 1976. Могильник Скалистое III в Юго-Западном Крыму (I–III вв.) // СА. № 4. С. 121–152.
- Гавриутхин И. О., Свиридов А. Н., Язиков С. В., 2019. Могильник римского времени Фронтное 3 в Юго-Западном Крыму (предварительное сообщение). (В печати.)
- Гуцина И. И., 1967. О сарматах в Юго-Западном Крыму (По материалам некоторых могильников I–IV вв.) // СА. № 1. С. 40–51.
- Гуцина И. И., 1970. Раскопки могильника Бельбек 3 в Крыму // КСИА. Вып. 124. С. 39–49.
- Гуцина И. И., Журавлев Д. В., 2016. Некрополь римского времени Бельбек IV в Юго-Западном Крыму: в 2 ч. Ч. 1. М.: ГИМ. 272 с. (Труды ГИМ; вып. 205.)
- Дашевская О. Д., 1991. Поздние скифы в Крыму. М.: Наука. 141 с. (САИ; вып. Д1-7.)
- Лобода И. И., 1977. Раскопки могильника Озерное 3 в 1963–1965 гг. // СА. № 4. С. 236–252.
- Масякин В. В., 2010. Склеп позднеимперского времени у с. Заречное в Центральном Крыму // Археологический альманах. № 22: Древняя и средневековая Таврика / Отв. ред.: Ю. П. Зайцев, А. Е. Пуздровский. Донецк: Донбасс. С. 279–284.
- Мульд С. А., 2016. Погребальные сооружения могильника Нейзац // Крым в сарматскую эпоху (II в. до н. э. – IV в. н. э.). Т. 2: 20 лет исследований могильника Нейзац: сб. науч. ст. / Отв. ред. И. Н. Храпунов. Симферополь: Наследие тысячелетий. С. 37–75.
- Пуздровский А. Е., 2007. Крымская Скифия II в. до н. э. – III в. н. э. Погребальные памятники. Симферополь: Бизнес-Информ. 480 с.
- Пуздровский А. Е., Труфанов А. А., 2016. Полевые исследования Усть-Альминского некрополя в 2008–2014 гг. Симферополь: ИП Бровко А. А. 308 с.
- Стржецкий С. Ф., 1947. Раскопки в Инкермане в 1940 г. // СА. № 9. С. 283–302.
- Стржецкий С. Ф., Высотская Т. Н., Рыжова Л. А., Жесткова Г. И., 2005. Население округи Херсонеса в первой половине I тысячелетия новой эры (по материалам некрополя «Совхоз 10») // SP. № 4/2003–2004. С. 27–277.
- Храпунов И. Н., 1990. О населении Крыма в позднеимперское время (по материалам могильника Дружное) // СА. № 2. С. 144–156.
- Храпунов И. Н., 2002. Могильник Дружное (III–IV вв. нашей эры). Lublin: Wydawnictwo Uniwersytetu M. Curie-Skłodowskiej. 313 с.
- Храпунов И. Н., 2011а. Некоторые итоги исследований могильника Нейзац // Исследования могильника Нейзац: сб. науч. ст. / Под ред. И. Н. Храпунова. Симферополь: Доля. С. 13–113.
- Храпунов И. Н., 2011б. Склеп с погребениями III–IV вв. н. э. из могильника Нейзац. Симферополь: Доля. 72 с.
- Храпунов И. Н., 2013. Особенности могильника Нейзац // Крым в сарматскую эпоху (II в. до н. э. – IV в. н. э.): сб. науч. ст. Т. 1 / Отв. ред. И. Н. Храпунов. Симферополь; Бахчисарай: Доля. С. 188–207.
- Храпунов И. Н., 2016а. Исследования могильника Нейзац в 2011–2015 гг. // Крым в сарматскую эпоху (II в. до н. э. – IV в. н. э.). Т. 2: 20 лет исследований могильника Нейзац: сб. науч. ст. / Отв. ред. И. Н. Храпунов. Симферополь: Наследие тысячелетий. С. 11–36.
- Храпунов И. Н., 2016б. Население горного Крыма в позднеантичное время // ВДИ. Т. 76. № 1. С. 118–134.
- Храпунов И. Н., 2018. Склеп с вещами в догуннском полихромном стиле из могильника Опушки // Крым в сарматскую эпоху (II в. до н. э. – IV в. н. э.): сб. науч. ст. Т. 3 / Отв. ред. И. Н. Храпунов. Симферополь: ИП Бровко А. А. С. 137–169.

Сведения об авторах

Свиридов Алексей Николаевич, Институт археологии РАН, ул. Дм. Ульянова, 19, Москва, 117036, Россия; e-mail: a_sviridov@mail.ru;

Язиков Сергей Владимирович, Институт археологии РАН, ул. Дм. Ульянова, 19, Москва, 117036, Россия; e-mail: sergei.yazikov2012@yandex.ru

A. N. Sviridov, S. V. Yazikov

BURIAL RITES AT THE FRONTOVOYE-3 CEMETERY IN THE SOUTHWEST CRIMEA

Abstract. This paper reports on characteristics of funerary rites at Frontovoye 3, which is a cemetery located one kilometer north-northwest of the village of Frontovoye in the Nakhimovsky district of Sevastopol which was fully examined by a team of the Crimea salvage expedition of the Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences, in 2018. The area of 13,948 sq. m was excavated; 328 graves dating to the end of the 1st–4th centuries and four graves of the Bronze Age, including 305 niche graves, 12 ground vaulted graves, 7 pit graves, 1 jar burial in an amphora, 1 horse grave and 2 dog graves were investigated. The cemetery is characterized by predominance of niche graves, orientation of the deceased to the southeast, presence of a special type of cremated burials and correlation between the burial chamber and the entrance pit in ground vaulted graves. The rites identified at the site have analogies in a number of sites located in the Southwest and Central Crimea; however, the combination of the types of burial rite and their percentage ratio at Frontovoye is quite distinctive.

Keywords: Crimea, Frontovoye 3, niche grave, ground vaulted grave, pit grave, inhumation, cremation, Roman period.

REFERENCES

- Aybabin A. I., 1999. Etnicheskaya istoriya raneyevizantiyskogo Kryma [Ethnic history of early Byzantine Crimea]. Simferopol': Dar. 352 p.
- Aybabin A. I., Khayredinova E. A., 2017. Krymskiye goty strany Dori (seredina III–VII vv.) [The Crimean Goths of Dori country (mid III – VII c.)]. Simferopol': Antikva. 366 p.
- Bogdanova N. A., Gushchina I. I., 1967. Novyye mogil'niki II–III vv. n. e. u s. Skalistoye v Krymu [New cemeteries of II–III cc. AD near village Skalistoye in Crimea]. *KSIA*, 112, pp. 132–139.
- Bogdanova N. A., 1989. Mogil'nik pervykh vekov n. e. u s. Zavetnoye [Cemetery of first centuries AD near village Zavetnoye]. *Arkheologicheskiye issledovaniya na yuge Vostochnoy Evropy [Archaeological investigations in South of Eastern Europe]*. Moscow: GIM, pp. 17–70. (Trudy GIM, 70.)
- Bogdanova N. A., Gushchina I. I., 1964. Raskopki mogil'nikov pervykh vekov nashey ery v yugo-zapadnom Krymu v 1960–1961 gg. [Excavations of cemeteries of first centuries AD in South-eastern Crimea in 1960–1961]. *SA*, 1, pp. 324–330.
- Bogdanova N. A., Gushchina I. I., Loboda I. I., 1976. Mogil'nik Skalistoye III v Yugo-Zapadnom Krymu (I–III vv.) [Cemetery Skalistoye III in South-eastern Crimea (I–III cc.)]. *SA*, 4, pp. 121–152.
- Dashevskaya O. D., 1991. Pozdniye skify v Krymu [Late Scythian in Crimea]. Moscow: Nauka. 141 p. (SAI.)
- Gavritukhin I. O., Sviridov A. N., Yazikov S. V., 2019. Mogil'nik rimskogo vremeni Frontovoye 3 v Yugo-Zapadnom Krymu (predvaritel'noye soobshcheniye) [Roman time cemetery Frontovoye 3 in South-eastern Crimea (preliminary information)]. (In print.)
- Gushchina I. I., 1967. O sarmatakh v Yugo-Zapadnom Krymu (Po materialam nekotorykh mogil'nikov I–IV vv.) [On Sarmatians in South-eastern Crimea (based on materials of some cemeteries of I–IV cc.)]. *SA*, 1, pp. 40–51.
- Gushchina I. I., 1970. Raskopki mogil'nika Belbek 3 v Krymu [Excavations of cemetery Belbek 3 in Crimea]. *KSIA*, 124, pp. 39–49.
- Gushchina I. I., Zhuravlev D. V., 2016. Nekropol' rimskogo vremeni Belbek IV v Yugo-Zapadnom Krymu [Roman time necropolis Belbek IV in South-western Crimea], 1. Moscow: GIM. 272 p. (Trudy GIM, 205.)

- Khrapunov I. N., 1990. O naselenii Kryma v pozdnerimskoye vremya (po materialam mogil'nika Druzhnoye) [On population of Crimea in late Roman time (based on materials of cemetery Druzhnoye)]. *SA*, 2, pp. 144–156.
- Khrapunov I. N., 2002. Mogil'nik Druzhnoye (III–IV vv. nashey ery) [Cemetery Druzhnoye (III–IV cc. AD)]. Lublin: Wydawnictwo Uniwersytetu M. Curie-Skłodowskiej. 313 p.
- Khrapunov I. N., 2011. Nekotoryye itogi issledovaniy mogil'nika Neyzats [Some results of investigations of cemetery Neyzats]. *Issledovaniya mogil'nika Neyzats [Investigations of cemetery Neyzats]*. I. N. Khrapunov, ed. Simferopol': Dolya, pp. 13–113.
- Khrapunov I. N., 2011. Sklep s pogrebeniyami III–IV vv. n. e. iz mogil'nika Neyzats [Vault with burials of III–IV cc. AD from cemetery Neyzats]. Simferopol': Dolya. 72 p.
- Khrapunov I. N., 2013. Osobennosti mogil'nika Neyzats [Specifics of cemetery Neyzats]. *Krym v sarmatskuyu epokhu (II v. do n. e. – IV v. n. e.) [Crimea in Sarmatian epoch (II c. BC – IV c. AD)]*, 1. I. N. Khrapunov, ed. Simferopol'; Bakhchisaray: Dolya, pp. 188–207.
- Khrapunov I. N., 2016. Issledovaniya mogil'nika Neyzats v 2011–2015 gg. [Investigations of cemetery Neyzats in 2011–2015]. *Krym v sarmatskuyu epokhu (II v. do n. e. – IV v. n. e.) [Crimea in Sarmatian epoch (II c. BC – IV c. AD)]*, 2. 20 let issledovaniy mogil'nika Neyzats [20 years of investigations of cemetery Neyzats]. I. N. Khrapunov, ed. Simferopol': Naslediye tysyacheletiy, pp. 11–36.
- Khrapunov I. N., 2016. Naseleniye gornogo Kryma v pozdneantichnoye vremya [Population of mountainous Crimea in late Classical antiquity]. *VDI*, vol. 76, no. 1, pp. 118–134.
- Khrapunov I. N., 2018. Sklep s veshchami v dogunnskom polikhromnom stile iz mogil'nika Opushki [Burial vault with items in pre-Hun polychrome style from cemetery Opushki]. *Krym v sarmatskuyu epokhu (II v. do n. e. – IV v. n. e.) [Crimea in Sarmatian epoch (II c. BC – IV c. AD)]*, 3. I. N. Khrapunov, ed. Simferopol': IP Brovko A. A., pp. 137–169.
- Loboda I. I., 1977. Raskopki mogil'nika Ozeroye 3 v 1963–1965 gg. [Excavations of cemetery Ozeroye 3 in 1963–1965]. *SA*, 4, pp. 236–252.
- Masyakin V. V., 2010. Sklep pozdnerimskogo vremeni u s. Zarechnoye v Tsentral'nom Krymu [Burial vault of late Roman time near village Zarechnoye in Central Crimea]. *Arkheologicheskii al'manakh [Archaeological miscellany]*, 22. Yu. P. Zaytsev, A. E. Puzdrovskiy, eds. Donetsk: Donbass, pp. 279–284.
- Mul'd S. A., 2016. Pogrebal'nyye sooruzheniya mogil'nika Neyzats [Burial constructions of cemetery Neyzats]. *Krym v sarmatskuyu epokhu (II v. do n. e. – IV v. n. e.) [Crimea in Sarmatian epoch (II c. BC – IV c. AD)]*, 2. 20 let issledovaniy mogil'nika Neyzats [20 years of investigations of cemetery Neyzats]. I. N. Khrapunov, ed. Simferopol': Naslediye tysyacheletiy, pp. 37–75.
- Puzdrovskiy A. E., 2007. Krymskaya Skifiya II v. do n. e. – III v. n. e. Pogrebal'nyye pamyatniki [Crimean Scythia of II c. BC – III c. AD. Burial sites]. Simferopol': Biznes-Inform. 480 p.
- Puzdrovskiy A. E., Trufanov A. A., 2016. Polevyye issledovaniya Ust'-Al'minskogo nekropolya v 2008–2014 gg. [Field investigations of Ust'-Al'ma necropolis in 2008–2014]. Simferopol': IP Brovko A. A. 308 p.
- Strzheletskiy S. F., 1947. Raskopki v Inkermane v 1940 g. [Excavations in Inkerman in 1940]. *SA*, 9, pp. 283–302.
- Strzheletskiy S. F., Vysotskaya T. N., Ryzhova L. A., Zhestkova G. I., 2005. Naseleniye okrugov Khersonesa v pervoy polovine I tysyacheletiya novoy ery (po materialam nekropolya «Sovkhoz 10») [Population of Chersonese vicinity in first half of I millennium AD (based on materials of necropolis «Sovkhoz 10»)]. *SP*, 4/2003–2004, pp. 27–277.

About the authors

Sviridov Aleksey N., Institute of Archaeology Russian Academy of Sciences, ul. Dm. Ulyanova, 19, Moscow, 117036, Russian Federation; e-mail: a_sviridov@mail.ru;

Yazikov Sergey V., Institute of Archaeology Russian Academy of Sciences, ul. Dm. Ulyanova, 19, Moscow, 117036, Russian Federation; e-mail: sergei.yazikov2012@yandex.ru

В. Д. Березуцкий

МЕДНЫЙ КОТЕЛ ИЗ ДОНСКОГО ЛЕСОСТЕПНОГО ЛЕВОБОЕРЕЖЬЯ

Резюме. В донском левобережье у с. Березовка Воробьевского района Воронежской области обнаружена случайная находка – кованый медный котел. Статья вводит в научный оборот эту редкую находку. Задачи статьи – поиск аналогий изделию, определение его типа, культурной принадлежности, хронологической позиции. Применяемый метод исследования включает определение типа предмета по аналогиям, сравнительный анализ, синтез. В результате установлено, что литой медный котел, найденный у с. Березовка, принадлежит к группе котлов типа «debel», выделенного Б. А. Раевым. Среди известных в настоящее время экземпляров этот котел отличается рядом особенностей и ближе всего к оригиналам из Помпей. Наиболее вероятной датой распространения данных котлов является втор. пол. I – II в. н. э. Однако вероятно, что время их бытования шире и охватывает также вторую половину II – III в. н. э. Подобные изделия встречаются в погребениях сарматской знати. Автор делает выводы о том, что котел из Березовки – уникальное по ряду признаков изделие, аналогии которым известны в Помпеях; использовался в среде сарматов; вероятно, датируется втор. пол. I – II в. н. э., а возможно, по III в. включительно.

Ключевые слова: случайная находка, кованый медный котел, сарматы, группа котлов «debel».

Летом 2017 г. при проведении археологических раскопок курганов у с. Березовка Воробьевского района Воронежской области (донское лесостепное левобережье) в краеведческом музее районного центра (с. Воробьевка) мы обратили внимание на медный котел в экспозиции музея. По сообщению сотрудников музея, котел был случайно найден несколько лет назад одним из жителей с. Березовка неподалеку от известного в крае родника, находящегося на правом берегу р. Толучеевка (левый приток Дона). Место находки нами было осмотрено. Каких-либо визуальных признаков погребального или поселенческого памятника на месте находки не обнаружено. Единственная привязка котла возможна лишь к роднику, судя по всему имеющему давнюю историю.

Металлические котлы хотя и редки для сарматских памятников лесостепного Дона, но известны: два кованых медных котла из Аверинского кургана в правобережье Среднего Дона (Медведев, 1999. Рис. 56: 6, 7); литой бронзовый котел из кургана № 16 у с. Третьяки в Похоперье (Ефимов, 1998. Рис. 4: 9); литой бронзовый котел из окрестностей с. Средний Икорец в донском левобережье (случайная находка) (Березуцкий, Золотарев, 2016); два литых бронзовых котла из кургана № 5 и один котел из кургана № 9 Новочигольского могильника в Побитюжье (Березуцкий, 2017).

Котел группы¹ «debelt» (дебельт) (по Б. А. Раеву – «тип») встречен в лесостепном Подонье впервые. Сосуд отлично сохранился (на внешней поверхности видны лишь небольшие вмятины), имеет отличия от известных вариантов группы и требует введения в научный оборот.

Медный котел изготовлен из одного медного листа в технике выколотки. Имеет округлое дно, стенки, сужающиеся к устью сосуда, отогнутый наружу прямой венчик, верх которого загнут внутрь сосуда. Под венчиком – две параллельные выпуклые наружу горизонтальные линии (рис. 1: 2). Петля для крепления дужки сделана из медного прута прямоугольного сечения. Окончания прута раскованы, в них пробиты по два отверстия с каждой стороны, в которые вставлены и раскованы медные заклепки (рис. 1: 1).

Дужка котла, в отличие от большинства известных дужек котлов группы, не железная, а медная, плоская. Она имеет прямоугольное сечение, окончания продеты в петли и закруглены. На внешних плоских поверхностях нанесен орнамент в виде отчеканенных косых крестов (рис. 1: 2). Диаметр верха котла составляет 31,5 см, дна – 37,5 см; высота сосуда – 24,5 см (рис. 1: 2; 2).

Исходной формой для котлов группы «debelt» послужили, вероятно, южно-италийские сосуды (Raev, 1986. P. 23–25. Pl. 19). По типологии С. В. Демиденко, котел из Березовки близок к типу II, варианту 2. Для котлов этого типа характерны признаки, имеющиеся и на сосуде из Березовки: округлое дно, сужающиеся к устью стенки и отогнутый наружу венчик, ручка в виде ободка с дужкой (Демиденко, 2008. С. 45). Наиболее близкие к березовскому сосуду экземпляры происходят их кургана № 3 могильника Бердии (Мордвинцева, Сергацков, 1995. Рис. 5: 3) и кургана № 11 Авиловского могильника (Демиденко, 2008. Рис. 125: № 123) (погребения имеют дату: втор. пол. I – II в. н. э.). Одни сосуды этой группы, возможно, являлись предметами итальянского производства, судя по качеству их изготовления, как, например, котел из Бердии (Мордвинцева, Сергацков, 1995. С. 121). Другие были подражаниями и изготавливались в мастерских Северного Причерноморья, возможно – Фракии (Raev, 1986. P. 23–26).

Качественно сделанный котел из Березовки явно претендует на то, чтобы считаться итальянским импортом². В материалах Помпей имеются такие же

¹ Употребляя в данном случае термин «группа», а не «тип», мы следуем за С. В. Демиденко, который выделенные Б. А. Раевым типы котлов «debelt» и «Ровное» назвал группами. К группе «debelt» С. В. Демиденко отнес котлы II и III типов (Демиденко, 2008. С. 46, 47).

² Автор благодарит Б. А. Раева за сделанные им ценные рекомендации и замечания при анализе котла из Березовки.

Рис. 1. Медный котел из Березовки

1 – петля для крепления дужки котла; *2* – прорисовка котла

Рис. 2. Котел из Березовки. Фото

петлевидные атташи для крепления медных (бронзовых) дужек ручки. Но орнаментированные ручки встречены на котлах группы впервые. По мнению Б. А. Раева, не исключено, что в иерархии котлов «debelt» котел из Березовки будет одним из самых ранних италийских. Не исключено также, что их и в Италию откуда-то завозили.

По типологии С. Тассинари, котел из Березовки относится к типу U 2300: «Котлы с ручками с загнутыми концами, заканчивающимися утолщениями. Ручки вставлены в кольцевую часть атташа, прикрепленного к внешней стороне венчика. Есть два типа атташей: из стержня, расплющенного на концах и согнутого с образованием центрального кольца; и кольцо, прикрепленное к прямоугольной пластине. Иногда металлический ободок окружает основание отогнутого венчика» (*Tassinari*, 1993. Р. 100). К котлу из Березовки ближе всего варианты U 2330 (венчик отогнутый с вертикальным краем) и U 2342 (венчик сложнопрофилированный, атташи пластинчатые) (*Ibid.* Р. 101). Котел варианта U 2330 всего один, варианта U 2342 – два экз.

Говоря о датировке котлов рассматриваемого типа, следует отметить, что эти находки в погребениях чаще всего датируются втор. пол. I – II в. н. э. Однако время их бытования шире – втор. пол. II – III в. н. э. (*Raev*, 1986. Р. 23–25. Pl. 19: 10–13). Безусловно, подобные изделия, несмотря на изменяющуюся моду и другие факторы, относились к предметам длительного пользования из-за особого к ним отношения. Среди исследователей утвердилось мнение о престижности

бронзовых котлов, являвшихся принадлежностью социально значимых лиц кочевого общества, символами единения коллектива, воинских подразделений (Плетнева, 1982. С. 22, 23; Скрипкин, 2015. С. 80). Причем это относится к социально значимым лицам как мужского пола (Кривошеев, Лукпанова, 2015. С. 105), так и женского (Ефимов, 1998; Березуцкий, 2017). Наличие этой категории находок позволяет проводить социальное ранжирование погребений, в которых были найдены котлы (Глухов, 2005. С. 96–99).

Интересно, что всего в 2 км от места находки котла расположен сарматский курганный могильник, начало исследования которого положено в 2017 г. и продолжается в настоящее время (Медведев, Березуцкий, 2018). Не исключено, что медный котел и погребения могильника связаны между собой.

ЛИТЕРАТУРА

- Березуцкий В. Д., 2017. Бронзовые котлы из сарматского погребения Новочигольского курганного могильника // Вестник ВГУ. Серия: История. Политология. Социология. № 2. С. 21–25.
- Березуцкий В. Д., Золотарев П. М., 2016. Сарматский котел из донского левобережья // КСИА. Вып. 246. С. 298–305.
- Глухов А. А., 2005. Сарматы междуречья Дона и Волги в I – первой половине II в. н. э. Волгоград: Волгоградское науч. изд-во. 240 с.
- Демиденко С. В., 2008. Бронзовые котлы древних племен Нижнего Поволжья и Южного Приуралья (V в. до н. э. – III в. н. э.). М.: ЛКИ. 328 с.
- Ефимов К. Ю., 1998. Сарматские курганы в могильнике у с. Третьяки // Археологические памятники Верхнего Подонья первой половины I тысячелетия н. э. / Отв. ред. А. П. Медведев. Воронеж: ВГУ. С. 4–35. (Археология восточноевропейской лесостепи; вып. 12.)
- Кривошеев М. В., Лукпанова Я. А., 2015. Позднесарматское элитное воинское погребение из Южного Приуралья // Вестник ВолГУ. Серия 4: История. Регионоведение. Международные отношения. № 5 (35). С. 98–111.
- Медведев А. П., 1999. Ранний железный век лесостепного Подонья. Археология и этнокультурная история I тыс. до н. э. М.: Наука. 160 с.
- Медведев А. П., Березуцкий В. Д., 2018. О новой группе погребений постсарматского времени на Среднем Дону // Вестник ВолГУ. Серия 4: История. Регионоведение. Международные отношения. Т. 23. № 3. С. 138–152.
- Мордвинцева В. И., Сергацков И. В., 1995. Богатое сарматское погребение у станции Бердия // РА. № 4. С. 114–124.
- Плетнева С. А., 1982. Кочевники средневековья. Поиск исторических закономерностей. М.: Наука. 192 с.
- Скрипкин А. С., 2015. О политической организации сарматов на рубеже эр // SP. No. 4. С. 73–84.
- Raev B. A., 1986. Roman Imports in the lower Don Basin. Oxford: British Archaeological Report. 219 p. (BAR International Series; 278.)
- Tassinari S. 1993. Il vasellame bronzeo di Pompei. Roma: L'Erma di Bretschneider. 274 p.

Сведения об авторе

Березуцкий Валерий Дмитриевич, Воронежский государственный педагогический университет, ул. Ленина, 86, Воронеж, 394043, Россия; e-mail: berezytski1@rambler.ru

A COPPER CAULDRON FROM THE DON FOREST-STEPPE LEFT BANK

Abstract. A hammered copper cauldron was discovered as a chance find near the village of Bereзовка in the Vorobyevsky district, Voronezh Region. The aim of this paper is to introduce this rare find into scientific discourse. The task of this paper is to search for analogies of the cauldron, determine its type, cultural attribution and chronological positions. The methods employed by the study included determination of the type of the item on the basis of analogies; comparative analysis; and synthesis. As the results of the study demonstrate, this hammered copper cauldron discovered near Bereзовка is referred to the «debelt» type of cauldrons singled out by B. A. Rayev. Compared to the known cauldrons of this type, this cauldron has a number of specific traits and shows more similarities with cauldrons from Pompeii. The second half of the 1st–2nd centuries is the most likely period when such cauldrons were used. However, the timeline when these cauldrons were in use is probably longer and includes the second half of the 2nd–3rd centuries AD as well. This type of cauldrons has been found in the tombs of the Sarmatian elite. The Bereзовка cauldron is a unique item in terms of some of its traits, it finds analogies in Pompeii. This cauldron was owned by the Sarmatians during the second half the 1st–2nd centuries and, possibly, up to and including the 3rd century.

Keywords: chance find, hammered copper cauldron, Sarmatians, «debelt» type of cauldrons.

REFERENCES

- Berezutskiy V. D., 2017. Bronzovyye kotly iz sarmatskogo pogrebeniya Novochigol'skogo kurgannogo mogil'nika [Bronze cauldrons from Sarmatian burial of Novochigol'skiy kurgan cemetery]. *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya. Politologiya. Sotsiologiya* [Bulletin of Voronezh state university. Ser.: History. Political science. Sociology], 2, pp. 21–25.
- Berezutskiy V. D., Zolotarev P. M., 2016. Sarmatskiy kotel iz donsogo levoberezh'ya [Sarmatian cauldron from the Don left bank region]. *KSIA*, 246, pp. 298–305.
- Demidenko S. V., 2008. Bronzovyye kotly drevnikh plemen Nizhnego Povolzh'ya i Yuzhnogo Priural'ya (V v. do n. e. – III v. n. e.) [Bronze cauldrons of ancient tribes of Lower Volga and South Urals regions (V c. BC – III c. AD)]. Moscow: LKI. 328 p.
- Efimov K. Yu., 1998. Sarmatskiye kurgany v mogil'nike u s. Tret'yaki [Sarmatian kurgans in cemetery near village Tret'yaki]. *Arkheologicheskiye pamyatniki Verkhnego Podon'ya pervoy poloviny I tysyacheletiya n. e.* [Archaeological sites of Upper Don region of the first half of I millennium AD]. A. P. Medvedev, ed. Voronezh: VGU, pp. 4–35. (Arkheologiya vostochnoyevropeyskoy lesostepi, 12.)
- Glukhov A. A., 2005. Sarmaty mezhdurech'ya Dona i Volgi v I – pervoy polovine II v. n. e. [Sarmatians in Don and Volga interfluvium in I – first half of II c. AD]. Volgograd: Volgogradskoye nauchnoye izdatel'stvo. 240 p.
- Krivosheyev M. V., Lukpanova Ya. A., 2015. Pozdnesarmatskoye elitnoye voinskoye pogrebeniye iz Yuzhnogo Priural'ya [Late Sarmatian elite warrior's burial from South Urals]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4: Istoriya. Regionovedeniye. Mezhdunarodnyye otnosheniya* [Bulletin of Volgograd State university. Ser. 4: History. Regional studies. International relations], 5 (35), pp. 98–111.
- Medvedev A. P., 1999. Ranniy zheleznyy vek lesostepnogo Podon'ya. Arkheologiya i etnokul'turnaya istoriya I tys. do n. e. [Early Iron Age of the Don forest-steppe region. Archaeology and ethnocultural history of I mill. BC]. Moscow: Nauka. 160 p.

- Medvedev A. P., Berezutskiy V. D., 2018. O novoy gruppe pogrebeniy postsarmatskogo vremeni na Srednem Donu [On new group of burials of post-Sarmatian time on Middle Don]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4: Istoriya. Regionovedeniye. Mezhdunarodnyye otnosheniya* [Bulletin of Volgograd State university. Ser. 4: History. Regional studies. International relations], vol. 23, no. 3, pp. 138–152.
- Mordvintseva V. I., Sergatskov I. V., 1995. Bogatoye sarmatskoye pogrebeniye u stantsii Berdiya [Rich Sarmatian burial near station Berdiya]. *RA*, 4, pp. 114–124.
- Pletneva S. A., 1982. Kochevniki srednevekov'ya. Poisk istoricheskikh zakonomernostey [Nomads of the Middle Ages. In search of historical regularities]. Moscow: Nauka. 192 p.
- Raev B. A., 1986. Roman imports in the Lower Don Basin. Oxford: British Archaeological Report. 219 p. (BAR International Series, 278.)
- Skripkin A. S., 2015. O politicheskoy organizatsii sarmatov na rubezhe er [On political organizations of Sarmatians on the turn of eras]. *SP*, 4, pp. 73–84.
- Tassinari S., 1993. Il vasellame bronzeo di Pompei. Roma: L'Erma di Bretschneider. 274 p.

About the author

Berezutskiy Valeriy D., Voronezh State Pedagogical University, ul. Lenina, 86, Voronezh, 394043, Russian Federation; e-mail: berezytski1@rambler.ru

В. Н. Пилипко

О ТЕХНИЧЕСКИХ УСТРОЙСТВАХ, УСТАНАВЛИВАЕМЫХ НА СПИНЫ ДРЕВНИХ БОЕВЫХ СЛОНОВ

Резюме. В статье содержатся умозрительные рассуждения автора о назначении, конструкции и параметрах так называемых башен, устанавливаемых на спинах боевых слонов в эллинистическое и римское время. На основе фрагментов терракотового рельефа, найденных на городище Новая Ниса, предпринята попытка составить представление об одном подобном устройстве. Автор считает, что приложение к данным конструкциям названия «башня» создает ложное представление об их устройстве и размерах. По его мнению, к ним лучше применять более нейтральные определения – «короб», «кабина», не вызывающие столь однозначных и принципиально неверных ассоциаций.

Ключевые слова: военное дело в древности, боевые слоны, Бактрия, Парфия, Ближний Восток, Рим.

В 2010 г. в журнале «Вестник древней истории» опубликована основательная статья А. К. Нефёдкина, в которой рассмотрена история возникновения и последующего применения специальных устройств, предназначенных для размещения воинов на спине слона (Нефёдкин, 2010). Используя значительное количество письменных и изобразительных источников, автор пришел к выводу, что идея создания подобных сооружений возникла в эллинистической среде и впервые была реализована инженерами, находившимися в армии Антигона.

Подробно рассмотрев раннюю историю применения боевых слонов на Среднем и Ближнем Востоке, автор пришел к выводу, что до периода борьбы диодохов воины просто сидели на спинах слонов, не пользуясь какими-либо специальными устройствами. Особое значение он придает описанию катафалка Александра Македонского, на котором был изображен воин в защитном доспехе гоплита, сидящий на слоне на индийский манер. В армии Александра

аккумулировались лучшие технические достижения того времени. Соответственно, автор делает вывод о том, что при Александре специальные защитные приспособления еще отсутствовали. Многие специалисты считали, что изобретение «башни» принадлежит техническим умам, находившимся в армии Пирра (*Goukowsky*, 1972).

Но А. К. Нефёдкин обращает наше внимание на другой исторический факт – в 316 г. Эвмен, обладавший почти двукратным превосходством в слонах, для того времени новым и очень грозным видом войск, тем не менее проиграл битву. По мнению А. К. Нефёдкина, значительный вклад в разгром Эвмена могло внести изобретение инженеров Антигона. Победа могла быть обусловлена и другими причинами, но новое приспособление убедительно продемонстрировало свои достоинства, и в последующие десятилетия «башнями» для слонов обзаводятся почти все эллинистические армии.

* * *

Но настоящее сообщение посвящено не истории использования «башен», а более конкретным вопросам – что послужило первопричиной их изобретения и как они были устроены. Встреча с войском Пира показала македонянам, что слоны – действительно грозное оружие. Одним своим видом они оказывают сильнейшее психологическое воздействие на противника, а хорошо обученный слон и сам активно участвует в битве.

Фронтальное столкновение со слоном практически всегда заканчивалось поражением противников. Но у слона были и слабые места. Во время битвы у неприятеля появлялась возможность атаковать идущего напролом слона не только спереди, но с боков или сзади. Противник мог вывести слона из строя, повреждая сухожилия его ног и атакуя его мягкое подбрюшье. Чтобы уберечь слонов от этих неприятностей, еще в древнеиндийских армиях существовали специальные отряды «хранителей стоп». Подобные подразделения, вероятно, были организованы и в эллинистических армиях. Вполне естественно, что эти «хранители» не только следовали за слоном пешими или конными, но один-два воина на индийский манер пытались разместиться на спине животного, так как оттуда было легче обозревать подступы к слону и получать другую важную для военного человека информацию. Но слон не конь, ехать на нем верхом неудобно, держаться было не за что. В пылу битвы слон делал резкие телодвижения, и, вероятно, наездники с него часто падали. В этих условиях, надо полагать, и родилась идея создать ограждение вокруг воина, которое страховало бы его от падений. Первые подобные устройства, вероятно, напоминали конструкции, которые до сих пор используются в Индии при катании на слонах туристов, простейшие из них – прямоугольные ограждения из жердей, укрепленные на спине слона ремнями (рис. 1: 1).

В древности такое устройство не только позволяло человеку, сидящему на слоне, избавиться от страха падения, но и давало возможность пользоваться оружием – дротиком, сариссой или луком. Со временем ограда превратилась в плотный «забор», предохранявший не только от падения, но и вражеских стрел и дротиков.

Рис. 1. Изображения современных слонов, используемых для катания туристов (1–2), и боевой слон, представленный на фаларах, хранящихся в Эрмитаже (3)

Именно эти, относительно низкие, ограждения (воин продолжал сидеть на спине слона) древние авторы определили термином *θωρακίων* (Diod. II. 17.8)¹.

Первым на это обратил внимание П. Д. Арманди. Он высказал предположение, что «*thorakion*» – «парапетами» в древности называли устройства с невысокими бортами. Оно представлено на так называемой гемме из Парижа². «Зеркало» этого изделия имело форму сильно удлинённого овала (рис. 2: 1). Стремясь вписать изображение боевого слона в заданное пространство, художник сильно сплюснул его по вертикали. Тем не менее на гемме достаточно четко прослеживается конструкция кабины. Борты ее очень низкие (30–40 см), и воины в ней сидят.

Но, сидя на неровной спине слона (рис. 1: 2), трудно активно пользоваться оружием, и дальнейшая эволюция этих устройств привела к появлению в его основании горизонтальной платформы.

Когда слон стоял неподвижно, в таких кабинах с плоским полом мог стоять и человек. Прямостояние открыло перед ним новые перспективы. Была проведена еще одна модернизация кабины. Высоту бортов кабины увеличили до 90–110 см. Держась или опираясь на борты, воины получили возможность стоять на движущемся слоне, быстро менять свою позицию и активно пользоваться оружием, в первую очередь дротиком. Броски из позиции стоя стали более мощными и точными. Позднее была освоена стрельба из лука. Стрелки при необходимости опирались на борт кабины. Предполагается, что эти устройства с относительно высокими бортами у древних получили название «*Πύργος*» – «башня». Не исключено, что первоначально это название прилагалось к самим слонам. В эллинистических армиях существовал такой способ построения: слоны выстраивались редкой цепью, а промежутки между ними заполняли пешие воины. Внешне этот строй напоминал крепостную стену, в которой именно слоны выполняли роль башен, и это неоднократно отмечалось древними авторами (см.: Нефёдкин, 2010. С. 104. Прим. 27). В среде древних элѐфантеристов слова «слон» и «башня» могли восприниматься как синонимы.

* * *

Наряду с нарративными источниками, А. К. Нефёдкин, как и авторы других обобщающих работ о боевых слонах древности (Арманди, 2011; Банников, 2012; Scullard, 1974; Kistler, 2007 и др.), использовал в общем-то немногие известные

¹ По поводу греческих терминов «*θωρακίων*», «*Πύργος*» я обратился к доктору филологических наук В. П. Яйленко, который дал мне следующее разъяснение: «Оба слова означают одно и то же, но употребление боевой башни на слоне обычно употреблялось слово *thorak(e)ion*. Оно происходит от *thoraks* – “панцирь” (затем “грудь”), которое могло употребляться и в метафорическом значении “защита” (например: эта стена (*teikhos*) есть *thorakion* города), также “защитное сооружение типа бруствера, парапета, ограды”. В этом последнем значении греки и употребляли его применительно к тому сооружению, которое устраивали на слоне. Это потому, что данное сооружение состояло из 3–4 щитов. А слово *pyrgos* “башня”, насколько известно, употребил применительно к сооружению на слонах лишь Арриан (II век н. э.) в сочинении “Тактика” (II: 4)».

² Артефакт, о происхождении которого нет точных данных.

**Рис. 2. Гемма и древние терракотовые статуэтки с изображением боевых слонов.
Прорисовки заимствованы из книги А. В. Банникова (2012)**

1 – «гемма из Парижа»; 2 – статуэтка из Помпей; 3 – статуэтка из некрополя в Мирине;
4 – статуэтка из Египта

изобразительные источники. Наиболее часто указывают на три таких изображения фалары, хранящиеся в Эрмитаже (рис. 1: 3), статуэтки из Мирины и Помпей (рис. 2). Это важные исторические источники, но все они дают очень приблизительное представление о рассматриваемых устройствах.

У статуэтки из Помпей соразмерность отдельных элементов изображения чудовищно нарушена. «Башня» лишь немного уступает по высоте слону, но самым большим в этой композиции является погонщик. Конструкция на спине слона действительно подана как башня. Для большей убедительности на ее плоскостях обозначены контуры каменных блоков, из которых она якобы возведена

(рис. 2: 2). Наиболее реалистичным в этом наборе выглядит слон, представленный на фаларах, хранящихся в Эрмитаже (рис. 1: 3), но на них, по композиционным соображениям, также нарушено пропорциональное соотношение между слоном и воинами, стоящими на его спине.

* * *

В этих условиях В этих условиях предпочтение следует отдать изображению на терракотовом рельефе из Новой Нисы, представляющий боевого слона. Вернее, в нашем распоряжении имеется не целое панно, а отдельные его фрагменты (Пилипко, 2018; Вязьмитина, 2018. С. 207–209). На двух стыкующихся обломках почти полностью представлено изображение кабины, установленной на спине слона, и находящихся в ней двух воинов (рис. 3).

**Рис. 3. Реконструкция кабины,
представленной на терракотовом рельефе из Новой Нисы**

Мастер, занимавшийся изготовлением модели для нисийского рельефа, был последователем греческого иллюзорного искусства и хорошо знаком с натурой. На сохранившемся фрагменте с изображением головы слона тщательно переданы анатомические особенности этого животного. Надо полагать, что все объекты, представленные на рельефе (слон, люди, кабина), изображены соразмерными. Более того, есть основание полагать, что объекты на рельефе представлены в масштабе 1:10 своей натуральной величины.

Одним из доказательств этого служит щит в руке левого персонажа. Этот воин явно пользовался эллинистическим вооружением. Об этом свидетельствуют его

шлем и щит³. В данной ситуации нам более интересен щит. Это круглый выпуклый диск с рельефным ободом по краю. Такого рода изделия широко использовались в македонской армии. В натуре он имел диаметр 60 см (Коннолли, 2001. С. 78, 79), на рассматриваемом рельефе его диаметр 5,8 см. Соразмерно представлены и человеческие фигуры, правда, точных данных о росте воинов у нас, конечно, нет. Ошибка в несколько процентов вполне возможна, но на фоне указанных выше чудовищных пропорциональных искажений на других изображениях полученные на основании нисийского рельефа данные о размерах кабины для воинов можно признать близкими к реальным.

В левой верхней части рельефа почти полностью сохранилось изображение кабины с двумя воинами, расположенной на спине слона. Отсутствуют низ и правый край устройства. Последнюю утрату достаточно уверенно можно восстановить. По другим вариантам подобных изображений (рис. 2) устанавливается, что диск всегда располагался строго по центру боковой стенки кабины. Доверившись этому правилу, легко можно установить, что на рельефе это устройство имело длину около 16,5 см, что в натуральных величинах соответствует 165 см⁴. Опираясь на соразмерность правой мужской фигуры (рост около 175 см), можно установить, что внутренняя глубина кабины составляла около 110 см. Нижний край внешней плоскости кабины, предположительно, находился в 130–140 см ниже ее верха.

Кабина, изображенная на нисийском рельефе, пока представляет исключительную редкость. Значительно шире представлен другой тип. По углам кабины располагались довольно высокие прямоугольные выступы, иногда еще один выступ возвышался по центру боковых сторон кабины. Назначение их вполне понятно — они позволяли воинам «не кланяться» вражеским стрелам и дротикам.

Нисийский рельеф — это профильное изображение, и оно не дает никаких данных о ширине кабины. Но опираясь на сведения об анатомии слона и человека (рис. 1: 2), можно предполагать, что ее величина колебалась в пределах 100–140 см. Можно также полагать, что нижняя часть кабины в поперечном сечении была не плоской, а вогнутой (она как бы повторяла контур спины слона), так как в противном случае вся нагрузка приходилась бы на позвоночник животного и существовали бы большие проблемы с обеспечением устойчивости устройства (рис. 4). В любом случае между кабиной и спиной слона должна располагаться толстая амортизирующая прокладка, «выравнивающая» спину слона и обеспечивающая большую устойчивость кабины. Некоторое представление о возможных способах решения этой задачи дают современные фотографии, помещенные на рис. 1. В первом случае на спину слона, вероятно, положен толстый мат. Во втором случае, где представлено специальное кресло, оно грамотно опирается именно на верхнюю часть спины животного и полностью снимает нагрузку с позвоночника.

Выявленные параметры кабины хорошо соотносятся с данными антропометрии. При высоте борта более 110 см (высота локтевого сустава прижатой к телу

³ Подробнее см.: Вязьмитина, 2018. С. 206–218.

⁴ Ниже при описании рассматриваемого устройства указываются его предполагаемые натуральные размеры.

Рис. 4. Условный поперечный разрез кабины с нисийского рельефа

1 – каркас кабины; 2 – пол кабины; 3 – обивка кабины; 4 – лаги (поддон); 5 – тело слона; 6 – подкладка (амортизатор); 7 – попона

руки) могли возникнуть трудности со свободным метанием дротиков, можно было повредить предплечье и локоть о парапет кабины. При высоте борта свыше 135 см прицельное метание дротика и стрельба из лука вообще становились невозможными, особенно по очень близко расположенным к слону целям.

В литературе достаточно активно обсуждается вопрос о численности экипажа боевого слона. Следует отметить, что и в древности слоны были разные по величине и могли использоваться с разными целями и в разных обстоятельствах. На боевых слонах, участвовавших в парадах и праздничных шествиях, возможно, размещались по 8–12 человек. Большое число «пассажиров» мне представляется досужими вымыслами⁵. А. К. Нефёдкин (2010. С. 109–113) и А. В. Банников (2012. С. 106–108) допускают, что экипаж линейного боевого слона мог состоять из 6 человек.

⁵ Подробнее см.: Нефёдкин (2010. С. 109–113).

Но нисийский рельеф показывает, что и это маловероятно. Площадь пола нисийской кабины составляла около 2 кв. м. Кабина, как указано выше, была относительно узкой. В ней могли активно действовать только 4 лучника, но 4 копейщика уже нет. Они не могли стоять спина к спине, для метания дротиков требовалась большая глубина пространства. В тесной кабине они могли просто поранить друг друга. Возможно, но сомнительно, что они работали парами, двое метали дротики, а двое отдыхали на полу кабины.

Кроме того, надо учитывать, что в кабине располагались не только воины, но и необходимое имущество: доспехи, принадлежавшие воинам, запас дротиков и стрел, личное имущество, спальные принадлежности, полог на случай непогоды, какой-то запас продовольствия, воды и фуража для слона. Все это, включая вес самой кабины, большой толстой попоны, весило никак не менее 100–150 кг⁶. Четыре воина и корнак весили минимум 270–300 кг. В целом ноша слона составляла 300–450 кг. Для молодого здорового боевого слона эта нагрузка в общем-то небольшая (Нефёдкин, 2010. С. 112–113). Он мог спокойно идти в бой и с шестью наездниками. Но проблема здесь не в весе, а в пространстве. Пять-шесть воинов, теснящихся в небольшой кабине, просто будут мешать друг другу.

Для кабины, представленной на нисийском рельефе, экипаж из двух воинов, по-видимому, оптимален. Допустимо присутствие и третьего персонажа – еще одного воина или слуги, но это уже дискомфорт, 0,5 кв. м на человека – это слишком мало. Члены экипажа в таких стесненных условиях вынуждены были проводить большую часть суток.

* * *

Относительно устройства кабин можно высказать еще несколько умозрительных предположений. Подробных их описаний в сохранившихся источниках нет. Сообщается только, что они изготовлялись из дерева. Наиболее вероятно, что это были ящики, сколоченные из строганых досок. К ним предъявлялись два труднос совместимых основных требования – прочность и легкость. Первое из них было первостепенным, но второе также было актуальным. Кабину хотя бы раз в сутки надо было снимать со слона, а затем ставить обратно. В этих условиях не исключено, что изворотливый греческий ум мог изобрести кабины, состоящие из двух частей – поддона и собственно парапета, который каким-то надежным способом крепился к основанию.

Возможен и второй, более простой способ уменьшения веса кабины – использование в качестве основного материала не досок, а прутьев, т. е. изготовление плетеных коробов, которые были не только легче, но также более дешевыми и быстрыми в изготовлении.

У археологов шансы найти и, главное, опознать остатки кабин минимальны, но специальные исследования современных реконструкторов могут дать дополнительные сведения для определения примерного веса кабин и их основных потребительских качеств, насколько они удобны в практическом применении.

⁶ Одного только риса слону требовалось 8 кг в день.

Как показывает статуэтка из некрополя Мирины, для прочности кабины снаружи и, вероятно, изнутри обшивались кожей. «Башня» на этой статуэтке окрашена в красный цвет, а крупные диски – в голубой – указание на то, что они были металлическими. Кожаные (или войлочные. – В. П.) чехлы могли иметь и плетеные короба.

Упомянутые выше металлические диски обычно определяют как украшение или как настоящие щиты, которые навешивались с внешней стороны с двумя целями: чтобы они не занимали место внутри кабины и служили дополнительной защитой от вражеских стрел и дротиков. Но следует указать, что рассматриваемые диски великоваты для персональных щитов. Их диаметр 75 см против 60 см стандартного македонского щита. К этому надо добавить, что для всех «башен», в том числе и нисийской кабины, не решен вопрос – каким образом воины попадали внутрь этих устройств. Ясно, что сквозных дверок не было. Крепкий верхний венец парапета – залог прочности всей конструкции. Эти наблюдения служат основанием для еще одного предположения – диски могли прикрывать люки, устроенные в боковых стенках кабин. Через эти люки воины могли осуществлять экстренный спуск на землю. Соответственно, люки могли служить не только для спуска вниз, но и подъема наверх.

Желательно бы рассмотреть также вопрос о способе крепления конструкций к спине слона. Как правило, это три ремня, опоясывающие туловище слона спереди, сзади и посередине. В эллинистическое время использовались широкие, вероятно, кожаные ремни. Например, такая подпруга хорошо видна на фаларах из Эрмитажа. Однако противники довольно скоро научились ловко разрубать их и низвергать башни на землю. В римское время вместо кожаных ремней стали использовать металлические цепи, и эта модернизация в какой-то степени может служить хронологическим ориентиром. На сохранившихся фрагментах нисийского рельефа изображение низа кабины отсутствует, соответственно, имеющийся материал не может способствовать решению этой частной проблемы.

Выше при обсуждении вопроса о кабинах в основном имелись в виду конструкции, предназначенные для боевых слонов, представляющих особый род войск – элфантирию. Их еще можно назвать «линейными» боевыми слонами. В этих подразделениях к кабинам предъявлялись практические требования: создание условий для участия экипажа в активных боевых действиях, прочность и, по возможности, легкость.

Но, кроме того, слоны полюбились и царям, и полководцам, так как в дальних походах для полководцев они представляли ряд неоспоримых преимуществ. Слоны, особенно слониhi, обладали плавным ходом, в кабинах во время долгих переходов можно было расслабиться, сидеть, лежать и даже спать. Слоны позволяли знатным особам переправляться через довольно крупные реки, не замочив ног. Это обстоятельство засвидетельствовано у Тацита (*Tac. Ann.* XV.15). Наконец, слоны, как самые крупные и мощные животные, служили прекрасным пьедесталом, возвышающим их наездников над прочими смертными. Во время битв слон служил удобным наблюдательным пунктом, позволяющим правильно оценивать ход боевых действий.

Устройства, предназначенные для знатных лиц, несомненно, отличались своим внешним видом и уровнем комфорта. Можно привести сведения Бейхаки

о том, что газневидский султан Масуд во время своей борьбы с сельджуками предпочитал передвигаться на спине слонихи. Кстати, Бейхаки, оставивший нам подробное описание этого похода, устройство на спине султанского слона называет «люлькой» (*Бейхаки*, 1939. С. 280). Как указывают толковые словари персидского языка, одно из значений использованного Бейхаки термина «махд» – специальное приспособление для отдыха путешественников во время длительных переходов, укрепленное на спине вьючного животного: коня, мула, верблюда, слона. Причем указывается, что это были и парные люльки, расположенные, как переметная сума, по бокам животного.

Наконец, знать, в первую очередь цари, использовала слонов в различных торжественных церемониях. В этом случае и сам слон, и устройство на его спине обычно пышно украшались. При этом устройства могли принимать вид именно башенок или паланкинов с навесом от солнца и дождя. Афанасий Никитин в своем «Путешествии за три моря» называет их «теремками».

Весь пафос этой заметки направлен на то, что введенный в научный оборот древнегреческими историками для этих устройств термин «башня» создает ложное представление о реальной их конструкции. К. В. Тревер назвала сооружение, представленное на эрмитажных фаларах, даже не башней, а замком (*Тревер*, 1940. С. 45). На мой взгляд, для них лучше использовать более, нейтральные термины – «короб», «кабина», «капсула» или слово *башня* всегда давать в кавычках.

ЛИТЕРАТУРА

- Арманди П. Д., 2011. Военная история слонов с древнейших времен и до изобретения огнестрельного оружия, с критическими замечаниями относительно нескольких наиболее знаменитых военных деяний древних / Пер. А. В. Банникова. СПб.: Филол. фак. СПбГУ: Нестор-История. 379 с.
- Банников А. В., 2012. Эпоха боевых слонов (От Александра Великого до падения персидского царства Сасанидов). СПб.: Евразия. 480 с.
- Бейхаки Абу-л-Фазль, 1939. Извлечения из «Тарих-и-Бейхаки» / Пер. под ред. А. А. Ромаскевича // Материалы по истории туркмен и Туркмении. Т. I. М.; Л.: Изд-во АН СССР. С. 234–308.
- Вязьмитина М. И., 2018. Фрагмент терракотовой плиты с изображением парфянских воинов // КСИА. Вып. 252. С. 206–218.
- Коннолли П., 2001. Греция и Рим. Энциклопедия военной истории. М.: ЭКСМО-Пресс. 320 с.
- Нефёдкин А. К., 2010. Башни на вооружении древних боевых слонов // ВДИ. № 2. С. 96–114.
- Пилипко В. Н., 2018. Предыстория находки на городище Новая Ниса фрагментов терракотовых плит с изображением слона // КСИА. Вып. 252. С. 195–205.
- Тревер К. В., 1940. Памятники греко-бактрийского искусства. М.; Л.: Изд-во АН СССР. 178 с. (Памятники культуры и искусства в собраниях Эрмитажа.)
- Goukowsky P., 1972. Le roi Pôros, son éléphant et quelques autres (En marge de Diodore, XVII, 88, 6) // Bulletin de Correspondence Hellénique. Vol. 96. № 1. P. 473–502.
- Kistler J. M., 2007. War elephants. Lincoln; London. 352 p.
- Scullard H. H., 1974. The Elephant in the Greek and Roman World. Ithaca, N. Y.: Cornell University Press. 288 p.

Сведения об авторе

Пилипко Виктор Николаевич, Институт археологии РАН, ул. Дм. Ульянова, 19, Москва, 117036, Россия; e-mail: pilipko2002@mail.ru

V. N. Pilipko

TECHNICAL DEVICES PUT
ON THE BACKS OF ANCIENT WAR ELEPHANTS

Abstract. The paper contains the author's theoretical considerations on the function, design and characteristics of the so called 'towers' placed on the backs of war elephants during the Hellenic and Roman time. Based on the fragments of a terracotta relief found at New Nisa, the author attempts to form a clear view on one of such devices. The author believes that the use of the term 'towers' to describe these devices leads to misconceptions about their design and size. In his view, it is better to use more neutral terms such as a box, a cabin that avoid straightforward and incorrect associations.

Keywords: warfare in ancient times, war elephants, Bactria, Parthia, Middle East, Rome.

REFERENCES

- Armandi P. D., 2011. Voyennaya istoriya slonov s drevneyshikh vremen i do izobreteniya ognestrel'nogo oruzhiya, s kriticheskimi zamechaniyami otnositel'no neskol'kikh naiboleye znamenitykh voinskiykh deyanii drevnikh [Military history of elephants from ancient times to the invention of firearms, with critical remarks concerning some most famous military acts of the ancient]. St. Petersburg: Filologicheskii fakul'tet SPbGU: Nestor-Istoriya. 379 p.
- Bannikov A. V., 2012. Epokha boyevykh slonov (Ot Aleksandra Velikogo do padeniya persidskogo tsarstva Sasanidov) [Epoch of war elephants (From Alexander the Great till downfall of Persian state of Sassanids)]. St. Petersburg: Evraziya. 480 p.
- Beihaki Abu-l-Fazl', 1939. Izvlecheniya iz «Tarikh-i-Beykhaki» [Fragments from «Tarih-i-Beihaki»]. *Materialy po istorii turkmen i Turkmenii* [Materials on history of the Turkmen and Turkmenia], I. Moscow; Leningrad: AN SSSR, pp. 234–308.
- Goukowsky P., 1972. Le roi Pôros, son éléphant et quelques autres (En marge de Diodore, XVII, 88, 6). *Bulletin de Correspondence Hellénique*, vol. 96, no. 1, pp. 473–502.
- Kistler J. M., 2007. War elephants. Lincoln; London. 352 p.
- Konnolli P., 2001. Gretsia i Rim. Entsiklopediya voyennoy istorii [Greece and Rome. Encyclopedia of military history]. Moscow: EKSMO-Press. 320 p.
- Nefyodkin A. K., 2010. Bashni na vooruzhenii drevnikh boyevykh slonov [Towers deployed on ancient war elephants]. *VDI*, 2, pp. 96–114.
- Pilipko V. N., 2018. Predystoriya nakhodka na gorodishche Novaya Nisa fragmentov terrakotovyykh plit s izobrazheniyem slona [A back story on fragments of terracotta slabs featuring an elephant discovered at Novaya Nisa]. *KSIA*, 252, pp. 195–205.
- Scullard H. H., 1974. The Elephant in the Greek and Roman World. Ithaca, N. Y.: Cornell University Press. 288 p.
- Treuer K. V., 1940. Pamyatniki greko-baktriyskogo iskusstva [Monuments of Greek-Bactrian art]. Moscow; Leningrad: AN SSSR. 178 p. (Pamyatniki kul'tury i iskusstva v sobraniyakh Ermitazha.)
- Vyaz'mitina M. I., 2018. Fragment terrakotovoy plity s izobrazheniyem parfyanskikh voinov [A fragment of terracotta slab featuring Parthian warriors]. *KSIA*, 252, pp. 206–218.

About the author

Pilipko Viktor N., Institute of Archaeology Russian Academy of Sciences, ul. Dm. Ulyanova, 19, Moscow, 117036, Russian Federation; e-mail: pilipko2002@mail.ru

*Посвящается нашим друзьям и коллегам,
с которыми мы вместе открывали Шпицберген:
Л. П. Хлобыстину, А. В. Куйбышеву, П. К. Халяеву,
Е. Н. Зимину, П. Ю. Черносвитову, Ю. Ю. Моргунову*

В. Ф. Старков, В. И. Завьялов, В. Л. Державин

СОРОК ЛЕТ РОССИЙСКИМ АРХЕОЛОГИЧЕСКИМ ИССЛЕДОВАНИЯМ НА ШПИЦБЕРГЕНЕ

Резюме. Археологическое изучение памятников на архипелаге Шпицберген позволило получить значительную информацию о быте и деятельности поморов. Шпицбергенской экспедицией ИА РАН исследовано более сорока поморских становищ, осуществлена разведка большей части архипелага, пригодной для проживания. Анализ полученных данных позволил сделать вывод о привязке поселений к трем гипсометрическим плоскостям: на поверхности морских террас, ниже них и на уровне пляжей. Освоение поморами архипелага начинается не позднее середины XVI в. Расцвет промыслов приходится на XVIII в. В это время меняется характер поселений: вместо одиночных домов – «становых изб» и сопутствующих им «станков» – появляются поселки, насчитывающие несколько жилых изб и хозяйственных построек. В ходе раскопок получена богатая и разнообразная коллекция предметов быта и орудий промыслов.

Ключевые слова: Шпицберген, поморы, промыслы, материальная культура, предметы быта, орудия промысла.

Русская поморская культура привлекает внимание исследователей со второй половины XIX в. Но изучение материальной и духовной культуры поморов долгое время велось на основании письменных источников и сборов этнографического материала. В итоге была рассмотрена история заселения и освоения побережий Белого моря, дана характеристика промысловой системе хозяйства

и социально-экономической организации поморов, их традиционной культуре (*Бернштам*, 1978; 1983).

Однако ограниченность выводов, сделанных на основании только письменных и этнографических данных, очевидна. Лишь привлечение археологических материалов позволяет существенно дополнить и даже частично переосмыслить полученные результаты.

В плане археологического изучения культуры поморов особый интерес представляет архипелаг Шпицберген¹, где выявлено около ста русских поселений. Их профессиональное исследование началось во второй половине 50-х гг. XX в. скандинавской археологической экспедицией под руководством профессора Геттингенского университета Х. Христианссона. В результате раскопок двух крупных поморских поселений в заливе Ис-фьорд был получен разнообразный материал, характеризующий деятельность поморов на архипелаге (*Scandinavian archaeological expedition...*, 1955).

В конце 70-х гг. XX в. к планомерным археологическим исследованиям на Шпицбергене приступили советские специалисты. В 1978 г. в Институте археологии АН СССР была создана Шпицбергенская археологическая экспедиция. Перед экспедицией были поставлены две основные задачи: 1) изучение поморских памятников, 2) выявление объектов, связанных с первобытной эпохой (каменный век). Основанием для первобытной версии послужили найденные в прошлом столетии в Ис-фьорде находки кремневых сколов, которые сначала ошибочно приняли за орудия эпохи каменного века. Появилась даже любопытная гипотеза о переселении первобытных людей из бассейна Печоры на архипелаг, добравшихся до него по льду Баренцева моря. Однако проведенные исследования эту гипотезу не подтвердили.

Шпицбергенскую экспедицию возглавил Вадим Фёдорович Старков, уже имевший опыт раскопок поморских поселений (раскопки Мангазеи). С началом работ Шпицбергенской экспедиции Института археологии исследования на архипелаге приобрели планомерный и целенаправленный характер. Благодаря энергичной деятельности В. Ф. Старкова, Шпицбергенская экспедиция в настоящее время является одним из ведущих и авторитетных научных подразделений РАН, работающих на архипелаге, пользуется заслуженным уважением своих российских и зарубежных коллег. В состав экспедиции 1978 г. вошли сотрудники ИА и ЛОИА АН СССР Л. П. Хлобыстин, О. В. Овсянников, А. В. Чернецов, Ю. Ю. Моргунов. В разные годы в ее работе принимали участие сотрудники Института археологии А. Г. Атавин, Г. Г. Пярых, В. И. Завьялов, П. Ю. Черносвитов, А. А. Фараджев, В. Л. Державин, который с 2015 г. возглавляет Шпицбергенскую экспедицию.

Особо хотелось бы отметить роль П. Ю. Черносвитова (1944–2018). Именно благодаря Павлу Юрьевичу на принципиально новый уровень вышел такой немаловажный фактор любой полярной экспедиции, как организация быта: появились легко разбирающиеся каркасы для палаток, разборный полевой дом, переносная печь, рация. Для экспедиции Павел Юрьевич оказался незаменим

¹ Поморское название архипелага «Грумант». Отсюда – поморы-груманланы, осуществлявшие промысел на Шпицбергене.

и как художник: прекрасно владея карандашом и пером, он не только зарисовал практически все археологические находки, но и создал серию рисунков, посвященных природе Шпицбергена, будням экспедиции. Выставки графических работ П. Ю. Черносвитова неоднократно экспонировались в поселке Баренцбург на Шпицбергене и всегда пользовались неизменным успехом.

За годы работ экспедиция обследовала более сорока памятников, причем 12 из них были открыты впервые (рис. 1). Археологические раскопки предварялись разведками побережья, которые проведены на всех крупных (Западный Шпицберген, Эдж, Баренца, Медвежий) и ряде мелких (Серкаппея, Земля Принца Карла, Земля Короля Карла, Надежды, Полумесяца) островах архипелага. В результате изучены все наиболее перспективные в археологическом плане участки.

Рис. 1. Карта поморских становищ на архипелаге Шпицберген
(номера поселений соответствуют номерам в: Материальная культура..., 2007)

Следует отметить, что работы Шпицбергенской экспедиции активизировали изучение археологических памятников в Арктике. По инициативе В. Ф. Старкова на Шпицбергене в конце 80-х – начале 90-х гг. XX в. проводились международные рабочие совещания по итогам полевого сезона, в которых принимали участие специалисты из Норвегии и Польши (*Завьялов, Старков, 1994*). В мае 1991 г. в Сыктывкаре состоялась Международная конференция по проблемам полярной археологии, в подготовке и проведении которой активное участие приняли сотрудники Шпицбергенской экспедиции (*Specimina Sibirica, 1992*).

С самого начала экспедиции работы велись с использованием методов естественных наук – не только традиционно вошедших в арсенал современной археологии (дендрохронология, археозоология, археоботаника, археометаллография), но и имеющих большое значение именно для исследований на Шпицбергене (гляциология, геология, климатология). Неоценимую услугу оказали при проведении подобных исследований сотрудники Института географии РАН В. С. Корякин и А. Е. Черкинский, несколько сезонов проработавшие в составе Шпицбергенской археологической экспедиции.

Большой фактический материал, полученный в результате археологических исследований, позволил сделать несколько общих выводов, связанных с типологией русских поселений на Шпицбергене. Прежде всего была установлена важнейшая особенность в расположении археологических памятников на архипелаге. Она заключается в привязке поселений к трем гипсометрическим плоскостям: на поверхности морских террас, ниже их и на уровне пляжей. Последние несли на себе следы разрушительного воздействия морской абразии. Их хронологические привязки четко коррелируются с высотными отметками соответствующих в хронологическом отношении памятников XVIII–XIX и XVI–XVII вв.

Было установлено, что уже в начальный период освоения поморами Шпицбергена, который, по современным данным, относится к XVI в., здесь насчитывалось по меньшей мере шесть поморских поселений, располагавшихся в южной части архипелага – на островах Западный Шпицберген и Серкаппея.

Важной проблемой археологических исследований на Шпицбергене стало выделение этапов освоения архипелага поморами. Благодаря работам экспедиции установлена дата начала промыслов – не позднее середины XVI в., а их расцвет приходится на XVIII столетие. В это время поморские поселения покрывают практически все пригодные для обитания участки архипелага. Меняется и характер поселений: вместо одиночных домов – «становых изб» и сопутствующих им «станков» – появляются поселки-становища, насчитывающие несколько жилых изб и хозяйственных построек (рис. 2). Такие поселки были исследованы на Западном Шпицбергене в заливах Руссекейла, Трюгхамна, Имербукта и на о. Эдж в заливе Экролхамна. В XVIII в. становится обычной практика долговременного обитания поморов на Шпицбергене. Впервые на памятниках этого времени появляются такие находки, как женские и детские обувные колодки и обувь, веретена, стеклянные бусы. Встречены и женские захоронения. Все это можно рассматривать как свидетельства перехода к качественно новому этапу в освоении Шпицбергена – от промыслов на «стороне» к тому укладу, который господствовал в материковом Поморье.

Рис. 2. Жилищно-хозяйственный комплекс в заливе Руссекейла

Существенным фактором, отличающим шпицбергенские материалы, является чистота большинства раскопанных комплексов. По существу, каждую поморскую избу на архипелаге можно считать закрытым комплексом, отражающим период его функционирования и не испорченным последующим антропогенным воздействием.

Богатую и разнообразную коллекцию составляют предметы быта и орудия промыслов. Говоря о последних, следует отметить, что только в поморских комплексах на Шпицбергене найдены специфические орудия для лова морского зверя, выработанные поморами: гарпуны (поморское название «носки») и копыя («спицы»). Археологические находки из раскопок Шпицбергенской экспедиции стали основой для создания яркой экспозиции поморской промысловой культуры в музее «Помор» в Баренцбурге – одном из самых северных в мире (78° с. ш.), который был создан на архипелаге благодаря энергии начальника экспедиции В. Ф. Старкова.

Особенно большой интерес демонстрируют надписи на бытовых (главным образом, деревянных) предметах (рис. 3). Они представляют как отдельные слова и литеры, так и целые тексты, воскресающие имена поморов-гуманланов – Галаха (Галактион), Вапа Панов, Иван Петров. Наиболее ранние надписи датируются серединой XVI в. Уникальным свидетельством высокой грамотности в поморской среде является найденный в избе у Серкаппватнет (дендродата – 1565 г.) алфавит, вырезанный на трехгранной деревянной планке (рис. 3: 1). О высокой культуре поморов говорят и находки шахматных фигур и шахматных досок.

Очень важными с точки зрения понимания быта поморов на Шпицбергене стали многочисленные находки, связанные с домашними промыслами и ремеслами. Среди них остатки токарных и точильных станков, сапожные колодки,

Рис. 3. Поморские тексты

1 – алфавит из становища у Серкаппватнет; 2 – «корыто» из Ван Мюйдена

тигли, отходы косторезного производства. Так, косторезная мастерская, специализировавшаяся на изготовлении гребней из китовой кости, была открыта на поселении Экролхамна (о. Эдж) в многослойном комплексе № 4. Хронологический горизонт, с которым связана мастерская, по медной монете 1786 г. может быть датирован концом XVIII в. (Завьялов, 1994. С. 210).

Археологическое изучение памятников на архипелаге Шпицберген позволило получить значительную серию деталей поморских судов. На основании анализа этих деталей стало возможным не только реконструировать вид судна и оценить его мореходные качества, но и на конкретном материале решать вопрос о существовании, наряду с «Мангазейским морским ходом», и северо-западного направления поморских походов – «ход груманланский» (Старков, 1998; Старков, Черношвилов, 1990; Черношвилов, 1990).

Итоги работ Шпицбергенской экспедиции нашли отражение в целом ряде публикаций. Следует подчеркнуть, что в них результаты работ на архипелаге рассматривались в рамках общих проблем комплексного археологического изучения Русского Севера. Уже в первом сборнике, подводившем итоги работ экспедиции в 1978–1985 гг., помимо собственно археологических материалов, рассмотрены экологические аспекты исследуемого региона, а также приведены результаты анализа документальных и литературных источников (Очерки..., 1990). В начале 2000-х гг. сотрудники экспедиции опубликовали значительную часть полученных в ходе полевых исследований материалов в серии монографических работ, посвященных поселениям, жилищно-хозяйственным и погребальным комплексам, остаткам судов (Материальная культура..., 2002; 2005; 2007).

Археологические работы на Шпицбергене в последние годы, согласно норвежскому законодательству по охране окружающей среды, резко ограничены, поэтому в настоящее время сотрудники экспедиции больше внимания стали уделять мониторингу памятников в первую очередь русского историко-культурного наследия.

Накопленный за несколько десятилетий полевых работ археологический материал, безусловно, не решает окончательно все дискуссионные вопросы, связанные с историей освоения архипелага, а, напротив, в ряде случаев нуждается и в его переосмыслении, чему способствуют работы наших зарубежных коллег, рассматривающих архипелаг порой с иных точек зрения (*Державин, Старков, 2017*).

ЛИТЕРАТУРА

- Бернштам Т. А.*, 1978. Поморы: формирование групп и система хозяйства. Л.: Наука. 176 с.
- Бернштам Т. А.*, 1983. Русская народная культура Поморья в XIX – начале XX в.: этнографические очерки. Л.: Наука. 231 с.
- Державин В. Л., Старков В. Ф.*, 2017. Проблемы освоения морского побережья и островов европейской Арктики в XVI–XVIII вв. // Вестник Томского государственного университета. № 49. С. 88–92.
- Завьялов В. И.*, 1994. Поморский комплекс в заливе Экролхамна (о. Эдж, архипелаг Шпицберген) // Новгородские археологические чтения: материалы науч. конф. / Ред.: В. Л. Янин, П. Г. Гайдуков. Новгород: Тип. «Новгород». С. 206–212.
- Завьялов В. И., Старков В. Ф.*, 1994. V археологическое совещание на Шпицбергене (Калипсобиюен, 1992) // РА. № 1. С. 240–242.
- Материальная культура русских поморов. Вып. I: Остатки судов. М.: Научный мир, 2002. 152 с.
- Материальная культура русских поморов. Вып. II: Поселения и погребения. М.: Научный мир, 2005. 211 с.
- Материальная культура русских поморов. Вып. III: Жилищно-хозяйственные комплексы. М.: Научный мир, 2007. 151 с.
- Очерки истории освоения Шпицбергена. М.: ИА АН СССР, 1990. 207 с.
- Старков В. Ф.*, 1998. Очерки истории освоения Арктики. Т. 1: Шпицберген. М.: Научный мир. 94 с.
- Старков В. Ф., Черносивтов П. Ю.*, 1990. Остатки судна на острове Принца Карла // Очерки истории освоения Шпицбергена. М.: ИА АН СССР. С. 168–181.
- Черносивтов П. Ю.*, 1990. К проблеме поморского судовождения у берегов архипелага Шпицберген // Очерки истории освоения Шпицбергена. М.: ИА АН СССР. С. 157–167.
- Scandinavian archaeological expedition to Spitsbergen, 1955 // Polar Record. 1957. Vol. 8. Iss. 55. P. 348–349.
- Specimina Sibirica. T. V: The Arctic Papers of an International Conference / Eds.: J. Pusztay, E. Saveljeva. Savariae, 1992. 303 p.

Сведения об авторах

- Старков Вадим Федорович, Институт археологии РАН, ул. Дм. Ульянова, 19, Москва, 117036, Россия; e-mail: starko-vadim@yandex.ru;
- Завьялов Владимир Игоревич, Институт археологии РАН, ул. Дм. Ульянова, 19, Москва, 117036, Россия; e-mail: v_zavyalov@list.ru;
- Державин Виктор Леонидович, Институт археологии РАН, ул. Дм. Ульянова, 19, Москва, 117036, Россия; e-mail: derzh@yandex.ru

V. F. Starkov, V. I. Zavyalov, V. L. Derzhavin

FORTY YEARS OF RUSSIAN ARCHAEOLOGICAL EXCAVATIONS ON SPITSBERGEN

Abstract. Archaeological excavations of sites on the Spitsbergen archipelago provided an opportunity to collect a lot of information on a way of life and activities of the Pomors. The Spitsbergen expedition of the Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences, excavated more than 40 Pomor hunting stations and did reconnaissance in a large part of the archipelago fit for living. The analysis of the data obtained concludes that settlements were built at three hypsometric altitudes, such as sea-shore terraces, beneath these terraces and at the beach level. The Pomors began to exploit the archipelago not later than the mid-16th century. The hunting activities reached their peak in the 18th century which saw changes in the characteristics of the settlements: instead of detached huts called *stanoviye* houses and related small camps (*stanoks*), there appeared villages consisting of several log houses and supporting constructions. The excavations produced a rich and varied collection of household implements and hunting tools.

Keywords: Spitsbergen, Pomors, hunting and fishing, material culture, household implements.

REFERENCES

- Bernshtam T. A., 1978. Pomory: formirovaniye grupp i sistema khozyaystva [The Pomors: groups formation and system of economy]. Leningrad: Nauka. 176 p.
- Bernshtam T. A., 1983. Russkaya narodnaya kul'tura Pomor'ya v XIX – nachale XX v.: etnograficheskiye ocherki [Russian popular culture of the Pomor'ye lands in XIX – early XX c.: ethnographic essays]. Leningrad: Nauka. 231 p.
- Chernosvitov P. Yu., 1990. K probleme pomorskogo sudovozhdeniya u beregov arkhipelaga Shpitsbergen [On problem of Pomor navigation along coasts of Spitsbergen archipelago]. *Ocherki istorii osvoyeniya Shpitsbergena [Essays on history of Arctic development]*. Moscow: IA AN SSSR, pp. 157–167.
- Derzhavin V. L., Starkov V. F., 2017. Problemy osvoyeniya morskogo poberezh'ya i ostrovov evropeyskoy Arktiki v XVI–XVIII vv. [Problems of development of sea coasts and islands of European Arctic in XVI–XVIII cc.]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta [Bulletin of Tomsk state university]*, 49, pp. 88–92.
- Material'naya kul'tura russkikh pomorov [Material culture of Russian Pomors], I. Ostatki sudov [Remains of vessels]. Moscow: Nauchnyy mir, 2002. 152 p.
- Material'naya kul'tura russkikh pomorov [Material culture of Russian Pomors], II. Poseleniya i pogrebeniya [Settlements and burials]. Moscow: Nauchnyy mir, 2005. 211 p.
- Material'naya kul'tura russkikh pomorov [Material culture of Russian Pomors], III. Zhilishchno-khozyaystvennyye komplekсы [Dwelling-economic complexes]. Moscow: Nauchnyy mir, 2007. 151 p.
- Ocherki istorii osvoyeniya Shpitsbergena [Essays on history of Arctic development]. Moscow: IA AN SSSR, 1990. 207 p.
- Scandinavian archaeological expedition to Spitsbergen, 1955. *Polar Record*, 1957, vol. 8, iss. 55, pp. 348–349.
- Specimina Sibirica, V. The Arctic Papers of an International Conference. J. Pusztay, E. Saveljeva, eds. Savariae, 1992. 303 p.
- Starkov V. F., 1998. Ocherki istorii osvoyeniya Arktiki [Essays on history of Arctic development], 1. Shpitsbergen [Spitsbergen]. Moscow: Nauchnyy mir. 94 p.
- Starkov V. F., Chernosvitov P. Yu., 1990. Ostatki sudna na ostrove Prints Karla [Remains of a vessel in Prince Carl Island]. *Ocherki istorii osvoyeniya Shpitsbergena Ocherki istorii osvoyeniya Shpitsbergena [Essays on history of Arctic development]*. Moscow: IA AN SSSR, pp. 168–181.

- Zav'yalov V. I., 1994. Pomorskiy kompleks v zalive Ekrolkhamna (o. Edzh, arhipelag Shpitsbergen) [Pomor complex in Ekrohamna bay (Edge Island, Spitsbergen archipelago)]. *Novgorodskiye arkheologicheskiye chteniya: materialy nauchnoy konferentsii [Novgorod archaeological readings: transactions of scientific conference]*. V. L. Yanin, P. G. Gaydukov, eds. Novgorod: Tipografiya «Novgorod», pp. 206–212.
- Zav'yalov V. I., Starkov V. F., 1994. V arkheologicheskoye soveshchaniye na Shpitsbergene (Kalipso-byuyen, 1992) [V archaeological conference in Spitsbergen (Calypsobyen, 1992)]. *RA*, 1, pp. 240–242.

About the authors

Starkov Vadim F., Institute of Archaeology Russian Academy of Sciences, ul. Dm. Ulyanova, 19, Moscow, 117036, Russian Federation; e-mail: starko-vadim@yandex.ru;

Zavyalov Vladimir I., Institute of Archaeology Russian Academy of Sciences, ul. Dm. Ulyanova, 19, Moscow, 117036, Russian Federation; e-mail: v_zavyalov@list.ru;

Derzhavin Viktor L., Institute of Archaeology Russian Academy of Sciences, ul. Dm. Ulyanova, 19, Moscow, 117036, Russian Federation; e-mail: derzh@yandex.ru

Н. В. Федорова

ИССЛЕДОВАНИЯ В ЯМАЛЬСКОЙ АРКТИКЕ И СУБАРКТИКЕ: 2000-е ГОДЫ*

Резюме. Археологическое изучение арктической и субарктической зон Западной Сибири проводилось с начала 20-х гг. XX в., но до начала 2000-х это были в основном «точечные» исследования, проводимые небольшим коллективом ученых из Москвы и Ленинграда. В статье рассматриваются новые исследования, постепенно приобретающие массовый характер. Проблематика их сосредоточена в основном на трех направлениях: история заселения территории, в том числе освоения долины р. Обь и полуостровов Ямал и Гыдан; формирование полярных адаптаций: биологической, экономической и социально-культурной; культурное взаимодействие с соседними регионами и центрами древних и средневековых цивилизаций. В результате можно констатировать, что за период с начала 2000-х гг. по наши дни на территории Арктики и Субарктики Западной Сибири, во-первых, резко увеличилось количество обнаруженных и поставленных на государственный учет памятников археологии от эпохи камня до Нового времени; во-вторых, появилась серия публикаций, в том числе монографических, по исследованию части из этих памятников; в-третьих, все исследования с начала 2000-х гг. носили комплексный, междисциплинарный характер, в том числе были получены внушительные серии абсолютных дат. Не в последнюю очередь это связано с государственной поддержкой археологических изысканий в регионе.

Ключевые слова: Арктика и Субарктика Западной Сибири, эпоха камня и бронзы, ранний железный век, Средневековье, междисциплинарные исследования.

Археологические исследования в арктической и субарктической зонах Западной Сибири проводились с начала 20-х гг. XX в. Главной задачей первых исследователей был поиск памятников, их – по возможности – небольшие

* Работа выполнена при поддержке гранта РФФИ 18-09-40011 «Урал и Западная Сибирь в археологической ретроспективе: важнейшие открытия, ритмы, феномены и парадоксы развития».

раскопки или хотя бы шурфовка, публикации материалов с теми выводами, которые были возможны по небольшим коллекциям, полученным в почти неизвестном с точки зрения археологии регионе. Отметим, что число заинтересованных исследователей было крайне малочисленным, более или менее постоянный интерес к изучению территории проявляли лишь В. Н. Чернецов, В. И. Мошинская и Л. П. Хлобыстин. Итоги развития арктической археологии были подведены в 1990 г. Л. П. Хлобыстиным в статье «200 лет арктической археологии» (*Хлобыстин*, 1990. С. 3–8). Север Западной Сибири даже на этом общем фоне выглядит довольно бледно. Мало изменилась ситуация и в конце 90-х – начале 2000-х. Не вдаваясь в изложение полной историографии вопроса и отсылая читателя к уже опубликованным по этому поводу работам (*История Ямала*, 2010; *Косинская, Федорова*, 1994; *Федорова*, 2016), отметим, что к началу 2010-х гг. ситуация сложилась следующая: активно изучались и – что важно – исчерпывающе публиковались в основном городища (городки) позднего Средневековья – Нового времени – Надымский, Войкарский, Полуйский, русский город Мангазея (*Визгалов, Пархимович*, 2008; *Кардаш*, 2013а; 2013б). Хотя к 2010 г. на территории Ямало-Ненецкого автономного округа (ЯНАО) были так или иначе известны памятники практически всех эпох: камня, бронзы и железа, лишь небольшая часть из них подвергалась стационарным раскопкам (*История Ямала*, 2010. С. 10–88, см. там же библиографию).

Проблематика современных научных исследований севера Западной Сибири сосредоточена в основном по трем направлениям:

история заселения территории, в том числе освоения долины р. Обь и полуостровов Ямал и Гыдан;

формирование полярных адаптаций: биологической, экономической и социально-культурной;

культурное взаимодействие с соседними регионами и центрами древних и средневековых цивилизаций.

Необходимо отметить, что все исследования последних десяти и даже более лет носят мультидисциплинарный характер.

Заселение территории Арктики и Субарктики в границах современного ЯНАО происходило в различные эпохи и по различным причинам. В последнее время сформирована гипотеза о перспективности субмеридионального отрезка Оби от устья Иртыша до устья Оби для поисков памятников верхнего палеолита, что было подтверждено в результате полевых исследований новосибирских геологов и археологов в 2016 г. (*Зольников и др.*, 2018. С. 30–38). Кроме того, еще в 1993 г. при обследовании берегов р. Войкар на отмели было собрано несколько орудий позднепалеолитического времени и одно – даже мустьерского облика, залежавших вместе с остатками мамонтовой фауны (*Погодин*, 2000. С. 69–71). Вместе с тем, по мнению А. А. Погодина, «представляется сомнительным поиск какого-либо “единственного пути” заселения Севера Западной Сибири» (Там же. С. 74) как в эпоху палеолита, так, впрочем, и в эпоху мезолита.

При этом природные условия во время палеолита – мезолита, по мнению зоологов, были весьма благоприятными. Так, отмечено, что в конце позднего плейстоцена и в голоцене (последние 45 000 лет) на территории севера Западной Сибири непрерывно существовала достаточно богатая фауна млекопитающих,

включающая в том числе и разнообразные промысловые виды, что могло обеспечить непрерывное обитание человека в регионе (Косинцев, Бачура, 2017. С. 13, 14).

Мезолитических памятников на арктической и приарктической территории Западной Сибири известно около шести, причем отнесение некоторых из них к мезолитическому времени проблематично. Раскопок стоянок с культурным слоем не производилось, в основном все они представляют собой сборы с разрушенной в той или иной степени поверхности. Расположение мезолитических памятников по территории современного ЯНАО имеет достаточно широкий разброс: от бассейна р. Пур на востоке до границ современного г. Салехарда на западе. Л. Л. Косинская отмечает несколько проблем в исследованиях мезолита севера Западной Сибири (История Ямала, 2010. С. 32, 33), а именно: установление верхнего и нижнего рубежей мезолитической эпохи на данной территории; проблема культурной атрибуции – принадлежали ли они к одной из культур, локализованных в соседних регионах, или представляют местную культуру со своими особенностями; наконец, проблема происхождения северного мезолита.

Ситуация с памятниками эпохи неолита в западносибирской Субарктике ненамного лучше. Собственно, на сегодняшний день известно три памятника: поселения Ет-то I и Ет-то II, а также промысловый комплекс Вора-яха. Первые два поселения частично раскопаны (на поселении Ет-то I вскрыто 4 жилища с радиокарбоновыми датировками VI тыс. до н. э., на поселении Ет-то II исследовано 12 объектов, два из которых интерпретированы как жилища, остальные – производственные объекты, радиокарбоновые датировки укладываются в промежуток VII – первой трети V тыс. до н. э.) (Косинская, 2017. С. 149). Л. Л. Косинская отмечает сходность конструкций жилищ – полуземлянок с наземным выходом, каменного инвентаря, сырье которого, по-видимому, являлось местным. Еттовский комплекс, по ее мнению, входит в группу ранненеолитических культур (Там же).

Разделение памятников энеолита – ранней бронзы северной части Западной Сибири часто встречает определенные затруднения как в силу их недостаточной исследованности, так и небольшого количества материала для столь обширной территории. Надо отметить, что лучше изучена западная часть приарктической и арктической территории региона, в восточной обнаружено и частично исследовано пять поселенческих памятников, о некоторых из них автор раскопок и публикации Л. Л. Косинская прямо пишет: «...в составе находок удивительно мало керамики» (История Ямала, 2010. С. 53; там же – историография). Для западной части региона имеется подробный очерк историографии эпохи энеолита – бронзы, написанный в свете самых последних исследований, поэтому здесь мы не будем на этом останавливаться (см.: Тупахина, Тупахин, 2018). На основе довольно большого количества памятников О. С. Тупахина и Д. С. Тупахин приходят к выводу о наличии здесь трех культурных типов в эпоху энеолита – конкретно в III тыс. до н. э., – связанных с различными типами адаптации к различным условиям местности. По их мнению, выбор той или иной хозяйственной модели в качестве основы экономики зависел от ее продуктивности на определенном хозяйственном отрезке. Выбранная хозяйственная стратегия, в свою очередь, определяла специфические черты культурных типов (Там же). Первый

культурный тип (опорный памятник – поселение Горный Самотнел I) отличается долговременными круглогодичными поселениями с мощным культурным слоем и большой площадью жилищ, хозяйством, ориентированным на сетевое рыболовство (Тупахина, Тупахин, 2018). Памятники второго типа (опорный памятник – поселение Лов-Санг-Хум II), располагаясь на малых притоках Оби, отличаются сезонным характером, маломощным культурным слоем, небольшими по площади жилищами, хозяйством, основанным на заповном рыболовстве и охоте (Там же). Третий тип (опорный памятник – Йоркутинская стоянка) типичен для обитателей внутренней тундры Ямала, основой хозяйственной деятельности могла быть охота на северного оленя (Там же). Даты поселения Горный Самотнел I определены по методу дендрохронологии. Отметим, что климат в это время позволял древесной растительности произрастать на территории юга полуострова Ямал.

Эпоха бронзы представлена небольшим количеством памятников. Раскопки производились на поселениях Щетнматолор (Пуровский район) (*Косинская*, 2000. С. 14–19), Паром I (в границах современного г. Салехарда) и Вары-Хадыта II (юг полуострова Ямал) (*Васильев*, 2000. С. 24–31), на остальных были собраны коллекции предметов на разрушенной поверхности. Раскопки на двух поселениях вскрыли жилище на поселении Щетнматолор и часть межжилищного пространства на поселении Вары-Хадыта II. Они дали обильный керамический материал, серии каменных изделий, незначительные следы бронзолитейного производства. На поселении Пяку-то I в разрушенном культурном слое была обнаружена бронзовая височная подвеска, выполненная из медно-серебряного сплава (*История Ямала*, 2010. С. 59), что, по мнению Л. Л. Косинской, указывает на южный вектор связей населения региона (Там же). Конструкции жилищ довольно однотипны: полуземлянки с коридором-выходом. Керамика восточных памятников отличается от западных (типа Вары-Хадыта), во-первых, своей плоскодонностью, во-вторых, отсутствием такой характерной формы, как ладьевидные сосуды с зооморфными налестами, которые столь характерны для поселений энеолита – бронзы западного ареала. Возможно, это может служить указанием на разные пути заселения территории. Е. А. Васильев рассматривает формирование культуры памятников типа Вары-Хадыта как результат смешения мигрантов из центральной части Нижнего Приобья (саргыньинская культура) и местного населения, оставившего Йоркутинскую стоянку эпохи энеолита (*Васильев*, 2000. С. 28).

Археологические памятники раннего железного века изучены, как и памятники предыдущих периодов, недостаточно: в основном это материалы с разрушенных более поздними культурными слоями памятников (поселение Зеленая Горка, стоянка на Обдорском холме) либо объекты, вообще по разным причинам не подвергавшиеся стационарным раскопкам (поселения Катра-вож и Пельвож) (*Мошинская*, 1965. С. 17, 18). Наиболее полно изучен сакрально-производственный центр Усть-Полуй. С момента обнаружения этого памятника и его первых раскопок, проведенных В. С. Адриановым в 1935–1936 гг., он становится одним из наиболее известных и, до некоторой степени, опорных памятников севера Западной Сибири. В 2017 г. мы подвели итоги многолетних междисциплинарных исследований на Усть-Полуе (*Археология Арктики*, 2017). На памятнике к настоящему времени вскрыто 2208 кв. м из 3200 кв. м общей площади.

Проведено абсолютное датирование культурного слоя и отдельных сооружений по методам C14, AMS и дендрохронологическому, всего имеется 48 абсолютных дат, укладываемых в промежутки III в. до н. э. – II в. н. э. Было выделено два основных периода обустройства сакрально-производственного центра: период древнего святилища (III–II вв. до н. э.) и период сакрально-производственного центра (I в. до н. э. – II в. н. э.). Во время последнего на территории памятника были отмечены места выплавки бронзы и плавки железа, следы косторезного и камнеобрабатывающего производств, из-за чего памятник и получил свое название. Тогда же был сооружен ров, отделяющий сакральное пространство от обыденного (Гусев, Федорова, 2017. С. 19–64). Палеоклиматические исследования показали, что в период возникновения центра климат сменился на более холодный и влажный, что привело к расширению зоны тундры и лесотундры, а также к заболачиванию большинства озер региона (Панова, Янковска, 2008. С. 64). Это вызвало необходимость смены основной хозяйственной парадигмы населения с преимущественно охотничье-рыболовческой на оленеводческую, что, в свою очередь, сказалось на всех сферах жизни местного населения, в том числе внесло много изменений в социальную жизнь населения, посещавшего Усть-Полуй. Так, впервые зафиксировано появление статусного набора украшений и принадлежностей костюма (Федорова, 2017. С. 124) и парадного доспеха (Гусев, 2017. С. 39).

Самое большое количество памятников, зафиксированных и частично исследованных на территории современного ЯНАО, относятся к эпохе Средневековья – их в десять раз больше, чем более ранних. Совершенно очевидно, что такое количество памятников, причем крайне разнообразных (городища, поселения, кратковременные стоянки, могильники, клады), означает и резкое увеличение населения. Именно в Средневековье начинает интенсивно осваиваться зона тундры, в том числе – полуострова Ямал и Гыдан. Но Гыдане исследования только начались, и если на юге полуострова известно к настоящему времени несколько поселений и могильников (Ткачев, 2017. С. 122–154), то на севере был обнаружен пока только один разрушенный памятник, представляющий собой, вероятно, могильник конца I тыс. н. э., и несколько местонахождений того же времени (Гусев, Плеханов, 2016. С. 22–24). Ямал изучен значительно лучше. К 2010 г. там было зафиксировано четыре микрорайона со значительной концентрацией поселенческих памятников: Тиутейский в подзоне арктических тундр, два в бассейнах р. Нгури-яхи и Юнета-яхи и четвертый – Яртенский (бассейн р. Юрибей). Три последние – в подзоне типичных тундр (История Ямала, 2010. С. 62–64). Было также обнаружено и частично исследовано три могильника конца I – начала II тыс. н. э. Выяснено, что на полуострове Ямал памятники ранних эпох (от эпохи камня до раннего железного века) известны лишь на юге полуострова. К северу от р. Юрибей фиксируются многочисленные памятники начала эпохи Средневековья, т. е. V–VII вв. н. э. (Гусев и др., 2016. С. 234). Абсолютное большинство из них представлено кратковременными (летними) стоянками, что, по мнению А. В. Плеханова, отражает последовательный характер формирования кочевой культуры, основанной на крупностадном оленеводстве (Плеханов, 2014. С. 534). К числу уникальных памятников относится городище Ярте VI в среднем течении р. Юрибей, обильные артефакты из культурного слоя которого и беспрецедентное

количество костей северного оленя свидетельствуют о его товарной добыче на местах традиционных миграций оленьих стад (Плеханов, 2014. С. 532–534). Тем не менее, несмотря на мощный культурный слой, Ярте VI является сезонным поселением, обитаемым с июня по сентябрь (Там же).

Могильников на полуострове Ямал известно всего три: на юге полуострова – грунтовый могильник Хето-Се 1, датированный IX–X вв. н. э. (Брусницына, 2000. С. 32–48); могильник Юр-Яха 3 в бассейне р. Юрибей (Плеханов, 2016. С. 18–21) и могильник Бухта Находка 2, в котором, по мнению раскопавшего его О. В. Кардаша, выделяются две группы захоронений: VI–VII вв. н. э. и XII–XIII вв. н. э. (Кардаш, Гайдакова, 2017. С. 331–335). Могильник Хето-Се к моменту исследований, проведенных А. Г. Брусницыной, был сильно разрушен как несанкционированными раскопками, так и ветровой эрозией, о его погребальном обряде трудно говорить что-нибудь определенное. Лишь два погребения были раскопаны А. В. Соколовым (Брусницына, 2000. С. 17). Общая датировка могильника, включая серию артефактов из несанкционированных раскопок, определяется IX–XII вв. н. э. Могильник Юр-Яха 3 датирован XI–XII вв. Необходимо отметить, что, кроме обычных для региона захоронений в позе «вытянуто на спине», на всех трех ямальских кладбищах зафиксированы женские и детские захоронения в позе «сгорченно на боку».

На континентальной части территории памятников эпохи Средневековья известно довольно много, но раскопанных с достаточной для каких-то выводов поселенческих комплексов, не считая так называемых городков позднего Средневековья и Нового времени, всего четыре, из них одно городище, два поселения и комплекс, состоящий из литейной мастерской и двух грунтовых могильников. Кроме того, именно в Средневековье в массе появляются клады, основная часть которых состоит из серебряных изделий дальнего импорта.

Наибольшую часть памятников времени раннего Средневековья составляют укрепленные поселения, к этому времени окончательно формируются несколько типов городищ: от сравнительно маломощных, расположенных на площадке террасы памятников, окруженных одним рядом оборонительных сооружений из вала и рва, до мысовых, выстроенных на высоких мысах и с напольной стороны укрепленных несколькими рядами валов и рвов. Причем все они зафиксированы в северотаежной зоне, в лесотундре встречаются только поздние городки, образующие своего рода северный фронт для обороны от обитающих в тундре кочевников-оленоводо-в. Раскопками изучались только некоторые поздние городки (Надымский и Войкарский) и лишь одно городище времени раннего Средневековья. А. Г. Брусницына заметила увеличение памятников времени VI – начала XII в. в северной зоне Нижнего Приобья (Брусницына, 2002. С. 14), связав это с демографическими скачками и периодическими потеплениями климата (Там же). Вероятно, ситуация с демографическими скачками или, вернее, с резким увеличением населения в эпоху Средневековья ни в коем случае не объясняется климатическими перепадами, т. к. в это время мало того что резко возросло количество городищ, что само по себе требует объяснения, но и была заселена вся зона тундры – от южных тундр до арктических (см. выше). Демографический рост, скорее всего, был вызван переходом значительной части населения к производящему хозяйству, а именно – оленеводству,

что, во-первых сделало пищевой рацион более стабильным а во-вторых, этот же фактор способствовал формированию регионального рынка, через который шел обмен «северных» товаров на «южные», т. е. продуктов оленеводства, мехов, моржовой кости на древесину и изделия из нее, бересту, предметы дальнего импорта и вещей из Предуралья. Взаимоотношения «оседлые – кочевники» на севере строились примерно по тому же сценарию, что и на юге, в лесостепи и степи, слагаясь как из военных конфликтов, из-за которых и возникла необходимость в цепи городищ с мощными укреплениями, так и из партнерских отношений на местных рынках.

Состав упоминавшихся выше кладов дает нам, с одной стороны, недвусмысленные свидетельства резкой дифференциации общества, с другой – наличия хорошо отлаженных торговых путей не только с запада на восток, но и с востока на запад (*Федорова*, 2015. С. 56–66). О далеко зашедшей социальной дифференциации общества свидетельствует и массовое распространение статусных украшений, принадлежностей костюма и вооружения, причем преимущественно мужских. С этих пор местная культура отчетливо распадается на бытовую, стабильную, традиционную и элитную, мобильную, подверженную изменениям, диктуемым в том числе и своего рода модой, что отразилось в распространении не только импортных вещей, но и местных подражаний им.

Исследования последних десяти лет на могильном комплексе у поселка Зеленый Яр также продемонстрировали его неоднозначность. Кроме общеизвестных находок мумифицированных объектов, ставших предметами многочисленных междисциплинарных исследований (Зеленый Яр..., 2005; *Гусев Ал. В. и др.*, 2014. С. 89–96; *Slepchenko et al.*, 2015. Р. 974–980), для него характерна довольно отчетливая «элитарность» погребений, особенно для самых поздних могил, датированных временем около XIII в. (*Гусев Ал. В.*, 2015. С. 291–293; 2017. С. 145–148).

Изучение поздних (XVI–XVIII вв.) городков в настоящее время является одним из приоритетных направлений для арктической и субарктической зон Западной Сибири. О. В. Кардаш, проводивший раскопки на двух из них – Надымском городке и Полуйском мысовом городке – и монографически опубликовавший их (*Кардаш*, 2013а; 2013б), совершенно справедливо отмечает, что эти исследования, во-первых, заполняют важную временную лакуну от эпохи позднего Средневековья до XVIII в., во-вторых, дают большую коллекцию артефактов из органических материалов, позволяющую соотнести современные аборигенные культуры региона с археологическими культурами древности (*Кардаш*, 2013а. С. 5).

В начале 2000-х гг. были возобновлены раскопки первого русского города в Сибирском Заполярье – Мангазеи (*Визгалов, Пархимович*, 2008). Широкомасштабные исследования проводились впервые после работ ААНИИ под руководством М. И. Белова (*Белов и др.*, 1980; 1981). В результате было опубликовано несколько монографий (*Визгалов, Пархимович*, 2008; 2017; *Визгалов и др.*, 2011). Новые раскопки носили комплексный, междисциплинарный характер: помимо археологических, широко использовались дендрохронологические и палеоэкологические методы исследований. Кроме того, были собраны и опубликованы документы в сборнике «Обдорский край и Мангазея в XVII в.» (2004).

Изучение Войкарского городка (городища Усть-Войкарского 1) ведется с 2003 г. по настоящее время (Федорова, 2004. С. 11–17; Новиков и др., 2015. С. 391–397). Дендрохронологические датировки, полученные по многочисленным образцам, охватывают период с XV по XIX в. н. э. На основе изучения древесины и построения дендрохронологической шкалы для городища М. А. Гурская делает вывод о том, что интенсивные строительные работы за время существования городка производились с периодичностью 30–50 лет (Шиятов и др., 2005. С. 51). В настоящее время раскопки памятника еще далеки от завершения.

Таким образом, можно констатировать, что за период с начала 2000-х гг. по наши дни на территории Арктики и Субарктики Западной Сибири, во-первых, резко увеличилось количество обнаруженных и поставленных на государственный учет памятников археологии от эпохи камня до Нового времени; во-вторых, появилась серия публикаций, в том числе монографических, по исследованию части из этих памятников; в-третьих, все исследования с начала 2000-х гг. носили комплексный, междисциплинарный характер, в том числе были получены внушительные серии абсолютных дат. Не в последнюю очередь это связано с государственной поддержкой археологических изысканий в регионе.

ЛИТЕРАТУРА

- Археология Арктики. Вып. 4: Усть-Полуй: материалы и исследования: в 2 т. / Ред. О. Н. Корочкова. Екатеринбург: Деловая пресса, 2017. 2 т. (280 + 232 с.)
- Белов М. И., Овсяников О. В., Старков В. Ф., 1980. Мангазея. Мангазейский морской ход. Ч. 1. Л.: Гидрометеиздат. 164 с.
- Белов М. И., Овсяников О. В., Старков В. Ф., 1981. Мангазея. Мангазейский морской ход. Ч. 2: Материальная культура русских полярных мореходов и землепроходцев XVI–XVIII вв. М.: Наука. 147 с.
- Брусницына А. Г., 2000. Современная источниковая база изучения позднего железного века полярной зоны Западной Сибири // НВЯН АО. Вып. 3: Археология и этнология: материалы науч.-исслед. конф. по итогам полевых исследований 1999 г. Салехард: Красный Север. С. 32–48.
- Брусницына А. Г., 2002. Нижнее Приобье в конце 1-го тысячелетия н. э. (по материалам раскопок Питлярского городища в 2001 г.) // НВЯН АО. Вып. 11: Обдорья: история, культура, современность. Салехард. С. 14–18.
- Васильев Е. А., 2000. Поселение Вары-Хадыта II и проблемы первобытной археологии Ямала // НВЯН АО. Вып. 3: Археология и этнология: материалы науч.-исслед. конф. по итогам полевых исследований 1999 г. Салехард: Красный Север. С. 24–31.
- Визгалов Г. П., Пархимович С. Г., 2008. Мангазея. Новые археологические исследования. Екатеринбург; Нефтеюганск: Магеллан. 296 с.
- Визгалов Г. П., Пархимович С. Г., 2017. Мангазея: усадьба заполярного города. Нефтеюганск; Екатеринбург: Караван. 360 с.
- Визгалов Г. П., Пархимович С. Г., Курбатов А. В., 2011. Мангазея. Кожаные изделия (материалы 2001–2007 гг.). Екатеринбург: АМБ. 216 с.
- Гусев Ал. В., 2015. Погребальный обряд средневекового населения севера Западной Сибири (по материалам могильников в пос. Зеленый Яр) // IV Северный археологический конгресс: материалы. Екатеринбург; Ханты-Мансийск: Альфа Принт. С. 291–293.
- Гусев Ал. В., 2017. Некрополи Зеленого Яра (IX–X, XIII вв. н. э.) // I Международная конференция «Археология Арктики» (19–22 ноября 2017 г., Салехард): тез. докл. Екатеринбург. С. 145–148.
- Гусев Ал. В., Ражнев Д. И., Слепченко С. М., Пушкарев А. А., Водясов Е. В., Вавулин М. В., 2014. Археологический комплекс Зеленый Яр: новые технологии полевых исследований // Уральский исторический вестник. № 2 (43). Екатеринбург: УрО РАН. С. 89–96.

- Гусев Ан. В., Федорова Н. В., 2017. Морфология древнего сакрально-производственного центра Усть-Полуй // АА. Вып. 4: Усть-Полуй: материалы и исследования. Т. 1 / Ред. О. Н. Корочкова. Екатеринбург: Деловая пресса. С. 19–64.
- Гусев Ан. В., 2017. Коллекция изделий из кости и рога по материалам раскопок 1993–1995, 2006–2015 гг. // АА. Вып. 4: Усть-Полуй: материалы и исследования. Т. 2 / Ред. О. Н. Корочкова. Екатеринбург: Деловая пресса. С. 4–103.
- Гусев Ан. В., Плеханов А. В., 2016. Археологическое обследование в районе оз. Парисенто (п-ов Гыданский) // НВЯН АО. Вып. № 3 (92): Обдорья: история, культура, современность. Салехард. С. 22–24.
- Гусев Ан. В., Плеханов А. В., Федорова Н. В., 2016. Оленеводство на Севере Западной Сибири: ранний железный век – средневековье // АА. Вып. 3. Калининград. С. 228–239.
- Зеленый Яр: археологический комплекс эпохи средневековья в Северном Приобье / Отв. ред. Н. В. Федорова. Екатеринбург; Салехард: УрО РАН, 2005. 368 с.
- Зольников И. Д., Выборнов А. В., Картозия А. А., Постнов А. В., Рыбалко А. Г., 2018. Рельеф и строение четвертичных отложений Нижней Оби в связи с перспективами поиска палеолитических объектов // АА. Вып. 5. Салехард. С. 30–38.
- История Ямала. Т. 1: Ямал традиционный. Кн. 1: Древние культуры и коренные народы. Екатеринбург: Баско, 2010. 416 с.
- Кардаш О. В., 2013а. Надымский городок князей Большой Карачеи. Екатеринбург; Салехард: Магеллан. 360 с.
- Кардаш О. В., 2013б. Полуйский мысовой городок князей Тайшиных. Екатеринбург; Салехард: Магеллан. 380 с.
- Кардаш О. В., Гайдакова З. Г., 2017. Бухта Находка 2: первые результаты археологического изучения грунтового могильника VI–XIII веков на полуострове Ямал // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Т. XXIII. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН. С. 331–335.
- Косинская Л. Л., 2000. Археологические памятники бассейна р. Пур (итоги исследований 1990–1998 годов) // НВЯН АО. Вып. 3: Археология и этнология: материалы науч.-исслед. конф. по итогам полевых исследований 1999 г. Салехард: Красный Север. С. 13–23.
- Косинская Л. Л., 2017. Комплекс неолитических памятников в урочище Увыр-пай // I Международная конференция «Археология Арктики» (19–22 ноября 2017 г., Салехард): тез. докл. Екатеринбург: С. 146–147.
- Косинская Л. Л., Федорова Н. В., 1994. Археологическая карта Ямало-Ненецкого автономного округа. Екатеринбург: УрГУ. 113 с.
- Косинцев П. А., Бачура О. П., 2017. Фауна млекопитающих севера Западной Сибири в позднем плейстоцене и голоцене // I Международная конференция «Археология Арктики» (19–22 ноября 2017 г., Салехард): тез. докл. Екатеринбург: С. 11.
- Мошинская В. И., 1965. Археологические памятники Севера Западной Сибири. Москва: Наука. 87 с. (САИ; вып. ДЗ-8.)
- Новиков А. В., Гаркуша Ю. Н., Новикова О. И., Кениг А. В., Мороз М. В., 2015. Городище Усть-Войкарское (Войкарский городок): продолжение исследований в 2015 г. // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Т. XXI. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН. С. 365–369.
- Обдорский край и Мангазея в XVII в.: сб. документов / Сост.: Е. В. Вершинин, Г. П. Визгалов. Екатеринбург: Тезис, 2004. 200 с.
- Панова Н. К., Янковская В., 2008. Отчет «Результаты споро-пыльцевого анализа памятника Усть-Полуй и отложений в окрестностях г. Салехарда» // НВЯН АО. Вып. 9 (61): Усть-Полуй – древнее святилище на Полярном круге. Салехард: Красный Север. С. 55–64.
- Плеханов А. В., 2014. Заселение ямальской тундры в эпоху средневековья // Труды IV (XX) Всероссийского археологического съезда в Казани. Т. III / Отв. ред. А. Г. Ситдииков. Казань: Отечество. С. 352–354.
- Плеханов А. В., 2016. Новые исследования археологического памятника Юр-Яха III // НВЯН АО. Вып. № 3 (92): Обдорья: история, культура, современность. Салехард. С. 18–21.
- Погодин А. А., 2000. К проблеме первоначального заселения севера Западной Сибири // Древности Ямала. Вып. 1 Екатеринбург; Салехард: УрО РАН. С. 69–70.

- Ткачев А. А., 2017. Археологические исследования в низовьях р. Таз // I Международная конференция «Археология Арктики» (19–22 ноября 2017 г., Салехард): тез. докл. Екатеринбург. С. 150–152.
- Тупахина О. С., Тупахин Д. С., 2018. Поселение эпохи энеолита Горный Самотнел-1: материалы и исследования. Омск: Омскбланкиздат. 149 с.
- Федорова Н. В., 2004. Городище Усть-Войкарское (Войкарский городок) // Проблемы межкультурного взаимодействия в Сибири. Вып. 2. Новосибирск: АртИнфоДата. С. 106–108.
- Федорова Н. В., 2015. Северный широтный ход в XI–XV вв.: постановка проблемы // Уральский исторический вестник. № 2 (47). Екатеринбург: ИИА УрО РАН. С. 56–66.
- Федорова Н. В., 2016. История археологического изучения Ямальской Арктики в XX–XXI вв. // Уральский исторический вестник. № 4 (53). Екатеринбург: ИИА УрО РАН. С. 44–52.
- Федорова Н. В., 2017. Зооморфный код Усть-Полуя // АА. Вып. 4: Усть-Полуй: материалы и исследования. Т. 2 / Ред. О. Н. Корочкова. Екатеринбург: Деловая пресса. С. 104–126.
- Хлобыстин Л. П., 1990. 200 лет арктической археологии // КСИА. Вып. 200. С. 3–8.
- Шиятов С. Г., Хантемиров Р. М., Горячев В. М., Агафонов Л. И., Гурская М. А., 2005. Дендрохронологические датировки археологических и этнографических памятников Западной Сибири // Археология и естественно-научные методы / Сост.: Е. Н. Черных, В. И. Завьялов. М.: Языки славянской культуры. С. 43–57.
- Slepchenko S. M., Ivanov S. N., Gusev A. V., Svyatova E. O., 2015. Opisthorchiasis in infant remains from the medieval Zeleniy Yar burial ground of XII–XIII centuries AD // *Memorias do Instituto Oswaldo Cruz*. Vol. 110. No. 8. P. 974–980.

Сведения об авторе

Федорова Наталья Викторовна, Научный центр изучения Арктики, ул. Республики, 20, г. Салехард, 629008, Россия; e-mail: mvk-fedorova@mail.ru

N. V. Fedorova

RESEARCH IN THE YAMAL ARCTIC REGION AND SUBARCTIC REGION
IN THE 2000S

Abstract. Archaeological research of the Arctic and Subarctic regions of Western Siberia began back in the 1920s; however, until the early 2000s this research conducted by a small team of scientists from Moscow and St. Petersburg was mostly focused on isolated issues. The paper examines recent studies that have been demonstrating a gradual increase in scope of activities. The issues under these studies focus mainly on three areas: the history of settlement patterns, including exploitation of the Ob River valley and the Yamal and Gydan Peninsulas; development of adaptations to polar conditions such as biological, economic and social/cultural adaptations; cultural interactions with neighboring regions and centers of ancient and medieval civilizations. We may infer from this analysis that during the period from the early 2000s to the present day: (i) the number of archaeological sites discovered in this Arctic and Subarctic regions of Western Siberia and included in the state register of sites from the Stone Age to the modern period has increased dramatically; (ii) a series of publications, including monographs which analyze some of these sites, has been released; (iii) starting from the early 2000s, all studies have been comprehensive and interdisciplinary, with impressive series of absolute dates having been obtained. One of the major reasons is state support of archaeological investigations in this region.

Keywords: Arctic Region and Subarctic regions of Western Siberia, Stone and Bronze Age, Early Iron Age, medieval period, interdisciplinary studies.

REFERENCES

- AA, 4. Ust'-Poluy: materialy i issledovaniya [Ust'-Poluy: materials and investigations]. O. N. Korochkova, ed. Yekaterinburg: Delovaya pressa, 2017. 2 vols. (280 + 232 p.)
- Belov M. I., Ovsyanikov O. V., Starkov V. F., 1980. Mangazeya. Mangazeyskiy morskoy khod [Mangazeya. Mangazeya sea route], 1. Leningrad: Gidrometeoizdat. 164 p.
- Belov M. I., Ovsyanikov O. V., Starkov V. F., 1981. Mangazeya. Mangazeyskiy morskoy khod [Mangazeya. Mangazeya sea route], 2. Material'naya kul'tura russkikh polyarnykh morekhodov i zemleprokhodsev XVI-XVIII vv. [Material culture of Russian polar seafarers and land-explorers of XVI-XVIII cc.]. Moscow: Nauka. 147 p.
- Brusnitsyna A. G., 2000. Sovremennaya istochnikovaya baza izucheniya pozdnego zheleznogo veka polyarnoy zony Zapadnoy Sibiri [Contemporary source base for study of late Iron Age in polar zone of West Siberia]. NVYaN AO, 3. *Arkheologiya i etnologiya: materialy nauchno-issledovatel'skoy konferentsii po itogam polevykh issledovaniy 1999 g.* [Archaeology and ethnology: proceedings of scientific investigational conference on results of field investigations of 1999]. Salekhard: Krasnyy Sever, pp. 32-48.
- Brusnitsyna A. G., 2002. Nizhneye Priob'ye v kontse I-go tysyacheletiya n. e. (po materialam raskopok Pitlyarskogo gorodishcha v 2001 g.) [Lower Ob' region in late I millennium AD (based on materials of excavations of Pitlyarskoe hillfort in 2001)]. NVYaN AO, 11. *Obdoriya: istoriya, kul'tura, sovremennost'* [Obdoria: history, culture contemporaneity]. Salekhard, pp. 14-18.
- Fedorova N. V., 2004. Gorodishche Ust'-Voykarskoye (Voykarskiy gorodok) [Hillfort Ust'-Voykarskoye (Voykarskiy gorodok)]. *Problemy mezhetnicheskogo vzaimodeystviya v Sibiri* [Problems of interethnic interaction in Siberia], 2. Novosibirsk: ArtInfoData, pp. 106-108.
- Fedorova N. V., 2015. Severnyy shirotnyy khod v XI-XV vv.: postanovka problemy [Northern latitudinal route in XI-XV cc.: raising the problem]. *Ural'skiy istoricheskiy vestnik* [Uralian history herald], № 2 (47). Yekaterinburg: IIA UrO RAN, pp. 56-66.
- Fedorova N. V., 2016. Istoriya arkheologicheskogo izucheniya Yamal'skoy Arktiki v XX - XXI vv. [History of archaeological studies in Yamal Arctic in XX - XXI cc.]. *Ural'skiy istoricheskiy vestnik* [Uralian history herald], № 4 (53). Yekaterinburg: IIA UrO RAN, pp. 44-52
- Fedorova N. V., 2017. Zoomorfnyy kod Ust'-Poluya [Zoomorphic code of Ust'-Poluy]. AA, 4. *Ust'-Poluy: materialy i issledovaniya* [Ust'-Poluy: materials and investigations]. T. 2 / Red. O. N. Korochkova. Yekaterinburg: Delovaya pressa, pp. 104-126.
- Gusev Al. V., 2015. Pogrebal'nyy obryad srednekovogo naseleniya severa Zapadnoy Sibiri (po materialam mogil'nikov v pos. Zelenyy Yar) [Burial rite of medieval population of West Siberia (based on materials of cemeteries in settlement Zelenyy Yar)]. *IV Severnyy arkheologicheskiy kongress: materialy* [IV Northern archaeological congress: transactions]. Yekaterinburg; Khanty-Mansiysk: Al'fa Print, pp. 291-293.
- Gusev Al. V., 2017. Nekropoli Zelenogo Yara (IX-X, XIII vv. n. e.) [Necropolises of Zelenyy Yar (IX-X, XIII cc. AD)]. *I Mezhdunarodnaya konferentsiya «Arkheologiya Arktiki»: tezis dokladov* [I International congress «Archaeology of the Arctic»: abstracts]. Yekaterinburg, pp. 145-148.
- Gusev Al. V., Razhev D. I., Slepchenko S. M., Pushkarev A. A., Vodyasov E. V., Vavulin M. V., 2014. Arkheologicheskiy kompleks Zelenyy Yar: novyye tekhnologii polevykh issledovaniy [Archaeological complex Zelenyy Yar: new technologies of field investigations]. *Ural'skiy istoricheskiy vestnik* [Uralian history herald], 2 (43). Yekaterinburg: UrO RAN, pp. 89-96.
- Gusev An V., Fedorova N. V., 2017. Morfologiya drevnego sakral'no-proizvodstvennogo tsentra Ust'-Poluy [Morphology of ancient sacral production centre Ust'-Poluy]. AA, 4. *Ust'-Poluy: materialy i issledovaniya* [Ust'-Poluy: materials and investigations], 1. O. N. Korochkova, ed. Yekaterinburg: Delovaya pressa, pp. 19-64.
- Gusev An. V., 2017. Kolleksiya izdeliy iz kosti i roga po materialam raskopok 1993-1995, 2006-2015 gg. [Collection of items of bone and antler based on materials of excavations of 1993-1995,

- 2006–2015]. *AA, 4. Ust'-Poluy: materialy i issledovaniya [Ust'-Poluy: materials and investigations]*, 2. O. N. Korochkova, ed. Yekaterinburg: Delovaya pressa, pp. 4–103.
- Gusev An. V., Plekhanov A. V., 2016. Arkheologicheskoye obsledovaniye v rayone oz. Parisento (p-ov Gydanskiy) [Archaeological surveys in Parisento Lake region (Gydanskiy peninsula)]. *NVYaN AO, 3 (92). Obdoriya: istoriya, kul'tura, sovremennost' [Obdoria: history, culture, contemporaneity]*. Salekhard, pp. 22–24.
- Gusev An. V., Plekhanov A. V., Fedorova N. V., 2016. Olenevodstvo na Severe Zapadnoy Sibiri: ranniy zheleznyy vek – srednevekov'ye [Reindeer economy in the North of West Siberia: Early Iron Age – Middle Ages]. *AA, 3. Kaliningrad*, pp. 228–239.
- Istoriya Yamala [History of Yamal], 1. Yamal traditsionnyy [Yamal the traditional], 1. Drevniye kul'tury i korennyye narody [Ancient cultures and aboriginal peoples]. Yekaterinburg: Basko, 2010. 416 p.
- Kardash O. V., 2013a. Nadymskiy gorodok knyazey Bol'shoy Karachei [Nadym town of Bolshaya Karacheya princes]. Yekaterinburg; Salekhard: Magellan. 360 p.
- Kardash O. V., 2013b. Poluyskiy mysovoy gorodok knyazey Tayshinykh [Poluy promontory town of Tayshin princes]. Yekaterinburg; Salekhard: Magellan. 380 p.
- Kardash O. V., Gaydakova Z. G., 2017. Bukhta Nakhodka 2: pervyye rezul'taty arkheologicheskogo izucheniya gruntovogo mogil'nika VI–XIII vekov na poluostrove Yamal [Nakhodka Bay 2: first results of archaeological research of ground cemetery of VI–XIII centuries in Yamal peninsula]. *Problemy arkheologii, etnografii, antropologii Sibiri i sopredel'nykh territoriy [Problems of archaeology, ethnography, anthropology of Siberia and adjacent territories]*, XXIII. Novosibirsk: IAET SO RAN, pp. 331–335.
- Khlobystin L. P., 1990. 200 let arkticheskoy arkheologii [200 years of Arctic archaeology]. *KSIA, 200*, pp. 3–8.
- Kosinskaya L. L., 2000. Arkheologicheskiye pamyatniki basseyna r. Pur (itogi issledovaniy 1990–1998 godov) [Archaeological sites of river Pur basin (results of investigations of 1990–1998)]. *NVYaN AO, 3. Arkheologiya i etnologiya: materialy nauchno-issledovatel'skoy konferentsii po itogam polevykh issledovaniy 1999 g. [Archaeology and ethnology: proceedings of scientific investigation conference on results of field investigations of 1999]*. Salekhard: Krasnyy Sever, pp. 13–23.
- Kosinskaya L. L., 2017. Kompleks neoliticheskikh pamyatnikov v urochishche Uvyr-pay [Complex of Neolithic sites in locality Uvyr-pay]. *I Mezhdunarodnaya konferentsiya «Arkheologiya Arktiki»: tezisy dokladov [International conference «Archaeology of the Arctic»: abstracts]*. Yekaterinburg, pp. 146–147.
- Kosinskaya L. L., Fedorova N. V., 1994. Arkheologicheskaya karta Yamalo-Nenetskogo avtonomnogo okruga [Archaeological map of Yamal-Nenets Autonomous district]. Yekaterinburg: Ural'skiy gos. universitet. 113 p.
- Kosintsev P. A., Bachura O. P., 2017. Fauna mlekopitayushchikh severa Zapadnoy Sibiri v pozdnem pleystotsene i golotsene [Mammal fauna of the North of West Siberia in the late Pleistocene and Holocene]. *I Mezhdunarodnaya konferentsiya «Arkheologiya Arktiki»: tezisy dokladov [International conference «Archaeology of the Arctic»: abstracts]*. Yekaterinburg, p. 11.
- Moshinskaya V. I., 1965. Arkheologicheskiye pamyatniki Severa Zapadnoy Sibiri [Archaeological sites of the North of West Siberia]. Moscow: Nauka. 87 p. (SAI.)
- Novikov A. V., Garkusha Yu. N., Novikova O. I., Kenig A. V., Moroz M. V., 2015. Gorodishche Ust'-Voykarskoye (Voykarskiy gorodok): prodolzheniye issledovaniy v 2015 g. [Hillfort Ust'-Voykarskoye (Voykarskiy gorodok): investigations continued in 2015]. *Problemy arkheologii, etnografii, antropologii Sibiri i sopredel'nykh territoriy [Problems of archaeology, ethnography and anthropology of Siberia and adjacent territories]*, XXI. Novosibirsk: IAET SO RAN, pp. 365–369.
- Obdorskiy kray i Mangazeya v XVII v.: sbornik dokumentov [Obdor land and Mangazeya in XVII c.: collection of documents]. E. V. Vershinin, G. P. Vizgalov, comp. Yekaterinburg: Tezis, 2004. 200 p.
- Panova N. K., Yankovska V., 2008. Otchet «Rezul'taty sporo-pyl'tsevogo analiza pamyatnika Ust'-Poluy i otlozheniy v okrestnostyakh g. Salekharda» [Report «Results of spore-pollen analysis of Ust'-Poluy site and deposits in vicinity of the city of Salekhard»]. *NVYaN AO, 9 (61). Ust'-Poluy – drevneye svyatilishche na Polyarnom krugе [Ust'-Poluy – ancient sanctuary on the Arctic circle]*. Salekhard: Krasnyy Sever, pp. 55–64.

- Panova N. K., 1990. Novyye dannyye k paleoekologii i istorii rastitel'nosti Yuzhnogo Yamala v golotsene [New data on palaeoecology and history of vegetation in Southern Yamal in Holocene]. *Chetvertichnyy period: metody issledovaniya, stratigrafiya i ekologiya: VII Vsesoyuznoye soveshchaniye: tezisy dokladov* [Quaternary: investigation methods, stratigraphy and ecology: VII All-Union meeting: abstracts], 1. Tallinn, pp. 45–46.
- Plekhanov A. V., 2014. Zaseleniye yamal'skoy tundry v epokhu srednevekov'ya [Settlement of Yamal tundra in Middle Ages]. *Trudy IV (XX) Vserossiyskogo arkheologicheskogo s'yezda v Kazani* [Transactions of IV (XX) All-Russian archaeological congress in Kazan'], III. A. G. Sitdikov, ed. Kazan': Otechestvo, pp. 352–354.
- Plekhanov A. V., 2016. Novyye issledovaniya arkheologicheskogo pamyatnika Yur-Yakha III [New investigations of archaeological site Yur-Yakha III]. *NVYaN AO, 3 (92). Obdoriya: istoriya, kul'tura, sovremennost'* [Obdoriya: history, culture, contemporaneity]. Salekhard, pp. 18–21.
- Pogodin A. A., 2000. K probleme pervonachal'nogo zaseleniya severa Zapadnoy Sibiri [On problem of initial settlement of the North of West Siberia]. *Drevnosti Yamala* [Antiquities of Yamal], 1 Yekaterinburg; Salekhard: UrO RAN, pp. 69–70.
- Shiyatov S. G., Khantemirov R. M., Goryachev V. M., Agafonov L. I., Gurskaya M. A., 2005. Dendrokronologicheskiye datirovki arkheologicheskikh i etnograficheskikh pamyatnikov Zapadnoy Sibiri [Dendrochronological dates of archaeological and ethnographic sites in West Siberia]. *Arkheologiya i estestvennonauchnyye metody* [Archaeology and natural scientific methods]. E. N. Chernykh, V. I. Zav'yalov, comp. Moscow: Yazyki slavyanskoy kul'tury, pp. 43–57.
- Slepchenko S. M., Ivanov S. N., Gusev A. V., Svyatova E. O., 2015. Opisthorchiasis in infant remains from the medieval Zeleniy Yar burial ground of XII–XIII centuries AD. *Memorias do Instituto Oswaldo Cruz*, vol. 110, no. 8, pp. 974–980.
- Tkachev A. A., 2017. Arkheologicheskiye issledovaniya v nizov'yakh r. Taz [Archaeological investigations in Taz river lower reaches]. *I Mezhdunarodnaya konferentsiya «Arkheologiya Arktiki»: tezisy dokladov* [I International conference «Archaeology of the Arctic»: abstracts]. Yekaterinburg, pp. 150–152.
- Tupakhina O. S., Tupakhin D. S., 2018. Poseleniye epokhi eneolita Gornyy Samotnel-1: materialy i issledovaniya [Settlement Gornyy Samotnel-1 of Eneolithic epoch: materials and investigations]. Omsk: Omskblankizdat. 149 p.
- Vasil'yev E. A., 2000. Poseleniye Vary-Khadyta II i problemy pervobytnoy arkheologii Yamala [Settlement Vary-Khadyta II and problems of prehistoric archaeology of Yamal]. *NVYaN AO, 3. Arkheologiya i etnologiya: materialy nauchno-issledovatel'skoy konferentsii po itogam polevykh issledovaniy 1999 g.* [Archaeology and ethnology: proceedings of scientific investigational conference on results of field investigations of 1999]. Salekhard: Krasnyy Sever, pp. 24–31.
- Vizgalov G. P., Parkhimovich S. G., 2008. Mangazeya. Novyye arkheologicheskiye issledovaniya [Mangazeya. New archaeological investigations]. Yekaterinburg; Nefteyugansk: Magellan. 296 p.
- Vizgalov G. P., Parkhimovich S. G., 2017. Mangazeya: usad'ba zapolyarnogo goroda [Mangazeya: dwelling spot of the polar city]. Nefteyugansk; Yekaterinburg: Karavan. 360 p.
- Vizgalov G. P., Parkhimovich S. G., Kurbatov A. V., 2011. Mangazeya. Kozhanyye izdeliya (materialy 2001–2007 gg.) [Mangazeya. Leather items (materials of 2001–2007)]. Yekaterinburg: AMB. 216 p.
- Zelenyy Yar: arkheologicheskiy kompleks epokhi srednevekov'ya v Severnom Priob'ye [Zelenyy Yar: archaeological complex of Middle Ages in northern part of Ob' region]. N. V. Fedorova, ed. Yekaterinburg; Salekhard: UrO RAN, 2005. 368 p.
- Zol'nikov I. D., Vybornov A. V., Kartoziya A. A., Postnov A. V., Rybalko A. G., 2018. Rel'yef i stroeniye chetvertichnykh otlozheniy Nizhney Obi v svyazi s perspektivami poiska paleoliticheskikh ob'yektov [Relief and structure of Quaternary deposits of Lower Ob' in connection with prospects of searching for Palaeolithic objects]. *AA*, 5. Salekhard, pp. 30–38.

About the author

Fedorova Natalia V., Arctic research centre, ul. Respubliki, 20, Salekhard, 629008, Russian Federation; e-mail: mvk-fedorova@mail.ru

Е. М. Колпаков, В. Я. Шумкин

ПЕТРОГЛИФЫ ЧАЛЬМН-ВАРРЭ: НОВОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ

Резюме. Авторами заново документированы петроглифы Чальмн-Варрэ на реке Поной на Кольском полуострове, открытые в 1973 г. На памятнике насчитывается 287 фигур, занимающих 10 отдельных валунов. Более половины учтенных фигур относятся к «точкам» и «пятнам» разной формы и частично утраченным выбивкам, которые не поддаются определению и интерпретации. При этом нет изображений лодок, ихтиморфов и орнитоморфов. Все фигуры силуэтные. Треть составляют зооморфы в профиль. Из них одна «змея», а все остальные относятся к двуногим, трехногим и четырехногим. 18 антропоморфов анфас, 2 следа копыт, 9 геометрических фигур и 6 чашевидных углублений. Среди памятников с небольшим количеством фигур Чальмн-Варрэ выделяется большим количеством выраженных композиций: можно насчитать от 9 до 20. Совершенно неожиданным явлением на фоне заметной исключительности Чальмн-Варрэ оказывается композиция *копуляции собак*, которая имеется еще только в Альте. Уникальной является композиция *рождения зооморфа женским антропоморфом*, как и симметричная композиция вокруг одной из таких сцен. Этот тип композиции имеет аналогии не в наскальном искусстве, а в саамской мифологии. Его можно связать с легендой о человеке-олене Мяндаше.

Ключевые слова: Кольский полуостров, река Поной, Чальмн-Варрэ, петроглифы.

История исследований петроглифов Кольского полуострова крайне коротка, поскольку все памятники открыты сравнительно недавно. В дополнение к этому все они являются труднодоступными, и немногие археологи смогли до них добраться. Все мурманские памятники исследованы Кольской экспедицией ИИМК РАН (ЛЮ ИА АН СССР). Петроглифы на р. Поной открыты в 1973 г., писаницы и петроглифы на полуострове Рыбачий на реке Пяйве – в 1985 г. и на реке Майка – в 1986 г., петроглифы на озере Канозеро – в 1997 г. (Шумкин, 1987; 1990; 1995; 2001; 2004; Shumkin, 1990; 1991; 1995; 2000; Gurina, 2005; Колпаков, Шумкин, 2012; Kolpakov et al., 2008; Лухачев, 2007; 2011).

Первое открытие – Чальмн-Варрэ – было сделано в центре Кольского полуострова на правом берегу реки Поной, на северо-восточной окраине д. Ивановка (в 2016 г. постоянно жила одна семья) в 30 км к юго-востоку от поселка Краснощелье. Саамское название места – Чальмн-Варрэ, что в одном из переводов означает «черный глаз», в другом – «лесная горка» (с которой высматривают оленей). Первые изображения на шести камнях открыты здесь в 1973 г. В. Я. Шумкиным во время археологической разведки по Поною (*Шумкин, 1973; Shumkin, 1990; 2000*). Исследование и документирование памятника проведено Н. Н. Гуриной в 1974–1977 гг. (*Гурина, 1974; 1977*). Подготовленная Н. Н. Гуриной к 1989 г. рукопись была переведена на английский язык и опубликована Анной Стальсберг (*Gurina, 2005*). В 1989 г. было найдено еще 4 камня с выбивками (*Shumkin, 2000. С. 219*).

В 2014–2017 гг. нами было проведено новое исследование и документирование наскальных изображений Чальмн-Варрэ (*Колпаков, 2014; 2016*). При сравнении документации Н. Н. Гуриной с нашей очевидны существенные различия. Даже количество фигур отличается: у Н. Н. Гуриной – 121 на 6 камнях (*Gurina, 2005. Р. 19*), у нас – 279 на тех же камнях. Всего по нашей документации на памятнике насчитывается 287 фигур на 10 камнях.

Выбивки расположены на 10 отдельных крупных валунах, являющихся частью обширного курума, частично покрытого травой и кустарником (рис. 1). Причем камни с изображениями ничем не отличаются от окружающих их валунов. Камни с петроглифами располагаются в пойме и на краю первой надпойменной террасы на расстоянии от 0 (камень № 1) до 50 м (камень № 6) от уреза воды в реке. Между крайними в группе камнями – № 1 и № 6 – расстояние 130 м. Остальные располагаются рядом или между ними по пологой дуге (близкой к прямой линии), обращенной вершиной к реке (*Колпаков, 2014*).

Высота камней над средним уровнем воды в реке, если считать по поверхностям с фигурами, от 0,8 м (камень № 1) до 3 м (камень № 3). Отметка уровня воды в Поное в данном месте – 145 м в Балтийской системе высот. Во время обычных паводков камни, кроме № 3, 6, 7, заливаются водой и заносятся грунтом. Основные параметры камней с петроглифами представлены в табл. 1.

Таблица 1. Петроглифы Чальмн-Варрэ. Параметры камней с петроглифами

Параметр / Номера камней	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
Количество фигур	31	6	14	5	155	68	1	1	1	5
Расстояние до реки Поной (м)	1	3	12	32	38	50	28	4	43	38
Высота фигур над уровнем воды (м)	0,8	0,8	3	1,5	1,7	2,8	2,3	0,8	2,2	1,7
Площадь верхней поверхности камня (м ²)	3,3	2,6	2,3	1,3	2,2	3,5	1,4	0,9	0,12	1,9
Площадь поверхности с выбивками (м ²)	1,6	0,5	0,8	0,3	2	2,3	0,01	0,08	0,02	0,2

Рис. 1. Чальми-Варрз. Расположение камней с петроглифами в северной части д. Ивановка. План

Рис. 2. Чальмн-Варрэ. Камни с петроглифами

Поверхность камней в основном значительно эродирована, и ряд выбивок плохо различим, а некоторая их часть и вовсе уничтожена в результате отслаивания и полного разрушения поверхности. Исключение составляет камень № 1, который имеет хорошо заполированную поверхность и, соответственно, четкие края выбитых фигур. Такое состояние поверхности и выбивок на ней, вероятнее всего, объясняется тем, что этот камень находится на краю берега на уровне воды в реке Поной и в межень используется как причал для лодок. Он не заносится речными отложениями в паводок, на нем плохо удерживаются лишайники.

Как уже упоминалось, по нашей документации, на 10 камнях в Чальмн-Варрэ насчитывается 287 фигур, хотя эти подсчеты достаточно условны и представляют собой количество номеров фигур на чертежах (рис. 2). Большинство оригинальных фигур и композиций (как, впрочем, и неясных фигур) находится на камне № 5, который в настоящее время выставлен в Музее истории, культуры и быта кольских саамов в поселке Ловозеро. Всего на этом камне насчитывается 155 фигур. На камне № 9 единственная зооморфная фигура, которая, возможно, является современной выбивкой (есть еще камни с явно современными выбивками, которые мы не рассматриваем).

Типологический анализ

Основные типы (категории) фигур и их распределение по камням представлены в табл. 2 и рис. 3.

Таблица 2. Петроглифы Чальмн-Варрэ. Категории фигур по камням

	<i>Категория / Номера камней</i>	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	<i>Всего</i>
1	Антропоморфы	2	1			14	1					18
2	Зооморфы	19	1	6	3	34	29		1	1	1	95
3	Следы копыт					2						2
4	Фигуры	2				3	3	1				9
5	Чашевидные углубления			1		4	1					6
6	Неясные	8	4	7	2	98	34				4	157
	Всего	31	6	14	5	155	68	1	1	1	5	287

18 **антропоморфов** – 6,3 % всех фигур. Все изображения даны анфас. Ни у одного нет предметов в руках. 14 из них являются однолинейными – тело у них изображено одной линией такой же ширины, что руки и ноги. У двух фигур тело несколько шире.

У 12 антропоморфов обозначен **пол**. Использованные для этого приемы не всегда поддаются однозначной интерпретации. По наличию фаллоса мужскими можно считать четыре фигуры. Шесть фигур можно уверенно отнести

Антропоморфы

Зооморфы

Неясные

Фигуры

Чашевидные углубления

Следы копыт

Рис. 3. Чальмн-Варрэ. Фигуры по категориям и по камням

к женским. Однако у четырех из них признаком пола является специальное обозначение живота – округлое расширение на линейном туловище, а не вульва или грудь. У пятой женской фигуры изображены вульва и грудь, у шестой – грудь и живот. У последних двух антропоморфов как бы изображен фаллос, но у одного он не соединяется с телом, а у другого – под коротким фаллосом изображена вульва.

У шести антропоморфов **голова** кольцевая – округлая с невыбитым кругом внутри. Причем у одного внутри головы-кольца есть выбитые элементы в форме скобы, которые можно оценить как изображение лица. Уникальным изобретением Чальмн-Варрэ является ромбовидная голова одного из антропоморфов – асимметричный ромб с невыбитым асимметричным ромбом внутри. Один антропоморф имеет в голове крошечный невыбитый участок, воспринимаемый как глаз, – тогда может считаться, что его голова повернута в профиль.

Из остальных антропоморфов пять имеют округлую голову, причем один с тремя отходящими вверх лучами, и четыре – стержневидную.

У пяти антропоморфов изображены **пальцы** на руках, а у одного и на ногах. Во всех случаях, когда пальцы выглядят отчетливо, их три.

Треть фигур – 95 (33,1 %) – составляют **зооморфы** в профиль. Из них одна «змея», а все остальные относятся к двуногим, трехногим и четырехногим. 70 из них – это фигуры без особых утрат, то есть имеющие тело, голову, уши, передние и задние ноги, хвост. Зооморфов в проекции сверху нет.

У 29 фигур изображены одна передняя и одна задняя **ноги**. У 27 фигур изображены пара передних и пара задних ног, иногда всего три ноги (сохранились).

Уши также выбиты как одно или как пара. При этом стиль их изображения не связан со стилем изображения ног. Есть всего один мелкий и грубо выбитый зооморф без ушей. У 8 фигур уши можно интерпретировать как рога. Однако нет ни одного несомненного случая изображения рогов.

В изображениях многих зооморфов Чальмн-Варрэ использован специфический понойский прием – «**калачевидные**» **конечности**. Он состоит в том, что пары передних и/или задних ног зооморфов в нижней части смыкаются по дуге в единое целое. Причем наблюдается своеобразный типологический ряд по этому признаку: нормально разделенные конечности – ноги касаются друг друга своими нижними концами – концы ног сливаются вместе – пара ног образует овал. То же самое относится и к ушам, хотя при их изображении прием встречается значительно реже (можно насчитать от 6 до 10). Прием использован на 36 фигурах (38,7 % зооморфов). Совершенства этот прием достигает в фигурах, у которых к телу с головой и хвостом присоединены три «калacha». Причем в нескольких случаях ноги или уши («калacha») одной фигуры использованы как ноги или уши другой фигуры. Связанные таким образом фигуры образуют специфические композиции. При этом составляющие их зооморфы входят в другие композиции.

Следы копыт (2 экз.), которые мы отмечаем, относительно маленькие, и их выделение среди множества мелких пятен и повреждений на камне № 5 нельзя считать надежным. Вполне возможно, что их подковообразная форма случайна, тем более что ни одного несомненного следа животных в Чальмн-Варрэ нет.

Из «**абстрактных**» (9 экз.) фигур заслуживают внимания две: типа точки внутри овала, что, по аналогии с петроглифами Канозера, может быть знаком вульвы.

Видовые определения

Н. Н. Гурина считала, что на понойских петроглифах изображены северные олени (*Gurina*, 2005. Р. 21). Однако о видовых признаках понойских зооморфных фигур говорить довольно сложно, поскольку они просто не изображены. Рога отсутствуют у всех фигур. Некоторые уши можно считать рогами, но это ничего не меняет, поскольку условность фигур не позволяет отделить лосиные рога от оленьих. В общем, с таким же основанием можно считать профильных зооморфов Чальмн-Варрэ собаками. При этом у трех фигур можно все-таки усмотреть изображение лосиной серьги, а у 19 – стилизованное изображение

отвислой нижней губы, характерной для лося. Среди этих последних можно выделить девять фигур с выраженной горбатой мордой, также характерной для лося.

Есть пара фигур, обозначающих собак. Одна – с открытой пастью и направленными вперед ушами, другая отличается от «обычных» понойских зооморфов короткой мордой. Главное, что позволяет интерпретировать эту пару как обозначение собак, – сцена копуляции.

Таким образом, если уж пытаться определить вид понойских зооморфов, то подавляющее большинство из них – лоси.

Композиции

Типы композиций и их распределение по камням представлены в табл. 3 и рис. 4.

Таблица 3. Чальмн-Варрэ. Типы композиций по камням

	Тип / Номера камней	1	2	3	4	5	6	Всего
1	Рождение зооморфа женщиной					2		2
2	Рождение зооморфа					1		1
3	Любовь					1		1
4	Группа антропоморфов					1		1
5	Антропоморф и зооморф	2	?			2	1	5
6	Копуляция собак					1		1
7	Группа зооморфов	1		1	1	1	1	5
	Всего	3		1	1	9	2	16

1. **Группа зооморфов** (5 экз.). Несколько зооморфов, расположенных рядом. Собственно говоря, каждый камень, на котором есть несколько фигур, и является отдельной композицией. Зооморфы расположены в целом хаотично. При этом внутри общего скопления зооморфов обычно можно выделить пары и тройки, выстроенные в линию.

2. **Антропоморф и зооморф** (5 экз.). Антропоморф и зооморф(ы), накладывающиеся или соединенные друг с другом (рис. 4: 1–4). Эта композиция существует как сама по себе, так и входит в качестве элемента в более сложные композиции. Наложение фигур использовалось как прием для обозначения их особой связи. Поскольку такие сочетания фигур образуют явные композиции, по крайней мере в ряде случаев, у нас нет оснований автоматически рассматривать нижние и верхние фигуры в них как выбитые в разные хронологические этапы жизни памятника. Кроме того, далеко не всегда можно определить последовательность перекрывающихся выбивок.

Рис. 4. Чальмн-Варрэ. Композиции

1–4 – антропоморф и зооморф; 6 – рождение зооморфа; 5, 6 – рождение зооморфа женщиной; 7 – любовь; 8 – группа антропоморфов; 9 – копуляция собак

На камне № 1 две такие композиции объединены в одну пару. Причем это объединение достигнуто выбивкой двух линий, менее глубоких, чем основные фигуры, соединяющих второго антропоморфа с двумя зооморфами. На камне № 6 на антропоморфную фигуру наложено три или четыре зооморфа.

На камне № 2 антропоморф и зооморф находятся близко друг к другу, и на этом камне больше нет выраженных фигур. Однако они находятся на разных фасах камня и парой могут восприниматься только на чертеже. Поэтому они не рассматриваются как композиция, однопорядковая перечисленным пяти.

3. **Рождение зооморфа** (1 экз.). Маленький зооморф между задними ногами и туловищем более крупного зооморфа. Входит в другую большую композицию рождения зооморфа человеком (рис. 4: 6).

4. **Рождение зооморфа женщиной** (2 экз.). Антропоморф с обозначенной женской грудью, между ногами которого зооморф. Если одна из этих композиций осложняется только зооморфом(ами) на левой руке женской фигуры, то вторая входит в сложную многофигурную композицию, в буквальном смысле закрученную вокруг центральной женской фигуры. Антропоморфы и зооморфы в ней расположены более или менее симметрично по обе стороны от центральной женской фигуры как бы по кругу в направлении от головы к ступням ног. В этом круге находится и композиция рождения зооморфа зооморфом. Кроме того, в эту композицию может входить и единственное изображение змеи (рис. 4: 5, 6).

5. **Любовь** (1 экз.). Пара антропоморфов ногами друг к другу, один из которых с фаллосом, у другого обозначена женская грудь и ноги направлены вверх и согнуты в коленях. Женская фигура наложена на зооморфа, а мужскую фигуру другой зооморф перекрывает. В эту же композицию входит неясная антропоморфная фигура, которая вместе со вторым зооморфом может изображать рождение зооморфа антропоморфом (рис. 4: 7).

6. **Группа антропоморфов** (1 экз.). Три антропоморфа, соприкасающиеся друг с другом: один с фаллосом, второй с вульвой и женской грудью, третий без признаков пола. В этой же композиции есть неясные фигуры, поврежденные или перебитые, которые могут быть еще двумя антропоморфами (рис. 4: 8).

7. **Копуляция собак** (1 экз.). Два зооморфа хвостами друг к другу, соединенные линией на уровне туловища. Разумеется, из-за упоминавшейся сильной стилизации зооморфных фигур утверждать, что в этой композиции изображены именно собаки, нельзя. Дополнительным аргументом в пользу собак служат аналогии из Альты (рис. 4: 9).

Сравнение с памятниками Фенноскандии

Сравнивать петроглифы разных памятников между собой можно как минимум в трех направлениях: 1) целые фигуры, 2) отдельные признаки фигур одной категории и/или разных, 3) композиции. При этом оценивать сходство Чальмн-Варрэ с другими памятниками имеет смысл только в пределах двух категорий – антропоморфов и зооморфов, поскольку другие категории фигур (лодки, ихтиоморфы, орнитоморфы, оружие, следы) в Чальмн-Варрэ практически не представлены.

Сравнение антропоморфов и зооморфов Чальмн-Варрэ с другими памятниками показывает, что сходство между ними существует лишь на самом общем уровне: на уровне сходства всех памятников наскального искусства Фенноскандии в целом. На этом уровне сходными с другими памятниками в Чальмн-Варрэ можно считать следующие показатели: сильно стилизованные фигуры зооморфов, в профиль, без рогов, обычно без видовых признаков, ноги у зооморфов могут быть показаны как одна передняя и одна задняя, а также схематичные

фигуры антропоморфов в однолинейном стиле, который встречается и на других памятниках.

Лишь фигура «беса» (антропоморфная фигура анфас, тело прямоугольной формы, голова прямоугольная на длинной шее, ноги согнуты в коленях и ступни направлены наружу в разные стороны, руки согнуты в локтях и предплечья подняты вверх, пальцы на руках растопырены) с камня № 1 находит относительно близкие аналогии с «бесами» Канозера, Выга, Онего (Колпаков, 2015; Kolpakov, 2015).

Специфические сходства есть по отдельным признакам. Такие приемы для обозначения женского пола у антропоморфов, как живот в виде утолщения на однолинейном туловище, кружок (точка) и кружок, вписанный в окружность, для обозначения вульвы, невыбитая точка(и) на выбитом теле для обозначения женской груди, используются на Канозере. Кольцеобразные головы у антропоморфов также есть на Канозере. В Альте (Амтманснес) также есть серия антропоморфов с контурными округлыми головами и с некоторыми деталями лица, хотя и значительно отличающимися от Чальмн-Варрэ.

Среди композиций, конечно, тип *антропоморф и зооморф* находит наибольшее количество аналогий, но он не является специфическим и присутствует на всех крупных памятниках наскального искусства Северной Фенноскандии. С другой стороны, в Чальмн-Варрэ он явно отличается тем, что зооморф(ы) накладывается на антропоморфа или соединяется с ним, в то время как на других памятниках этот тип композиции представлен в виде «антропоморф рядом с зооморфом».

Композиция *любовь* находит ближайшие аналогии на Канозере. Именно там есть пары из антропоморфов разного пола с подчеркнутыми половыми признаками, обращенных ногами друг к другу. Композиция в Чальмн-Варрэ отличается от канозерских тем, что фигуры расположены не симметрично по одной линии, а под углом, и тем, что ноги женской фигуры подняты вверх. Еще одна сходная композиция есть в Нэмфоршене.

Совершенно неожиданным явлением на фоне заметной исключительности Чальмн-Варрэ оказывается композиция *копуляция собак*, которая имеется только в Альте (Кофьорд) в двух экземплярах, т. е. и сама по себе исключительна.

На уровне композиционных особенностей камней в целом можно указать на разные приемы размещения фигур на «каменных полотнах». На камне № 1 подавляющее большинство фигур помещено ногами к воде, к широкой половине камня, оставленной без выбивок. Весь комплекс как бы обращен к зрителю, выходящему на камень из причалившей лодки. Таким образом, у всего комплекса изображений камня № 1 есть верх на узком конце камня и низ на широкой части камня. На камне № 5 наблюдается другой способ размещения фигур: по периметру камня они в основном обращены ногами внутрь к условной осевой линии. Причем в симметричной композиции вокруг рождения зооморфа женщиной другие фигуры ориентированы на нее, и уже вся композиция ориентирована к осевой линии. Центральные фигуры размещены головами к более узкому «верху» камня. На камне № 6 большинство фигур ориентировано ногами от центра, кроме самой центральной части. Напрашивается вывод о том, что, несмотря на видимую хаотичность расположения фигур в Чальмн-Варрэ,

создатели петроглифов располагали фигуры и целые сюжеты с учетом композиционного единства всего комплекса изображений на отдельном камне и с учетом возможного положения зрителей.

Заключение

В связи с вопросом о датировке и внутренней хронологии Чальмн-Варрэ придется привести длинную цитату из публикаций тридцатилетней давности.

«По техническим и стилистическим особенностям намечаются два разновременных пласта изображений. Первый (камень 1 и 2) характеризуется более реалистическим и простым отражением образа зверя, выполненного сплошной глубокой выбивкой. Это олени, имеющие одну пару ног. Представлены также две человеческие фигуры, одна из которых имеет трехрогий головной убор. Налицо попытка показа примитивной композиционной связи отдельных изображений (в частности, антропоморфных и звериных) посредством соединения их сплошной выбитой линией. Некоторые аналогии с этими рисунками можно найти среди петроглифов Онежского озера (Пери Нос) и на основании археологических и геоморфологических данных отнести их к завершающей стадии неолитической эпохи, датировать концом III тысячелетия до н. э.

Поздние изображения (камни 3–6) представляют усложненные и заметно схематизированные образы. Наблюдаются определенные отличия, выражающиеся в менее глубокой выбивке, “четвероногости” оленей и разработанности приемов изображения людей. Некоторые из них, вероятно, несут более значительную смысловую нагрузку. Многообразнее композиционная связь отдельных фигур. В целом этот пласт, относящийся к эпохе раннего металла (II тыс. до н. э.), более самобытен» (*Шумкин*, 1990. С. 40, 41; *Shumkin*, 1990. P. 55; *Gurina*, 2005. P. 72, 73).

С позиций нового, более тщательного, исследования петроглифов Чальмн-Варрэ эти заключения представляются необоснованными (в 1970-е гг. были распознаны только относительно хорошо видимые выбивки). Во-первых, выбивки на камне № 1 не являются более глубокими, чем на камнях № 5 и № 6. Выглядят они более четкими благодаря хорошей сохранности поверхности камня. Техника выбивки, насколько можно сейчас судить, одинаковая на всех камнях. Во-вторых, четвероногие зооморфы есть и на камне № 1, так же как двуногие зооморфы есть на камнях № 3–6. Можно обсуждать их место среди других фигур на каждом камне: на краю, в центре, связь с другими фигурами и пр., но какие-либо несомненные особенности в их расположении не просматриваются. Кстати, и уникальный понойский прием «калачевидных» конечностей или ушей есть на камнях № 1–6 (на которых больше 5 фигур). В документации Н. Н. Гуриной он вообще отсутствует. В-третьих, сходство с Онежскими петроглифами существует только на уровне сходства вообще всех петроглифов Северной Фенноскандии, но не более. Поэтому переносить датировку (наверное, правильную, но малообоснованную) именно Онежских петроглифов на Чальмн-Варрэ нет оснований.

Наибольшее сходство петроглифы Чальмн-Варрэ имеют с петроглифами Канозера, ближайшими к ним географически, при одной типологически уникальной связи с петроглифами Альты. Причем это происходит на фоне базового

своеобразия всего комплекса наскальных изображений Чальмн-Варрэ. Однако сходство с Канозером состоит не в близком сходстве типов фигур и типов композиций (сходный тип фигур – только «бес», сходный тип композиций один – «любовь», представленный в Чальмн-Варрэ всего одним экземпляром). Сходство наблюдается в нескольких стилистических приемах:

1) изображение живота в виде утолщения на однолинейном туловище (есть и в Альте);

2) обозначение женской груди невыбитой точкой или их парой на выбитом теле;

3) обозначение вульвы кружком (точкой) и кружком, вписанным в окружность;

4) кольцеобразные головы у антропоморфов (есть и в Альте);

5) головы «с лицом».

Оценивать эти элементы сходства имеет смысл лишь на фоне сходств и различий памятников наскального искусства Северной Фенноскандии. А они демонстрируют достаточное разнообразие. Есть памятники со сходными изображениями, и есть памятники, явно отличающиеся от всех остальных. Например, таких зооморфов (оленей?), как в Глосе (*Glösa*) в Швеции, нет больше нигде. Сходство отдельных типов фигур или отдельных элементов обнаруживается между разными парами/тройками памятников, но при этом оно достаточно хаотично. На этом фоне однозначная интерпретация отдельных сходств петроглифов Чальмн-Варрэ с Канозером пока вряд ли возможна. Сходство между ними в показанных элементах могло возникнуть как благодаря контактам их создателей, так и независимо друг от друга. Прямые контакты здесь сомнительны, поскольку нет сходства между целыми фигурами и есть всего одна сходная композиция.

В то же время комплекс петроглифов Чальмн-Варрэ в целом вполне укладывается в общую картину наскального искусства Северной Фенноскандии. Множество зооморфов, под которыми подразумеваются лоси и олени, и антропоморфы рядом с ними – это и есть основа репертуара петроглифов этой части Европы. Даже уникальность петроглифов Чальмн-Варрэ не является сама по себе исключительной, но укладывается в эту же общую картину. Кстати, Чальмн-Варрэ входит и в «восточную зону» петроглифов, в которой почти нет контурных выбивок, а только силуэтные.

На этом фоне совершенно необычной является композиция *рождение зооморфа женским антропоморфом*, как и симметричная композиция вокруг одной из таких сцен, единственная в своем роде. Причем этот тип композиции, представленный только в Чальмн-Варрэ, имеет аналогии не в наскальном искусстве, а в саамской мифологии. Его можно связать с легендой о Мяндаше – человеке-олене, который, по одной из версий, рожден женщиной или важенькой в обличье женщины (*Чарнолуский*, 1966; 1972). Разумеется, это вовсе не доказывает связь петроглифов Чальмн-Варрэ с саамской культурой. Достаточно сказать, что у саамов не сохранилась историческая память ни о наскальных изображениях, ни об особой значимости этого места, хотя саамское кладбище расположено в полукилометре от камней с петроглифами.

Для датировки петроглифов, выбитых на лежащих на поверхности валунах, нет других данных, кроме типологии. Как отмечено выше, наибольшее количество сходных с выбивками Чальмн-Варрэ элементов имеется на Канозере. Ничего другого не остается, как перенести общую широкую датировку Канозера на Чальмн-Варрэ – IV–II тыс. до н. э., хотя само Канозеро пока датируется типологически по сходству с Залавругой (Колпаков, Шумкин, 2012. С. 350).

ЛИТЕРАТУРА

- Гурина Н. Н., 1974. Отчет о работе Кольской археологической экспедиции за 1974 г. // Научный архив ИИМК РАН. Ф. 35. Оп. 1. Д. 1822.
- Гурина Н. Н., 1977. Отчет о работе Кольской археологической экспедиции за 1977 г. // Научный архив ИИМК РАН. Ф. 35. Оп. 1.
- Колпаков Е. М., 2014. Отчет Кольской археологической экспедиции ИИМК РАН о разведках в Мурманской области 2014 г. // Архив ИА РАН. Р-1.
- Колпаков Е. М., 2015. Наши бесы // SP. № 1. С. 153–159.
- Колпаков Е. М., 2016. Отчет Кольской археологической экспедиции ИИМК РАН о разведках в Мурманской области 2016 г. // Архив ИА РАН. Р-1.
- Колпаков Е. М., Шумкин В. Я., 2012. Петроглифы Канозера = Rock Carvings of Kanozero. СПб.: Искусство России. 424 с.
- Лихачев В. А., 2007. Петроглифы оз. Канозеро: история открытия // Кольский сборник: К 60-летию В. Я. Шумкина. СПб.: ИИМК РАН. С. 146–154.
- Лихачев В. А., 2011. Рисунки Канозера. Открытие, изучение, сохранение. Апатиты. 126 с.
- Чарнолуский В. В., 1966. О культе Мяндаша // Скандинавский сборник. Вып. 11. Таллин: Ээсти раамат. С. 301–315.
- Чарнолуский В. В., 1972. В краю Летучего камня: Записки этнографа. М.: Мысль. 282 с.
- Шумкин В. Я., 1973. Отчет о работе Понойской группы Кольской археологической экспедиции ЛОИА АН СССР в 1973 г. // Научный архив ИИМК РАН. Оп. 1. Ф. 35. Д. 40.
- Шумкин В. Я., 1987. Новые наскальные изображения Северной Европы // Задачи советской археологии в свете решений XXVII съезда КПСС: тез. докл. Всесоюз. конф. (Суздаль). М.: Наука. С. 292–293.
- Шумкин В. Я., 1990. Новые наскальные изображения Северной Фенноскандии и старые проблемы их изучения // КСИА. Вып. 200. С. 39–43.
- Шумкин В. Я., 1995. Наскальное искусство русской Лапландии // Культурные традиции народов Сибири и Америки: материалы междунар. симпозиума. Чита: Изд-во Читинского пед. ин-та. С. 107–108.
- Шумкин В. Я., 2001. Наскальные изображения р. Умбы: Новый уникальный комплекс Северной Европы // Археология в пути или путь археолога: сб. Ч. 2 / Отв. ред. Е. Г. Соколов. СПб.: СПб. философ. о-во. С. 88–107.
- Шумкин В. Я., 2004. Наскальные изображения Кольского полуострова как часть монументального творчества Фенноскандии // Невский археолого-историографический сборник / Отв. ред. А. Д. Столяр. СПб.: Изд-во СПбГУ. С. 371–382.
- Gurina N. N., 2005. The Petroglyphs at Čalmn-Varrè on the Kola Peninsula. Trondheim: Tapir Academic Press. 94 p. (Vitark; 5.) (Archaeological studies; 6.)
- Kolpakov E. M., Murashkin A. I., Shumkin V. Ya., 2008. The Rock Carvings of Kanozero // Fennoscandia Archaeologica. XXV. P. 86–96.
- Kolpakov E., 2015. Russian Demons // Adoranten 2015. Tanumshede: Tanums hällristningsmuseum, Underslöv. P. 92–97.
- Shumkin V. Ya., 1990. The rock art of Russian Lappland // Fennoscandia Archaeologica. XII. P. 53–67.
- Shumkin V. Ya., 1991. Rock art of Russian Lapland // Rock art research. Vol. 8. № 2. P. 109–112.
- Shumkin V. Ya., 1995. Rock art of Russian Lapland // News 95 – International rock art congress. Turin. P. 102–103.

Shumkin V. Ya., 2000. The rock art, labyrinths, seids and beliefs of Eastern Lapland's ancient population // Myandash – Rock art in the Ancient Arctic. Rovaniemi: Arctic Centre Foundation. P. 202–241.

Сведения об авторах

Колпаков Евгений Михайлович, Институт истории материальной культуры РАН, Дворцовая наб., 18, Санкт-Петербург, 191186, Россия, e-mail: eugenkolp@yandex.ru;

Шумкин Владимир Яковлевич, Институт истории материальной культуры РАН, Дворцовая наб., 18, Санкт-Петербург, 191186, Россия, e-mail: shumkinv@yandex.ru

E. M. Kolpakov, V. Ya. Shumkin

PETROGLYPHS AT ČALMN-VARRÈ: A NEW STUDY

Abstract. The authors re-documented the petroglyphs at Čalmn-Varrè on the Ponoy River in the Kola Peninsula discovered in 1973 (Fig. 1). The site has 287 figures depicted on the surface of 10 randomly lying boulders (Fig. 2). More than half of the recorded figures are represented by 'dots' and 'spots' of various forms as well as partially lost pecked images which are not identifiable and cannot be interpreted (Fig. 3). At the same time the boulders do not feature boats, ichthyomorphs and ornithomorphs. All figures are silhouetted images. Zoomorphs represented in profile account for one third of images. The zoomorph list includes one 'snake; the remainder images on the list are bipeds, tripedals and quadrupeds. Other images include 18 anthropomorphs shown full face, two hoof prints, nine geometrical figures and six cup-shaped depressions pecked into the surface. Čalmn-Varrè stands out from other sites with a small number of figures in having a greater number of well-defined compositions: we can count from 9 to 20 (Fig. 4). A composition depicting a copulation of dogs appears to be quite unexpected given that Čalmn-Varrè is an exceptional site; a similar composition is found only in the Altai region. The composition of a female anthropomorph giving birth to a zoomorph is quite unique; the same goes for a symmetrical pattern fringing one of these scenes. This type of compositions has analogies in the Saam mythology rather than rock art. It can be linked to a legend about Myandash, a man-reindeer.

Keywords: Kola Peninsula, Ponoy River, Čalmn-Varrè, petroglyphs.

REFERENCES

- Charnoluskiy V. V., 1966. O kul'te Myandasha [On Myandash cult]. *Skandinavskiy sbornik [Scandinavian annual]*, 11. Tallin: Eesti raamat, pp. 301–315.
- Charnoluskiy V. V., 1972. V krayu Letuchego kamnya: Zapiski etnografa [In the land of Flying stone: Ethnographer's notes]. Moscow: Mysl'. 282 p.
- Gurina N. N., 1974. Otchet o rabote Kol'skoy arkheologicheskoy ekspeditsii za 1974 g. [Report on work of Kola archaeological expedition for 1974]. *Scientific archive of IIMK RAS*. (In Russian, unpublished.)
- Gurina N. N., 1977. Otchet o rabote Kol'skoy arkheologicheskoy ekspeditsii za 1977 g. [Report on work of Kola archaeological expedition for 1977]. *Scientific archive of IIMK RAS*. (In Russian, unpublished.)
- Gurina N. N., 2005. The Petroglyphs at Čalmn-Varrè on the Kola Peninsula. Trondheim: Tapir Academic Press. 94 p. (Vitark, 5). (Archaeological studies, 6.)

- Kolpakov E. M., 2014. Otchet Kol'skoy arkhеologicheskoy ekspeditsii IIMK RAN o razvedkakh v Murmanskoy oblasti 2014 g. [Report of Kola archaeological expedition of IIMK RAS on reconnaissance in Murmansk region in 2014]. *Archive of IA RAS*. (In Russian, unpublished.)
- Kolpakov E. M., 2015. Nashi besy [Our devils]. *SP*, 1, pp. 153–159.
- Kolpakov E. M., 2016. Otchet Kol'skoy arkhеologicheskoy ekspeditsii IIMK RAN o razvedkakh v Murmanskoy oblasti 2016 g. [Report of Kola archaeological expedition of IIMK RAS on reconnaissance in Murmansk region in 2016]. *Archive of IA RAS*. (In Russian, unpublished.)
- Kolpakov E. M., Murashkin A. I., Shumkin V. Ya., 2008. The Rock Carvings of Kanozero. *Fennoscandia Archaeologica*, XXV, pp. 86–96.
- Kolpakov E. M., Shumkin V. Ya., 2012. Petroglify Kanozera = Rock Carvings of Kanozero. St.Petersburg: Iskustvo Rossii. 424 p.
- Kolpakov E., 2015. Russian Demons. *Adoranten 2015*. Tanumshede: Tanums hällristningsmuseum, Underslöv, pp. 92–97.
- Likhachev V. A., 2007. Petroglify oz. Kanozero: istoriya otkrytiya [Petroglyphs of Kanozero Lake: history of discovery]. *Kol'skiy sbornik: K 60-letiyu V. Ya. Shumkina [Kola transactions: To 60th anniversary of V. Ya. Shumkin]*. St. Petersburg: IIMK RAN, pp. 146–154.
- Likhachev V. A., 2011. Risunki Kanozera. Otkrytiye, izucheniye, sokhraneniye [Rock carvings of Kanozero. Discovery, study, preservation]. Apatity. 126 p.
- Shumkin V. Ya. Otchet o rabote Ponoyskoy gruppy Kol'skoy arkhеologicheskoy ekspeditsii LOIA AN SSSR v 1973 g. [Report on work of Ponoy group of Kola archaeological expedition of LOIA AN SSSR in 1973]. *Scientific archive of IIMK RAS*. (In Russian, unpublished.)
- Shumkin V. Ya., 1987. Novyye naskal'nyye izobrazheniya Severnoy Evropy [New rock carvings of Northern Europe]. *Zadachi sovetskoy arkhеologii v svete resheniy XXVII s'yezda KPSS: tezisy dokladov Vsesoyuznoy konferentsii [Tasks of Soviet archaeology in light of decisions of XXVII Congress of the CPSU: abstracts of All-Union conference]*. Moscow: Nauka, pp. 292–293.
- Shumkin V. Ya., 1990. Novyye naskal'nyye izobrazheniya Severnoy Fennoskandii i staryye problemy ikh izucheniya [New rock carvings of Northern Fennoscandia and old problems of their study]. *KSIA*, 200, pp. 39–43.
- Shumkin V. Ya., 1990. The rock art of Russian Lapland. *Fennoscandia Archaeologica*, XII, pp. 53–67.
- Shumkin V. Ya., 1991. Rock art of Russian Lapland. *Rock art research*, vol. 8, no. 2, pp. 109–112.
- Shumkin V. Ya., 1995. Naskal'noye iskusstvo russkoy Laplandii [Rock art of Russian Lapland]. *Kul'turnyye traditsii narodov Sibiri i Ameriki: materialy mezhdunarodnogo simpoziuma [Cultural traditions of peoples of Siberia and America: transactions of international symposium]*. Chita: Chita pedagogicheskiy institut, pp. 107–108.
- Shumkin V. Ya., 1995. Rock art of Russian Lapland. *News 95 – International rock art congress*. Turin, pp. 102–103.
- Shumkin V. Ya., 2000. The rock art, labyrinths, seids and beliefs of Eastern Lapland's ancient population. *Myanddash – Rock art in the Ancient Arctic*. Rovaniemi: Arctic Centre Foundation, pp. 202–241.
- Shumkin V. Ya., 2001. Naskal'nyye izobrazheniya r. Umby: Novyy unikal'nyy kompleks Severnoy Evropy [Rock carvings on Umba river: New unique complex in North Europe]. *Arkheologiya v puti ili put' arkhеologa: sbornik [Archaeology in the way or the path of archaeologist: annual]*, 2. E. G. Sokolov, ed. St. Petersburg: Sankt-Peterburgskoye filosofskoye obshchestvo, pp. 88–107.
- Shumkin V. Ya., 2004. Naskal'nyye izobrazheniya Kol'skogo poluostrova kak chast' monumental'nogo tvorchestva Fennoskandii [Rock carvings of Kola peninsula as part of monumental art of Fennoscandia]. *Nevskiy arkhеologo-istoriograficheskiy sbornik [Neva archaeological historiographic transactions]*. A. D. Stolyar, ed. St. Petersburg: SPbGU, pp. 371–382.

About the authors

Kolpakov Evgeniy M., Institute for the History of Material Culture Russian Academy of Sciences, Dvortsovaya nab., 18, St. Petersburg, 191186, Russian Federation; e-mail: eugenkolp@yandex.ru;

Shumkin Vladimir Ya., Institute for the History of Material Culture Russian Academy of Sciences, Dvortsovaya nab., 18, St. Petersburg, 191186, Russian Federation; e-mail: shumkinv@yandex.ru

В. И. Завьялов

КУЗНЕЧНОЕ РЕМЕСЛО ПОМОРОВ В КОНТЕКСТЕ РУССКОЙ ЖЕЛЕЗООБРАБОТКИ*

Резюме. Дальние походы поморов в районы промыслов требовали наличия разнообразного инвентаря из железа и стали. Такой инвентарь широко представлен в коллекциях из раскопок поморских поселений на архипелаге Шпицберген. В результате археометаллографического исследования серии железных изделий установлено, что поморское кузнечное ремесло находилось в русле русской железообработки XVI–XVII вв. Специфику поморского кузнечного ремесла можно видеть в изготовлении особых орудий, необходимых для ведения промысла. При этом наблюдается корреляция типа поковок и технологических схем их изготовления.

Ключевые слова: Шпицберген, поморы, орудия труда и лова, бытовые предметы, археометаллография, технологические схемы.

В последнее время активизировался интерес к изучению археологических материалов XVI–XVIII вв. Немалую роль в этом сыграли археологические раскопки памятников Заполярья – Мангазеи и поморских становищ на архипелаге Шпицберген (Белов и др., 1981; Очерки..., 1990; Визгалов, Пархимович, 2008; Материальная культура русских поморов..., 2005). Эти работы позволили по-новому взглянуть на проблемы освоения Севера, предоставили обширный фактический материал для изучения различных сторон жизни одной из этнических групп русского населения – поморов.

Суровая жизнь поморов, связанная с частыми длительными дальними плаваниями в районы промыслов (Новая Земля, Вайгач, Шпицберген), требовала наличия разнообразного инвентаря из железа и стали и мастерства изготовления такого инвентаря. Многие промысловики обладали навыками кузнечного ремесла. В этом отношении интересно свидетельство, приведенное в книге профессора истории и члена Санкт-Петербургской Академии наук Ле Руа «Приключения четырех российских матросов, к острову Шпицбергену бурей принесенных».

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ, проект № 19-18-00144.

Оказавшись на необитаемом острове Шпицбергенского архипелага, поморы соорудили кузницу. А «чтобы в совершенство привести свою кузницу, то сыскали они большой дикой камень, который служил им вместо наковальни; из двух оленьих рог сделали они клещи. Сими инструментами сковали себе два железца на рогадины» (*Ле Руа*, 1975. С. 26).

Имеются и археологические свидетельстваковки железа в поморских становищах на Шпицбергене. Так, при раскопках скандинавской экспедицией в 1955 г. поморского комплекса в бухте Руссекейла обнаружены остатки кузницы (*Christiansson, Simonsen*, 1957. Р. 349). В комплексе в заливе Решёрж найдена жиковина, которую пытались выковать из сломанного промыслового копыя (рис. 1: 1). О том, что орудие подвергалось дополнительному нагреву при перековке, свидетельствует структура крупнозернистого феррита, обнаруженная при металлографическом исследовании артефакта.

Как уже отмечалось, железный инвентарь поморских комплексов на Шпицбергене богат и разнообразен. За сорок лет археологических исследований здесь найдено более тысячи предметов из железа и стали, представляющих около сорока категорий. Все железные предметы можно разделить на четыре большие группы: 1) орудия труда – более 15 категорий; 2) орудия лова и охоты – шесть категорий; 3) предметы быта – 15 категорий; 4) крепеж – две категории.

Археометаллографическому анализу были подвергнуты 52 предмета из различных памятников XVI–XVIII вв. (табл. 1). В результате исследования выделены основные технологические схемы железных поковок, представленные в табл. 2.

Среди них с технологической точки зрения наибольший интерес представляют ножи – универсальные орудия, необходимые как на промысле, так и в быту. Типологически ножи со Шпицбергена не отличаются от русских ножей XVI–XVIII вв. (*Никитин*, 1971. Табл. 5: 1–2). Их отличает крупный клинок длиной 14–16 см и шириной 3–3,5 см, переходящий в черенок; место перехода оформлено прямоугольными уступами (рис. 1: 2–4). Лезвие клинка прямое, слабо изгибается к острию. Следует выделить специальные промысловые ножи (изба у оз. Сёркапватнет), у которых обушок делает плавный изгиб к острию. На конце черенка ножа имеется кольцо, вероятно, для привязывания ножа к запястью во время разделки туш. Некоторые ножи сохранили цельные костяные (рис. 1: 2) или деревянные рукояти (рис. 1: 3, 4).

Технология изготовления определена у девяти ножей. Четыре орудия имели наварное стальное лезвие, а пять – откованы из стальных (как правило, неравномерно науглероженных) заготовок.

Изготовление цельносталльных ножей наряду с орудиями с наварными лезвиями отражает основную особенность русского железообрабатывающего производства в XVI–XVII вв.: широкое использование сырцової стали (уклада) для производства кузнечных изделий (*Завьялов*, 1990; *Вознесенская*, 1996; *Закурина*, 1997; 2000; *Завьялов и др.*, 2007. С. 153; *Zavjalov*, 1992). Техника изготовления цельносталльных поковок была более простой, чем доминировавшие в древнерусском ремесле предшествующего времени различные виды наварных технологий. Тенденция увеличения доли предметов, откованных из цельносталльных заготовок, в ведущих производственных центрах (прежде всего – в Новгороде

**Рис. 1. Железные изделия из поморских поселений на Шпицбергене:
в заливе Решёрж (1, 6), Имербукта (2, 4); Ревэльва (3); Гравшён (5)**
1 – заготовка жиковины; 2–4 – ножи; 5 – промысловое копье; 6 – гарпун

Таблица 1. Распределение исследованных предметов по памятникам

Памятник	Дата	Категория										Всего	
		Ножи	Топоры	Свёрла	Долота	Инструмент	Рыболовные крючки	Промысловые копыя	Гарпуны	Кресала	Скобы		Гвозди
Гравшён	XVI–XVIII							1	1			2	4
Решёрж	XVIII			1				3	2			4	10
Сёркапватнет	XVI; XVIII	1											1
Скольтнесет	перв. пол. XIX	2								1			3
Ван-Мюйден букта	XVI; XVIII		1					2		1			4
Брёгер	XVIII	2			1		2				2	11	18
Слетнесет	XVIII	1				1						1	3
Ревэльва	XVII	1											1
Хабенихтбукта	XVIII–XIX	1											1
Ренардодден	XVII–XVIII											6	6
Мосватнет 2	XVII	1											1
Всего		9	1	1	1	1	2	6	3	2	2	24	52

Таблица 2. Распределение категорий исследованных предметов по технологиям изготовления

Категория	Технология изготовления							Всего
	Из железа	Из сырьевой стали	Из цементированной стали	Цементация	Торцовая наварка	Косая наварка	V-образная наварка	
Ножи		2	1		1	5		9
Топоры					1			1
Сверла						1		1
Долота	1							1
Инструмент							1	1
Рыболовные крючки	2							2
Промысловые копыя			1	5				6

Окончание табл. 2

Категория	Технология изготовления							Всего
	Из железа	Из сырьевой стали	Из цементованной стали	Цементация	Торцовая наварка	Косая наварка	V-образная наварка	
Гарпуны			1	1	1			3
Кресала			2					2
Скобы	2							2
Гвозди	12	11	1					24
Всего	17	13	6	6	3	6	1	52

и Пскове) прослеживается с XIII в. А уже в XV в. и позднее цельносталые орудия преобладают. Причина наблюдаемого роста заключается в расширении емкости рынка, который требовал все больше продукции. Эта задача решалась за счет широкого использования стали-уклада, получаемой при металлургическом процессе. Данный вид сырья позволял существенно увеличить количество производимых изделий из-за меньших трудовых затрат при их изготовлении. При этом рабочие качества орудий практически не снижались. Можно отметить, что подобная тенденция прослежена и на синхронных материалах из городов Великого княжества Литовского: Витебска, Полоцка, Заславля (*Gurin*, 2001. P. 152, 153).

В то же время, как видно на примере ножей со Шпицбергена, сохраняется традиция изготовления изделий с наварными лезвиями, что также является характерной чертой русского кузнечного ремесла периода Московского государства. Например, в XVII в. в Пскове такие поковки составляют около 35 %, в Москве – около 50 %. Отмечу, что, судя по материалам из поморских комплексов на Шпицбергене, изделия с наварными лезвиями производились, по крайней мере, вплоть до середины XIX в. (*Завьялов*, 1990. С. 154; *Zavjalov*, 1992. P. 301). Любопытно, что в Толковом словаре В. И. Даля дается следующее определение ножа: «Нож – стальная, или наваренная сталью стальная полоса... для резания» [курсив мой. – В. З.] (*Даль*, 1994. С. 1435).

Большое значение в жизни поморов играл топор. Как отмечал Ле Руа, «почти всякий российский мужик умеет плотничать, строить сам себе избы и знает хорошо употреблять топор» (*Ле Руа*, 1975. С. 26). Происходящие из поморских становищ на Шпицбергене орудия по форме представлены клиновидными топорами с треугольным обушным проемом. Они продолжают развитие третьего типа новгородских топоров (по Б. А. Колчину) и очень близки современным орудиям. Для них характерны симметричное лезвие, удлиненный плоский обух с толстыми стенками и бородкой. Эти черты А. В. Никитин считает особенностью XVI–XVII вв. (*Никитин*, 1971. С. 39).

Единственный исследованный металлографически топор происходит из становища в Ван-Мюйден букте. Оружие изготовлено по технологии наварки стального лезвия на стальную основу с последующей резкой закалкой.

Результаты исследования перовидного сверла из Решёржа позволяют определить технологию его изготовления как варку стального лезвия в железную основу. При этом образец с рабочей части продемонстрировал структуру закаленной стали (мартенсит, микротвердость 624 кг/мм²), а на образце с черенка структура феррита как бы окружает участок феррито-перлита. Обе структурные зоны разделены сварным швом. Подобная технология изготовления позволяла снизить негативные воздействия хрупкости, возникавшей при закалке стального лезвия.

Сравнительно редкими среди плотницкого инструмента были долота. Исследованное долото из поселения на мысе Брёггер сохранилось плохо, что не позволяет сказать, к какому типу – втульчатых или цельнометаллических – оно относилось. Лезвие долота, по-видимому, не сохранилось, основа же была откована из кричного железа (структура феррита).

Основную роль в поморских промыслах на Шпицбергене играла добыча моржа. Для охоты на морских животных применялись два типа орудий – гарпуны и промысловые копыя. Следует отметить, что оба типа встречены только в поморских комплексах на Шпицбергене.

Промысловые копыя имели правильную листовидную форму (рис. 1: 5). Линзовидное в сечении перо плавно переходит в плоский широкий черенок. Длина пера составляла 18–20 см при длине черенка 10–15 см. В нижней части пера имелось отверстие для дополнительного крепления к древку при помощи линя. Эти орудия предназначались для охоты на моржа на берегу или паковом льду. Копья отковывались из цельнометаллической заготовки с последующей цементацией и локальной закалкой острия. Технология изготовления промысловых копий полностью соответствовала их функциональному назначению.

Втульчатые одношипные гарпуны имели линзовидное в сечении жало, переходящее во втулку (рис. 1: 6). Общая длина орудий составляла 25–30 см при длине втулки 8–10 см и диаметре 5 см (*Завьялов*, 1990. С. 143). Гарпуны предназначались для охоты с лодок или со льда на тюленя и нерпу. Основной технологией изготовления гарпунов была наварка стального шипа на основу из сырцово-й стали с последующей закалкой. Такая технологическая схема позволяла получить твердое и острое лезвие при вязкой основе орудия, что увеличивало его прочность.

Широко распространено у поморов-груманланов и огнестрельное оружие. Свинцовые пули и ружейные кремни встречены почти в каждом комплексе. Уникальная находка – большой кусок свинца со следами сколов – была сделана при раскопках комплекса перв. пол. XIX в. у мыса Скольтнесет на о-ве Сёркап. К деталям огнестрельного оружия относятся ружейный замок XVII в. из избы у озера Мосватнет (о-в Сёркап) и ружейная накладка из поселения Трюгхамна (Там же. С. 146; *Завьялов, Шокарев*, 1986).

Среди бытового инвентаря с технологической точки зрения несомненный интерес вызывают найденные в поморских избах на Шпицбергене кресала. Они представлены двумя типами: калачевидные с язычком и овальные. Металлографически исследовано по одному экземпляру каждого типа. Оба артефакта

откованы из стальных заготовок с последующей закалкой. Отмечу, что в это же время рязанские кузнецы предпочитали изготавливать кресала по технологическим схемам, характерным для древнерусского времени – наварка стали на железную основу с последующей закалкой (Завьялов, Терехова, 2013. С. 135).

Данные, полученные в ходе археометаллографического исследования, позволяют характеризовать железные изделия поморов как продукцию высококвалифицированных мастеров. Поморскими кузнецами были выработаны специфические орудия лова – промысловые копья и гарпуны, которые найдены только в памятниках на архипелаге Шпицберген. При этом для каждого из этих видов охотничьего оружия применялись свои технологии изготовления (Завьялов, 1990. С. 145). Заметную долю в исследованной коллекции составляют предметы, откованные целиком из неравномерно науглероженной стали. Причем из этого материала изготавливаются не только качественные поковки (ножи, кресала), но нередко и обыкновенные гвозди. В этом можно видеть проявление общерусской тенденции развития техники железообработки, что проявилось в увеличении производства металлургами сырьевой стали (Завьялов и др., 2007. С. 153).

В целом можно констатировать, что поморское кузнечное ремесло находилось в русле русской железообработки XVI–XVII вв. Хотя в нем и прослеживаются некоторые пережиточные черты (использование схем наварки), но эти схемы в рассматриваемое время продолжали бытовать и в ведущих ремесленных центрах России. Специфику поморского кузнечного ремесла можно видеть не в технологическом аспекте, а в изготовлении особых орудий, необходимых для ведения промысла. При этом для каждого типа орудий кузнецами применялись свои технологические схемы изготовления.

ЛИТЕРАТУРА

- Белов М. И., Овсяников О. В., Старков В. Ф., 1981. Мангазея. Материальная культура русских полярных мореходов и землепроходцев XVI–XVIII вв. Ч. 2. М.: Наука. 147 с.
- Визгалов Г. П., Пархимович С. Г., 2008. Мангазея. Новые археологические исследования. Екатеринбург; Нефтеюганск: Магеллан, 296 с.
- Вознесенская Г. А., 1996. Технология изготовления кузнечных изделий в древнем Пскове // Археологическое изучение Пскова. Вып. 3. Т. 1: Раскопки в древней части Среднего города (1967–1991): материалы и исследования. Псков: Псковский гос. пед. ин-т. С. 219–228.
- Даль В. И., 1994. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. Т. 2. М.: Прогресс: Универс. 912 с.
- Завьялов В. И., 1990. Изделия из черного металла // Очерки истории освоения Шпицбергена / Ред.: В. Ф. Старков и др. М.: ИА РАН. С. 134–156.
- Завьялов В. И., Терехова Н. Н., 2013. Кузнечное ремесло Великого княжества Рязанского. М.: ИА РАН. 272 с.
- Завьялов В. И., Шокарев Ю. В., 1986. Ружейный замок XVII в. с острова Серкап (архипелаг Шпицберген) // СА. № 1. С. 268–270.
- Завьялов В. И., Розанова Л. С., Терехова Н. Н., 2007. Русское кузнечное ремесло в золотоордынский период и эпоху Московского государства. М.: Знак. 280 с.
- Закурина Т. Ю., 1997. К истории железообрабатывающего ремесла в средневековом Пскове // Памятники старины. Концепции. Открытия. Версии. Т. 1 / Сост. С. В. Белецкий. СПб.: Псков. С. 233–238.
- Закурина Т. Ю., 2000. Железообрабатывающее ремесло Пскова (X–XVII вв.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Псков. 20 с.

- Ле Руа П. Л., 1975. Приключения четырех российских матросов, к острову Шпицбергену бурено принесенных. М.: Мысль. 56 с.
- Материальная культура русских поморов по данным исследований на архипелаге Шпицберген. Вып. II: Поселения и погребения / Ред.: В. Ф. Старков и др. М.: Научный мир, 2005. 212 с.
- Никитин А. В., 1971. Русское кузнечное ремесло XVI–XVII вв. М.: Наука. 84 с. (САИ; вып. Е1-34.)
- Очерки истории освоения Шпицбергена / Ред.: В. Ф. Старков и др. М.: ИА РАН, 1990. 207 с.
- Christiansson H., Simonsen P., 1957. Scandinavian archaeological expedition to Spitsbergen, 1955 // *Polar Record*. Vol. 8. No. 55. P. 348–349.
- Gurin M. F., 2001. Evolution of iron implements in Belarus // *Archaeometallurgy in the Central Europe* / Eds.: L. Mihok, E. Miroššayová. Nitra: Archeologický Ústav SAV. P. 144–154.
- Zavjalov V. I., 1992. The Pomor's Knives (According to Artifacts from Excavations on Spitzbergen) // *Specimina Sibirica. T. V: The Arctic: Papers of an International Conference (1991)* / Eds.: J. Pusztay, E. Saveljeva. Savariae: Seminar für uralische Philologie der Berzsenyi-Hochschule. P. 299–303.

Сведения об авторе

Завьялов Владимир Игоревич, Институт археологии РАН, ул. Дм. Ульянова, 19, Москва, 117036, Россия; e-mail: v_zavjalov@list.ru

V. I. Zavjalov

BLACKSMITH'S CRAFT OF THE POMORS
IN THE CONTEXT OF RUSSIAN IRONWORKING

Abstract. Long-distance expeditions of the Pomors to hunting areas required various types of gear made from iron and steel. Such implements and weapons are well represented in collections from excavations of Pomor settlements in the Spitsbergen (Svalbard) archipelago. The archaeometallographic study of a series of iron artifacts established that Pomor blacksmith's craft correlates well with the Russian ironworking trends of the 16th–17th centuries. Specific traits of the Pomor blacksmith's craft manifest themselves in production of special tools the Pomor needed to hunt animals and catch fish. At the same time correlation is established between the types of forged pieces and the sequence of production operations.

Keywords: Spitsbergen, Pomors, tools and fishing and hunting gear, household items, archaeometallurgy, sequence of production operations.

REFERENCES

- Belov M. I., Ovsyanikov O. V., Starkov V. F., 1981. Mangazeya. Material'naya kul'tura russkikh pol'yarnykh morekhodov i zemleprokhodtsev XVI–XVIII vv. [Mangazeya. Material culture of Russian polar seafarers and land explorers of XVI–XVIII cc.], 2. Moscow: Nauka. 147 p.
- Christiansson H., Simonsen P., 1957. Scandinavian archaeological expedition to Spitsbergen, 1955. *Polar Record*, vol. 8, no. 55, pp. 348–349.
- Dal' V. I., 1994. Tolkovyy slovar' zhivogo velikorusskogo yazyka [Explanatory dictionary of living great Russian language], 2. Moscow: Progress: Univers. 912 p.
- Gurin M. F., 2000. Evolution of iron implements in Belarus. *Archaeometallurgy in the Central Europe*. L. Mihok, E. Miroššayová, eds. Nitra: Archeologický Ústav SAV, pp. 144–154.

- Le-Rua P. L., 1975. Priklyucheniya chetyrekh rossiyskikh matrosov, k ostrovu Shpitsbergenu bureyu prinesennykh [Adventures of four Russian sailors brought to the island of Spitsbergen by storm]. Moscow: Mysl'. 56 p.
- Material'naya kul'tura russkikh pomorov [Material culture of Russian Pomors], 2. Poseleniya i pogrebeniya [Settlements and burials]. V. F. Starkov et al., ed. Moscow: Nauchnyy mir, 2005. 211 p.
- Nikitin A. V., 1971. Russkoye kuznechnoye remeslo XVI–XVII vv. [Russian blacksmith's craft of XVI–XVII cc.]. Moscow: Nauka. 84 p. (SAI.)
- Ocherki istorii osvoeniya Shpitsbergena. [Essays on history of development of Spitsbergen]. V. F. Starkov et al., ed. Moscow: IA RAN, 1990. 207 p.
- Vizgalov G. P., Parkhimovich S. G., 2008. Mangazeya. Novyye arkhologicheskiye issledovaniya [Mangazeya. New archaeological investigations]. Yekaterinburg; Nefteyugansk: Magellan. 296 p.
- Voznesenskaya G. A., 1996. Tekhnologiya izgotovleniya kuznechnykh izdeliy v drevnem Pskove [Technology of producing blacksmith items in ancient Pskov]. *Arkheologicheskoye izucheniye Pskova [Archaeological investigation of Pskov], iss. 3, vol. 1. Raskopki v drevney chasti Srednego goroda (1967–1991): materialy i issledovaniya [Excavations in old part of Srednyy gorod (1967–1991): materials and investigations]*. Pskov: Pskovskiy gos. pedagogicheskiy institut, pp. 219–228.
- Zakurina T. Yu., 1997. K istorii zhelezoobratyvyayushchego remesla v srednevekovom Pskove [To the history of ironworking craft in medieval Pskov]. *Pamyatniki stariny. Kontseptsii. Otkrytiya. Versii [Monuments of antiquity. Concepts. Discoveries. Versioan]*, 1. S. V. Beletskiy, comp. St. Petersburg: IIMK RAN, pp. 233–238.
- Zakurina T. Yu., 2000. Zhelezoobratyvyayushcheye remeslo Pskova (X–XVII vv.): avtoreferat dissertatsii ... kandidata istoricheskikh nauk [Ironworking craft of Pskov (X–XVII cc.): PhD thesis]. Pskov. 19 p.
- Zavyalov V. I., 1990. Izdeliya iz chernogo metalla [Items made of ferrous metal]. *Ocherki istorii osvoyeniya Shpitsbergena [Essays on the history of the development of Spitsbergen]*. V. F. Starkov et al., ed. Moscow: IA AN SSSR, pp. 134–156.
- Zavyalov V. I., 1992. The Pomor's Knives (According to Artifacts from Excavations on Spitsbergen). *Specimina Sibirica, V. The Arctic: Papers of an International Conference (1991)*. J. Pusztay, E. Saveljeva, eds. Savariae: Seminar für uralische Philologie der Berzsenyi-Hochschule, pp. 299–303.
- Zavyalov V. I., Rozanova L. S., Terekhova N. N., 2007. Russkoye kuznechnoye remeslo v zolotoordynskiy period i epokhu Moskovskogo gosudarstva [Russian blacksmith's craft in Golden Horde period and in the epoch of Muscovite state]. Moscow: Znak. 280 p.
- Zavyalov V. I., Shokarev Yu. V., 1986. Ruzheynyy zamok XVII v. s o. Serkap (arkhipelag Shpitsbergen) [Rifle padlock of XVII c. from Serkap Island (Spitsbergen archipelago)]. *SA*, 1, pp. 268–270.
- Zavyalov V. I., Terekhova N. N., 2013. Kuznechnoye remeslo Velikogo knyazhestva Ryazanskogo [Blacksmith's craft of Great Ryazan principality]. Moscow: IA RAN. 272 p.

About the author

Zavyalov Vladimir I., Institute of Archaeology Russian Academy of Sciences, ul. Dm. Ulyanova, 19, Moscow, 117036, Russian Federation; e-mail: v_zavyalov@list.ru

В. Л. Державин, А. Б. Колесников

О ФОРМЕ ПЕРЕКРЫТИЙ ПРОМЫСЛОВЫХ ПОСТРОЕК ШПИЦБЕРГЕНА

Резюме. Полученные при раскопках на Шпицбергене материалы по жилищным комплексам Шпицбергена позволили воссоздать макет поморского дома в натуральную величину в поселке Баренцбург. Но плохая сохранность верхних конструкций домов на поморских становищах, а также письменные свидетельства и рисунки исследователей XVIII–XIX вв. не позволяют считать эту реконструкцию достоверной. Напротив, комплекс источников (письменных, археологических, изобразительных) свидетельствует о том, что перекрытия промысловых построек на архипелаге были плоскими или с небольшим наклоном. А модель дома с двускатной крышей в Баренцбурге, напротив, скопирована с материковых жилых построек Поморья.

Ключевые слова: Шпицберген, промысловые жилища, становище, поморы, крыша, дом, комплекс.

В поселке Баренцбург на Шпицбергене (Норвегия) в 80-х гг. прошлого столетия был возведен макет крупного поморского дома – «жилой дом поморов XVI в.». Основанием для его реконструкции стали раскопки жилищно-хозяйственных построек на архипелаге, и в первую очередь – становища Гравшен (*Старков и др.*, 2007. С. 102). Авторами реконструкции являлись В. Ф. Старков и П. Ю. Черносвитов, а также известный специалист по древнерусской деревянной архитектуре Г. В. Борисевич (рис. 1). Но насколько реальна эта реконструкция и соответствует ли она археологическим, письменным и изобразительным источникам?

Авторы монографии о Пустозерске, которые в свое время приобрели немалый археологический опыт в исследованиях становищ архипелага, достаточно резко высказались об исторической достоверности макета: «...так называемая “реконструкция” поморской избы на Шпицбергене в поселке Баренцбург не отражает местные специфические условия и мало соответствуют реалиям конца XVII – XVIII в.» (*Ясински, Овсянников*, 2003. С. 263).

**Рис. 1. Макет «жилого дома поморов XVI в.» в пос. Баренцбург (Шпицберген).
Реконструкция В. Ф. Старкова и др. Фото А. Б. Колесникова**

Надо заметить, что постройка 1 на поселении Гравшен датируется, по данным дендрохронологии, XVI в. (*Старков*, 1998. С. 49). Именно к этому времени, по мнению В. Ф. Старкова, относится хорошо сохранившаяся нижняя часть дома, которая и явилась основой для создания реконструкции. Впрочем, как он уточняет, «верхние части построек... не сохранились... поэтому судить об устройстве потолков, кровель... довольно трудно» (*Старков и др.*, 2007. С. 78). Но в отчете за 1979 г., когда экспедиция исследовала становище Гравшен, о конструкции крыши автором не было сказано ни слова (*Старков*, 1979). Он также ссылается на работу Б. М. Кейльхау, в которой якобы говорится о двускатной крыше дома на острове Эдж, но норвежский исследователь определенно пишет о плоской «почти без наклона», а не о двускатной, крыше (*Keilhau*, 1831. S. 153).

Поэтому больше вопросов вызывает верхняя часть дома и, в частности, его перекрытие, которое, по мнению В. Ф. Старкова, представляло собой двускатную крышу под углом примерно 45°. Из всех построек лишь на Стаббэльве, как полагает исследователь, были прослежены остатки перекрытия из тонких жердей (*Старков и др.*, 2007. С. 79). Однако в отчете сказано, что это были опоры полатей, а не элементы крыши (*Старков*, 1981. С. 11).

Письменные источники

Содержавшиеся в них сведения в основном относятся к XVIII–XIX вв. Одно из ранних свидетельств о поморских постройках приводит англичанин Джон Бакстрем в описании своего путешествия к Шпицбергену в 1780 г., который он называет Гренландией, как повелось со времен В. Баренца, считавшего архипелаг продолжением Гренландии. Д. Бакстрем подробно описывает встречу с поморами в Магдалена-фьорде на 80° северной широты, в тексте приводится и описание русской промысловой избы. Одно его замечание касается высоты поморского дома: «...хижина состояла из двух больших комнат, площадью около тридцати квадратных футов, но так низко, что я прикоснулся к потолку в моей меховой шапке». Далее он уточняет, что по крыше можно даже ходить. Из этого становится ясно, что она была плоской или имела незначительный наклон (*Bacstrum*, 1818. P. 165).

Знаменитый и крайне наблюдательный английский мореплаватель Уильям Скорсби-младший и его отец-китобой не раз бывали на Шпицбергене. В 1809 г. старший Скорсби посетил остров Эдж и обратил внимание на русскую постройку с плоской крышей и наваленными поверх нее камнями (*Scoresby*, 1820. P. 142).

Через несколько лет (в 1828 и 1829 гг.) остров посетил и основательно обследовал норвежский натуралист Бальтасар Кейльхау, оставивший следующее описание: «Крупнейший из домов достигал в длину около 12 локтей, 8 локтей в ширину и 3–4 локтя в высоту. Крыша, покрытая толстым слоем земли и камнями, была почти без наклона. Примерно в локте над полом, состоявшим из голой земли, а теперь покрытым толстым слоем льда, были устроены нары, которые оставляли посередине лишь узкий проход. Множество окон было прорублено низко возле нар, но все стекла сейчас были вынуты. Большая красивая (русская) печь, сложенная из кирпича, занимала один угол этого помещения, а в другом висел небольшой шкаф, на котором мелом было написано по-русски: “23 июля 1825”». Вырезанная на стене надпись гласила: “на семь месяцев”, что, вероятно, указывало на продолжительность их здешнего пребывания» (*Keilhau*, 1831. S. 153, 154).

Авторитетный знаток истории Шпицбергена английский альпинист и путешественник сэр Мартин Конвей дает описание русского дома шведской экспедицией 1861 г. под руководством О. Торелля на восточном берегу Вейде-фьорда: «Он стоял на восточном берегу удаленного Вейде залива, недалеко от бухты под названием *Aldert Dirkses Bay*, где участники шведской экспедиции видели его. Он стоял рядом с небольшим ручьем, что впадал... в море лагуны... Хижина была длиной 10 локтей (7 м), 4 локтя (3 м) шириной и не менее чем 3 локтя (2 м) высотой. Ее крыша была плоской». На деревянной скамейке шведы разобрали и дату – 1839 год (*Conway*, 1906. P. 253).

Интересные сведения о промыслах на Новой Земле можно найти у академика И. И. Лепехина в «Дневных записях»: «По прибытии на то место, где предстоит зимовка, первым делом сооружают дом, называемый становой избыю в отличие от других одиночных изб (станков). На крышу дома настилается земля с утрамбованной глиной, которая должна сохранять тепло и не пропускать влагу.

Внутри земляной пол покрывается досками. Печь каменка (или кирпичная) или из глины (Новая Земля) топится по-черному, часто без кирпича и дымоволока» (Лепехин, 1805. С. 144).

По принципу промысловых становищ Новой Земли была сооружена избушка П. К. Розмыслова († 1771), которая стояла при входе в Белушью губу. Это была двухчастная постройка, характерная для Шпицбергена и Новой Земли. «...Крыша, сделанная из бревен, положенных на стены избы и покрытых камнями, упала... Она состояла из сеней и комнаты. Та и другая квадратные. Первая со сторонами 12 футов, вторая – в 14 футов. В избе кирпичная печь» (Житков, 1903. С. 59).

Таким образом, способ перекрытий промысловых построек на Шпицбергене и Новой Земле во многом близок и отличался лишь спецификой местных условий. Это плоские (порой с наклоном, но незначительным), придавленные камнями или утрамбованные глиной крыши.

Известно, что некоторые промышленники из разных волостей Русского Севера имели становища как на Шпицбергене (Грумант), так и на Новой Земле (Визе, 1948). Но в археологическом отношении последняя (Матка) практически не изучена, хотя не приходится сомневаться в схожей организации звериных промыслов на обоих архипелагах со схожей ландшафтно-климатической средой.

Изобразительные источники

Для XIX в. мы располагаем несколькими зарисовками русских построек на Шпицбергене, которые дополняются письменными источниками. Самым ранним из них можно считать рисунок Б. Кейльхау, сделанный им на острове Эдж (Восточный Шпицберген) в 1827 г. при осмотре крупного становища XVIII в., устроенного на месте английской китобойной станции XVII в. Вот как норвежец комментирует увиденные на острове русские сооружения (рис. 2): «Оно состояло из двух отдельных жилых домов, каждый из которых имел множество пристроек. За исключением некоторых из них, все было сооружено из доброго строевого леса, так что эти дома сильно отличались от больших дощатых сараев, которыми русские пользовались на Западном Шпицбергене.

Жилищно-промысловые комплексы на острове Эдж, описанные Б. Кейльхау, находят прямые аналогии с промысловым домом, который видел Н. А. Э. Норденшельд у мыса Крестовый недалеко от устья Енисея во время плавания на «Веге» в 1875 г. (рис. 3).

Британский яхтсмен и искатель приключений в полярных морях Джеймс Ламонт во время одного из своих путешествий на яхте «Диана» оставил рисунок заброшенного русского становища на острове Эдж. Изображение художника экспедиции Ламонта В. Ливсея (1859 г.) неоднократно комментировали исследователи, проявлявшие свой интерес к поморам Шпицбергена (Lamont, 1876. Р. 342). Центральное место на рисунке занимают три православных креста. На одном из них проставлена дата «1813», а надпись на основной поперечной перекладине: **ИСУСЪ ХРИСТОСЪ СПАСИТЕЛЬ МІРА**, т. е. крест явно не старообрядческий. В основании крестов, обложенных небольшими камнями,

Рис. 2. Поморское становище на острове Эдж (Шпицберген).
Рисунок Б. М. Кейльхау. 1831 г.

Рис. 3. Промысловый дом в Крестовой губе (устье Енисея).
Экспедиция Норденшельда Н. А. Э. 1875 г.

видны обнажившиеся погребения. Да и название рисунка достаточно красноречивое – «Шпицбергенское кладбище» (рис. 4).

Промысловый дом (сени отсутствовали) был сложен не менее чем из восьми венцов и имел плоскую крышу с наваленными поверх нее камнями. Невысокая дверь, состоящая из трех сшитых досок, сорвана с петель. По рисунку видно, что становище покинуто обитателями уже не первый год. К тому же Ламонт предпринял свои плаванья на Шпицберген в то время, когда русские промышленники окончательно оставили архипелаг.

Один из самых интересных рисунков русского становища, причем акварельный, сделан художником фон Юленом в 1861 г., когда он работал в составе шведской научной экспедиции под руководством О. Торелля. Поморский дом (также без сеней) располагался в Диркс-бухте в Вейде-фьорде (рис. 5). На относительно высокой террасе стоял рубленый дом, сложенный из десяти венцов, с плоской крышей и наваленными на нее камнями и землей. Рядом с постройкой видны следы каменных подкладок под нижний венец соседней двухчастной постройки, стоявшей в этом месте раньше и, видимо, разобранной.

Таким образом, все вышеперечисленные письменные и изобразительные источники определенно свидетельствуют о том, что на архипелаге Шпицберген (и на Новой Земле также) широкое распространение получили промысловые постройки с плоскими крышами.

На основании исследованного польской экспедицией промыслового жилища в становище Бьорнбайенфлюене (залив Хорнсунн) археолог Ян Хохоровский реконструировал найденную постройку (рис. 6), которая представляла собой двухчастный дом: собственно теплое срубное помещение с кирпичной печкой и сени каркасно-столбовой конструкции. Крыша сеней имела небольшой наклон и была перекрыта досками. Верх сруба (теплое помещение), состоявшего из десяти венцов, был плоским и перекрыт также досками, поверх которых лежали камни (*Chochorowski*, 1999. Fig. 26).

Используя археологические и графические источники, польский ученый воссоздал, на наш взгляд, вполне близкую к реальности реконструкцию промысловой постройки. Поморам не было необходимости прибегать к возведению двускатных крыш. Во-первых, в конструктивном отношении они сложнее и для них требуется больше строительного материала, а во-вторых, увеличивается кубатура обогрева помещения, что требует дополнительного расхода дров.

А что касается макета поморского дома в Баренцбурге с двускатной крышей, то, скорее всего, он скопирован с жилых построек Поморья и, в частности, домов, выставленных в музее под открытым небом в Малых Карелах под Архангельском.

Рис. 4. Становище на острове Эдж (Шпицберген). Худ. Ливсей.
Экспедиция Джеймса Ламонта 1859 г.

Рис. 5. Поморский дом в Дирксбухте (Шпицберген).
Экспедиция Норденшельда Н. А. Э. 1861 г.

Рис. 6. Промысловый дом становища Бьорнбайенфлюене в заливе Хорнсунн (Шпицберген). Реконструкция Я. Хохоровского

ЛИТЕРАТУРА

- Визе В. Ю., 1948. Русские полярные мореходы из промышленных, торговых и служивых людей XVII–XIX вв.: биографический словарь. М.; Л.: Главсевморпуть. 72 с.
- Житков Б. М., 1903. Новая Земля. М.: Унив. тип. 89 с.
- Лепехин И. И., 1805. Дневные записи. Ч. IV. СПб.: Имп. Акад. наук. 404 с.
- Старков В. Л., Красильщиков А. А., Бузни Е. Н., 2007. Музей «Помор». М.: Научный мир. 102 с.
- Старков В. Ф., 1998. Очерки истории освоения Арктики. Т. I: Шпицберген. М.: Научный мир. 96 с.
- Старков В. Ф., 1979. Отчет об археологических исследованиях на архипелаге Шпицберген в 1979 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 8379. С. 7–10.
- Старков В. Ф., 1981. Отчет за 1981 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 8229. С. 11.
- Старков В. Ф., Державин В. Л., Захаров В. Г., 2007. Материальная культура русских поморов. Т. III: Жилищно-хозяйственные комплексы. М.: Научный мир. 152 с.
- Ясински М. Э., Овсянников О. В., 2003. Пустозерск. Русский город в Арктике. СПб.: Петербургское востоковедение. 400 с.
- Bacström J., 1818. Account of a voyage to Spitsbergen in the year 1780. London. 618 p.
- Chochorowski J., 1999. Problems of the dendrochronology of Russian hunting stations of Spitsbergen. Krakow: Oficyna Cracovia. 102 p.
- Conway M., 1906. No Man's Land. Cambridge: The University Press. 378 p.
- Keilhau B. M., 1831. Reise i Öst-og Vest-Finmarken: samt til Beeren-Eiland og Spitsbergen: i Aarene 1827 og 1828. Christiania: Trykt hos Johan Krohn. 247 s.
- Lamont J., 1876. Yaghting In The Arctic Seas. London: Chatto and Windus, Piccadilly. 387 p.
- Scoresby W., 1820. An account of the Arctic regions, with a history and description of the northern whale-fishery. Illustrated by twenty-four engravings. in two volumes. Vol. I. Edinburgh; London: Printed for Archibald Constable and Co. 618 p.

Сведения об авторах

Державин Виктор Леонидович, Институт археологии РАН, ул. Дм. Ульянова, 19, Москва, 117036, Россия; e-mail: derzh@yandex.ru;

Колесников Андрей Борисович, Институт археологии РАН, ул. Дм. Ульянова, 19, Москва, 117036, Россия; e-mail: abkolesnikov60@mail.ru

V. L. Derzhavin, A. B. Kolesnikov

THE SHAPE OF ROOFING AT HUNTERS' HUTS ON SPITSBERGEN

Abstract. Materials on the huts on Spitsbergen collected during the excavations helped recreate a life-sized model of a Pomor house in the village of Barentsburg. However, poor preservation conditions of the upper parts of the houses at Pomor temporary dwelling places as well as written evidence and drawings made by researchers in the 18th–19th centuries do not allow us to consider this reconstruction reliable. On the contrary, a set of sources (written, archaeological, and graphical) demonstrates that the roofs of the hunters' houses on the archipelago were flat or slightly inclined while the model of the house with a gable roof in Barentsburg is a copy of mainland houses in Pomorye.

Keywords: Spitsbergen, hunters' huts, hunting station, roof, hut, assemblage.

REFERENCES

- Bacstrum J., 1818. Account of a voyage to Spitsbergen in the year 1780. London. 618 p.
- Chochorowski J., 1999. Problems of the dendrochronology of Russian hunting stations of Spitsbergen. Krakow: Oficyna Cracovia. 102 p.
- Conway M., 1906. No Man's Land. Cambridge: The University Press. 378 p.
- Keilhau B. M., 1831. Reise i Öst-og Vest-Finmarken: samt til Beeren-Eiland og Spitsbergen: i Aarene 1827 og 1828. Christiania: Trykt hos Johan Krohn. 247 p.
- Lamont J., 1876. Yachting in the Arctic Seas. London: Chatto and Windus. 387 p.
- Lepekhin I. I., 1805. Dnevnyye zapisi [Day-by-day notes], IV. St. Petersburg: Imperatorskaya Akademiya nauk. 404 p.
- Scoresby W., 1820. An account of the Arctic regions, with a history and description of the northern whale-fishery. Illustrated by twenty-four engravings. In two volumes, I. Edinburgh; London: Printed for Archibald Constable and Co. 618 p.
- Starkov V. F., 1979. Otchet ob arkheologicheskikh issledovaniyakh na arhipelage Shpitsbergen v 1979 g. [Report on archaeological investigations in Spitsbergen archipelago in 1979]. *Archive of IA RAS*. (In Russian, unpublished.)
- Starkov V. F., 1981. Otchet za 1981 g. [Report for 1981]. *Archive of IA RAS*. (In Russian, unpublished.)
- Starkov V. F., 1998. Ocherki istorii osvoyeniya Arktiki [Essays on history of Arctic development], I. Shpitsbergen [Spitsbergen]. Moscow: Nauchnyy mir. 96 p.
- Starkov V. F., Derzhavin V. L., Zakharov V. G., 2007. Material'naya kul'tura russkikh pomorov [Material culture of Russian Pomors], III. Zhilishchno-khozyaystvennyye komplekсы [Dwelling-economic complexes]. Moscow: Nauchnyy mir. 152 p.
- Starkov V. L., Krasil'shchikov A. A., Buzni E. N., 2007. Muzei «Pomor» [Museum «The Pomor»]. Moscow: Nauchnyy mir. 102 p.
- Vize V. Yu., 1948. Russkiye polyarnyye morekhody iz promyshlennykh, torgovykh i sluzhilykh lyudey XVII–XIX vv.: biograficheskiy slovar' [Russian polar sailors from trade, commercial and officials of XVII–XIX cc.: biographic dictionary]. Moscow; Leningrad: Glavsevmorput'. 72 p.
- Yasinski M. E., Ovsyannikov O. V., 2003. Pustozersk. Russkiy gorod v Arktike [Pustozersk. Russian town in the Arctic]. St.Petersburg: Peterburgskoye vostokovedeniye. 400 p.
- Zhitkov B. M., 1903. Novaya Zemlya [Novaya Zemlya]. Moscow: Universitetskaya tipografiya. 89 p.

About the authors

Derzhavin Viktor L., Institute of Archaeology Russian Academy of Sciences, ul. Dm. Ulyanova, 19, Moscow, 117036, Russian Federation; e-mail: derzh@yandex.ru;

Kolesnikov Andrey B., Institute of Archaeology Russian Academy of Sciences, ul. Dm. Ulyanova, 19, Moscow, 117036, Russian Federation; e-mail: abkolesnikov60@mail.ru

В. А. Буров

БЕРДЫШИ XVII в. ИЗ РАСКОПОК СОЛОВЕЦКОГО МОНАСТЫРЯ

Резюме. В ходе раскопок на территории Соловецкого монастыря найдено 5 бердышей. Эти редкие артефакты конкретизируют представления о холодном оружии, находившемся на вооружении защитников Соловецкой крепости. Первое упоминание бердышей в описи оружия монастыря 1632 г. не позволяет их датировать ранее второй четверти XVII в. Подборка исторических свидетельств о соловецких бердышах дает возможность проследить их судьбу на протяжении трех веков.

Ключевые слова: Соловецкий монастырь, бердыши, археология, история.

Бердыши – длиннодревковое колюще-рубящее холодное оружие пешего воина наподобие большого уплощенного топора с длинным искривленным лезвием в форме полумесяца и острым верхним концом. К длинному древку (ратовищу) бердыш прикреплялся при помощи гвоздиков через специальные отверстия в обухе. Нижняя часть лезвия завершалась косицей, которая также прибивалась к древку и перевязывалась ремнем. Это непревзойденное по своей универсальности и эффективности главное оружие рукопашной схватки (Малов, 2006. С. 336). Бердышом противника рубили: в 1674 г. во время «Соловецкого сидения» (1667–1676 гг.) защитники крепости при вылазке «срубили бердышем» стрельца (Барсов, 1890. С. 114).

Время появления бердышей в Европе относят к концу XV в. (Власов, 2012. С. 456–478). На Руси они появились в последней трети XVI – начале XVII в. и дожили до начала XVIII столетия (Двуреченский, 2008. С. 15, 16; 2016. С. 165–228). География распространения данного оружия широкая, вплоть до Сибири (Писарев, 2008. С. 15–29; Бобров, 2011. С. 300–307).

На Соловках бердыши впервые упоминаются в описях 1632 и 1640 гг. Тогда в соловецкой оружейной казне на хранении имелось всего 2 бердыша (Опись 1632 г. Л. 164 об.; Опись 1640 г. Л. 158; Буров, 2005. С. 65. Табл. 2). Немного погодя они перечисляются вместе с копьями и рогатинами с указанием общего

количества: в 1645, 1651 г. – 528 шт., в 1676 г. – 334 шт. (Опись 1645 г. Л. 176 об.; Книга..., 1651 г. Л. 4; Книга..., 1676 г. Л. 526 об.). Бердышами были вооружены стрельцы, осаждавшие Соловецкий монастырь. Воевода Иван Мещеринов в отписке царю 1676 г. упомянул 30 стрельцов с бердышами (*Барсов*, 1890. С. 144).

В 1688 г. от соборного старосты с. Курицкого на Соловки поступило 2 бердыша, очевидно, ранее выданные (Книги..., 1688–1691 гг. Л. 2). Но почти одновременно, в 1688–1690 гг., из соловецкой оружейной казны сумским и кемским стрельцам, соловецким старцам было выдано в общей сложности 26 бердышей (Книги..., 1688–1691 гг. Л. 6 об. – 8 об.).

В начале XVIII столетия в оружейной палате находилось три с половиной сотни бердышей, что должно свидетельствовать о массовом складировании данного оружия, явно вышедшего из применения: «Триста пятьдесят бердышей больших и малых, в том числе один двойной» (Книги..., 1704 г. Л. 4; Книга..., 1708 г. Л. 4 об.). В других описях указывается 352 бердыша (Опись..., 1705 г. Л. 292а; Книги..., 1711 г. Л. 192). В 1712 г. количество бердышей заметно уменьшилось: «Двести семдесят бердышей больших и малых, в том числе один бердыш двойной» (Книги..., 1712 г. Л. 5 об.; Книги..., 1714 г. Л. 4 об.). Такое количество называет и опись 1742 г. (Реестр..., 1742 г. Л. 312 об.), что является свидетельством их не востребоваемости.

В 1772 г. академик И. И. Лепехин отметил, что оружейная монастырская палата, находившаяся под монастырской ризницей, «наполнена множеством оружия, предками нашими употреблявшегося». Первыми в списке архаичного оружия им были указаны именно бердыши (*Лепехин*, 1822. С. 443. Прим. 1).

Монастырские описи 1788–1790 гг. отметили в палате 433 «бердышей и топорков» с примечанием: «Оные все старинного маниру и от давнего положения и неупотребления все перержавели, почему и в употребление совсем не способны» (Опись..., 1788–1789. Л. 32; Ведомость..., 1790 г. Л. 6). Спустя пять лет их количество сократилось – «бердышей и топоров триста девяносто» (Опись..., 1795 г. Л. 257 об.). По сообщению Досифея, в 1800 г. собрание старого оружия было переведено в Успенскую башню крепости (*Досифей (Немчинов)*, 1836. Ч. I. С. 246). О бердышах в его составе в XIX столетии писали постоянно (*Молчанов*, 1813. С. 319; *Макарий*, 1825. С. 77; *Озерецковский*, 1836. С. 38; *Суслов*, 1888. С. 56; *Островский*, 1899. С. 61).

В 1854 г., во время Крымской войны, бердыши и другое старинное оружие, покрытое «вековой ржавчиной», монахи достали из оружейной палаты на случай рукопашного боя с англичанами, до этого обстрелявшими Соловецкий монастырь. Им вооружили братию, трудников, богомольцев (*Осада...*, 1854 г. Л. 1 об. – 3).

Осенью 1876 г. Н. Е. Бранденбургом было отобрано 180 предметов, в том числе 5 бердышей, вывезенных на следующий год в Санкт-Петербург для создаваемого Артиллерийского музея. На одном из них имелось клеймо «СОЛОВКИ», а на древке вырезано имя «Ивана Вутовина» (*Бранденбург*, 1877; *Ломакин*, 1996. С. 327).

В 1888 г. архангельский фотограф Я. И. Лейцингер выполнил два снимка интерьера Успенской башни. В кадр попала стойка с бердышами. При сильном увеличении снимка можно насчитать 50 бердышей на древках (рис. 1).

Оружейная палата погибла в мае 1923 г. во время грандиозного пожара. На фотографии из архива П. Д. Барановского запечатлен завал оружия, среди которого различаются одиночные бердыши без сгоревших ратовищ (Соловецкий монастырь..., 2000. С. 117. Табл. LXXVI). Пять лет спустя этот завал был разобран сотрудниками Соловецкого общества краеведения (СОК), существовавшего при соловецком концлагере (Буров, 2011. С. 29, 30). Часть находок должна была поступить в созданный в то время на Соловках музей. В 1939 г. с Соловков в Государственный исторический музей поступило несколько бердышей, секир, наконечников копий. Ныне часть из них представлена в экспозиции филиала ГИМ, музея-усадьбе «Коломенское».

Изучение предметов соловецкого вооружения из фондов ГИМ исследователи начали в 1950-е гг. (Денисова и др., 1953. С. 44. Табл. VIII: 64). В 1990-е гг. исследовался соловецкий бердыш из собрания Военно-исторического музея артиллерии (Ломакин, 1996. С. 327). С. Б. Балан подготовила каталог из 18 бердышей из фондов Соловецкого музея-заповедника (Балан, 2006. С. 145; 2013).

В последние годы коллекция бердышей из Соловецкого монастыря пополнилась пятью экземплярами, выявленными в ходе работы Соловецкой средневековой археологической экспедиции под руководством автора. Публикуемым находкам мы сообщили условную нумерацию.

Бердыш 1 (рис. 2: 1). Железо,ковка. Верхний конец откован в острие, кончик его обломан. Нижний конец оттянут косицею длиной 18,5 см; на ее конце отверстие диаметром 4 мм. Длина полотна 45 см, ширина лезвия с обухом 13,5 см, толщина лезвия 2–8 мм. Треугольное отверстие под древко высотой 4,5 см, основание 2 см. Место находки: раскоп 1 Настоятельский / 2003 г., пл. 12. Полевой № 123. Бердыш найден на территории монастыря к северу от Успенской башни в мусоре середины 1920-х гг., засыпка после пожара 1923 г. Реставрирован в 2012 г.,

Рис. 1. Бердыши в собрании оружейной палаты Соловецкого монастыря. Фрагмент фото Я. И. Лейцингера. Конец XIX в.

Рис. 2. Бердыши из находок Соловецкой средневековой археологической экспедиции

реставратор Быков Е. М., СГИАПМЗ. Место хранения: СГИАПМЗ. КП-8004, инвентарный номер О-56.

Бердыш 2 (рис. 2: 2). Железо,ковка. Лезвие обломано с двух сторон. Длина 30 см, ширина лезвия с обухом 15 см, толщина 2,5 см. Треугольное отверстие под древко высотой 3,8 см, основание 1,3 см. Место находки: раскоп 1 Настоятельский / 2004 г., кв. 7а, пл. 20. Полевой № 69. Бердыш найден на территории монастыря в 17 м к северу от Успенской башни в мусоре середины 1920-х гг., засыпка после пожара 1923 г. Реставрирован в Архангельском филиале Всероссийского художественного научно-реставрационного центра им. И. Э. Грабаря (г. Москва) (ВХНРЦ) в 2012 г., реставратор А. В. Карпов. Место хранения: СГИАПМЗ. КП-8106, инвентарный номер О-136.

Бердыш 3 (рис. 2: 3). Сохранилась нижняя половина орудия с обухом. Железо,ковка. Общая длина фрагмента 41,5 см, включая косицу 4,5 см. Ширина с обухом 13,5 см. Обух: ширина 2,7 см, длина 6,5 см; на нем сверху три отверстия диаметром 5 мм. Треугольное отверстие под древко высотой 4 см, основание 2 см. Бердыш парадный, церемониальный, украшен 25 сквозными отверстиями диаметром 2,5–3 мм. Пять отверстий под обухом образуют крест. Верх лезвия обломан по еще четырем отверстиям. Край косицы обломан. Найден в 2004 г. с внешней стороны монастыря вблизи крепостной стены, в 18–20 м к югу от Рыбных ворот, в траншее 11 /2004 г. под коммуникации, в ходе археологических наблюдений. Полевой № 295. Реставрирован в 2012 г. в Архангельском филиале ВХНРЦ, реставратор А. В. Карпов. Место хранения: СГИАПМЗ. КП-8096, инвентарный номер О-64.

Бердыш 4 (рис. 2: 4). Железо,ковка. Верхний конец откован в острие, нижний оттянут косицею. Косица обломана. Сохранившаяся длина косицы 1 см. Общая длина полотна 66 см, ширина лезвия с обухом 15,5 см, толщина лезвия 0,5–0,6 см. В обухе – три отверстия со сторонами 2–4 мм для крепления ратовища. Треугольное отверстие под древко высотой 4 см, основание 2 см. Найден рабочим организации «Опрстрой» Дмитрием Вячеславовичем Матвеевым в Настоятельском корпусе в камере со стороны крепости. Зафиксирован как подъемный материал, переданный экспедиции. Полевой № 27. Реставрирован во Всероссийском художественном научно-реставрационном центре им. И. Э. Грабаря (г. Москва) (ВХНРЦ) в 2018 г., реставраторы Сивов А. И., Сивова И. Б., Бычков Т. С., Зотов А. С. Место хранения: СГИАПМЗ. КП-8894.

Бердыш 5 (рис. 2: 5). Железо,ковка. Верхний конец откован в острие, нижний оттянут косицею. Косица обломана. Общая длина полотна 57,4 см, ширина лезвия с обухом 14,3 см, толщина лезвия 0,5–0,6 см. В обухе отверстие 2 × 4 мм для крепления ратовища. Длина обломанной косицы 1 см; линия слома проходит по центру крепежного отверстия диаметром 5 мм. Найден рабочим организации «Опрстрой» Дмитрием Вячеславовичем Матвеевым в Настоятельском корпусе в камере со стороны крепости. Зафиксирован как подъемный материал, переданный экспедиции. Реставрирован во Всероссийском художественном научно-реставрационном центре им. И. Э. Грабаря (г. Москва) (ВХНРЦ) в 2018 г., реставраторы Сивов А.И., Сивова И. Б., Бычков Т. С., Зотов А. С. Место хранения: СГИАПМЗ. КП-8895.

С учетом того, что бердыши впервые упоминаются в соловецких описях в 1632 г., указанные находки должны датироваться XVII в. Они дополняют и конкретизируют наше представление о холодном оружии Соловецкого монастыря. Важно учесть, что археологические и случайные находки холодного оружия, включая бердыши, измеряются единицами (*Двуреченский*, 2008. С. 15).

ЛИТЕРАТУРА

- Балан С. Б.*, 2006. Арсенал Соловецкого монастыря XVI–XVIII веков // Наследие Соловецкого монастыря в музеях Архангельской области: каталог выставки / Сост. Т. М. Кольцова. М.: СканРус. С. 141–156.
- Балан С. Б.*, 2013. Арсенал Соловецкого монастыря XVI–XVIII веков: каталог оружия в собрании Соловецкого музея-заповедника. Архангельск: Соломбальская тип. 81 с.
- Барсов Е. В.*, 1890. Новые материалы для истории русского старообрядства XVII–XVIII веков. М.: Univ. тип. 243 с.
- Бобров Л. А.*, 2011. Русские бердыши и «топорки» из сибирских музеев // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология. Т. 10. Вып. 7: Археология и этнография. С. 300–307.
- Бранденбург Н. Е.*, 1877. Исторический каталог Санкт-Петербургского Артиллерийского музея. Ч. I (XV–XVII ст.). СПб. 315 с.
- Буров В. А.*, 2005. Оружейная казна Соловецкого монастыря в конце XVI–XVII вв. // Соловецкий сборник. Вып. 2. Архангельск. С. 53–104.
- Буров В. А.*, 2011. Хронология археологических раскопок на территории Соловецкого монастыря. 1924–2008 гг. // Соловецкий сборник. Вып. 7. Архангельск: СГИАПМЗ. С. 29–58.
- Ведомость, учиненная об артиллерийских орудиях и всяких воинских снарядах, в Соловецком монастыре хранящихся. 12 января 1790 г. Составлена прапорщиком Ивановым // Российский государственный исторический архив. Ф. 796. Оп. 71. Д. 5.
- Власов Д. А.*, 2012. К вопросу о происхождении и бытовании бердышей в России XVII века // История военного дела: исследования и источники. Т. II. С. 456–478.
- Двуреченский О. В.*, 2008. Холодное наступательное вооружение Московского государства: автореферат дис. ... канд. ист. наук. СПб. 26 с.
- Двуреченский О. В.*, 2016. Холодное оружие Московского государства XV–XVII веков. Тула: Гос. музей-заповедник «Куликово поле». 497 с.
- Денисова М. М., Портнов М. Э., Денисов Е. Н.*, 1953. Русское оружие. Краткий определитель русского боевого оружия XI–XIX вв. М.: Госкультпросветиздат. 168 с.
- Досифей (Немчинов)*, 1836. Географическое, историческое и статистическое описание ставропигиального первоклассного Соловецкого монастыря. Ч. I. М.: Univ. тип. 311 с.
- Книга описная Соловецкого монастыря игумена стольника и воеводы князя Владимира Андреевича Волконского да дьяка Алмаза Чистого. 1676 г. // РГАДА. Ф. 125. Оп. 1. Д. 555.
- Книга отводная оружейной казны Соловецкого монастыря от оружейного монаха Серапиона оружейному иеромонаху Афонии. 13 июня 1708 г. // РГАДА. Ф. 1201. Оп. 1. Д. 201.
- Книга отводная оружейной казны Соловецкого монастыря ружничьему старцу Моисею. 1651 г. // РГАДА. Ф. 1201. Оп. 1. Д. 251.
- Книги отводные оружейной казны Соловецкого монастыря от оружейного старца иеродиакона Николая оружничьему соборному монаху Герману Писареву. 28 мая 1712 г. // РГАДА. Ф. 1201. Оп. 1. Д. 848.
- Книги оружейной казны Соловецкого монастыря от оружейного соборного старца Антония оружейному старцу Иринарху Дернову. 19 июня 1704 г. // РГАДА. Ф. 1201. Оп. 5. Ч. 1. Д. 792.
- Книги отводные оружейной казны Соловецкого монастыря от оружейного старца Германа Скорнякова Писарева городничему монаху Серапиону. 2 марта 1714 г. // РГАДА. Ф. 1201. Оп. 5. Ч. 1. Д. 941а.
- Книги переписные Соловецкого монастыря подполковника Ивана Кокошкина. 1711 г. // Архив Санкт-Петербургского института истории РАН. Кол. 2. Оп. 1. Д. 154.

- Книги Соловецкого монастыря оружейной казны старца Варлаама. 1688–1691 гг. // РГАДА. Ф. 1201. Оп. 1. Д. 298.
- Лепехин И. И., 1822. Записки путешествия академика Лепехина. Ч. 4. СПб.: При Имп. Акад. наук. 498 с. (Полное собрание ученых путешествий по России; т. 5.)
- Ломакин Н. В., 1996. Холодное оружие Соловецкого монастыря XVI–XVII вв. в коллекции музея // Музей военной истории и боевой славы: сб. ст. и материалов, посвящ. 240-летию музея. СПб.: Воен.-ист. музей артиллерии, инженерных войск и войск связи. С. 324–328. (Вып. 7.)
- Макарий (архимандрит Соловецкий), 1825. Описание ставропигиального Соловецкого первоклассного Соловецкого монастыря. М.: Типография Н. М. Лаврова и К°. 314 с.
- Малов А. В., 2006. Московские выборные полки солдатского строя в начальный период своей истории. 1656–1671 гг. М.: Древлехранилище. 624 с.
- Молчанов К. С., 1813. Описание Архангельской губернии. СПб.: При Имп. акад. наук. 319 с.
- Озерецковский Я. Н., 1836. Плавание по Белому морю и Соловецкий монастырь. СПб.: Тип. Н. Греча. 54 с.
- Опись 1632 г. – Книги отписные и отводные Соловецкого монастыря игумену Рафаилу // Архив Санкт-Петербургского института истории РАН. Кол. 2. Оп. 1. Д. 137.
- Опись 1640 г. – Книги отписные и отводные Соловецкого монастыря игумену Маркеллу // Архив Санкт-Петербургского института истории РАН. Кол. 2. Оп. 1. Д. 139.
- Опись 1645 г. – Книги переписные Соловецкого монастыря игумену Илье // Архив Санкт-Петербургского института истории РАН. Кол. 2. Оп. 1. Д. 141.
- Опись Соловецкого монастыря и вотчин его, составленная дьяком Карпом Андреевым по указу Петра I. 1705 г. // Государственный историко-культурный музей-заповедник «Московский Кремль». Инв. № Рук-1404.
- Опись Соловецкого монастыря. 1788–1789 гг. // Российский государственный исторический архив. Ф. 834. Оп. 3. Д. 2421д.
- Опись Соловецкого монастыря. 1795 г. // РГАДА. Ф. 796. Оп. 72. Д. 225.
- Осада Соловецкой обители 1854 г. // Фонд рукописей Российской государственной библиотеки. Ф. 218. Д. 341.2.
- Островский Д. Н., 1899. Путеводитель по северу России. Изд. 2-е. СПб.: Т-во Архангельско-Мурманского пароходства. 145 с.
- Писарев А. Е., 2008. Бердыши русской пехоты. Середина – вторая половина XVII века // Армии и битвы. № 9. С. 15–29.
- Реестр пушек Соловецкой крепости и оружейной палаты. 1742 г. // РГАДА. Ф. 1201. Оп. 2. Д. 1707.
- Соловецкий монастырь. Из архива архитектора-реставратора П. Д. Барановского. Т. 1 / Сост.: В. А. Буров, У. А. Черновол. М.: Прогресс-Традиция, 2000. 152 с.
- Суслов В. В., 1888. Путевые заметки о Севере России и Норвегии. СПб.: Тип. А. Ф. Маркса. 75 с.

Сведения об авторе

Буров Владимир Андронович, Институт археологии РАН, ул. Дм. Ульянова, 19, Москва, 117036, Россия; e-mail: burovvan@rambler.ru

V. A. Burov

BERDISHES OF THE 17th CENTURY FROM THE EXCAVATIONS IN THE SOLOVETSKY MONASTERY

Abstract. The excavations carried out within the compound of the Solovetsky monastery revealed five berdisheshes. These rare artifacts clarify our knowledge of cold steel weapons used by the defenders of the Solovetskaya fortress. The first mentioning of berdisheshes in the list of monastery weapons compiled in 1632 does not allow us to

date them the period earlier than the second quarter of the 17th century. The selection of historical evidence regarding the Solovetsky berdishesh gives an insight into their life history stretching over three centuries.

Keywords: Solovetsky monastery, berdishesh, archaeology, history.

REFERENCES

- Balan S. B., 2006. Arsenal Solovetskogo monastyrya XVI–XVIII vekov [Solovetskiy monastery armoury in XVI–XVIII centuries]. *Naslediye Solovetskogo monastyrya v muzeyakh Arkhangel'skoy oblasti: katalog vystavki [Solovetskiy monastery heritage in museums of Archangelsk region: catalogue of exhibition]*. T. M. Kol'tsova, ed. Moscow: SkanRus, pp. 141–156.
- Balan S. B., 2013. Arsenal Solovetskogo monastyrya XVI–XVIII vekov: katalog oruzhiya v sobranii Solovetskogo muzeya-zapovednika [Solovetskiy monastery armoury in XVI–XVIII centuries: catalogue of weapons in collection of Solovetskiy museum-reserve]. Arkhangel'sk: Solombal'skaya tipografiya. 81 p.
- Barsov E. V., 1890. Novyye materialy dlya istorii russkogo staroobryadstva XVII–XVIII vekov [New materials for history of Russian Old-believers of XVII–XVIII centuries]. Moscow: Universitetskaya tipografiya. 243 p.
- Bobrov L. A., 2011. Russkiye berdyshi i «toporki» iz sibirskikh muzeyev [Russian berdishesh and «axes» from Siberian museums]. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya, filologiya [Bulletin of Novosibirsk state university. Ser.: History, philology]*, vol. 10, iss. 7, pp. 300–307.
- Brandenburg N. E., 1877. Istoricheskiy katalog Sankt-Peterburgskogo Artillerijskogo muzeya [Historic catalogue of St. Petersburg Artillery museum], I (XV–XVII st.). St. Petersburg, 315 p.
- Burov V. A., 2005. Oruzheynaya kazna Solovetskogo monastyrya v kontse XVI–XVII vv. [Armoury of Solovetskiy monastery in late XVI – XVII cc.]. *Solovetskiy sbornik [Solovetskiy annual]*, 2. Arkhangel'sk, pp. 53–104.
- Burov V. A., 2011. Khronologiya arkeologicheskikh raskopok na territorii Solovetskogo monastyrya. 1924–2008 gg. [Chronology of archaeological excavations in territory of Solovetskiy monastery. 1924–2008]. *Solovetskiy sbornik [Solovetskiy annual]*, 7. Arkhangel'sk: Solovetskiy gosudarstvennyy istoriko-arkhitekturnyy i prirodnyy muzey-zapovednik, pp. 29–58.
- Denisova M. M., Portnov M. E., Denisov E. N., 1953. Russkoye oruzhiye. Kratkiy opredelitel' russkogo boyevogo oruzhiya XI–XIX vv. [Russian weapons. Brief determinant of Russian military weapons of XI–XIX cc.]. Moscow: Goskul'tprosvetizdat. 168 p.
- Dosifey (Nemchinov), 1836. Geograficheskoye, istoricheskoye i statisticheskoye opisaniye stavropigial'nogo pervoklassnogo Solovetskogo monastyrya [Geographical, historical and statistical description of Solovki stavropegic first class Solovetskiy monastery], I. Moscow: Universitetskaya tipografiya. 311 p.
- Dvurechenskiy O. V., 2008. Kholodnoye nastupatel'noye vooruzheniye Moskovskogo gosudarstva: avtoreferat dissertatsii ... kandidata istoricheskikh nauk [Cold offensive weapons of Muscovite state ... Ph.D. Thesis. Abstract]. St.Petersburg. 26 p.
- Dvurechenskiy O. V., 2016. Kholodnoye oruzhiye Moskovskogo gosudarstva XV–XVII vekov [Cold weapons of Muscovite state, XV–XVII centuries]. Tula: Gosudarstvennyy muzey-zapovednik «Kulikovo pole». 497 p.
- Kniga opisnaya Solovetskogo monastyrya igumena stol'nika i voyevody knyazya Vladimira Andreyevicha Volkonskogo da d'yaka Almaza Chistogo. 1676 g. [Inventory book of Solovetskiy monastery hegumen courtesan and general Prince Vladimir Andreevich Volkonskiy and clerk Almaz Chisty. 1676]. *RGADA*.
- Kniga otvodnaya oruzheynoy kazny Solovetskogo monastyrya ot oruzheynogo monakha Serapiona oruzheynomu iyeromonakhu Afoniyu. 13 iyunya 1708 g. [Solovetskiy monastery armoury book of transfer from armoury monk Serapion to armoury priestmonk Aphoniy. June 13 1708]. *RGADA*.
- Kniga otvodnaya oruzheynoy kazny Solovetskogo monastyrya ruzhnych'yemu startsu Moiseyu. 1651 g. [Solovetskiy monastery armoury book of transfer to gun-monk Moisey. 1651]. *RGADA*.

- Knigi oruzheynoy kazny Solovetskogo monastyrya ot oruzheynogo sobornogo startsa Antoniya oruzheynomu startsu Irinarkhu Dernovu. 19 iyunya 1704 g. [Solovetskiy monastery armoury books of transfer from armoury cathedral monk Antonius to armoury monk Irinarchus Dernov. June 19 июня 1704]. *RGADA*.
- Knigi otvodnyye oruzheynoy kazny Solovetskogo monastyrya ot oruzheynogo startsa iyerodiakona Nikolaya oruzhnich'yemu sobornomu monakhu Germanu Pisarevu. 28 maya 1712 g. [Solovetskiy monastery armoury books of transfer from armoury priest-deacon monk Nicholas to armoury cathedral monk German Pisarev. May 28 1712]. *RGADA*.
- Knigi otvodnyye oruzheynoy kazny Solovetskogo monastyrya ot oruzheynogo startsa Germana Skornyakova Pisareva gorodnichemu monakhu Serapionu. 2 marta 1714 g. [Solovetskiy monastery armoury books of transfer from armoury monk German Skornyakov Pisarev to urban monk Serapion. March 2 1714]. *RGADA*.
- Knigi perepisnyye Solovetskogo monastyrya podpolkovnika Ivana Kokoshkina. 1711 g. [Inventory books of Solovetskiy monastery of lieutenant-colonel Ivan Kokoshkin. 1711]. *Arkhiv Sankt-Peterburgskogo instituta istorii RAN [Archive of St. Petersburg Institute of History, RAS]*.
- Knigi Solovetskogo monastyrya oruzheynoy kazny startsa Varlaama. 1688–1691 gg. [Solovetskiy monastery armoury books of monk Varlaam. 1688–1691]. *RGADA*.
- Lepekhin I. I., 1822. Zapiski puteshestviya akademika Lepekhina [Travel notes of academician Lepekhin], 4. St. Petersburg: Pri Imperatorskoy Akademii nauk. 498 p. (Polnoye sobraniye uchenykh puteshestviy po Rossii, 5.)
- Lomakin N. V., 1996. Kholodnoye oruzhiye Solovetskogo monastyrya XVI–XVII vv. v kolleksii muzeya [Cold weapons of Solovetskiy monastery of XVI–XVII cc. in museum collection]. *Muзей voyennoy istorii i boyevoy slavy [Museum of military history and military glory]*. St. Petersburg: Voenno-istoricheskii muzey artillerii, inzhenernykh voysk i voysk svyazi, pp. 324–328.
- Makariy, 1825. Opisaniye stavropigial'nogo Solovetskogo pervoklassnogo Solovetskogo monastyrya [Description Solovki stavropegic first class Solovetskiy monastery]. Moscow: Tipografiya N. M. Lavrova i K°. 314 p.
- Malov A. V., 2006. Moskovskiy vybornyye polki soldatskogo stroya v nachal'nyy period svoey istorii. 1656–1671 gg. [Muscovite selected regiments of the soldier system in initial period of their history. 1656–1671]. Moscow: Drevlekhranilishche. 624 p.
- Molchanov K. S., 1813. Opisaniye Arkhangel'skoy gubernii [Description of Archangelsk province]. St. Petersburg: Pri Imperatorskoy Akademii nauk. 319 p.
- Opis' 1632 g. – Knigi otpisnyye i otvodnyye Solovetskogo monastyrya igumenu Rafailu [Inventory of 1632 – Solovetskiy monastery books of inventory and transfer to hegumen Rafail]. *Arkhiv Sankt-Peterburgskogo instituta istorii RAN [Archive of St. Petersburg Institute of History, RAS]*.
- Opis' 1640 g. – Knigi otpisnyye i otvodnyye Solovetskogo monastyrya igumenu Markellu [Inventory of 1640 – Solovetskiy monastery books of inventory and transfer to hegumen Markell]. *Arkhiv Sankt-Peterburgskogo instituta istorii RAN [Archive of St. Petersburg Institute of History, RAS]*.
- Opis' 1645 g. – Knigi perepisnyye Solovetskogo monastyrya igumenu Il'ye [Inventory of 1645 – Solovetskiy monastery books of inventory and transfer to hegumen Il'ya]. *Arkhiv Sankt-Peterburgskogo instituta istorii RAN [Archive of St. Petersburg Institute of History, RAS]*.
- Opis' Solovetskogo monastyrya i votchiny ego, sostavlyennaya d'yakom Karpom Andreyevym po ukazu Petra I. 1705 g. [Inventory of Solovetskiy monastery and its land possessions composed by clerk Karp Andreev by decree of Peter I. 1705]. *Gosudarstvennyy istoriko-kul'turnyy muzey-zapovednik «Moskovskiy Kreml'» [State historic cultural museum-reserve «Moscow Kremlin»]*.
- Opis' Solovetskogo monastyrya. 1788–1789 gg. [Inventory of Solovetskiy monastery. 1788–1789]. *Rossiyskiy gosudarstvennyy istoricheskii arkhiv [Russian state historic archive]*.
- Opis' Solovetskogo monastyrya. 1795 g. [Inventory of Solovetskiy monastery. 1795]. *RGADA*.
- Osada Solovetskoy obiteli 1854 g. [Siege of Solovetskiy monastery, 1854]. *Fond rukopisey Rossiyskoy gosudarstvennoy biblioteki [Fund of manuscripts of Russian state library]*.
- Ostrovskiy D. N., 1899. Putevoditel' po severu Rossii [Guidebook to Russian North]. 2nd edition. St. Petersburg: Tovarichestvo Arkhangel'sko-Murmanskogo parokhodstva. 145 p.
- Ozeretskovskiy Ya. N., 1836. Plavaniye po Belomu moryu i Solovetskiy monastyr' [Sailing in Beloye Sea and Solovetskiy monastery]. St. Petersburg: Tipografiya N. Grecha. 54 p.

- Pisarev A. E., 2008. Berdyshi russkoy pekhoty. Seredina – vtoraya polovina XVII veka [Berdishes of Russian infantry. Mid – second half of XVII century]. *Armii i bitvy [Armies and battles]*, 9, pp. 15–29.
- Putevoditel' po severu Rossii [Guidebook to Russian North].
- Reyestr pushek Solovetskoy kreposti i oruzheyroy palaty. 1742 g. [Inventory of cannons of Solovki fortress and armoury. 1742]. *RGADA*.
- Solovetskiy monastyr'. Iz arkhiva arkhitekatora-restavratora P. D. Baranovskogo [Solovetskiy monastery. From archive of the architect-restorer P.D. Baranovskiy], 1. V. A. Burov, U. A. Chernovol, comp. Moscow: Progress-Traditsiya, 2000. 152 p.
- Suslov V. V., 1888. Putevyye zametki o Severe Rossii i Norvegii [Travel notes on the North of Russia and Norway]. St. Petersburg: Tipografiya A. F. Marksa. 75 p.
- Vedomost', uchinennaya ob artilleriyskikh orudiyakh i vsyakikh voinskiykh snaryadakh, v Solovetskom monastyre khranyashchikhsya. 12 yanvarya 1790 g. Sostavlena praporshchikom Ivanovym [Inventory on artillery guns and various military equipments preserved in Solovetskiy monastery. January 12 1790. Compiled by lieutenant Ivanov]. *Rossiyskiy gosudarstvennyy istoricheskiy arkhiv [Russian state historic archive]*.
- Vlasov D. A., 2012. K voprosu o proiskhozhdenii i bytovanii berdyshy v Rossii XVII veka [On issue of berdishy origin and functioning in Russia in XVII century]. *Istoriya voyennogo dela: issledovaniya i istochniki [History of warfare: studies and sources]*, II, pp. 456–478.

About the author

Burov Vladimir A., Institute of Archaeology Russian Academy of Sciences, ul. Dm. Ulyanova, 19, Moscow, 117036, Russian Federation; e-mail: burovvan@rambler.ru

Вл. В. Седов

БЕЛОКАМЕННЫЕ САРКОФАГИ В АРКОСОЛИЯХ ЦЕРКВИ БОРИСА И ГЛЕБА В КИДЕКШЕ

Резюме. В статье публикуются две арочных ниши (аркосолии) и находящиеся в них два саркофага, содержавшие останки сына князя Юрия Долгорукого – князя Бориса Юрьевича (умер в 1159 г.), и его жены Марии (умерла в 1161 г.). Этот погребальный комплекс, находящийся в церкви Бориса и Глеба в Кидекше, белокаменном храме середины XII в., является одним из хорошо сохранившихся и наиболее ранних комплексов Владимиро-Суздальской Руси. Он включает в себя также монументальную фресковую живопись в поле аркосолиев. Автор, проводивший в храме археологические раскопки в 2011–2012 гг., приводит аналоги их «зеркальному» расположению в храмах Византии и Древней Руси, а также описывает сами аркосолии и саркофаги в них, вписывая эти сооружения в контекст и типологию погребальных сооружений Владимиро-Суздальского княжества.

Ключевые слова: Древняя Русь, Византия, Владимиро-Суздальское княжество, архитектура, погребения, каменные церкви, аркосолии, расположение аркосолиев в храмах, каменные саркофаги, византийская и древнерусская традиция.

Древнерусские летописи рассказывают о двух погребениях в церкви Бориса и Глеба в Кидекше. Этот храм был построен, судя по приведенным ниже данным летописей, до 1157 г., то есть до смерти князя Юрия Долгорукого, который и был заказчиком этого белокаменного сооружения. Наша работа посвящена исследованию двух аркосолиев и двух находящихся в них белокаменных саркофагов домонгольского времени, которые мы смогли изучить во время археологических раскопок в храме и около него, проведенных ИА РАН в 2011–2012 гг. Эти аркосолии, арочные ниши в толще стены, расположены друг напротив друга на северной и южной стенах храма в его западной трети. Ниши аркосолиев хорошо читаются как на реконструированном плане храма на XII век (рис. 1: 1), так и на современном плане, с перестройками (рис. 1: 2).

В 1159 г., уже после смерти князя Юрия Долгорукого, в церкви Бориса и Глеба был похоронен его сын, князь Борис Юрьевич. О его смерти 2 мая

Рис. 1. Планы церкви Бориса и Глеба в Кидекше.

Слева – обмерный план 1970-х гг., справа – реконструкция плана храма на XII век

и последующем погребении в храме, построенном его отцом на месте стоянки святого князя Бориса, а также о присутствии на погребении братьев покойного сообщает Ипатьевская летопись: «В лѣт(о) 6667. Престависа Борисъ кн(я)зь Дюргевичъ м(е)с(я)ца маѣ въ в д(е)нь и положиша и братіа въ ц(е)ркви с(вя)тою м(у)ч(е)н(и)куюже бѣ сздалъ w(те)ць его, Дюрги, на Нерли, въ Кидекши, идеже бѣ становище с(вя)тою м(у)ч(е)н(и)ку Бориса и Глѣба» (ПСРЛ. Т. II. Стлб. 493). Примерно так же повествует об этом событии Лаврентьевская летопись (ПСРЛ. Т. I. Стлб. 349). Отметим, что, судя по месяцеслову, 2 мая праздновалось перенесение мощей Бориса и Глеба: см. месяцеслов по церковному обиходу XIII в. за май месяц: «2. Успение св. отца Афанасия. В тѣж день принесение мощий св. новоявленную мученику брату Бориса и Глеба» (*Макарий*, 1995. С. 591).

Другие летописи сообщают такие же сведения, но погребение князя Бориса они относят к 12 мая: «Преставис(ь) Борис кн(я)зь Гюргевичъ м(е)с(я)ца маѣ въ 12 д(е)нь, и положиша и братіа въ ц(е)ркви С(вя)тою М(у)ч(е)н(и)ку, юже бѣ сздалъ от(е)ць его Гюргии на Нърли, идѣже бѣе становище с(вя)т(о)го Бориса» (цитируем по Летописцу Переслава Суздальского – ПСРЛ. Т. 41. С. 89; похожие известия см.: ПСРЛ. Т. VII. С. 67; ПСРЛ. Т. IX. С. 211; ПСРЛ. Т. XV. Стлб. 226; ПСРЛ. Т. XXIII. С. 41; ПСРЛ. Т. XXIV. С. 78; ПСРЛ. Т. 30. С. 68; ПСРЛ. Т. 38. С. 129).

В 1202 г. в церкви Бориса и Глеба «посторонь отца и матери» была похоронена дочь князя Бориса Юрьевича Евфросиния: «В лѣт(о) 6710... Тоѣ же

зимы престависѧ Борисковна в Кидекши и положена быс(ть) в ц(е)ркви Бори-су и Глѣбу, посторонь ѡ(т)ца и м(а)т(е)ре, именемъ Ѥфросинѧ» (ПСРЛ. Т. I. Стлб. 417). В летописных источниках больше нет сведений о Евфросинии, а также о ее матери, похороненной, очевидно, где-то рядом с мужем. Однако в церкви находились деревянные надгробия с надписями, на одной из которых сообщается о погребении здесь князя Бориса: «Въ лѣто 6667 (1159 г.) Маія 12 дня преставися Благовѣрный Великий Князь Борис Георгіевичъ Суждальскій, сынъ Благовѣрнаго Великаго Князя Георгія Владімировича Мономаха – Долгорукаго, братъ же Благовѣрнаго Великаго Князя Андрея Георгіевича Боголюбскаго» (это надгробие располагалось с юга, «справа», как сообщает источник и что видно из его расположения рядом с существующей в юго-восточном углу плитой 1606 г.); надпись на втором надгробии, расположенном, очевидно, с севера (оно сохранилось и сейчас находится в соседнем теплом храме Архидьякона Стефана), называет имя жены князя Бориса Юрьевича и сообщает дату ее смерти: «Въ лѣто 6669 (1161 г.) Апрѣля 15 дня преставися супруга Благовѣрнаго Великаго Князя Бориса Георгіевича, Благовѣрная и Великая Княгиня Марія» (*Иоасаф*, 1857. С. 126, 127).

Итак, погребение князя Бориса Юрьевича, судя по поздним, но основанным на каких-то преданиях надписям, находилось в южном аркосолии, устроенном в южной стене храма, а погребение его жены Марии, умершей два года спустя, находилось в северном аркосолии, устроенном в северной стене храма. Где находилось погребение их дочери Евфросинии, умершей в 1202 г., то есть 43 года спустя после смерти отца, мы не знаем, раскопки 2011–2012 гг. не дали здесь никаких данных, и мы вынуждены предположить, что летописное выражение «посторонь» применительно к погребению, расположенному у двух гробниц в противоположных стенах, означает, что княжна была похоронена где-то в западной части храма.

Княжеские погребения в церкви Бориса и Глеба в Кидекше были известны еще в XVII в.: в 1676 г. суздальский воевода Тимофей Савелов видел в проломе гробницы «на правой стороне», которую связывали с князем Борисом Юрьевичем, кости погребенного и его одежду с золотым и серебряным шитьем: «В прошлом 7185 году, бывому в Суждале преосвященному Стефану архиепископу Суждальскому и Юрьевскому, сущу ему в то время по указу святейшаго патриарха в Москве, в чреде священнослужения, имеющийся в Суждале во оно время воевода Тимофей Савелов писал к преосвященному Стефану архиепископу между прочим сие. Ведомо тебе Государю чиню: в нынешнем 7183 году Апреля в 10 день ездил я по обещанию Печерскаго монастыря что в Нижнем Новеграде в приписной Кидекоцкой монастырь помолится, и как был я в церкви, и тоя церкви поп Григорий указал мне гробницу камену, на правой стране вшед в церковь, а на гробнице проламано, и я дерзнул со свещею в гробницу посмотреть, и в той гробнице лежат мощи, кости целы, а на мощах одежды с аршин, бѣлою тафтою покрыто, а по верх лежит неведомо какая одежда шитая золотом будто по банбереку, на ней же вышит золотом орел пластанной одноглавной, а от того, Государь, орла пошло на двое шито золотом же и серебром узорами, еще звать. А по сказке тоя попа Григория, и того монастыря старожилы, что де в той гробнице лежат мощи Великаго Князя Бориса Юрьевича Суждальскаго,

а та гробница проламана от разорения в древних годах. И то Государь знатно, что те мощи не просто лежат, от древних великих лет кости нетленны, и одежда знать...»; в церкви, по сообщению архиепископа Стефана Суздальского, имелись и другие гробницы князей и «подобия их в той церкви на стенах шаровных строением воображены, и доныне знать» (Федоров, 2012. С. 129, 130; Сиренов, 2011. С. 106, 107).

Мы не знаем точно, когда гробницы были раскрыты, когда пространство вокруг них было расчищено и когда пропали костяки погребенных в саркофагах. В настоящее время каменные саркофаги пусты, они стоят в аркосолиях, очевидно, на своих местах, но без крышек (рис. 2). Вероятно, раскрытие было сделано в 1946 г., когда А. Д. Варгановым и Н. П. Сычевым были открыты участки древней фресковой живописи: в северном аркосолии это изображение двух стоящих женских фигур с нимбами посреди стилизованных кипарисов, расчищенное под поздним изображением «Знамения» (Сычев, 1951. С. 54, 55), в южном старая живопись не сохранилась, а поле аркосолия занято поздним «Деисусом». Одну из женских фигур в северном аркосолии Н. П. Сычев ошибочно принял за изображение жены Юрия Долгорукого; скорее тут можно видеть святых покровительниц княгини Марии, жены (вдовы) князя Бориса Юрьевича.

Н. Н. Воронин коротко писал лишь о двух аркосолиях «под хорами», не упоминая саркофагов; росписи в люнетах аркосолий он, вслед за Н. П. Сычевым, отнес к времени князя Всеволода Большое Гнездо, то есть к 1180–1190-м гг. (Воронин, 1961. С. 75). Мы заключаем, что гробницы и аркосолии церкви Бориса и Глеба в Кидекше остались практически неопубликованными, хотя они составляют важнейший погребальный комплекс этого храма и всей Северо-Восточной, или Владимиро-Суздальской, Руси.

Аркосолии в церкви Бориса и Глеба в Кидекше расположены, как уже было сказано, под хорами, в западной части храма, в его северной и южной стенах. Южный аркосолий вмещал в себя погребение князя Бориса Юрьевича (рис. 3; 4), а северный – его жены, княгини Марии (рис. 5; 6). Аркосолии расположены один напротив другого, от одного из них хорошо был виден второй. Сейчас у северного аркосолия размещается лестница на хоры, несколько загромождающая пространство, но и в древности, как показали исследования А. Д. Варганова и А. В. Столетова 1950-х гг., вход на хоры располагался в этом же северо-западном углу храма: об этом свидетельствует древний проем в своде хоров (Вахтанов, 2009. С. 65).

Аркосолии устроены в толще стены, это арочные ниши, глубина которых достаточна для того, чтобы в нишу помещался белокаменный саркофаг. Стены и свод ниш выложены из блоков белого камня на известковом растворе. Северный аркосолий имеет почти яйцевидный свод высотой 193 см от днища лежащего саркофага, щеки которого развернуты небольшим раструбом (внутренний, пристенный тимпан свода, таким образом, поднят на 183 см), что позволяет взгляду как будто «входить» в аркосолий. Очертания свода южного аркосолия спокойнее (202 см), но арка тут тоже подвышена, имеется и небольшой раструб, такой же, как у северной ниши (пристенный тимпан высотой 189 см). Подвышение арок (отчего арки приобретают яйцевидную форму) не столь уж характерно для зодчества Владимиро-Суздальской Руси, но оно отмечено для подпружных арок Спасо-Преображенского собора в Переславле-Залесском, ровесника

Рис. 2. Вид на южный аркосолий с севера

Рис. 3. План и фасад южного аркосолия с саркофагом, поперечный разрез саркофага

Рис. 4. Вид с севера на саркофаг в южном аркосолии

церкви в Кидекше (*Котов*, 1929. С. 451–455). Ширина аркосолиев примерно одинаковая – 230 см (236 см у южного аркосолия, 226 см – у северного). Глубина их разная: южный аркосолий заглублен на 87–98 см, тогда как северный – только на 76–77 см.

Возникает вопрос о том, когда сооружались аркосолии: в момент строительства самого храма, то есть планировались заранее и предназначались определенным лицам, или они могли вырубаться в стене и затем оформляться новой кладкой. Второй вариант нам кажется практически неосуществимым, особенно в ответственных местах под хорами, где расположены аркосолии Кидекши, но и вообще это маловероятно из-за сложности работ. Столь же маловероятным нам представляется сооружение вместе с храмом только одного, южного, аркосолия для каменного гроба князя Бориса и пробитие стены и оформление северного несколькими годами спустя – для его вдовы Марии.

Нам представляется, что аркосолии всегда связаны с заказом храма и чаще всего предназначались для мест погребения самих заказчиков и их ближайших родственников. Кажется, что расположение аркосолиев и их количество «планировалось» заранее, во время постройки храма. В случае с церковью Бориса и Глеба в Кидекше само посвящение храма определило то, что сын князя Юрия Долгорукого Борис был погребен в этом храме; вполне возможно, что князь Борис Юрьевич как-то участвовал в заказе этого храма вместе с отцом и выговорил себе возможность погребения в нем, а следовательно, обговорил и сооружение двух аркосолиев: для себя и своей жены – друг напротив друга.

Рис. 5. План и фасад северного аркосолия с саркофагом

Нужно сказать, что князь Борис Юрьевич был едва ли не первым князем, погребенным в Северо-Восточной Руси. До этого в немногочисленных каменных храмах этой земли (соборе в Суздале, Спасо-Преображенском соборе в Переяславле-Залесском и Георгиевской церкви во Владимире) ни один князь погребен не был. Связь имени князя Бориса и посвящения церкви в Кидекше, на которую мы уже указывали, дает представление о том, почему именно в этом храме готовил себе погребение этот князь.

Обратимся к истории жизни этого князя, собранной по данным летописи. В первый раз Борис, пятый (а по летописному списку князей шестой) сын князя Юрия Долгорукого (ПСРЛ. Т. XVI. Стлб. 308), упоминается в феврале 1147 г., когда в Колтеске умер во время похода сын князя Юрия Долгорукого Иван;

Рис. 6. Вид саркофага и живописи в северном саркофаге

на следующий день в город прибыли его братья Борис и Глеб Юрьевичи, которые похоронили брата («спрятавшѣ тѣло его»), а затем «идоша с нимъ Соуждалю (неясное место: но вряд ли с телом брата, а скорее с князем Святославом Всеволодовичем, руководившим походом. – В. С.) къ отцю с жалостью» (ПСРЛ. Т. II. Стлб. 339). В 1149 г. Борис получил от отца, ставшего князем Киевским, в княжение недалний Белгород (ПСРЛ. Т. II. Стлб. 384). В том же 1149 г. во время войны с князем Изяславом Мстиславичем на Волыни (Изяслав, изгнанный Юрием Долгоруким из Киева, сидел во Владимире-Волынском) трое сыновей Юрия вели свои полки на битву: Ростислав, Борис и Мстислав (ПСРЛ. Т. II. Стлб. 389).

В 1150 г. тот же князь Изяслав Мстиславич выбежал из обретенного им Киева, к которому подошли черниговский князь Владимир Давыдович и Юрий Долгорукий, которые встретились у Сетомля и послали в погоню за Изяславом князей Святослава Всеволодовича и «Бориса Дюргевича» (ПСРЛ. Т. II. Стлб. 403).

В 1155 г. Юрий Долгорукий, опять вокняжившийся в Киеве, дал Борису более крупное княжение в Турове (ПСРЛ. Т. II. Стлб. 478, 479). В 1158 г. князь Юрий опять дал сыну Борису Туров (ПСРЛ. Т. II. Стлб. 488). В 1159 г. Борис умер и был, как мы уже знаем, погребен в церкви в Кидекше. О. Н. Рапов, а также В. А. Кучкин (Рапов, 1977. С. 151; Кучкин, 1984. С. 88, 89) предположили, что князь Борис имел какой-то земельный надел или удел в Северо-Восточной Руси, но это не основано на каких-то фактах, а, скорее, на том соображении, что похороненный в Кидекше князь должен был проживать в Ростовской земле

и иметь какое-то владение, выделенное ему братом Андреем, что, на наш взгляд, спорно: князь Борис мог проживать здесь в силу того, что его владения в Турове или ином месте были отняты князьями другой ветви Рюриковичей, но не обязательно должен был иметь собственное владение на Северо-Востоке.

Можно думать, что князь Борис Юрьевич был одним из заказчиков церкви Бориса и Глеба в Кидекше, возможно, вместе с отцом, князем Юрием Владимировичем; князь Борис Юрьевич и его брат Глеб, получившие, видимо, только эти, уже христианские, имена (*Литвина, Успенский*, 2006. С. 482, 526), должны были питать особое уважение к храму на месте становища их князей-предков и их святых покровителей – Бориса и Глеба. Вполне вероятно, что князь Борис сам заказал устройство двух саркофагов в двух аркосолиях в западной части храма, один напротив другого. При этом Борис был положен в южном аркосолии, то есть в несколько более важной части храма, напротив дьяконника, а жена в северной части, обычно (хотя тут были и свои исключения) несколько менее значимой (*Макаров*, 1980. С. 72, 73).

Аркосолии церкви Бориса и Глеба в Кидекше, расположенные зеркально, являются, по всей видимости, наиболее ранними известными аркосолиями Северо-Восточной Руси, может быть, самыми ранними. Яйцевидная форма их сводов, напоминающая подобные подпружные арки Спасо-Преображенского собора в Переславле-Залесском, тоже, кажется, свидетельствует о ранней дате этих «комар» для захоронения «в стене», как это называют древнерусские летописи. В дальнейшем аркосолии в Северо-Восточной Руси известны во второй половине XII в.: во время перестройки в 1186–1189 гг. храм времени князя Андрея Боголюбского, построенный в 1158–1160 гг., получил обходящую старое ядро с трех сторон галерею, в северной и южной стенах которой расположены аркосолии (*Седов*, 2003; 2017). Аркосолий святителя Леонтия в южной абсиде Успенского собора в Ростове, который Н. Н. Воронин относил к собору 1161–1162 гг., соотносится с уровнем пола собора 1213–1231 гг. и принадлежит, видимо, уже началу XIII в. (*Леонтьев*, 1992. С. 18). Множество аркосолиев было устроено в стенах собора Рождества Богородицы в Суздале, построенного по заказу князя Юрия Всеволодовича в 1222–1224 гг. (*Седов*, 2012).

Есть ли подобные аркосолиям в Кидекше «зеркальные» группы аркосолиев в древнерусской архитектуре? Иконографически точных совпадений с саркофагами один напротив другого в западной трети четырехстолпного храма в древнерусской архитектуре совсем немного.

В Северо-Восточной Руси мы можем указать только на церковь Георгия во Владимире, сооруженную в середине XII в., перестроенную в конце XVIII в., а до перестройки представлявшую аналог церкви Бориса и Глеба в Кидекше (*Воронин*, 1961. С. 91–100). В перестроенной церкви Георгия в северной и южной стенах западной трети сохраняются две гробницы, из которых южная помещена в аркосолий; гробницы были снабжены поздними надписями, повествующими о погребении здесь князя Федора Ярославича и его матери Феодосии. Эти гробницы в 1900 г. вскрывались, но оказались пустыми (*Ушаков*, 1913. С. 121–124). Между тем достоверно известно, что князь Федор Ярославич и его мать княгиня Феодосия были погребены в Георгиевском соборе Юрьева монастыря (*Янин*, 1988. С. 89–118; *Седов*, 2018). Кому принадлежали гробницы в Георгиевской

церкви во Владимире – неизвестно, но при условии, что вторая, северная гробница была тоже помещена в аркосолий, как и южная, это устройство одного погребения напротив другого очень напоминает то, что мы видим в Кидекше.

Нам известны две подобные композиции из расположенных друг напротив друга аркосолиев в новгородской архитектуре XII в. Одна из них находится в Успенской монастырской церкви в Ладоге (Старой Ладоге), которая датируется серединой XII столетия (Сарабьянов, 2010). Здесь в пространстве под хорами на южной и северной стенах напротив друг друга расположены арочные углубления, которые, впрочем, настоящими аркосолиями не являются, скорее, это подобные аркосолиям арочные ниши, псевдоаркосолии (рис. 7: 2). Дело в том, что эти ниши начинаются не от пола, сначала от пола идет стена, а потом на определенной высоте начинается арочная ниша. Это значит, что в этой нише не может быть расположен саркофаг погребения (который обычно расположен у пола). К тому же эти ниши неглубокие, а это тоже делает невозможным установку саркофага. В результате в этих псевдоаркосолиях мы можем видеть имитацию аркосолиев, след традиции, когда погребение в аркосолии даже не предполагается, но сам аркосолий имитируется неглубокой арочной нишей, около которой, возможно, погребения планировались, но в наосе и под полом.

Примерно ту же картину мы видим в церкви Спаса на Нередице, монастырской церкви, построенной по заказу новгородского князя Ярослава Владимировича в 1198 г. Здесь в западной части храма под хорами на южной и на северной стенах расположены начинающиеся на определенной высоте неглубокие ниши (рис. 7: 3) – точно такие же псевдоаркосолии, как и в Успенской церкви в Ладоге. Нам эти ниши в церкви на Нередице показались уникальными, что дало возможность предположить здесь влияние княжеского заказа и воспроизведение княжеской погребальной традиции. Так оно, по всей видимости, и было, но с той поправкой, что вариант с зеркально расположенными псевдоаркосолиями

Рис. 7. Планы древнерусских храмов с «зеркальными» аркосолиями: церковь Бориса и Глеба в Кидекше (1), церковь Успения в Старой Ладоге (2), Спасо-Преображенская церковь на Нередице (3)

в Нередице мог прямо повторять то решение, какое уже было найдено в сооруженной полустолетием ранее Успенской церкви в Ладоге. В церкви же на Нередице два псевдоаркосолия в западной трети дали возможность зодчему устроить подобные ниши по сторонам средней апсиды и на крайних, обращенных в сторону улицы, сторонах боковых апсид.

Традицию устройства «зеркальных» аркосолиев, настоящих аркосолиев с гробницами в глубоких арочных нишах, мы находим в Южной Руси, где нам пока известен только один пример храма с одиночными «комарами» на северной и южной стенах, но не как в церкви в Кидекше, где аркосолия расположены в западной трети, а по-своему: два аркосолия, один напротив другого, расположены в северной и южной ветвях пространственного креста собора Спасо-Евфросиниева монастыря в Полоцке (рис. 8), датированного 1160-ми гг. (*Торшин и др.*, 2016).

Однако нам известны примеры с парными и даже тройными аркосолиями, расположенными зеркально. Один из ранних примеров подобного устройства парных аркосолиев на северной и южной стенах представляет «шестистолпная» (четырехстолпная с нартексом) церковь в Переяславле Южном (рис. 8), сооруженная в начале XII в. (*Каргер*, 1954а. С. 290–296; 1954б. С. 19–27).

К первой половине XII в. относится сооружение большого «шестистолпного» храма Бориса и Глеба в Чернигове. Здесь мы видим две «зеркально» расположенные группы из трех аркосолиев на северной и южной стенах (рис. 8); аркосолия ритмично размещены в западной трети наоса и в нартексе (*Остапенко*, 1950. С. 65, 69, 71; *Холостенко*, 1967. С. 204, 205).

Наконец, по два аркосолия на южной и северных стенах видим уже в четырехстолпном храме Петра и Павла в Смоленске, сооруженном в середине XII в.; здесь пары аркосолиев расположены в западной трети, под хорами (рис. 8), но также заходят и на линию западных столбов (*Воронин, Раппопорт*, 1979. С. 64–90).

Все приведенные примеры говорят о том, что «зеркальное» расположение аркосолиев на противоположных стенах было частью определенной традиции, получившей распространение в храмах Древней Руси. Эта древнерусская традиция, зафиксированная пока только в XII в., имеет аналоги в византийской архитектуре, что объясняется, по всей видимости, приходом пространственных решений для погребений на Русь из Византии. Однако пока известные нам аналоги «зеркальным» аркосолиям или зеркально расположенным саркофагам немногочисленны.

В Каппадокии сохранился пещерный храм средневизантийского времени (X–XI вв.?) типа «вписанный крест» (церковь в районе 16 у храма Чанли Килисе) простого варианта с четырьмя опорами, у которого аркосолия с выдолбленными саркофагами размещены в наосе точно так же, как в Кидекше, в западной трети на противоположных боковых стенах (рис. 9); кроме того, подобные аркосолия размещены зеркально на боковых стенах нартекса (*Ousterhout*, 2005. P. 107, 108. Ill. 173).

В самом Константинополе, в монастыре Пантократора средний храм Михаила Архангела, служивший усыпальницей императора Мануила Комнина и сооруженный в середине XII в.; здесь в западной стене, по предположению Р. Оустерхаута, были погребены император Иоанн II (умер в 1143 г.) и первая

Рис. 8. Планы древнерусских храмов с «зеркальными» аркосолиями

1 – церковь Спаса-Преображения в Евфросиниевом монастыре в Полоцке; 2 – Воскресенская церковь в Переславле Южном; 3 – Борисоглебский собор в Чернигове; 4 – церковь Петра и Павла в Смоленске; 5 – церковь Бориса и Глеба в Кидекше

жена его сына, императора Мануила I, Ирина (она же Берта, умерла в 1160 г.); в западной части церкви типа «купольный зал» (*Van Millingen*, 1912. P. 219–242; *Ousterhout*, 2002. P. 9–11), в северной и южной стенах расположены зеркально еще два аркосолия, что очень напоминает ситуацию в Кидекше (рис. 9).

В Сербии назовем монастырь в Студенице, храм которого построен после 1186 г.; в начале XIII в. у южной стены западной трети этого памятника был поставлен гроб ктитора, великого жупана Рашки Стефана Неманя, а напротив него, у северной стены сохраняются остатки другого саркофага, который, возможно, содержал в себе останки умершего в 1228 г. сына Стефана Неманя, короля Стефана Первовенчанного, затем перенесенные в монастырь Жиче. Оба саркофага поставлены примерно на уровне пола, без устройства аркосолиев, так

Рис. 9. Планы древнерусских храмов

1 – Воскресенская церковь в Переславле Южном; 2 – Борисоглебский собор в Чернигове;
3 – церковь Петра и Павла в Смоленске; 4 – церковь Бориса и Глеба в Кидекше

что это несколько другой случай (*Поповић*, 1992. С. 24–47). Однако само расположение саркофагов в соборе монастыря Студенице (рис. 9) очень напоминает расположение погребальных «комар» в церкви Бориса и Глеба в Кидекше.

Внутри аркосолий в церкви Бориса и Глеба в Кидекше сохранились белокаменные саркофаги («гробы каменные», по выражению русских летописей). У них не сохранились крышки, и мы можем лишь предположить, по аналогии с другими сохранившимися или известными по публикациям саркофагами, что у них были двускатные крышки с пологими скатами.

Белокаменных саркофагов во Владимиро-Суздальской Руси XII–XIII вв. сохранилось не очень много (*Панова*, 2004. С. 83, 84; *Беляев*, 1996. С. 66–70); есть данные о подобных саркофагах в Успенском соборе во Владимире, они датируются второй половиной XII – началом XIII в. (*Варганов*, 2013. С. 120–125; *Седов*, 2017), еще два саркофага известны в Ростове (*Леонтьев*, *Иоаннисян*, 2008), один саркофаг открыт в кургане у деревни Иворово в районе Старицы (*Крайнов*, *Гадзяцкая*, 1967; *Комаров*, *Елкина*, 1976). Мы знаем еще о нескольких подобных саркофагах в соборе Рождества Богородицы в Суздале, в которые позднее положены были представители суздальских князей XV–XVI вв. Они заслуживают отдельного изучения и подробной публикации. В соборе Рождества Богородицы Рождественского монастыря во Владимире обнаружен целый ряд белокаменных саркофагов рубежа XII–XIII вв. (*Беляев и др.*, 2018).

Стоящие в аркосолиях церкви Бориса и Глеба в Кидекше белокаменные саркофаги очень неплохо атрибутированы: южный содержал останки князя Бориса Юрьевича, умершего в 1159 г., северный – его жены Марии, умершей в 1161 г. Соответственно, эти саркофаги датируются примерно временем смерти Бориса и Марии: они были изготовлены заранее, для семейной пары, были сразу поставлены в уже готовые аркосолии до 1159 г., когда умер князь Борис, или в этом году. Хотя возможно, что князя Бориса ждал только его саркофаг, а саркофаг во втором, северном, аркосолии был изготовлен уже в 1161 г. В любом случае эти два саркофага относятся к рубежу 1150–1160-х гг. и являются наиболее ранними известными нам саркофагами Северо-Восточной Руси.

Мы видим, что оба саркофага представляют собой каменные ящики, выдолбленные из монолитных кусков белого камня. В плане эти саркофаги трапезиевидные, имеют несколько большую ширину в головах и несколько меньшую – в ногах. Стенки саркофагов в целом вертикальные; в некоторых местах они дали трещины или обломаны вверх. На дне сохранились округлые продолговатые следы тел, что характерно для древнерусских саркофагов. Отверстий в днище в этих саркофагах нет, как их нет и в других владими́ро-суздальских саркофагах. Это значит, что стыки крышки саркофага с каменным ящиком основной части должны были быть замазаны известью после погребения, о чем свидетельствует Ипатьевская летопись в рассказе о смерти в 1289 г. волынского князя Владимира Васильковича, в котором говорится о том, что тело князя лежало в гробу «не замазано» несколько месяцев, поскольку вдова не могла утолить свое горе (ПСРЛ. Т. II. Стлб. 927).

Оба саркофага поставлены в уровне пола, на известковую заливку его основания. Это значит, что они возвышались над полом, для обозрения были доступны не только их крышки, но и их боковые и, частично, торцовые стенки.

Размеры южного саркофага, князя Бориса Юрьевича, следующие: внутренняя длина 211 см, внешняя – 230 см, ширина стенок 9,0–9,5 см. Ширина в ногах (с востока): внутри – 62 см, извне – 77 см; внутренняя ширина с запада – 65 см. Внешняя ширина с востока – 77 см, с запада – 87 см. Высота стенок – около 45 см, общая высота гроба – 53 см. На расстоянии 38 см от восточной стенки на южной боковой стенке сохранился паз, возможно, для железной стяжки поперек гроба, шириной 11 см.

Размеры северного саркофага, княгини Марии, меньше, чем у саркофага князя Бориса: внешняя длина – 201 см, внутренняя длина – 189 см, высота стенок – 48–49 см внутри, внешняя высота гроба – 56 см, ширина стенок – от 6 до 7 см. С западного, широкого торца внутренняя ширина саркофага – 58 см, внешняя не высчитывается (закрита кирпичами и обломана). С востока внутренняя ширина – 56 см.

Перед нами очень хорошо высеченные каменные саркофаги из местной породы камня, из которой сложен и храм; это очень дорогостоящие погребальные сооружения, которые закладывают традицию подобных прямоугольных (трапециевидных) монолитных саркофагов в Северо-Восточной Руси в домонгольское время и после, на несколько столетий. Происхождение подобных сооружений, этих «каменных гробов» из белого камня, еще предстоит установить, однако уже сейчас можно сделать предположение о том, что они являются подражаниям цельным каменным (мраморным и шиферным) саркофагам, которые встречаются в Древней Руси в XI в. (Панова, 2004. С. 76–78) и которые, несомненно, пришли из Византии. Если это так, то мы видим процесс адаптации византийского типа саркофага посредством «перевода» его в местный материал, а также процесс формирования местной погребальной традиции.

Вместе с аркосолиями и фресковой живописью, дошедшей в первозданном виде в северном аркосолии, мы имеем в церкви Бориса и Глеба в Кидекше уникальный по сохранности погребальный комплекс, довольно точно связываемый с погребениями князя Бориса Юрьевича и его жены Марии. Этот погребальный комплекс современен церкви Бориса и Глеба, сооруженной, видимо, в 1150-х гг., еще при жизни князя Юрия Долгорукого, то есть до 1157 г. Этот комплекс из двух расположенных друг напротив друга арочных ниш, аркосолиев, был задуман во время строительства храма; вероятно, была оговорена возможность будущего погребения здесь одного из сыновей князя-титора и его жены. В семейный некрополь включены были два аркосолия, два каменных саркофага и живопись в люнетах аркосолиев, по всей видимости, современная живописи других частей храма, то есть относящаяся к 1150-м гг. Вместе эти части составляют выразительный комплекс погребальной архитектуры, погребальных устройств и монументальной живописи, заставляющий заново взглянуть на практику устройства погребальных пространств в Древней Руси и в дальнейшем анализировать связь этих пространств с византийской традицией и формирующиеся различия.

ЛИТЕРАТУРА

- Беляев Л. А., 1996. Русское средневековое надгробие. М.: Модус-Граффити. 563 с.
- Беляев Л. А., Глазов В. П., Зыков П. Л., Иоаннисян О. М., 2018. Погребальные сооружения XII–XV веков на месте собора Рождества Богородицы во Владимире (по материалам работ 1997–2000 годов) // Земли родной минувшая судьба... К юбилею Андрея Евгеньевича Леонтьева. М.: ИА РАН. С. 62–72.
- Варганов А. Д., 2013. Отчет по производству ремонтно-реставрационных работ памятнике архитектуры «Успенский собор» в гор. Владимире за период 1950–1954 гг. Археологическое наблюдение при производстве земляных работ в 1951 г. // Тимофеева Т. П. Исследования по истории Владимирского Успенского собора. М.; СПб.: Альянс-Архео. С. 120–140.
- Вахтанов С. Н., 2009. Реставрация церкви Бориса и Глеба в Кидекше. 1955–2008 гг. // Материалы исследований. Вып. 15. Владимир: Владимиро-Суздальский музей-заповедник. С. 62–66.
- Воронин Н. Н., 1961. Зодчество Северо-Восточной Руси XII–XV веков. Т. I. М.: Изд-во АН СССР. 583 с.
- Воронин Н. Н., Ратнопорт П. А., 1979. Зодчество Смоленска XII–XIII вв. Л.: Наука. 414 с.
- Иоасаф (иеромонах), 1857. Церковно-историческое описание суздальских достопамятностей. Чугуев. 129 с.
- Каргер М. К., 1954а. Памятники древнерусского зодчества в Переяслав-Хмельницком // Зодчество Украины: сб. Киев: Изд-во Академии архитектуры Украинской ССР. С. 271–296.
- Каргер М. К., 1954б. Розкопки в Переяславі-Хмельницькому в 1952–1953 рр. // Археологія. Т. IX. С. 3–29.
- Комаров К. И., Елкина А. К., 1976. Курганный могильник в окрестностях г. Старицы // Восточная Европа в эпоху камня и бронзы. М.: Наука. С. 226–238.
- Котов Г., 1929. Очертание арок во Владимиро-Суздальском зодчестве XII века // Сообщения Государственной академии истории материальной культуры. II. Л.: Изд. ГАИМК. С. 450–474.
- Крайнов Д. А., Гадзяцкая О. С., 1967. Исследования в Верхнем Поволжье // АО 1967 года. М.: Наука. С. 23–25.
- Кучкин В. А., 1984. Формирование государственной территории Северо-Восточной Руси в X–XIV вв. М.: Наука. 348 с.
- Леонтьев А. Е., 1992. Отчет о полевых исследованиях Волго-Окской экспедиции Института археологии РАН в 1992 г. // Архив ИА РАН. Ф. 1. Р. 1. Д. 17535. С. 18.
- Леонтьев А. Е., Иоаннисян О. М., 2008. Погребения XI в., церковь Иоанна Предтечи в Ростове и история саркофага св. Леонтия Ростовского // Московская Русь. Проблемы археологии и истории архитектуры. К 60-летию Л. А. Беляева. М.: ИА РАН. С. 43–51.
- Литвина А. Ф., Успенский Ф. Б., 2006. Выбор имени у русских князей в X–XVI вв. Династическая история сквозь призму антропонимики. М.: Индрик. 740 с.
- Макарий (Булгаков), 1995. История русской церкви. Кн. 2. М.: Изд-во Спасо-Преображенского Валаамского монастыря. 670 с.
- Макаров Н. А., 1980. Топография погребений в древнерусских храмах XI–XIII вв. // Тезисы докладов советской делегации на IV Международном конгрессе славянской археологии (София, сентябрь 1980 г.). М.: Наука. С. 71–73.
- Остапенко М. А., 1950. Дослідження Борисоглібського собору в Чернівці // Архітурні пам'ятники. Київ: Видавництво Академії архітектури Української РСР. С. 64–72.
- Панова Т. Д., 2004. Царство смерти. Погребальный обряд средневековой Руси XI–XVI веков. М.: Радуница. 181 с.
- Поповић Д., 1992. Српски владарски гроб у средњем веку. Београд: Институт за историју уметности Филозофског факултета. 214 с.
- ПСРЛ. Т. 1: Лаврентьевская летопись и Суздальская летопись по Академическому списку. М.: Изд-во вост. лит., 1962. 577 с.
- ПСРЛ. Т. 2: Ипатьевская летопись. М.: Языки русской культуры, 1998. 604 с.
- ПСРЛ. Т. 24: Типографская летопись. М.: Языки русской культуры, 2000. 271 с.
- ПСРЛ. Т. 30: Владимирский летописец; Новгородская вторая (архивская) летопись. М.: Рукописные памятники Древней Руси, 2009. 239 с.
- ПСРЛ. Т. 38: Радзивилловская летопись. Л.: Наука, 1989. 175 с.

- ПСРЛ. Т. 41: Летописец Переславля Суздальского. М.: Археографический центр, 1995. 164 с.
- ПСРЛ. Т. 7: Летопись по Воскресенскому списку. М.: Языки русской культуры, 2001. 345 с.
- ПСРЛ. Т. IX: Летописный сборник, именуемый Патриаршей или Никоновской летописью. М.: Языки русской культуры, 2000. 256 с.
- ПСРЛ. Т. XV: Рогожский летописец, Тверской сборник. М.: Языки русской культуры, 2000. 540 с.
- ПСРЛ. Т. XVI: Летописный сборник, именуемый летописью Авраамки. М.: Языки русской культуры, 2000. 320 с.
- ПСРЛ. Т. XXIII: Ермолинская летопись. М.: Языки славянской культуры, 2004. 239 с.
- Рапов О. Н.*, 1977. Княжеские владения на Руси в X – первой половине XIII в. М.: Изд-во МГУ. 260 с.
- Сарабянов В. Д.*, 2010. Успенский собор Старой Ладogi и хронология ладожского храмового строительства // Краеугольный камень. Археология, история, искусство, культура России и сопредельных стран. Т. 2 / Отв. ред.: Е. Н. Носов, С. В. Белецкий. М.: Ломоносовъ. С. 266–310.
- Седов Вл. В.*, 2003. Погребения «святых князей» и архитектура княжеских усыпальниц Древней Руси // Восточнохристианские реликвии / Ред.-сост. А. М. Лидов. М.: Прогресс-Традиция. С. 447–481.
- Седов Вл. В.*, 2012. Необычные формы Суздальского Рождественского собора // Археология Владимиро-Суздальской земли. Материалы научного семинара. Вып. 4. М.; СПб. С. 184–196.
- Седов Вл. В.*, 2017. Саркофаг князя Всеволода Большое Гнездо в Успенском соборе (по данным Н. Н. Ворониной) // КСИА. Вып. 248. С. 278–289.
- Седов Вл. В.*, 2018. Княжеские саркофаги Георгиевского собора Юрьева монастыря // Вестник РФФИ. Гуманитарные и общественные науки. № 2. С. 142–158.
- Сиренов А. В.*, 2011. Описания древнерусских некрополей в рукописях XVI–XVII вв. // РА. № 1. С. 106–110.
- Сычев Н.*, 1951. Предполагаемое изображение жены Юрия Долгорукого // Сообщения Института истории искусств. 1. М.; Л.: Изд-во АН СССР. С. 51–62.
- Торшин Е. Н., Дук Д. В., Иоаннисян О. М., Зыков П. Л., Коц А. Л.*, 2016. Галерея Спасо-Преображенской церкви Евфросиниева монастыря в Полоцке (Предварительные итоги архитектурно-археологических исследований) // Беларускае Падзвінне: вопыт, метадыка і вынікі палявых і міждысцыплінарных даследаванняў. Частка 1. Наваполацк: ПДУ. С. 22–40.
- Ушаков Н. Н.*, 1913. Спутник по древнему Владимиру и городам Владимирской губернии. Владимир: Губ. тип. 474 с.
- Федоров А.*, 2012. Историческое собрание о богоспасаемом граде Суждале. Владимир: Гос. Владимиро-Суздальский музей-заповедник. 278 с.
- Холостенко Н. В.*, 1967. Исследования Борисоглебского собора в Чернигове // СА. № 3. С. 188–210.
- Янин В. Л.*, 1988. Некрополь Новгородского Софийского собора. Церковная традиция и историческая критика. М.: Наука. 239 с.
- Ousterhout R.*, 2002. Byzantine Funerary Architecture of the Twelfth Century // Древнерусское искусство. Русь и страны Византийского мира. XII век / Отв. ред. О. Е. Этингоф. СПб.: Дмитрий Буланин. С. 9–17.
- Ousterhout R.*, 2005. A Byzantine Settlement in Cappadocia. Washington D. C.: Dumbarton Oaks Research Library & Collection. 474 p. (Dumbarton Oaks Studies; XLII.)
- Van Millingen A.*, 1912. Byzantine Churches in Constantinople. Their History and Architecture. London: Macmillan and Co. 339 p.

Сведения об авторе

Седов Владимир Валентинович, Институт археологии РАН, ул. Дм. Ульянова, 19, Москва, 117036, Россия; e-mail: sedov1960@mail.ru

VI. V. Sedov

WHITE-STONE SARCOPHAGI IN ARCOSOLIA
OF THE CHURCH OF STS. BORIS AND GLEB IN KIDEKSHA

Abstract. The paper publishes two arch niches (arcosolia) and two sarcophagi located in these niches with remains of Prince Boris Yurievich, son of Prince Yury the Long Arm, (died in 1159) and his wife Maria (died in 1161). This funerary complex in the Church of Sts. Boris and Gleb in Kideksha, a white-stone church built in the mid-12th century, is one of the well-preserved and the earliest complexes of this type in the Vladimir-Suzdal Rus. It also contains a monumental fresco painting in the arcosolia. The author who performed archaeological excavations in the church in 2011–2012 provides analogies of their ‘mirror’ location in churches and cathedrals of Byzantium and Medieval Russia and describes the arcosolia and their sarcophagi putting them in the context and typology of funerary constructions of the Vladimir-Suzdal Principality.

Keywords: Medieval Russia, Byzantium, Vladimir-Suzdal Principality, architecture, stone churches, arcosolia, location of arcosolia in churches, stone sarcophagi, Byzantine and Medieval Russia tradition.

REFERENCES

- Belyayev L. A., 1996. Russkoye srednevekovoye nadgrobiye [Russian medieval tomstone]. Moscow: Modus-Graffiti. 563 p.
- Belyayev L. A., Glazov V. P., Zikov P. L., Ioannisyan O. M., 2018. Pogrebal'nyye sooruzheniya XII–XV vekov na meste sobora Rozhdestva Bogoroditsy vo Vladimire (po materialam rabot 1997–2000 godov) [Burial constructions of XII–XV centuries in the place of cathedral of Our Lady Nativity in Vladimir (based on materials of 1997–2000 works)]. *Zemli rodnoy minuvshaya sud'ba... K yubileyu Andreyevich Leont'yeva [The past fate of native land... To the jubilee of A. E. Leont'yev]*. Moscow: IA RAN, pp. 62–72.
- Fedorov A., 2012. Istoricheskoye sobraniye o bogospasayemom grade Suzhdale [Historical collection on the blessed city of Suzhdal]. Vladimir: Gosudarstvennyy Vladimiro-Suzdal'skiy muzey-zapovednik. 278 p.
- Ioasaf (iyeromonakh), 1857. Tserkovno-istoricheskoye opisaniye suzdal'skikh dostopamyatnostey [Church historical description of Suzdal memorial objects]. Chuguyev. 129 p.
- Karger M. K., 1954a. Pamyatniki drevnerusskogo zodchestva v Pereyaslav-Khmel'nitskom [Monuments of ancient Russian architecture in Pereyaslav-Khmel'nitskiy]. *Zodchestvo Ukrainy [Architecture of Ukraine]*. Kiev: Akademiya arkhitektury Ukrainskoy SSSR, pp. 271–296.
- Karger M. K., 1954b. Rozkopki v Pereyaslavi-Khmel'nits'komu v 1952–1953 rr. [Excavations in Pereyaslav-Khmel'nitskiy in 1952–1953]. *Arkheologiya [Archaeology]*, IX, pp. 3–29.
- Kholostenko N. V., 1967. Issledovaniya Borisoglebskogo sobora v Chernigove [Investigations of Sts. Boris and Gleb cathedral in Chernigov]. *SA*, 3, pp. 188–210.
- Komarov K. I., Elkina A. K., 1976. Kurgannyi mogil'nik v okrestnostyakh g. Staritsy [Kurgan cemetery in vicinity of Staritsa]. *Vostochnaya Evropa v epokhu kamnya i bronzy [Eastern Europe in Stone and Bronze Age]*. Moscow: Nauka, pp. 226–238.
- Kotov G., 1929. Ochertaniye arok vo Vladimiro-Suzdal'skom zodchestve XII veka [Arch outline in Vladimir-Suzdal architecture of XII century]. *Soobshcheniya Gosudarstvennoy akademii istorii material'noy kul'tury [Communications of State academy for history of material culture]*, II. Leningrad: GAIMK, pp. 450–474.
- Kraynov D. A., Gadzyatskaya O. S., 1967. Issledovaniya v Verkhnem Povolzh'ye [Investigations in Upper Volga region]. *AO 1967*. Moscow: Nauka, pp. 23–25.
- Kuchkin V. A., 1984. Formirovaniye gosudarstvennoy territorii Severo-Vostochnoy Rusi v X–XIV vv. [Formation of state territory of North-Eastern Rus in X–XIV cc.]. Moscow: Nauka. 348 p.

- Leont'yev A. E., 1992. Otchet o polevykh issledovaniyakh Volgo-Okskoy ekspeditsii Instituta arkhologii RAN v 1992 g. [Report on field investigations of Volga-Oka expedition of Institute of Archaeology, RAS, in 1992]. *Archive of IA RAS*. (In Russian, unpublished.)
- Leont'yev A. E., Ioannisyan O. M., 2008. Pogrebeniya XI v., tserkov' Ioanna Predtechi v Rostove i istoriya sarkofaga sv. Leontiya Rostovskogo [Burials of XI c., Church of St. John the Precursor in Rostov and history of sarcophagus of St. Leontius of Rostov]. *Moskovskaya Rus'. Problemy arkhologii i istorii arkhitektury. K 60-letiyu L. A. Belyayeva [Muscovite Rus. Problems of archaeology and history of architecture. To 60th anniversary of L. A. Belyayev]*. Moscow: IA RAN, pp. 43–51.
- Litvina A. F., Uspenskiy F. B., 2006. Vybor imeni u russkikh knyazey v X–XVI vv. Dinasticheskaya istoriya skvoz' prizmu antroponimiki [Choice of name among Russian princes in X–XVI cc. Dynastic history through the prism of anthroponymics]. Moscow: Indrik. 740 p.
- Makariy (Bulgakov), 1995. Istoriya russkoy tserkvi [History of Russian Church], 2. Moscow: Spaso-Preobrazhenskiy Valaamskiy monastyr'. 670 p.
- Makarov N. A., 1980. Topografiya pogrebeniy u drevnerusskikh khramakh XI–XIII vv. [Topography of burials in Ancient Russia churches of XI–XIII cc.]. *Tezisy dokladov sovetskoy delegatsii na IV Mezhdunarodnom kongresse slavyanskoy arkhologii [Abstracts of Soviet delegation at IV International congress of Slavic archaeology]*. Moscow: Nauka, pp. 71–73.
- Ostapenko M. A., 1950. Doslidzhennya Borisoglib's'kogo soboru v Chernigovi [Investigations of Sts. Boris and Gleb cathedral in Chernigov]. *Arkhitekturni pam'yatniki [Architectural monuments]*. Kiev: Akademiya arkhitekturi Ukrains'koy RSR, pp. 64–72.
- Ousterhout R., 2002. Byzantine Funerary Architecture of the Twelfth Century. *Drevnerusskoye iskusstvo. Rus' i strany Vizantiyskogo mira. XII vek [Ancient Russia art. Rus and countries of Byzantine world. XII century]*. O. E. Etingof, ed. St. Petersburg: Dmitriy Bulanin, pp. 9–17.
- Ousterhout R., 2005. A Byzantine Settlement in Cappadocia. Washington D. C.: Dumbarton Oaks Research Library & Collection. 474 p. (Dumbarton Oaks Studies, XLII.)
- Panova T. D., 2004. Tsarstvo smerti. Pogrebal'nyy obryad srednevekovoy Rusi XI–XVI vekov [Kingdom of death. Burial rite of medieval Russia in XI–XVI centuries]. Moscow: Gosudarstvennyy istoriko-kul'turnyy muzey-zapovednik «Moskovskiy Kreml'». 181 p.
- Popovich D., 1992. Srpski vladarski grob u sredn'yem veku [Serbian ruler burial in Middle Ages]. Beograd: Institut za istoriju umetnosti Filozofskog fakulteta. 214 p.
- PSRL, 1. Lavrent'yevskaya letopis' i Suzdal'skaya letopis' po Akademicheskemu spisku [Lavrent'yevskaya chronicle and Suzdal chronicle according to Academic version]. Moscow: Vostochnaya literatura, 1962. 577 p.
- PSRL, 2. Ipat'yevskaya letopis' [Ipat'yevskaya chronicle]. Moscow: Yazyki russkoy kul'tury, 1998. 604 p.
- PSRL, 24. Tipografskaya letopis' [Tipografskaya chronicle]. Moscow: Yazyki russkoy kul'tury, 2000. 271 p.
- PSRL, 30. Vladimirskiy letopisets; Novgorodskaya vtoraya (arkhivskaya) letopis' [Vladimir chronicler; Novgorod second (Archive) chronicle]. Moscow: Rukopisnyye pamyatniki Drevney Rusi, 2009. 239 p.
- PSRL, 38. Razdzivilovskaya letopis' [Radzivil chronicle]. Leningrad: Nauka, 1989. 175 p.
- PSRL, 41. Letopisets Pereslavl'ya Suzdal'skogo [Pereyaslavl' Suzdalskiy chronicler]. Moscow: Arkheograficheskiy tsentr, 1995. 164 p.
- PSRL, 7. Letopis' po Voskresenskomu spisku [Chronicle after Voskresenskiy version]. Moscow: Yazyki russkoy kul'tury, 2001. 345 p.
- PSRL, IX. Letopisnyy sbornik, imenuyemyy Patriarshey ili Nikonovskoy letopis'yu [Chronicle volume named Patriarch of Nikinovskaya chronicle]. Moscow: Yazyki russkoy kul'tury, 2000. 256 p.
- PSRL, XV. Rogozhskiy letopisets; Tverskoy sbornik [Rogozhskiy chronicler; Tver' volume]. Moscow: Yazyki russkoy kul'tury, 2000. 540 p.
- PSRL, XVI. Letopisnyy sbornik, imenuyemyy letopis'yu Avraamki [Chronicle volume named Avraamka's chronicle]. Moscow: Yazyki russkoy kul'tury, 2000. 320 p.
- PSRL, XXIII. Ermolinskaya letopis' [Ermolinskaya chronicle]. Moscow: Yazyki slavyanskoy kul'tury, 2004. 239 p.
- Rapov O. N., 1977. Knyazheskiye vladeniya na Rusi v X – pervoy polovine XIII v. [Princely possessions in Rus in X – first half of XIII c.]. Moscow: MGU. 260 p.
- Sarab'yanov V. D., 2010. Uspenskiy sobor Staroy Ladogi i khronologiya ladozhskogo khramovogo stroitel'stva [Assumption cathedral of Staraya Ladoga and chronology of Ladoga church construction].

- Krayeugol'nyy kamen'. Arkheologiya, istoriya, iskusstvo, kul'tura Rossii i sopredel'nykh stran* [Corner stone. Archaeology, history, arts, culture of Russia and adjacent countries], 2. E. N. Nosov, S. V. Beletskiy, eds. Moscow: Lomonosov", pp. 266–310.
- Sedov V. V., 2003. Pogrebeniya «svyatykh knyazey» i arkhitektura knyazheskikh uspal'nits Drevney Rusi [Burials of «saint princes» and architecture of princely burial vaults in Ancient Rus]. *Vostochnokhristianskiye relikvii* [East European relics]. A. M. Lidov, ed., comp. Moscow: Progress-Traditsiya, pp. 447–481.
- Sedov V. V., 2012. Neobychnye formy Suzdalskogo Rozhdestvenskogo sobora [Unusual forms of Suzdal Nativity Cathedral]. *Arkheologiya Vladimiro-Suzdalskoy zemli. Materialy nauchnogo seminara* [Archaeology of Vladimir-Suzdal land. Proceedings of scientific seminar], 4. Moscow; St. Petersburg, pp. 184–196.
- Sedov V. V., 2017. Sarkofag knyazya Vsevoloda Bol'shoye Gnezdo v Uspenskom sobore (po dannym N. N. Voronina) [Sarcophagus of Prince Vsevolod the Big Nest in the Assumption Cathedral (based on N. N. Voronin's data)]. *KSIA*, 248, pp. 278–289.
- Sedov V. V., 2018. Knyazheskiye sarkofagi Georgiyevskogo sobora Yur'yeva monastyrja [Princely sarcophagi of St. George cathedral of Yuriyev monastery]. *Vestnik RFFI. Gumanitarnyye i obshchestvennyye nauki* [RFBR Bulletin. Humanities and social sciences], 2, pp. 142–158.
- Sirenov A. V., 2011. Opisaniya drevnerusskikh nekropol'ey v rukopisyakh XVI–XVII vv. [Descriptions of ancient Russian necropolises in manuscripts of XVI–XVII cc.]. *RA*, 1, pp. 106–110.
- Sychev N., 1951. Predpolagayemoye izobrazheniye zheny Yuriya Dolgorukogo [Presumed image of wife of Yuriy the Long Hand]. *Soobshcheniya Instituta istorii iskusstv* [Communications of the Institute for history of arts], 1. Moscow, Leningrad: AN SSSR, pp. 51–62.
- Torshin E. N., Duk D. V., Ioannisyan O. M., Zykov P. L., Kots A. L., 2016. Galereya Spaso Preobrazhenskoy tserkvi Evfrosinieva monastyrja v Polotske (Predvaritel'nye itogi arkhitekturno-arkheologicheskikh issledovaniy) [Gallery of Transfiguration Church in Evfrosimiev monastery in Polotsk (Preliminary results of architectural-archaeological investigations)]. *Belaruskaye Padzvinne: vopyt, metodyka i vyniki palyavykh i mezhdytsyplinarnykh dasledovannyav* [Byelorussia Dvina region: experience, methods, and results of field and interdisciplinary investigations]. Pt. 1. Navapolatsk: PDU, pp. 22–40.
- Ushakov N. N., 1913. Sputnik po drevnemu Vladimiru i gorodam Vladimirskoy gubernii [Guide over old Vladimir and cities of Vladimir province]. Vladimir: Gubernskaya tipografiya. 474 p.
- Vakhtanov S. N., 2009. Restavratsiya tserkvi Borisa i Gleba v Kidekshe. 1955–2008 gg. [Restoration of the Church of Sts. Boris and Gleb in Kidekshe. 1955–2008]. *Materialy issledovaniy* [Materials of investigations], 15. Vladimir: Vladimiro-Suzdal'skiy muzey-zapovednik, pp. 62–66.
- Van Millingen A., 1912. Byzantine Churches in Constantinople. Their History and Architecture. London: Macmillan and Co. 339 p.
- Varganov A. D., 2013. Otchet po proizvodstvu remontno-restavratsionnykh rabot v pamyatnike arkhitektury «Uspenskiy sobor» v gor. Vladimire za period 1950–1954 gg. Arkheologicheskiye nablyudeniye pri proizvodstve zemlyanykh rabot v 1951 g. [Report on accomplishment of renovation restoration works in monument of architecture «Assumption cathedral» in city of Vladimir for the period of 1950–1954. Archaeological observations during earthwork operations in 1951]. *Timofeyeva T. P. Issledovaniya po istorii Vladimirskogo Uspenskogo sobora* [Investigations in history of Assumption cathedral in Vladimir]. Moscow; St. Petersburg: Al'yans-Arkheo, pp. 120–140.
- Voronin N. N., 1961. Zodchestvo Severo-Vostochnoy Rusi XII–XV vekov [Architecture of North-Eastern Rus, XII–XV centuries], I. Moscow: AN SSSR. 583 p.
- Voronin N. N., Rappoport P. A., 1979. Zodchestvo Smolenska XII–XIII vv. [Architecture of Smolensk, XII–XIII cc.]. Leningrad: Nauka. 414 p.
- Yanin V. L., 1988. Nekropol' Novgorodskogo Sofiyskogo sobora. Tserkovnaya traditsiya i istoricheskaya kritika [Necropolis of St. Sophia cathedral in Novgorod. Church tradition and historical critique]. Moscow: Nauka. 239 p.

About the author

Sedov Vladimir V., Institute of Archaeology Russian Academy of Sciences, ul. Dm. Ulyanova, 19, Moscow, 117036, Russian Federation; e-mail: sedov1960@mail.ru

Н. А. Кренке, И. Н. Ершов, Е. Г. Ершова, Б. В. Кудрявцев,
Р. Б. Платоновский, В. А. Раева, А. А. Тарасова

«МАЛЫЙ ГОРОД» ВЯЗЬМЫ ПО ПИСЬМЕННЫМ И АРХЕОЛОГИЧЕСКИМ ДАННЫМ

Резюме. В статье суммируются сведения о раскопках «Малого города» Вязьмы (Соборный холм). Приводятся результаты спорово-пыльцевых и антропологических исследований. По итогам работ 2017 г. было установлено, что на Соборном холме в XIII в. располагалось кладбище, ограниченное с юга городской застройкой. После пожара конца XIII в. участок пустеет и вновь застраивается в XVI–XVII вв., когда здесь был возведен деревянный замок – острог с тремя башнями и стенами-городнями.

Ключевые слова: Вязьма, керамика, радиоуглеродное датирование, деревянные надгробия, дендрохронология, спорово-пыльцевой анализ, антропология.

Данные письменных источников о ранней истории Вязьмы очень скудны. Она впервые упомянута в 1239 г., но этот источник (Бархатная книга) не вполне достоверен. Первое летописное упоминание относится к 1299 г. При осаде Дорогобужа смоленским князем ему противостоит войско из Вязьмы. Следовательно, город к этому моменту был уже довольно значительным и имел некоторую историю (*Шорин*, 2005).

По сведениям письменных источников ясно, что уже в конце XVI в. сложилась двухуровневая система укреплений города. При царе Борисе Годунове существовали «нижний острог» и «верхний острог» (*Виноградов*, 1890. С. 28). При Михаиле Федоровиче в Вязьме велось значительное каменное строительство. Нижний острог получил кирпичные башни, а в верхнем, или «малом», городе был построен каменный Троицкий собор. Традиционно в литературе он датируется 1675–1676 гг. (Там же. С. 60), но в 2017 г. сотрудник Смоленской экспедиции ИА РАН Б. В. Кудрявцев обнаружил в РГАДА документ, указывающий, что церковь существовала уже в 1639 г. В указе Михаила Федоровича упоминается только что построенная соборная каменная церковь Живоначальной Троицы, для которой заказывалась церковная утварь (РГАДА. Ф. 396. Оп. 1. Ч. 3. Ед. хр. 2960).

Сохранилась целая серия подробных «сметных списков» XVII – начала XVIII в., описывающих холм, на котором стоял собор. Для обозначения этого холма употреблялись следующие термины: «острог, что по городищу» (1626 г.), «верхний острог на осыпи» (1646 г.), «верхний город на осыпи» (1655 г.), «город верхний малый на осыпи» (1687 г.), «верхний меньшей город на осыпном валу» (1738 г.) (РГАДА Ф. 141. Оп. 1. Ед. хр. 1625. № 14. Л. 13, 31; Ф. 286. Оп. 1. Д. 909). Из описаний следует, что острог представлял собой деревянную крепость с тремя башнями и соединявшими их стенами. Первоначально часть стены была в виде тына, в 1675 г. ее заменили городнями, каждая из которых была 6 м в длину, 3,5 м в ширину и высотой под крышу 3,5 м. Длина периметра стены равнялась 303 м. Если к этой цифре прибавить башни, то получится, что общая длина периметра равнялась около 340 м. Не совсем понятно, что подразумевалось под словами «осыпь» или «осыпной вал». Очевидно, речь идет об элементе ландшафта, дополненном искусственной земляной конструкцией. В источниках указана высота «осыпи» – от 20 до 24 м.

В 1738 г. деревянный острог уже был в крайне ветхом состоянии, и, видимо, вскоре после этой даты он был разобран.

Внутри острога находилась съезжая/приказная изба, житницы, пороховой погреб, спуск-тайник к реке. На плане города Вязьмы 1795 г. из Атласа Смоленской губернии к западу от собора показаны две параллельно стоящие постройки – соляные магазины. Они показаны условным знаком каменных построек, но в описаниях значатся деревянными. Вероятно, у построек был каменный низ и деревянный верх. На планах XIX в. на Соборном холме изображен лишь Троицкий собор, рядом с которым в 1830-х гг. возвели колокольню.

Современная поверхность Соборного холма имеет уклон с востока на запад, понижаясь от отметки 240 м до 233 м. Меженный уровень реки Вязьмы – 218 м в Балтийской системе высот. Таким образом, высота обрыва к реке действительно достигает 22 м; с юга холм также имеет крутой склон, но перепад высот от площадки к подошве всего 6–8 м. Вероятно, с южной стороны холма у его подошвы накопилось значительное количество культурного слоя, в том числе в результате нивелировки строительного мусора после последней войны. Протяженность Соборного холма с востока на запад – 155 м; с севера на юг – 55 м; площадь составляет около 8 тыс. кв. м, то есть меньше 1 га.

В археологической литературе Соборный холм Вязьмы трактуется как древнейшее ядро города. Здесь трижды (в 1973, 1988 и 1991 гг.) проводила исследования Т. В. Сергина (Юркина). Опубликованы лишь результаты по первому сезону работ, когда с востока от собора был заложен шурф (раскоп 1) площадью 8 кв. м (Юркина, 1981). Через 15 лет этот шурф был расширен до площади раскопа (раскоп 2) в 100 кв. м (Сергина, 1988), а еще через 13 лет исследованы шурфы внутри собора (Сергина, 1991). В результате этих работ была получена довольно детальная картина стратиграфии культурного слоя и планиграфии сооружений в восточной части Соборного холма. На участке раскопов отсутствовали следы раннего кладбища, лишь в верхних слоях встречены погребения XVIII–XIX вв. Показательно, что остатков срубов жилой застройки не было в нижнем метре культурного слоя в раскопе 1988 г. Лишь на краю холма зафиксированы следы городен и примыкавшего к ним мощения проезда (?). Тем не менее наличие

мощного влажного культурного слоя (щепа с навозом), перекрывшего материковую поверхность, указывает на то, что участок раскопа входил в пределы жилой усадебной застройки.

Коллекции из этих раскопок хранятся в Вяземском краеведческом музее. К сожалению, керамика из нижних пластов раскопа 1988 г. отсутствует в коллекции и не представлена в отчете. Отобранные в 1973 и 1988 гг. образцы деревянных конструкций оказались непригодными для дендрохронологического анализа. Основные два вывода автора этих раскопок следующие: 1) нижние слои датируются XII–XIII вв.; 2) по краю площадки идет оборонительный вал, возникший с самого начала жизни поселения (*Юркина*, 1981; *Сергина*, 1994).

Первый вывод, с некоторыми оговорками (см. далее), можно принять. Судя по керамике из шурфа 1973 г., в слое присутствовали материалы XIII в. На эту же датировку указывают обломки стеклянных браслетов и стальная шпора с медной инкрустацией (*Юркина*, 1981). Шпора залегала в пласте 14, то есть примерно на 0,4 м выше материка при общей мощности слоя 3,2 м (*Юркина*, 1973). В Великом Новгороде подобные находки встречены в слоях первой половины XIII в. (*Медведев*, 1959. Рис. 21: 7), но допустима и более широкая датировка – XII–XIII вв. (*Кирпичников*, 1973). Очень близка вяземской находке шпора с городища Асоте в Латвии. Э. Шноре датирует ее XII в. (*Шноре*, 1962. С. 582). Так же датируется по контексту аналогичная инкрустированная шпора из Изборска (*Седов*, 2007. С. 341).

Второй вывод относительно древности конструкций вала требует дополнительных подтверждений. Материалы наших раскопок (см. далее) скорее указывают на более молодой возраст.

В 2017 г. на территории «Малого города» Вязьмы были проведены новые раскопки, обусловленные строительством дома для нужд церкви. Два раскопа – № 3 и № 4 – располагались в западной части площадки холма (рис. 1). Их площадь равнялась соответственно 24 и 150 кв. м. Таким образом, по длинной оси Соборного холма теперь выстроились три «археологических окна», которые позволяют реконструировать историю этого места, основываясь на большом фактическом материале.

Исследования 2017 г. имели комплексный характер. Применялось радиоуглеродное (М. М. Певзнер, геологический ин-т РАН; лаборатория ун-та г. Оттавы, Канада) и дендрохронологическое датирование (А. А. Карпухин, ИА РАН, Б. Ф. Хасанов, Ин-т проблем экологии и эволюции РАН), проводились палеоботанические (Е. Г. Ершова) и антропологические (А. А. Тарасова) исследования. Особенно важно отметить, что в результате изучения дубовых спилов, полученных при раскопках в Вязьме, удалось построить сначала «плавающую шкалу» протяженностью 232 года, которую затем удалось соединить с другой «плавающей шкалой» по дубам из притоков Западной Двины и, наконец, состыковать эти шкалы с абсолютно датированной шкалой по сморгонским дубам. В результате получился дендрохронологический ряд протяженностью более 1200 лет.

В основании культурного слоя на всем пространстве Соборного холма залегала дерново-подзолистая погребенная почва с хорошо выраженными гумусовым и подзолистыми горизонтами. Ландшафт подвергался хозяйственному воздействию человека уже в глубокой древности (не менее пяти тысяч лет назад).

Рис. 1. План Соборного холма Вязьмы с раскопами. Показана граница зоны кладбища и жилой застройки на середину XIII в. (I) и вторую половину XIII в. (II). Коричневые линии – срубы и изгороди, черные штришки – погребения. Горизонталы через 1 м

Из погребенной почвы происходит серия кремневых пластин и отщепов. В нижнем культурном слое найдена лезвийная часть проушного каменного топора раннего бронзового века. Спорово-пыльцевые данные, полученные по образцам из гумусового горизонта почвы (в нижележащих почвенных горизонтах пыльца отсутствовала), указывают на то, что в период, предшествующий началу накопления культурного слоя, на холме произрастал коренной елово-широколиственный лес. В то же время образцы из верхнего слоя почвы содержат большое количество древесного угля и микроостатки растений, являющихся индикаторами лесных пожаров и антропогенных нарушений, таких как полынь, маревые, иван-чай, печеночный мох *Marshantia*. Обращает на себя внимание присутствие

пыльцы культурных злаков и спор *Riccia* – печеночного мха, растущего исключительно на зарастающих пашнях (Porley, 2001). Мы предполагаем, что почвенные пыльцевые спектры включают в себя элементы двух стадий: более ранней – лесной, при которой формировалась почва, и более поздней – хозяйственной (распашка), предшествующей основанию города.

Мощность культурного слоя на Соборном холме колеблется в пределах 2,5–4 м (максимальная толщина зафиксирована в ЮВ углу раскопа 4). В культурном слое выделяются два горизонта – сухой и влажный. Верхний сухой горизонт мощностью до двух метров сложен преимущественно строительным мусором XVIII–XX вв. Нижний влажный горизонт состоит из напластований навоза со щепой и сохраняет остатки деревянных конструкций построек, уличных и дворовых настилов, а также погребальных сооружений. При этом в северо-западной части холма нижний культурный слой отсутствовал. Этот участок изначально использовался как кладбище (рис. 1).

В основании культурного слоя в раскопе 3 был отобран тонкий корень елки, по которому получена радиоуглеродная дата (см. табл. 1, образец УОС-4838), указывающая с наибольшей вероятностью на конец XII – первую половину XIII в. После непродолжительного этапа жизни, за период которого отложилось всего 10–15 см культурного слоя, на западном краю холма случился локальный пожар. Из горизонта этого пожара было отобрано два образца (УОС-4275 и 4836). Важно отметить, что датирование проводилось по скорлупе орехов, собственный возраст которых всего один год. Оба образца дали очень близкие результаты, указывающие на вторую-третью четверти XIII в. Идентичный результат получен и по третьему образцу (УОС-4837), отобранному примерно из того же стратиграфического уровня (предматериковый горизонт) в раскопе 4.

Таким образом, данные радиоуглеродного датирования однозначно указывают, что начальный этап накопления культурного слоя в юго-западной части Соборного холма охватывает вторую-третью четверти XIII в. Финал XII в. не исключен, но маловероятен. Наиболее вероятным возрастом нижней части нижнего культурного слоя, с учетом формы калибровочной кривой, с точки зрения статистики, является узкий интервал вокруг 1260 г.

Вещевые находки и керамика из нижних пластов культурного слоя очень хорошо согласуются с данными радиоуглеродного датирования. Достоверно домонгольскими вещами являются два шиферных пряслица (рис. 2: 15, 16) и крестопорезной бубенчик (рис. 2: 17). Правда, форма прорези бубенчика была изменена на щелевидную. То есть вещь прожила долгую жизнь, но изготовлена изначально была не позже первой половины XII в. Серебряная бусина продолговатой формы (рис. 2: 4) находит практически точную аналогию среди украшений клада, найденного в Михайловском монастыре в Киеве. Этот клад датируется XII–XIII вв. (Недошивина, 2010). Свинцовые грузики (рис. 2: 9, 10) – хорошо известная вещь, но ее функциональное назначение спорно (Олейников, 2014). Датировка охватывает широкий интервал – X–XV вв. По наблюдению П. Г. Гайдукова, орнаментированные грузики (именно такие были найдены в Вязьме) относятся к ранней группе XII–XIV вв. (Гайдуков, 1992. С. 98). Особого внимания заслуживает подвеска с изображением процветшего креста (рис. 2: 2). Аналогичная подвеска (хранится в Смоленском краеведческом музее) была найдена

Таблица 1. Результаты радиоуглеродного датирования образцов из Вязьмы (раскопы 3 и 4)¹

Лабораторный номер	Полевой номер, место отбора	Материал	¹⁴ С-возраст от наших дней	Стандартное отклонение (±)	Калиброванная дата (в программе OxCal 3.9)
Раскоп 3					
UOC-4838	основание культурного слоя	еловый корень	819	45	1180–1265 (68,2 %)
UOC-4275	ЕР39 пожар 5 (нижний)	обугленная органика	776	35	1220–1275 (68 %)
UOC-4836	Кв. 9, пласт 15, пожар 5	скорлупа лесных орехов	756	45	1220–1285 (68,2 %)
UOC-4276	ЕР40 погр. 5	береста	754	35	1240–1285 (64,3 %)
UOC-4277	ЕР41 погр. 2	береста	822	35	1205–1260 (58,4 %)
UOC-4473	пожар 3 (над могилами досками)	уголь	710	21	1280–1296 (68,2 %)
Раскоп 4					
UOC-4837	кв. 5, пласт 18а	скорлупа лесных орехов	763	45	1220–1280 (68,2 %)

Д. А. Авдусиным в 1957 г. в раскопе (УС-5) на ул. Соболева в Смоленске в пласте 19 (ярусы 13–14), который относится к XIII в. (Урьева, 1991. С. 103). В коллекции есть нателный 12-конечный крест, точно соответствующий изображению на подвеске (рис. 2: 6). Аналогии есть в культурном слое Новгорода XIV в. (Седова, 1981. С. 55), но новгородский крест смотрится грубее и, вероятно, он моложе вяземского.

Криноконечная ажурная подвеска с крестовидной прорезью (рис. 2: 1) точных аналогий не имеет. Стилистически близкие вещи датируются XIII–XIV вв. (Жилина, 2016. Рис. 13: 16). Вяземская подвеска является развитием более простых форм криноконечных крестовидных подвесок из Владимира и Старой Рязани, которые датируются XII – началом XIII в. (Жилина, 2014. С. 147). Соответственно, датировка вяземского украшения позднее – XIII – начало XIV в.

Бронзовый овалноконечный пластинчатый браслет (рис. 2: 24) датируется в пределах XII–XIII вв. (Седова, 1981. С. 113), стеклянные браслеты, вероятно, XIII в. На рубеж XII–XIII вв. приходится пик распространения стеклянных браслетов (рис. 2: 19–23) в культурном слое Смоленска (Асташова, 1998. С. 162).

¹ Датирование проводилось в лаборатории университета г. Оттава, Канада

Деревянные чесало и трепало находят аналогии в слоях Великого Новгорода, где имеют довольно широкие даты от X до XV в. (Колчин, 1968).

Керамика из нижнего слоя раскопов 3 и 4 (рис. 3: 4–10) представлена значительной серией венчиков. Все они нетипичны для домонгольского времени. Полностью отсутствует наиболее типичная для керамики Смоленска XII – начала XIII в. форма S-видного венчика, отогнутого наружу, но с завернутым внутрь валиком – упором под крышку. Большинство венчиков имеют прямую шейку, отогнутое наружу «карнизиком» окончание, которое в разрезе имеет «граненую» форму. Орнамент обычно волнистый, есть и «косая волна». Тесто весьма грубое, с дресвой, стенки толстые. Единичные венчики напоминают раннекрюговые. Их короткая верхняя часть просто отогнута наружу под углом. В коллекции представлен также горшок, орнаментированный штампом-колесиком. Для Смоленска такая керамика нехарактерна. Важно отметить наличие одной стенки амфоры в пласте 13. В Западном Подмоскowie похожие «граненные» венчики были встречены в постдревнерусских комплексах на селищах в пределах Звенигородской биологической станции. Аналогичная керамика представлена в Твери (Кобозева, 1997; Лапшин, 2009; Нестерова, 2002) и Ярославле (Энгелатова, Кадиева, 2018), а также в Переяславле Рязанском (Завьялов, 2018). Видимо, керамику из нижнего слоя Вязьмы следует широко датировать в пределах XIII – начала XIV в.

Таким образом, нижний культурный слой на Соборном холме Вязьмы накопился за относительно короткий промежуток времени – около одного столетия. Попытка получить информацию об окружавших город ландшафтах по образцам из этого слоя оказалась неудачной, несмотря на высокую концентрацию и хорошую сохранность растительных остатков в слое. Абсолютное преобладание пыльцы луговых трав и культурных злаков при почти полном отсутствии пыльцы ветроопыляемых деревьев в пыльцевых спектрах – характерный признак обогащения культурного слоя навозом (Ершова и др., 2017). Такие спектры не отражают характера ландшафта в окрестностях Вязьмы XIII в., но являются отражением состава лугов, на которых пасся скот.

Исключительно информативным объектом раскопок оказалось древнее кладбище Вязьмы. Кладбище занимало северо-западную часть холма. Всего в пределах раскопов 3 и 4 было зафиксировано 39 погребений. Самое раннее погребение – 26 – имеет дендродату 1241 г., самое позднее погребение – 11 –

Рис. 2 (с. 314). Находки из нижнего слоя Малого города Вязьмы (раскопы 3 и 4)

1 – подвеска с крестовидной прорезью (р4 № 139); 2 – подвеска с процветшим крестом (р4 № 143); 3 – накладка с криновидным орнаментом (р4 № 122); 4, 5 – бусины (р. 3 № 35; р4 № 107); 6, 7 – кресты-тельники (р4 № 174; № 115); 8 – накладка (оклад иконы? р3 № 34); 9, 10 – грузики (р3 № 21; р4 № 67); 11, 12 – пломбы товарные (р4 № 156; № 35); 13, 14 – кресала (р4 № 106; № 82); 15, 16 – пряслица (р4 № 179; 183); 17 – бубенчик шелевидный, переделанный из крестопорезного (р3 № 26); 18 – денарий Витовта (р4 № 102, определение В. В. Зайцева); 19–24 – браслеты (р4 № 170; р3 № 19; р3 № 29; р3 № 6; р4 № 176; р3 № 27); 25 – брусок воска (р4 № 178); 26 – чесало (р3 № 31); 27 – трепало (р3 № 32)

1, 4, 5 – серебро; 2, 3, 6, 7, 12, 17, 24 – бронза; 8 – желтый металл; 9, 10 – свинец; 13, 14 – железо; 15, 16 – шифер; 19–23 – стекло; 25 – воск; 26, 27 – дерево

Рис. 3. Керамика из раскопов 3 и 4

I – горшки и кувшин из верхнего слоя (XVI–XVII вв.); *II* – горшки из нижнего слоя XIII–XIV вв.

датировано 1306 г. Распределение датированных погребений показывает, что кладбище развивалось с востока на запад, вплоть до самого края холма. При этом погребения конца XIII в. прорезают культурный слой. В центре кладбища никакого культурного слоя не было. Это хорошо видно на профиле (рис. 4: 3). Выброс из могильной ямы погребения 22 лег непосредственно на погребенную почву. Зато далее к югу мы видим мощный культурный слой. То есть первоначальная граница между кладбищем и жилой застройкой проходила примерно в середине раскопа 4. Затем кладбище «сдвинуло» жилую застройку к югу.

Уникальность вяземского кладбища заключается в том, что здесь были обнаружены дубовые надгробные доски шириной до 75 см (именно по ним разработана дендрохронологическая шкала). Нужно отметить, что на Смоленщине традиция помещения деревянных досок на могилы сохранялась до начала XX в. (Модестов, 2004). Большинство досок плоские, лишь две имели двускатную форму. Доска лежала на дневной поверхности кладбища. Могильные ямы неглубокие – около 50–60 см. В них ставился гроб, собранный из трех длинных дубовых досок (днище и боковины) и двух коротких торцевых. Доски крепились четырьмя планками (две снизу, две сверху), стягивавшими боковины, а «доски-заглушки» в торцах расклинивали конструкцию. Крышка гроба делалась также из дубовой доски и клалась на гроб свободно. Ее крепила лишь обмотка из пластов бересты (примерно четвертая часть погребений была с берестой). На крышку гроба насыпался пласт земли толщиной 20–25 см, и сверху клалась надгробная доска, на которой не было никаких надписей (рис. 4: 1, 2). Абсолютно одинаковые конструкции гробов, возможно, указывают на их производство специальными мастерами-гробовщиками. Похожие по конструкции гробы были обнаружены на домонгольском некрополе киевского Подола (Сагайдак, 1991), а также при раскопках в Минске (Тарасенко, 1957). Причем гробы в минском Замчище были также обернуты берестой и датируются концом XII в.

В планировке кладбища Вязьмы прослеживается некоторая рядность. Погребения, которые были ниже отметки дна строительного котлована, не раскапывались.

Погребальный обряд был одинаковым, как и погребальные сооружения. Все умершие лежали головами на запад (с некоторыми отклонениями) вытянуто на спине, руки скрещены на груди или животе (точно проследить было невозможно, так как большинство костяков были смещены грунтовыми водами). На ногах взрослых погребенных была специальная погребальная кожаная обувь – калиги. Никаких находок: крестов, элементов одежды, сосудов – при погребенных не было. Вероятно, они были завернуты в саваны. Умерших умащивали миром. Запах благовония отчетливо чувствовался при разборке некоторых погребений.

Демографические характеристики антропологической серии из некрополя на территории Соборного холма г. Вязьмы вкупе с некоторыми данными палеопатологии дают основание предполагать, что на нем погребались люди высокого социального статуса.

Средний возраст смерти (без учета детей) в исследуемой группе людей, чьи останки были найдены на описываемом кладбище, составляет 40,8 лет и находится на границе максимальных значений для древнерусских серий, в которых

Рис. 4. Фотоснимки деталей раскопа 4

I – стратиграфическая последовательность объектов в кв. 4 (*1* – лага мостовой XVI в.; *2* – деревянная плита-надгробие погребения 39; *3* – крышка гроба; *4* – стенка гроба); *II* – надгробная плита погребения № 2; *III* – профиль возле погребения 22 (1294 г.), видно, что выбросы из могильной ямы легли на почву, где нет культурного слоя

данный показатель колеблется от 32,3 до 42,2 лет (Бужилова, 1995. С. 32). В современной палеодемографии средний возраст смерти, без учета детской смертности, рассматривается как один из биологических индикаторов здоровья и может служить показателем качества жизни в исследуемой палеопопуляции (Бужилова, 2005. С. 141, 142; 2001. С. 241). По этому признаку выборка из Вязьмы наиболее близка белозерским сериям из Никольского III (41,7 лет) и Нефедьево-Шуйгино (42,2 года), представляющим палеопопуляции Русского Севера. Археологические источники позволили выдвинуть гипотезу о достаточно высоком экономическом уровне развития населения этих территорий (Макаров, 1997. С. 191).

Особенностью исследуемой серии является превышение (почти на 10 лет) среднего возраста смерти женщин по сравнению с мужчинами (табл. 2). Не исключено, что при увеличении вяземской выборки данный разрыв может сократиться, однако сама по себе подобная тенденция, не характерная в целом для Средневековья, может быть свидетельством определенной «элитарности» открытых на Соборном холме женских погребений. Превышение, хоть и не столь значительное, среднего возраста смерти женщин по сравнению с мужчинами наблюдается, например, в объединенной выборке из погребений XI–XIII вв. на территории «верхнего» Киева (города Владимира и города Ярославла), где были выявлены так называемые могилы знатных киевлянок (Козак, 2010. С. 38).

Таблица 2. Основные палеодемографические характеристики антропологической серии из Вязьмы

Характеристики	Всего	Мужчины	Женщины	Все взрослые
Реальный объем выборки (N)	16	7	5	12
Средний возраст смерти (A)	31,9	36,8	46,5	40,8
Средний возраст смерти без учета детей (AA)	—	36,8	46,5	40,8
Процент детской смертности (PCD), %	25,0	—	—	—
Процент детей в интервале 0–1 от NCD (PBD), %	10,0	—	—	—
Процент индивидов данного пола (PSR), %	—	58,3	41,7	—

В определенной степени о «благополучии» женской части исследуемой выборки могут свидетельствовать и некоторые палеопатологические характеристики. Так, на останках женщин совсем не было зарегистрировано такого маркера эпизодического стресса, как *cribra orbitalia*, являющегося признаком анемии, связанной с преодолением заболеваний различной этиологии (инфекции, паразитарные инвазии и др.), в то время как среди вяземских мужчин он встречается в 28,6 % случаев. Значительно меньше у женщин (50 %), чем у мужчин (85,7 %), встречается также такой признак, как гипоплазия эмали – индикатор эпизодических стрессов, испытанных в детском возрасте, традиционно большинством исследователей ассоциированный с резкими и значительными по

силе и продолжительности воздействиями на растущий организм, такими как острое голодание, инфекционные заболевания и пр. (Бужилова, 1998. С. 95).

О высоком статусе группы в целом косвенно может говорить ее определенная «замкнутость». Судить об этом позволяет большая частота встречаемости дискретно-варьирующих признаков, имеющих, как правило, наследственную природу. На индивидуальном уровне исследование таких маркеров позволяет устанавливать биологическое родство, а на групповом – является основанием рассматривать степень метисации или инбридинга в палеопопуляциях (Бужилова, 1995. С. 22). Чаще всего у взрослых вязьмичей регистрируются остеомы на плоских костях черепа (91,7 %), вставочные кости в черепных швах (58,3 %) и метопический шов на лобной кости (33,3 %). Кроме того, у трех из пяти женщин сразу на обеих плечевых костях наблюдаются межмышцелковые отверстия, притом что данный признак обычно встречается либо на правой, либо на левой стороне. Их погребения (№ 22, 23 и 24) располагались недалеко друг от друга, хоть и входили, на наш взгляд, в разные «группы», каждая из которых состояла из трех захоронений (№ 16, 17, 22 и № 23, 24, 25). Таким образом, две из этих женщин были похоронены непосредственно рядом друг с другом, а так как помимо межмышцелковых отверстий у них были обнаружены остеомы похожей локализации (на лобной кости), мы с достаточно высокой долей уверенности можем утверждать, что они являлись близкими родственниками. В зависимости от того, с каким промежутком были совершены погребения, это могли быть сестры или мать и дочь, скончавшиеся приблизительно в 40–45 и 50–59 лет. Возможно, третья женщина (35–39 лет) также была их родственницей. Несмотря на то что место ее погребения находилось чуть поодаль, у нее наблюдаются те же дискретно-варьирующие признаки на плечевых и лобной костях, хотя помимо них фиксируется еще один – метопический шов. Этот последний упомянутый признак также зарегистрирован на останках молодого человека 17–19 лет из располагающегося в непосредственной близости погребения № 17. Вероятно, это были мать и сын.

Дальнейшее изучение антропологической серии из Вязьмы поможет определить морфологические особенности физического типа населения этого города в контексте синхронных и диахронных данных, узнать специфику рациона питания первых вязьмичей, охарактеризовать их качество жизни в целом и получить информацию о перенесенных ими заболеваниях, а также, возможно, сделать заключения о профессиональной специализации некоторых горожан.

Все надгробные доски были опалены сильным пожаром (пожар 3). Этот пожар прослеживается в раскопах 3 и 4 и является важным стратиграфическим маркером (рис. 5). Радиоуглеродный возраст образца угля из слоя пожара 3 указал на конец XIII в. (см. табл. 1). Однако это время выхода датированного образца из обменного цикла в биосфере. Дата пожара могла быть более молодой. Очевидно, дата пожара приближена к дате самого позднего погребения (1306 г.), то есть пожар датируется началом XIV в. Зрелище этого пожара было чудовищным – на кладбище полыхали могильные доски! Пожар трудно связать с каким-либо известным историческим событием.

Рис. 5. Профиль восточного борта раскопа 4 (вверху)

Условные знаки: 1 – желтый песок; 2 – темно-желтый песок; 3 – уголь; 4 – погребенная почва; 5 – навоз со щепой; 6 – серый суглинок; 7 – материк; 8 – перекоп; 9 – тлен; 10 – темно-серая супесь с серым суглинком; 11 – глина с тленом; 12 – бурый суглинок; 13 – темно-серая супесь; 14 – темно-серая супесь со светло-серым суглинком; 15 – серый слоистый суглинок; 16 – кирпичный бой; 17 – серый суглинок с темно-серой супесью. Вертикальный снимок раскопа 4 на уровне кладбища XIII в. (внизу)

После пожара место кладбища было заброшено на длительное время, культурный слой здесь практически не накапливался. Малочисленные находки периода запустения представлены натальным крестиком с криновидными окончаниями, денарием Витовта², товарной пломбой из французского города Сент-Омер³ (рис. 2: 7, 12, 18). Эти находки относятся к концу XIV – XV в.

Совершенно новый этап формирования культурных напластований на Соборном холме связан с московским периодом, когда собственно и был сооружен Малый город. Время этого события пока можно определить широко – XVI в. Малый город представлял собой настоящий деревянный замок с улицами внутри. Сохранилось фрагментарно пять уровней мощения этих улиц. Первоначальная улица (три нижних яруса мощения) пересекала раскоп 4 по диагонали (рис. 6; 7). Вероятно, эта улица вела к проезду в башне, обращенной к городу. На поверхности мощения этой улицы был найден сильно стертый пражский грош Вацлава IV (определение В. В. Зайцева), который датируется в интервале конца XIV – конца XV в. Плахи уличного мощения 3 были опалены в пожаре. Скорее всего, это пожар начала XVII в.

Верхние два уровня мощения имеют иную ориентировку. Улица образует Т-образный перекресток, ориентирована на храм.

С горизонтами мощения улиц связаны многочисленные фрагменты светлоглиняных горшков XVI–XVII вв. с характерным профилем венчика, край которого завернут наружу (рис. 3: 2). Небольшую группу посуды составляли белоглиняные кувшины с круглыми ручками (рис. 3: 3). Эти кувшины отличаются от московской керамики. Вообще надо отметить, что в Вязьме московской керамики не было встречено. Горшки сюда из Москвы не возили.

На краю холма в раскопе 3 удалось проследить тыльную часть стыка двух «городен», из которых была сделана стена. Выявлено три стадии перестройки сооружения, разделенных пожарными прослойками.

В верхнем слое мощения улицы были найдены круглые свинцовые пули, ружейные кремни. Самым поздним объектом в раскопе 4 был сруб, перекрывавший горизонт 1 уличного мощения. В этом срубе был найден крупный цветочный горшок – кадка с отверстием в днище для слива воды (рис. 3: 1). Судя по другим находкам керамики, постройка относится к XVII в. Появление в этом комплексе «цветочного» горшка очень симптоматично. Видимо, это горшок для экзотических растений, может быть лимонов. В 1654–1655 гг. в Вязьме находился царский двор. Разведение лимонов и других фруктов было в моде у «московской элиты» того времени. Так, например, полковник Патрик Гордон, находясь в русской армии под Смоленском в 1664 г., пишет о том, что его возлюбленная из Москвы присылала ему свежие лимоны (*Гордон*, 2002. С. 152).

Проведенные в 2017 г. раскопки позволяют сделать следующие выводы.

1. Археологические находки подтверждают возраст Вязьмы, установленный по письменным источникам. Возникновение города, видимо, относится к первой половине XIII в.

² Определение В. В. Зайцева.

³ Определение П. Г. Гайдукова.

**Рис. 6. План Соборного холма Вязьмы на XVI – начало XVII в (I) и середину XVII в. (II).
Красный пунктир показывает направление улиц;
коричневым цветом показана трассировка стены деревянной крепости**

2. Соборный холм Вязьмы отнюдь не являлся древним ядром города. В северной части холма после сведения леса было поле, затем – кладбище, а южный склон занимала периферия городской застройки. Постепенно кладбище расширилось и потеснило застройку. Возможно, что на кладбище на Соборном холме были захоронены люди «высокого социального статуса», о чем свидетельствуют антропологические показатели.

3. Центр древней Вязьмы нужно искать на участке, примыкающем к Соборному холму с юга и юго-востока (на месте вокруг дома культуры и в районе сквера с памятником генералу Ефремову и рядом с ним). Вероятная площадь города – несколько гектаров.

Рис. 7. Деревянные мостовые Малого города Вязьмы:
середины XVII в. (I) и XVI – начала XVII в. (II)

4. В начале XIV в. город пережил очень сильный пожар. Центр этого пожара был, конечно, не на кладбище, но даже кладбище было им опалено. Пожар привел к прекращению функционирования кладбища. Видимо, в планировке города произошли очень существенные изменения.

5. В XVI в. на Соборном холме был построен деревянный острог, который несколько раз горел и перестраивался, но существовал до первой половины XVIII в.

ЛИТЕРАТУРА

- Асташова Н. И.*, 1998. Торговые связи средневекового Смоленска // Труды VI Международного Конгресса славянской археологии (1996 г.). Т. 4. М.: Эдиториал УРСС. С. 161–167.
- Бужилова А. П.*, 1995. Древнее население (палеопатологические исследования). М.: Изд-во ИА РАН. 167 с.
- Бужилова А. П.*, 1998. Палеопатология в биоархеологических реконструкциях // Историческая экология человека. Методика биологических исследований / Отв. ред. Е. З. Година. М.: Старый Сад. С. 87–147.
- Бужилова А. П.*, 2001. Биологическая и социальная адаптация населения Русского Севера (по антропологическим материалам Белозерья и Поонежья) // *Макаров Н. А., Захаров С. Д., Бужилова А. П.* Средневековое расселение на Белом озере. М.: Языки русской культуры. С. 227–275.
- Бужилова А. П.*, 2005. Homo sapiens. История болезни. М.: Языки славянской культуры. 320 с.
- Виноградов И. П.*, 1890. Исторический очерк города Вязьмы с древнейших времен до XVII в. М.: Типо-лит. Д. А. Бонч-Бруевича. 140 с.
- Гайдуков П. Г.*, 1992. Славенский конец средневекового Новгорода. Нутный раскоп. М. 195 с.
- Гордон П.*, 2002. Дневник 1659–1667. М.: Наука. 316 с.
- Еришова Е. Г., Бакуменко В. О., Воронцов Т. П., Гончаров М. М., Клименко М. С., Куликов Н., Ревокатова Д. П., Селезнева Е. М., Фариш Н. Р., Фетисова Е. С., Яковенко Е. П.*, 2017. Спорово-пыльцевые спектры современного и средневекового конского навоза // Палеопочвы, палеоэкология, палеоэкономика: материалы Всероссийской междисциплинарной науч. конф. с междунар. участием. Пушкино. С. 70–74.
- Жилина Н. В.*, 2014. Древнерусские клады IX–XIII вв. Классификация, стилистика и хронология украшений. М.: ИА РАН. 392 с.
- Жилина Н. В.*, 2016. Ожерелья в костюме Московской Руси // АП. Вып. 12. М.: ИА РАН. С. 206–238.
- Завьялов В. А.*, 2018. К вопросу о дате основания Переяславля Рязанского // АП. Вып. 14. М.: ИА РАН. С. 201–208.
- Кирпичников А. Н.*, 1973. Снаряжение всадника и верхового коня на Руси IX–XIII вв. Л.: Наука. 140 с. (САИ; вып. Е1-36.)
- Кобозева Е. В.*, 1997. Керамическая коллекция древнейших отложений раскопа 9 в Тверском Кремле // ТТЗ. Вып. 2. Тверь. С. 107–123.
- Козак О. Д.*, 2010. Кияни княжої доби. Киев: Академперіодика. 396 с.
- Колчин Б. А.*, 1968. Новгородские древности. Деревянные изделия. М.: Наука. 184 с. (САИ; вып. Е1-55.)
- Латишин В. А.*, 2009. Тверь в XIII–XV вв. СПб.: Фак. филологии и искусств СПбГУ. 540 с.
- Макаров Н. А.*, 1997. Округа средневекового Белоозера и некоторые общие проблемы происхождения и функций городов на севере Руси // Труды VI Международного Конгресса славянской археологии. Т. 3: Этногенез и этнокультурные контакты славян / Отв. ред. В. В. Седов. М.: Изд-во НПБО «Фонд археологии». С. 185–197.
- Медведев А. Ф.*, 1959. Оружие Новгорода Великого // Труды Новгородской археологической экспедиции. Т. II / Под ред. А. В. Арциховского, Б. А. Колчина. М.: Изд-во АН СССР. С. 121–191. (МИА; № 65.)
- Модестов Ф. Э.*, 2004. Смоленский этнографический альбом. Вып. 2: Крестьянский и помещичий быт 1850–1917 гг. Смоленск: Смоленский гос. музей-заповедник. 179 с.

- Недошивина Н. Г.*, 2010. Древнерусские клады в собрании Государственного исторического музея. М.: ГИМ. 20 с.
- Нестерова М. Е.*, 2002. Керамика из некоторых предматериковых комплексов раскопа 14 в Тверском Кремле // ТТЗ. Вып. 4. Тверь. С. 70–100.
- Олейников О. М.*, 2014. К вопросу о назначении свинцовых грузиков X–XV вв. // КСИА. Вып. 232. С. 189–194.
- Сагайдак М. А.*, 1991. Давньокиївський Поділ. Київ: Наукова думка. 168 с.
- Седов В. В.*, 2007. Изборск в раннем средневековье. М.: Наука. 413 с.
- Седова М. В.*, 1981. Ювелирные изделия древнего Новгорода. М.: Наука. 196 с.
- Сергина Т. В.*, 1988. Отчет о раскопках в г. Вязьме в 1988 году // Архив ИА РАН. Р-1. № 12707, 12708.
- Сергина Т. В.*, 1991. Отчет о работе Вяземской экспедиции в 1991 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 15993, 15994. Альбом.
- Сергина Т. В.*, 1994. Археология Вязьмы (некоторые итоги и перспективы изучения) // Уваровские чтения – II (Муром, 21–23 апреля 1993 г.). М.: ИВФ Антал. С. 108–110.
- Тарасенко В. Р.*, 1957. Древний Минск // Материалы по археологии БССР. Т. 1. Минск: Изд-во АН БССР. С. 182–257.
- Урьева А. Ф.*, 1991. Стратиграфия и хронология раскопа УС–V в Смоленске // Смоленск и Гнездово. К истории древнерусского города / Под ред. Д. А. Авдусина. М.: Изд-во МГУ. С. 80–104.
- Шноре Э. П.*, 1962. Шпоры городища Асоте и их место в классификации шпор // Światowit. Т. 24. С. 577–585.
- Шорин Ю. Н.*, 2005. Возникновение Вязьмы // Вязьма. Страницы истории: сб. материалов краевед. конф. 2001–2004 гг. Смоленск. С. 46–71.
- Энговатова А. В., Кадиева Е. К.*, 2018. Круговая керамика Ярославля первой половины XIII в. из заполнения комплексов массовых захоронений 1238 г. // ТТЗ. Вып. 11. Тверь. С. 23–55.
- Юркина Т. В.*, 1973. Отчет о раскопках в г. Вязьме Смоленской области в 1973 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 6298.
- Юркина Т. В.*, 1981. О раскопках в Вязьме на Смоленщине // КСИА. Вып. 164. С. 106–111.
- Porley R. D.*, 2001. Bryophytes of arable fields: current state of knowledge and conservation // Bulletin of the British Bryological Society. Vol. 77. P. 50–62.

Сведения об авторах

Кренке Николай Александрович, Институт археологии РАН, ул. Дм. Ульянова, 19, Москва, 117036, Россия; e-mail: nkrenke@mail.ru;

Ершов Иван Николаевич, Институт археологии РАН, ул. Дм. Ульянова, 19, Москва, 117036, Россия; e-mail: ershovin@yandex.ru;

Ершова Екатерина Георгиевна, Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова, Ленинские горы, д. 1, стр. 12, Москва, 119991, Россия; e-mail: ekaterinagershova@mail.ru;

Кудрявцев Борис Владиславович, Институт археологии РАН, ул. Дм. Ульянова, 19, Москва, 117036, Россия; e-mail: bogq1701@yandex.ru;

Платоновский Роман Борисович, Центр по охране и использованию памятников истории и культуры, ул. Тенишевой, 33, Смоленск, 214019, Россия; e-mail: culzop@rambler.ru;

Раева Вера Александровна, Институт археологии РАН, ул. Дм. Ульянова, 19, Москва, 117036, Россия; e-mail: vera.raeva@mail.ru;

Тарасова Анна Анатольевна, Институт археологии РАН, ул. Дм. Ульянова, 19, Москва, 117036, Россия; e-mail: taa-volga@yandex.ru

N. A. Krenke, I. N. Ershov, E. G. Ershova, B. V. Kudryavtsev,
R. B. Platonovskiy, V. A. Rayeva, A. A. Tarasova

THE VYAZMA 'SMALL TOWN'
BASED ON WRITTEN AND ARCHAEOLOGICAL DATA

Abstract. This paper summarizes data on the excavations performed in the Small Town (the Cathedral Hill) in Vyazma. It presents the results of pollen and anthropological analyses. Based on the 2017 excavations, it was established that in the 13th century there had been a cemetery on the Cathedral Hill which was confined in the south by a residential area. After the fire at the end of the 13th century this area was abandoned to be rebuilt in the 16th/17th centuries when a wooden castle, i.e. a wooden fortress with three towers and log walls filled up with earth (*horodnya*), was built.

Keywords: Vyazma, pottery, radiocarbon dating, wooden tombstones, dendrochronology, pollen analysis, anthropology.

REFERENCES

- Astashova N. I., 1998. Torgovyye svyazi srednevekovogo Smolenska [Trade relations of medieval Smolensk]. *Trudy VI Mezhdunarodnogo Kongressa slavyanskoy arkheologii [Transactions of VI International Congress of Slavic archaeology]*, 4. Moscow: Editorial URSS, pp. 161–167.
- Buzhilova A. P., 1995. Drevneye naseleniye (paleopatologicheskiye issledovaniya) [Ancient population (palaeopathological investigations)]. Moscow: IA RAN. 167 p.
- Buzhilova A. P., 1998. Paleopatologiya v bioarkheologicheskikh rekonstruktsiyakh [Palaeopathology in bioarchaeological reconstructions]. *Istoricheskaya ekologiya cheloveka. Metodika biologicheskikh issledovaniy [Historical ecology of man. Methods of biological studies]*. E. Z. Godina, ed. Moscow: Staryy Sad, pp. 87–147.
- Buzhilova A. P., 2001. Biologicheskaya i sotsial'naya adaptatsiya naseleniya Russkogo Severa (po antropologicheskim materialam Beloz'er'ya i Poonezh'ya) [Biological and social adaptation of population of Russian North (based on anthropological materials from Beloe Lake and Onega Lake regions)]. Makarov N. A., Zakharov S. D., Buzhilova A. P. *Srednevekovoye rasseleniye na Belom ozere [Medieval population settling on Beloe Lake]*. Moscow: Yazyki russkoy kul'tury, pp. 227–275.
- Buzhilova A. P., 2005. Homo sapiens. Istoriya bolezni [Homo sapiens. History of disease]. Moscow: Yazyki slavyanskoy kul'tury. 320 p.
- Engovatova A. V., Kadiyeva E. K., 2018. Buzhilovskaya keramika Yaroslavlya pervoy poloviny XIII v. iz zapolneniya kompleksov massovykh zakhoroneniy 1238 g. [Wheel-made pottery of Yaroslavl' of first half of XIII c. from infill of mass burials complexes of 1238]. *TTZ*, 11. Tver', pp. 23–55.
- Ershova E. G., Bakumenko V. O., Vorontsov T. P., Goncharov M. M., Klimenko M. S., Kulikov N., Revokatova D. P., Selezneva E. M., Farish N. R., Fetisova E. S., Yakovenko E. P., 2017. Sporovopyl'tsevyie spektry sovremennogo i srednevekovogo konskogo navoza [Spore-pollen spectra of modern and medieval horse manure]. *Paleopochvy, paleoekologiya, paleoekonomika [Palaeosoils, palaeoecology, palaeoeconomy]*. Pushchino, pp. 70–74.
- Gaydukov P. G., 1992. Slavenskiy konets srednevekovogo Novgoroda. Nutnyy raskop [Slavenskiy end of medieval Novgorod. Nutnyy excavation trench]. Moscow. 195 p.
- Gordon P., 2002. Dnevnik 1659–1667 [Diary for 1659–1667]. Moscow: Nauka. 316 p.
- Kirpichnikov A. N., 1973. Snaryazheniye vsadnika i verkhovogo konya na Rusi IX–XIII vv. [Horse-rider equipment and horse trappings in Rus in IX–XIII cc.]. Leningrad: Nauka. 140 p. (SAI.)
- Kobozeva E. V., 1997. Keramicheskaya kolleksiya drevneyshikh otlozheniy raskopa 9 v Tverskom Kremlе [Ceramic collection of earliest deposits in excavation trench 9 in Tver' Kremlin]. *TTZ*, 2. Tver', pp. 107–123.
- Kolchin B. A., 1968. Novgorodskiy drevnosti. Derevyannyye izdeliya [Novgorod antiquities. Wooden items]. Moscow: Nauka. 184 p. (SAI.)

- Kozak O. D., 2010. Kiyani knyazhoi dobi [Kievans of princely epoch]. Kiev: Akademperiodika. 396 p.
- Lapshin V. A., 2009. Tver' v XIII–XV vv. [Tver' in XIII–XV cc.]. St. Petersburg: SPbGU. 540 p.
- Makarov N. A., 1997. Okruga srednevekovogo Beloozera i nekotoryye obshchiye problemy proiskhozhdeniya i funktsiy gorodov na severe Rusi [Medieval Beloozero roundabouts and some general issues of cities origins and functions in Russian North]. *Trudy VI Mezhdunarodnogo Kongressa slavyanskoy arkheologii* [Transactions of VI International Congress of Slavic archaeology], 3. *Etnogenez i etnokul'turnyye kontakty slavyan* [Ethnic genesis and ethnocultural contacts of the Slavs]. V. V. Sedov, ed. Moscow: Fond arkheologii, pp. 185–197.
- Medvedev A. F., 1959. Oruzhiye Novgoroda Velikogo [Weaponry of Novgorod the Great]. *Trudy Novgorodskoy arkheologicheskoy ekspeditsii* [Proceedings of Novgorod archaeological expedition], II. A. V. Artsikhovskiy, B. A. Kolchin. Moscow: AN SSSR, pp. 121–191. (MIA, 65.)
- Modestov F. E., 2004. Smolenskiy etnograficheskiy al'bom [Smolensk ethnographic album], 2. Krest'yanskiy i pomeshchichiy byt 1850–1917 gg. [Peasant and landowners' everyday life, 1850–1917]. Smolensk: Smolenskiy gosudarstvennyy muzey-zapovednik. 179 p.
- Nedoshivina N. G., 2010. Drevnerusskiye klady v sobranii Gosudarstvennogo istoricheskogo muzeya [Ancient Russian hoards in collection of State Historic museum]. Moscow: GIM. 20 p.
- Nesterova M. E., 2002. Keramika iz nekotorykh predmaterikovykh kompleksov raskopa 14 v Tverskom Kremlin'. TTZ, 4. Tver', pp. 70–100.
- Oleynikov O. M., 2014. K voprosu o naznachenii svintsovykh gruzikov X–XV vv. [On the function of lead weights in the 10th–15th centuries]. *KSIA*, 232, pp. 189–194.
- Porley R. D., 2001. Bryophytes of arable fields: current state of knowledge and conservation. *Bulletin of the British Bryological Society*, 77, pp. 50–62.
- Sagaydak M. A., 1991. Davn'okiivskiy Podil [Old Kiev Lower Town]. Kiev: Naukova dumka. 168 p.
- Sedov V. V., 2007. Izborsk v rannem srednevekov'ye [Izborsk in early Middle Ages]. Moscow: Nauka. 413 p.
- Sedova M. V., 1981. Yuvelirnyye izdeliya drevnego Novgoroda [Jewelry items of ancient Novgorod]. Moscow: Nauka. 196 p.
- Sergina T. V., 1988. Otchet o raskopkakh v g. Vyaz'me v 1988 godu [Report on excavations in Vyaz'ma town in 1988]. *Archive of IA RAS*. (In Russian, unpublished.)
- Sergina T. V., 1991. Otchet o rabote Vyazemskoy ekspeditsii v 1991 g. [Report on works of Vyaz'ma expedition in 1991]. *Archive of IA RAS*. (In Russian, unpublished.)
- Sergina T. V., 1994. Arkheologiya Vyaz'my (nekotoryye itogi i perspektivy izucheniya) [Archaeology of Vyaz'ma (some results and prospects of studies)]. *Uvarovskiy chteniya – II* [Uvarov readings – II]. Moscow: IVF Antal, pp. 108–110.
- Shnore E. P., 1962. Shpory gorodishcha Asote i ikh mesto v klassifikatsii shpor [Spurs of hillfort Asote and their place in spurs classification]. *Światowit*, 24, pp. 577–585.
- Shorin Yu. N., 2005. Vozniknoveniye Vyaz'my [Formation of Vyaz'ma]. *Vyaz'ma. Stranitsy istorii* [Vyaz'ma. Pages of history]. Smolensk, pp. 46–71.
- Tarasenko V. R., 1957. Drevniy Minsk [Ancient Minsk]. *Materialy po arkheologii BSSR* [Materials for archaeology of BSSR], 1. Minsk: AN BSSR, pp. 182–257.
- Ur'yeva A. F., 1991. Stratigrafiya i khronologiya raskopa US–V v Smolenske [Stratigraphy and chronology of excavation trench US–V in Smolensk]. *Smolensk i Gnezdovo. K istorii drevnerusskogo goroda* [Smolensk and Gnezdovo. To history of ancient Russian city]. D. A. Avdusin, ed. Moscow: MGU, pp. 80–104.
- Vinogradov I. P., 1890. Istoricheskiy ocherk goroda Vyaz'my s drevneyshikh vremen do XVII v. [Historical essay of Vyaz'ma town from the earliest times till XVII c.]. Moscow: Tipo-litografiya D. A. Bonch-Bruyevicha. 140 p.
- Yurkina T. V., 1973. Otchet o raskopkakh v g. Vyaz'me Smolenskoy oblasti v 1973 g. [Report on excavations in Vyaz'ma town, Smolensk region in 1973]. *Archive of IA RAS*. (In Russian, unpublished.)
- Yurkina T. V., 1981. O raskopkakh v Vyaz'me na Smolenshchine [On excavations in Vyaz'ma, Smolensk region]. *KSIA*, 164, pp. 106–111.
- Zav'yalov V. A., 2018. K voprosu o date osnovaniya Pereyaslavlya Ryazanskogo [On issue of date of foundation of Pereyaslavl' Ryazanskiy]. *AP*, 14. Moscow: IA RAN, pp. 201–208.

- Zhilina N. V., 2014. Drevnerusskiye klady IX–XIII vv. Klassifikatsiya, stilistika i khronologiya ukrasheniy [Ancient Russian hoards of IX–XIII cc. Classification, stylistics and chronology of ornaments]. Moscow: IA RAN. 392 p.
- Zhilina N. V., 2016. Ozherel'ya v kostyume Moskovskoy Rusi [Necklaces in costume of Muscovite Rus]. *AP*, 12. Moscow: IA RAN, pp. 206–238.

About the authors

Krenke Nikolaj A., Institute of Archaeology Russian Academy of Sciences, ul. Dm. Ulyanova, 19, Moscow, 117036, Russian Federation; e-mail: nkrenke@mail.ru;

Ershov Ivan N., Institute of Archaeology Russian Academy of Sciences, ul. Dm. Ulyanova, 19, Moscow, 117036, Russian Federation; e-mail: ershovin@yandex.ru;

Ershova Ekaterina G., M. V. Lomonosov Moscow state university, Leninskie gory, 1, bld. 12, Moscow, 119992, Russian Federation; e-mail: ekaterinagershova@mail.ru;

Kudryavtsev Boris V., Institute of Archaeology Russian Academy of Sciences, ul. Dm. Ulyanova, 19, Moscow, 117036, Russian Federation; e-mail: borq1701@yandex.ru;

Platonovskiy Roman B., Center for protection and use of monuments of history and culture, ul. Tenishevoy, 33, Smolensk, 214019, Russian Federation; e-mail: culzop@rambler.ru;

Rayeva Vera A., Institute of Archaeology Russian Academy of Sciences, ul. Dm. Ulyanova, 19, Moscow, 117036, Russian Federation; e-mail: veraraeva@mail.ru;

Tarasova Anna A., Institute of Archaeology Russian Academy of Sciences, ul. Dm. Ulyanova, 19, Moscow, 117036, Russian Federation; e-mail: taa-volga@yandex.ru

А. Н. Меркулов, Г. Е. Свистун

НОВАЯ НАХОДКА СЕМИЛУЧЕВОГО ВИСОЧНОГО КОЛЬЦА НА СРЕДНЕМ ДОНУ*

Резюме. Во время археологических раскопок поселения скифского времени у хутора Титчиха было обнаружено семилучевое украшение с псевдозерненным орнаментом. Результаты рентгеноспектрального исследования показали, что оно выполнено из сплава серебра и меди и, вероятно, было покрыто сверху тонким слоем серебра. Авторы связывают обнаруженную находку с расположенным неподалеку городищем Титчиха и на основании типологического сходства с другими изделиями этого круга славянских древностей датируют данное украшение концом IX – X в.

Ключевые слова: лучевое украшение, височное кольцо, поселение 2 у хут. Титчиха, городище Титчиха, славяне.

Лучевые украшения (височные кольца) являются яркими элементами материальной культуры и служат этноопределяющими маркерами для племен радимичей, северян и вятичей XI–XII вв. На данный момент этому кругу артефактов уделено обширное внимание в научной литературе. Ее обзор с указанием основных работ и состояние изученности тематики приведены в статье А. В. Григорьева (*Григорьев, 2010. С. 219*), что избавляет нас от необходимости повторного изложения этих вопросов. Данным автором составлена общая картография ареала обнаружения рассматриваемых предметов (рис. 1), который с появлением новых находок неизбежно будет уточняться и пополняться. Настоящая публикация вводит в научный оборот новое поступление семилучевого височного кольца с территории Среднего Дона.

Лучевые украшения, или височные кольца, способ ношения которых на настоящий момент до конца не выяснен (*Григорьев, 2012. С. 110*), разделяются на типолого-хронологические этапы развития. Изделия первого этапа являются

* Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект №17-78-20048).

Рис. 1. Карта находок лучевых колец первого и второго этапов развития
(по: Григорьев, 2010. Рис. 1, с дополнением)

I этап (А – Чертово городище; Б – Слободка; В – Воротынцево; Г – Беловский р-н Курской обл.; Д – Рыльский р-н Курской обл.; Е – Дьяково; Ж – Новотроицкое); II этап (1 – Гнездово; 2 – Супруты; 3 – Железницы; 4 – Алпатьево; 5 – Искоростень; 6 – Новотроицкое; 7 – Титчиха; 8 – Север Тульской обл.; 9 – Маморница; 10 – Мухино; 11 – Иштутино; 12 – Рыльский р-н Курской обл.; 13 – Беловский р-н Курской обл.; 14 – Глушковский р-н Курской обл.; 15 – поселение Титчиха 2)

переходными от украшений Нижнего Подунавья VII–XIII вв. к роменским лучевым височным кольцам второго этапа. Хотя их хронология не вполне ясна, обычно находки подобного рода датируют в пределах IX в. и связывают с последними стадиями функционирования памятников, на которых они и были обнаружены.

Украшения второго этапа развития отличаются от первого более крупными размерами и весом. Они имеют орнаментацию лишь с одной лицевой стороны. Меняется не только технология изготовления – от литья по восковой модели (позволявшей искусно имитировать технику паяной зерни) до отливки по модели из легкоплавкого сплава (Григорьев, 2010. С. 219–222), но в значительной

степени и внешний облик, на основании вариаций которого выделяются несколько морфологических типов.

Третий этап развития представлен украшениями, авторы которых уже утратили представление об их прототипах, и изделия становятся самодостаточной категорией. Они представляют собой подражания всего несколькими предшествующим типам, а их единственным отличием от последующих считается присутствие в оформлении псевдозерненого орнамента (Григорьев, 2010. С. 224). Именно к этой группе тяготеет изделие, найденное в 2017 г. в ходе раскопок поселения 2 у хут. Титчиха, расположенного в Лискинском районе Воронежской области на правом высоком берегу р. Дон (Меркулов, 2018). Материалы данного памятника, за редким исключением, относятся к середине I тыс. до н. э. и оставлены носителями среднедонской культуры скифского времени. До настоящего момента находок эпохи Средневековья на нем выявлено не было (Меркулов, 2017). Однако в нескольких сотнях метров от исследуемого поселения находится славянское городище Титчиха, датируемое IX–X вв. (Москаленко, 1965). С его функционированием и может быть связано обнаруженное украшение.

Найденное на поселении семилучевое височное кольцо (рис. 2) состоит из округлой (толщиной около 0,15 см) в поперечном сечении дужки с максимальными размерами $2,75 \times 2,95$ см и щитка, лицевая поверхность которого покрыта упрощенной имитацией псевдозерненого орнамента. Внутрь и наружу от щитка отходят семь лучей. Внутри кольца они значительно короче по сравнению с внешними. По краям наружных лучей (шириной около 0,50 см в средней части при толщине 0,15 см) присутствует гладкий, рельефно выраженный рант. На концах они также дополняются рельефными (диаметром 0,40 см при

толщине 0,20 см) имитациями крупных вытянутых книзу бусин. Общие максимальные размеры изделия достигают $3,97 \times 4,65$ см. Его вес составляет 5 г. На тыльной стороне украшения орнаментация отсутствует. На ее плоскости имеются царапины, образовавшиеся, вероятнее всего, во время доработки предмета после отливки. По-видимому, нечеткость отдельных деталей и «раковины» на поверхности свидетельствуют о том, что украшение отлито по оттиску более раннего изделия или же произведено в форме, уже имевшей износ от предшествующих отливок.

Для анализа химического состава изделия, проведенного в Центре коллективного пользования научным оборудованием Воронежского госуниверситета, было взято две пробы: непосредственно с поверхностного слоя (проба 1) и с под-

Рис. 2. Лучевое украшение с поселения № 2 у хут. Титчиха

лежащего ему (проба 2). В результате был выявлен гетерогенный характер составляющих сплав материалов (табл. 1).

Таблица 1. Химический состав изделия (%)

Проба	Si	Cu	Ag	Sn	Pb
1	5,09	20,91	70,51	1,41	2,08
2	–	68,23	31,77	–	–

Обращает на себя внимание преимущественное преобладание серебра на поверхности изделия, за которым в количественном отношении следует медь. Фиксируются незначительные примеси кремния, свинца и олова. При этом в подлежащем слое картина обратная. Превалирует медная основа по отношению к серебряной составляющей, а примеси отсутствуют вовсе.

Полученные результаты могут свидетельствовать о технологическом приеме, подобном зафиксированному для литых бронзовых фибул Пастырского городища, датирующихся в пределах VII–VIII вв. Как отметил О. М. Приходнюк, поверхность некоторых пастырских фибул была покрыта слоем белого металла, что придавало изделиям большую изысканность и создавало впечатление их изготовления из благородного металла. Такое покрытие осуществлялось путем нанесения с помощью клейкого материала (возможно, живицы – смолистой густой массы, выделяющейся из разрезов на хвойных деревьях) на обезжиренную поверхность отлитого изделия металлосодержащего порошка. При нагревании менее тугоплавкий порошок расплавлялся, крепко соединялся с отлитой основой и равномерно покрывал изделие (Приходнюк, 1994. С. 64). Обращает на себя внимание тот факт, что у пастырского населения ювелирное дело во многом базировалось на византийско-провинциальном искусстве, соответствуя первому этапу его воплощения и развития в славянском мире Юго-Восточной Европы. Рассматриваемая же нами находка является одним из последующих этапов в обозначенном развитии. И вполне логичным на этом фоне выглядит использование аналогичных или сходных технологических приемов в отношении того же круга изделий, их дальнейшее развитие при работе с металлопластикой в постпастырские хронологические периоды уже на фоне иных этнокультурных образований. Таким образом, фиксируется не только морфологическая взаимосвязь этапов, берущих начало в ювелирном искусстве Нижнего Подунавья VII–XIII вв., но и технологическая.

Также следует обратить внимание, что в Средневековье известно и несколько иных способов покрытия, подражающих дорогим изделиям из золота и серебра, в частности, для имитации полноценного серебряного предмета использовался сплав меди с различным содержанием серебра; нанесение серебряного покрытия; использование свинцово-оловянных сплавов; целенаправленное получение поверхностного слоя, обогащенного оловом, путем преднамеренного покрытия или концентрации данного элемента на поверхности в процессе литья (Зайцева, Сарачева, 2011. С. 160). Показательно, что ювелиры вятичей второй половины XI – XIII в. нередко использовали покрытие (полуду) – в том числе

и для лопастных височных колец, являющихся эволюционным продолжением формообразования от лучевых, – в виде олова или же олова с небольшой примесью свинца, что было более дешево и прочно (Там же. С. 160, 161).

На расположенном поблизости городище Титчиха также встречались находки пяти- и семилучевых височных колец, одна из которых обнаруживает наибольшее морфологическое сходство с рассматриваемой нами. Это семилучевое изделие как с внешней, так и с внутренней стороны украшено ложной зернью с бусинами на концах более длинных наружных лучей (Москаленко, 1965. С. 119, 121, 122. Рис. 42).

К характерным особенностям, сближающим лучевое украшение с поселения 2 у хут. Титчиха с третьим типолого-хронологическим этапом развития рассматриваемых предметов, датирующихся последней четвертью X в., помимо относительно крупных размеров, относятся: низкое содержание серебра в сплаве и упрощенное изображение зернинок, которое в последующем – с начала XI в. – вовсе исчезает (Григорьев, 2010. С. 225).

Публикуемое нами семилучевое украшение наиболее близко ко второму типу третьего этапа, который стал предшественником для радимических височных колец (Седов, 1995. С. 364, 367. Рис. 111: 3; 115). В свою очередь, его предтечей можно считать простейший тип 1 первой группы второго этапа.

Таким образом, очередная находка семилучевого украшения подтвердила имеющиеся сведения об ареале их распространения и этнических процессах, протекавших в пределах Юго-Восточной Европы в раннем Средневековье. Обнаружение изделия вблизи городища Титчиха, на котором также встречены подобные находки, позволяет территориально связать украшение с этим ранне-средневековым памятником, а хронологически, вероятно, с финальным этапом его функционирования.

ЛИТЕРАТУРА

- Григорьев А. В., 2010. Лучевые серьги (височные кольца) культур роменского круга древностей // Верхнедонской археологический сборник. Вып. 5 / Отв. ред. А. Н. Бессуднов. Липецк: ЛГПУ. С. 219–226.
- Григорьев А. В., 2012. Население междуречья Днестра и Дона в VIII – первой половине XI вв. // Древнейшие государства Восточной Европы. 2010 год: Предпосылки и пути образования Древнерусского государства / Отв. ред. Е. А. Мельникова. М.: Русский фонд содействия образованию и науки. С. 94–127.
- Зайцева И. Е., Сарачева Т. Г., 2011. Ювелирное дело «Земли вятичей» второй половины XI – XIII в. М.: Индрик. 404 с.
- Меркулов А. Н., 2017. Поселение 2 у хут. Титчиха на Среднем Дону (исследования 2016 г.) // История: факты и символы. № 2 (11). С. 77–85.
- Меркулов А. Н., 2018. Итоги исследования поселения 2 у хутора Титчиха на Среднем Дону в 2017 г. // Известия Воронежского государственного педагогического университета. № 3 (280). С. 58–61.
- Москаленко А. Н., 1965. Городище Титчиха: из истории древнерусских поселений на Дону. Воронеж: Изд-во Воронежского ун-та. 310 с.
- Приходнюк О. М., 1994. Технологія виробництва та витоки ювелірного стилю металевих прикрас Пастирського городища // Археологія. № 3. С. 61–77.
- Седов В. В., 1995. Славяне в раннем средневековье. М.: Наука. 416 с.

Сведения об авторах

Меркулов Александр Николаевич, Воронежский государственный педагогический университет, ул. Ленина, 86, Воронеж, 394043, Россия; e-mail: aleksandrmerkulov@mail.ru;

Свистун Геннадий Евгеньевич, Научно-исследовательский центр «Охранная археологическая служба Украины» Института археологии Национальной академии наук Украины, ул. Культуры, 25А, Харьков, 61058, Украина; e-mail: sacaliba@gmail.com

A. N. Merkulov, G. E. Svistun

A NEW FIND OF A SEVEN-RAYED TEMPLE-RING
IN THE MIDDLE DON REGION

Abstract. The archaeological excavations of a Scythian period settlement near the Titchikha farmstead revealed a seven-rayed earring with a pseudo-granulation ornamentation. The X-ray spectrometry showed that it was made from a silver and copper alloy and, most likely, was coated with a thin layer of silver. The authors link this find to Titchikha, an unfortified settlement located nearby, and date it to the end of the 9th–10th centuries based on typological similarities with other items of this type of Slav artifacts.

Keywords: rayed earring, temple ring, jewelry, settlement 2 at Titchikha, Titchikha unfortified settlement, Slavs.

REFERENCES

- Grigor'yev A. V., 2010. Luchevyye ser'gi (visochnyye kol'tsa) kul'tur romenskogo kruga drevnostey [Rayed earrings (temporal rings) in cultures of Romny circle of antiquities]. *Verkhnedonskoy arkheologicheskoy sbornik [Upper Don archaeological annual]*, 5. A. N. Bessudnov, ed. Lipetsk: Lipetskii gos. pedagogicheskii universitet, pp. 219–226.
- Grigor'yev A. V., 2012. Naseleniye mezhdurech'ya Dnepra i Dona v VIII – pervoy polovine XI vv. [Population of Dnieper and Don interfluvium in VIII – first half of XI cc.]. *Drevneyshiye gosudarstva Vostochnoy Evropy, 2010. Predposylki i puti obrazovaniya Drevnerusskogo gosudarstva [Earliest states of Eastern Europe, 2010. Preconditions and paths of formation of Ancient Russian state]*. E. A. Mel'nikova, ed. Moscow: Russkiy fond sodeystviya obrazovaniyu i nauke, pp. 94–127.
- Merkulov A. N., 2017. Poseleniye 2 u khut. Titchikha na Srednem Donu (issledovaniya 2016 g.) [Settlement 2 near Titchikha farmstead on Middle Don (2016 investigations)]. *Istoriya: fakty i simvoly [History: facts and symbols]*, 2 (11), pp. 77–85.
- Merkulov A. N., 2018. Itogi issledovaniya poseleniya 2 u khutora Titchikha na Srednem Donu v 2017 g. [Results of investigation of settlement 2 near Titchikha farmstead on Middle Don in 2017]. *Izvestiya Voronezhskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta [Bulletin of Voronezh State pedagogical university]*, 3 (280), pp. 58–61.
- Moskalenko A. N., 1965. Gorodishche Titchikha: iz istorii drevnerusskikh poseleniy na Donu [Titchikha hillfort: from history of ancient Russian settlements on Middle Don]. Voronezh: Voronezhskiy universitet. 310 p.
- Prikhodnyuk O. M., 1994. Tekhnologiya virobnitstva ta vitoki yuvelirnogo stilyu metalevikh prikras Pastir'skogo gorodishcha [Producing technology and sources of jewelry style on metal ornaments from Pastyrskoe hillfort]. *Arkheologiya [Archaeology]*, 3, pp. 61–77.
- Sedov V. V., 1995. Slavyane v rannem srednevekov'ye [The Slavs in early Middle Ages]. Moscow: Nauka. 416 p.
- Zaytseva I. E., Saracheva T. G., 2011. Yuvelirnoye delo «Zemli vyatichey» vtoroy poloviny XI – XIII v. [Jewelry production of “The Vyatichi land” in second half of XI – XIII c.]. Moscow: Indrik. 404 p.

About the authors

Merkulov Aleksandr N., Voronezh state pedagogical university, ul. Lenina, 86, Voronezh, 394043, Russian Federation; e-mail: aleksandrmerkulov@mail.ru;

Svistun Gennadiy E., Scientific-research center «Ukraine protection archaeological service», Institute of Archaeology, National Academy of Sciences of Ukraine, ul. Kul'tury 25 A, Kharkov, 61058, Ukraine; e-mail: sacaliba@gmail.com

В. С. Курмановский

О ЛОКАЛИЗАЦИИ ПОДАТНЫХ ЦЕНТРОВ ЛУЧИН И ЗАРУБ СМОЛЕНСКОГО КНЯЖЕСТВА

Резюме. В статье рассматриваются вопросы локализации податных объектов, традиционно понимаемых как города или волости Смоленского княжества, Лучин и Заруб, известных, в частности, по комплексу документов Смоленской епископии, включающему в себя Уставную грамоту князя Ростислава Мстиславича, на основе комплексного анализа документов Смоленской епархии, летописных данных, ретроспективных данных письменных и картографических источников XV–XVIII вв., а также, отчасти, данных археологии.

Ключевые слова: историческая география, Смоленская земля, Уставная грамота Ростислава Мстиславича, ретроспективные данные, локализация.

Важнейшим источником данных об исторической географии домонгольской Смоленской земли является, как известно, комплекс документов Смоленской епископии XII (XII–XIII?) в., дошедший до нас в списке XVI в., и, в особенности, наиболее объемный документ данного комплекса – Уставная грамота смоленского князя Ростислава Мстиславича. Данный документ содержит список «даней смоленских», включающий в себя различные объекты, как минимум большинство из которых является географическими пунктами, традиционно понимаемыми как города либо волости Смоленской земли. Лишь относительно немногие из них могут быть достаточно надежно определены, основная часть локализуется с большей или меньшей степенью гипотетичности. Современные представления о географии Уставной грамоты были в основном заложены работой П. В. Голубовского и отчасти скорректированы работами И. М. Красноперова, В. В. Седова и Л. В. Алексеева.

В настоящей статье предпринимается опыт локализации таких объектов Уставной грамоты, как Лучин и Заруб. О Лучине Уставная грамота сообщает следующее: «В Лучине полюдыя... гривны, а мыта и корчмити не вѣдомо, но что ся снитет(ь), ис тог(о) еп(и)ск(о)пу десятина» (Древнерусские княжеские уставы..., 1976. С. 143). В другом документе данного комплекса – Уставной записи

о размерах поступлений с городов Смоленской земли («А се погородие...») — упоминается «от Лучина три гривны урока, и две лисици и осетръ» (Древнерусские княжеские уставы..., 1976. С. 146). Есть упоминания о домонгольском Лучине также в Ипатьевской летописи, в сюжете под 1173 г. о рождении у князя Рюрика Ростиславича сына Ростислава (Михаила), произошедшем во время пребывания «на Лучине» на пути из Новгорода в Смоленск. Ростиславу был дан в удел его отцом город Лучин, где, на месте его рождения, была заложена церковь Архангела Михаила. Следует отметить, что в Ипатьевском и Хлебниковском списках Ипатьевской летописи имеются разночтения: в Ипатьевском списке начало фразы выглядит как «Рюриковъ же идущю из Новагорода и Смоленска...»; в Хлебниковском: «Рюрикови (...) из Новагорода к Смоленскоу» (ПСРЛ, 1998. Т. 2. Стб. 566, 567). Выше в тексте сообщается о выходе Рюрика Ростиславича из Новгорода. Таким образом, вариант Хлебниковского списка выглядит более логически выдержанным (указаны начальная и конечная точки маршрута), что позволяет предположить опisku в Ипатьевском списке. Впрочем, нельзя исключать и иных вариантов трактовки летописного текста. В частности, Рюрик мог двигаться из оставленного им Новгорода и своего родового владения в Смоленске в направлении южнорусских земель.

Таким образом, Лучин, по данным источников, в 1173 г. назван городом, он находился в Смоленской земле (по данным документов Смоленской епископии) на пути из Новгорода в Смоленск (принимая прочтение Хлебниковского списка). В том же 1173 г. в городе была заложена церковь Архангела Михаила. Основные варианты локализации Лучина были рассмотрены П. В. Голубовским. «Город Лучин», или же «Лучин Городок», в Смоленской земле упоминается в ряде документов второй половины XV в. (материалы московско-литовских дипломатических сношений, акты Литовской Метрики), однако последний определенно находился в ее восточной части — в бассейне р. Угры (*Голубовский*, 2011. С. 338) (рис. 1: III). Теоретически нельзя исключать, однако, вероятности маршрута князя из Новгорода в Смоленск через верхнее течение Волги к верховьям Днепра и далее по Днепру вниз, при котором Лучин Городок на Угре оказывался в непосредственной близости от одного из участков пути. Известен также Лучин на Днепре ниже г. Рогачева (ныне Гомельская область Белоруссии), однако в точности неизвестно, входила ли данная территория когда-либо в состав Смоленской земли, кроме того, она крайне удалена от дороги из Смоленска в Новгород (рис. 1: II). К отождествлению его со смоленским Лучиным склонялся В. В. Седов (*Седов*, 1975. С. 252; 1999. С. 240). Основными аргументами исследователя являлись наличие здесь городища древнерусского времени, представляющего собой остатки городского поселения, и присутствие в окрестных курганах вещей смоленского облика. Такая трактовка Лучина в целом соответствует буквальному прочтению Ипатьевского списка летописи. В. В. Седов полагал, таким образом, что Рюрик Ростиславич направлялся из Новгорода через Смоленск в свой удел в Овруче (*Седов*, 1975. С. 252). П. В. Голубовский, однако, отмечал, что расположенный выше по Днепру Рогачев уже являлся киевским городом (*Голубовский*, 2011. С. 338). Так, в частности, в 1142 г. киевский князь Всеволод Ольгович отдал Рогачев своему брату Игорю (ПСРЛ, 1998. Т. 2. Стб. 312). Рогачев и Лучин (очевидно, днепровский) названы среди «киевских городов» в «Списке городов русских дальних и ближних».

Здесь же, однако, упомянут и Пропошеск, связываемый с Прупоем Уставной грамоты (ПСРЛ, 2000. Т. 3. С. 476). П. В. Голубовский предполагал на роль Лучина два топонима Лучане: близ устья р. Ельша (в современном Жарковском районе Тверской области) и на Лучанском озере (современный Андреапольский район Тверской области). Не будучи уверенным в том, что Лучанское озеро когда-либо входило в состав Смоленской земли, исследователь более склонялся к первому варианту (Голубовский, 2011. С. 338, 339). В. В. Седов отмечал отсутствие в районе д. Лучане на р. Ельша древнерусских поселений городского типа (Седов, 1975. С. 252, 253). К локализации Лучина на Лучанском озере склонялся Л. В. Алексеев, который отмечал в этом районе характерные топонимы «Переволока», «Ямное», «Мосты», связанные с существованием здесь волоков от верховьев Западной Двины к притоку Ловати р. Пола и из оз. Пено к р. Половка и Пола, а также обилие курганных групп (Алексеев, 1980. С. 54; 2006. С. 196, 197).

Лучанское озеро с прилегающими к нему землями в XV–XVI вв., по данным сохранившихся писцовых книг, было разделено между новгородскими волостями Буйцы и Лопастницы (Фролов, Пиотух, 2008. Т. 2. С. 110, 111). Первая из них (или, по крайней мере, сам пункт Буйце), как известно, была пожалована ок. 1130 г. киевским князем Мстиславом Владимировичем и его сыном новгородским князем Всеволодом новгородскому Юрьеву монастырю (Грамоты Великого Новгорода..., 1949. № 81. С. 140), вторая в период новгородской независимости принадлежала основанному в 1153 г. Аркажу монастырю (дата пожалования неизвестна) (Янин, 1998. С. 57). В дальнейшем эти территории вошли в состав новообразованного Холмского уезда.

В Обыскной книге Деревской пятины обыска Юрия Шарапова сына Охлебаева 1560–1562 гг. в волости Лопастницы фигурирует «на погосте над Лучанским озером церковные земли Михаила Архангила в Олексеевском поместье Чирикова треть сохи пустой ведома нет» (Писцовые книги..., 2004. Т. 5. С. 382). Здесь же упоминается «священник архангилской Некрас Федоров сын с Лучанского озера» (Там же. С. 376). На момент проведения обыска бывшее поместье Алексея Чирикова принадлежало государю, а находившиеся в нем деревни «запустели от мору тому тритцать лет» (Там же. С. 380). Поместье Алексея Михайлова сына Чирикова было описано в писцовой книге Деревской пятины 1495–1496 гг. Здесь в нем отмечен ряд деревень «над Лучаном озером», погост с церковью Архангела Михаила не упоминается (Новгородские писцовые книги..., 1862. Т. 2. Стб. 799–802). Погост Лучане на восточном берегу Лучанского озера показан также на планах Генерального межевания (Фролов, Пиотух, 2008. Т. 3. С. 201) и карте Шуберта. В настоящее время на месте погоста сохранилась колокольня церкви Воскресения постройки XIX в. (рис. 1: Л).

Описанная территория находилась на крайнем юге Новгородской земли, на границе с торопецкими и ржевскими землями, изначально принадлежавшими Смоленску. Волости Буйцы и Лопастницы входили в состав т. н. чернокунства – земель, в XIV–XV вв. принадлежавших Великому Новгороду, но при этом выплачивавших «черную куну» Литве. Согласно гипотезе В. Л. Янина, данные территории первоначально принадлежали Смоленскому княжеству, будучи переданы Новгороду как княжеский домен потомков Мстислава Владимировича (Янин, 1998. С. 102).

Рис. 1. Основные варианты локализации податных центров Лучин и Заруб Смоленского княжества на основе карты курганов Смоленской земли IX–XIII вв., составленной Л. В. Алексеевым (обозначены черными пятиугольниками)

I – погост Лучане на Лучанском оз.; *II* – Лучин на Днестре; *III* – Лучин Городок в бассейне р. Угры (один из вариантов локализации); *IV* – Осовик; *V* – Рогнедино; *VI* – Зарубы

Условные обозначения (по Л. В. Алексееву): *a* – курганные группы вне сухопутных путей; *b* – курганные группы на сухопутных путях; *v* – граница Смоленской земли домонгольского времени; *z* – границы древнерусских племен; *d* – волоки Смоленской земли по топографическим данным; *e* – курганные группы за пределами Смоленской земли; *жс* – граница Полоцкой земли (по: Алексеев, 1980. Рис. 2)

Археологически с погостом Лучане может быть соотнесено селище Горки 1, примыкающее с запада к ограде бывшего погоста (сама территория которого, очевидно, занята действующим кладбищем). Размеры селища составляют около 150 × 60–110 м. На селище собран довольно значительный археологический материал, датируемый периодом с X–XI по XV в., включая пломбы дрогичинского типа, ледоходные щипы, фрагмент стремени, орнаментированный наконечник пояса (АКР, 2007. С. 37, 38).

Определенные представления о географическом положении Лучина может дать анализ текста Уставной грамоты. В частности, некоторые виды дохода («мыто», «корчмити», «гостинная дань», «торговое») логичным образом характерны для податных центров, занимающих приграничное географическое положение (Пацинь, Путтино (Путынь?), Копысь, Прупой, Оболь). Среди них фигурирует и Лучин, где также отмечены таможенный сбор (мыто) и корчмиты (Древнерусские княжеские уставы..., 1976. С. 142, 143).

Итак, аргументами в пользу ассоциации погоста Лучане со смоленским городом Лучин оказываются местонахождение его между Смоленском и Новгородом (в описании границ ржевских земель с новгородскими Лопастями 1483 г. фигурирует «Литовская дорога» (Фролов, Пиотух, 2008 Т. 2. С. 194), что позволяет говорить о нахождении Лучина собственно на пути из Новгорода в Смоленск или в непосредственной близости от него), посвящение храма, известного по описанию XVI в., соответствующее посвящению храму в г. Лучин, упомянутому в летописи, наличие здесь выявленного археологически относительно крупного поселения древнерусского периода с признаками присутствия лиц высокого социального статуса. Контраргументами выступают относительность созвучия названий, отсутствие прямых свидетельств принадлежности данной территории Смоленской земле в середине XII в., более того – вхождение ее в состав образований, составляющих ранние пожалования новгородским духовным корпорациям (в случае Буйцев – заведомо ранее составления комплекса документов Смоленской епархии), отсутствие явных признаков городского характера выявленного археологически поселения, упоминание погоста и церкви в более ранней писцовой книге Деревской пятины 1495–1496 гг.

Преемственность между Смоленской (а впоследствии Торопецкой) землей и Великим княжеством Литовским в правах на сбор дани с пограничных новгородских территорий представляется довольно очевидной. Следует отметить, что район Лучанского озера достаточно удален от центров волостей Буйцы и Лопасты (на одноименных озерах), составляя южную периферию Лопасты и восточную – Буйцев. Таким образом, не исключено существование здесь отдельного территориального образования, впоследствии разделенного между соседними монастырскими владениями. К 1169–1170 гг. относятся первые сведения о существовании отдельного Торопецкого княжества (Янин, 1998. С. 51), и, таким образом, Лучинский удел оказывается отрезан от собственно смоленских земель.

Таким образом, не вполне ясен вопрос, из какой территории был выделен удел Ростислава Рюриковича, было ли это Смоленское княжество, Торопецкое княжество, Новгородская земля или некий общий домен Мстиславичей, гипотеза о существовании которого была высказана В. Л. Яниным (Янин, 1998. С. 102).

Прямых данных о княжении Рюрика Ростиславича в Смоленске, за исключением летописного сообщения о поездке из Новгорода в Смоленск, во время которого произошло рождение Ростислава-Михаила, нет. До этого он являлся новгородским князем. П. В. Голубовский предполагал, что Рюрик Ростиславич мог быть в Смоленске где-то в период 1173–1180 гг. (Голубовский, 2011. С. 183). Не исключено, таким образом, что между временем составления комплекса документов Смоленской епископии (которое в историографии трактуется различным образом)¹ и 1173 г. статус Лучина как органической части собственно смоленских земель мог измениться.

Отсутствие упоминания погоста на Лучанском озере с церковной землей в писцовой книге Деревской пятины конца XV в. может говорить не о том, что погост в это время не существовал, а об отсутствии здесь облагаемых земель, интересовавших составителей книги. Само существование погоста с церковью при отсутствии упоминаний его каких-либо административных функций может говорить о том, что таковые функции могли быть им некогда утрачены. Неупоминание погостов при отсутствии на них облагаемых объектов находит аналогии в более поздних писцовых описаниях. Так, в переписной (писцовой) книге Смоленского уезда переписи Данила Чернцова 1667–1668 гг. в составе дворцовой Руцкой волости Пречистенский погост (Залесье), являвшийся центром одного из приходов, на которые делилась волость, упоминается лишь в межевом описании земель прилежащих деревень (РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Ед. хр. 15154. Л. 400, 403).

В вопросе о городском характере поселения Горки 1 следует учитывать вывод, сделанный А. В. Кузой, на основании исследования древнерусских городищ об отсутствии видимой связи между упоминанием в источниках того или иного домонгольского поселения как «города» и археологическими характеристиками (типом и размером) соответствующего объекта (Древняя Русь..., 1985. С. 43). Кроме того, определенная (возможно, основная) часть поселения, где могли находиться остатки оборонительных сооружений, занята кладбищем и неоднократно перестраивавшимся зданием церкви, вследствие чего недоступна для исследования и, весьма вероятно, значительной частью уничтожена.

Таким образом, посвящение храма, особенности географического положения и археологический контекст, как представляется, ставят погост Лучане в определенной степени в преимущественное положение в сравнении с другими претендентами на роль г. Лучина, упомянутого в документах Смоленской епископии.

Еще один географический объект Уставной грамоты – Заруб – традиционно локализуется в окрестностях современного районного центра Рогнедино Брянской области (рис. 1: V). По сообщению Ипатьевской летописи, Ростислав Мстиславич принял смерть на пути из Смоленска в Киев «в селе в Рогьгнедине в Зарубе» (т. е. в селе, принадлежавшем сестре князя Рогнеде) (ПСРЛ, 1998. Т. 2. Стб. 531). Решающим аргументом для большинства исследователей, занимавшихся локализацией Заруба, оказался топоним «Рогнедино» (Раппопорт, 1972.

¹ Об этом подробнее см.: Янин, 1998. С. 26–45.

С. 22; Алексеев, 1980. С. 62). Следует отметить, что топоним «Заруб» в районе современного райцентра Рогнедино неизвестен. П. В. Голубовский, однако, отмечал, что Рогнедино лежит вдалеке от основного и кратчайшего пути из Смоленска в Киев, проходящего по Днепру, и предлагал на роль Заруба селение Заровцы, лежащее на Днепре недалеко от г. Шклова (ныне Могилевская обл. Белоруссии) (Голубовский, 2011. С. 386). П. А. Раппопорт считал Заруб, так же как и другие волостные центры, городом, в окрестностях которого находилось село Рогнедино, и связывал его с расположенным поблизости городищем Осовик (рис. 1: IV). При этом он обращал внимание на то, что поездка большого князя из Смоленска в Киев состоялась в конце февраля – начале марта, когда на Днепре еще стоял лед и везти князя водным путем было невозможно (Раппопорт, 1972. С. 22). Тем не менее следует отметить, что и сухопутный путь вдоль Днепра из Смоленска в Киев выглядит более прямым, нежели дорога через район Рогнедина, предполагавшая значительное уклонение на восток, к черниговской границе.

Вместе с тем топоним Зарубы обнаруживается в современном Дубровенском районе Витебской области Белоруссии, недалеко от границы с Краснинским районом Смоленской области (рис. 1: VI). На момент проведения Генерального межевания Зарубы являлись селом, там имелаась церковь (РГАДА. Ф. 1356. Оп. 1. Ед. хр. 2134). В материалах дипломатических сношений Московского государства и Великого княжества Литовского XVI в. фигурирует церковь «Пречистые на Взрубе», или «Пречистые Заруба», расположенная близ новой московско-литовской границы, установленной после присоединения Смоленска к Московскому государству в 1514 г., в окрестностях г. Дубровны. Так, один из участков новой границы проходил «ниже города Смоленска рекою Мереею межи Пречистые Взруба и Зверович...» (Сборник..., 1882. С. 639, 745)². В 1529 г. «поп пречистенский на Зарубе»³, названный также «пречистенским дубровенским попом»⁴, по данным московской стороны, участвовал в захвате лошадей у возвращавшегося от волошского воеводы московского посольства. Город Дубровно расположен непосредственно на Днепре, в то время как современное селение Зарубы, вероятнее всего отождествляемое с церковью «Пречистые на Взрубе», – на некотором от него отдалении. При этом в первой половине XVI в. эта церковь являлась важнейшим географическим ориентиром в данном районе. Применительно к определению «села Рогнедина» логичным представляется предположить, что Рогнедино на Десне, расположенное вблизи от другого известного пункта Уставной грамоты – Пация, являлось не единственным владением Рогнеды Мстиславны в Смоленском княжестве, а определение «в Зарубе» может быть не непосредственным названием села, а обозначением местности («волости?»), где оно находилось. Таким образом, современный населенный пункт Зарубы Дубровенского района оказывается созвучен названию податного объекта Уставной грамоты, являлся некогда центром определенной округи (о чем говорит наличие здесь храма) и расположен

² Сборник..., 1882. Т. 35. С. 745.

³ Там же. С. 811.

⁴ Там же. С. 807.

на территории, некогда входившей в состав Смоленского княжества и в целом лежащей на трассе основного пути из Смоленска в Киев, что позволяет предполагать локализацию именно здесь податного пункта Заруб Уставной грамоты Ростислава Мстиславича.

ЛИТЕРАТУРА

- Алексеев Л. В.*, 1980. Смоленская земля в XI–XIII вв.: Очерки истории Смоленщины и Восточной Белоруссии. М.: Наука. 260 с.
- Алексеев Л. В.*, 2006. Западные земли домонгольской Руси. Очерки истории, археологии, культуры. Кн. 1. М.: Наука. 289 с.
- АКР. Тверская область. Ч. 2 / Сост. В. С. Нефедов, Г. Г. Король. М.: ИА РАН, 2007. 437 с.
- Голубовский П. В.*, 2011. История Смоленской земли до начала XV столетия. М.: Кучково поле. 464 с.
- Грамоты Великого Новгорода и Пскова / Под ред. С. Н. Валка. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1949. 408 с.
- Древнерусские княжеские уставы XI–XV вв. / Подгот. Я. Н. Щапов; отв. ред. Л. В. Черепнин. М.: Наука, 1976. 240 с.
- Древняя Русь: Город, замок, село / Отв. ред. Б. А. Колчин. М.: Наука, 1985. 432 с. (Археология СССР)
- Новгородские писцовые книги, изданные Археографическою комиссиею. Т. 2: Переписная оборочная книга Деревской пятины, около 1945 года. 2-я половина / Ред. П. Савваитов. СПб.: Тип. Безобразова, 1862. 890 стб.
- Писцовые книги Новгородской земли. Т. 5: Писцовые книги Деревской пятины 1550–1560-х гг. / Сост. К. В. Баранов. М.: Древлехранилище, 2004. 512 с.
- ПСРЛ. Т. 2: Ипатьевская летопись / Предисл. Б. М. Клосса. М.: Языки русской культуры, 1998. 648 с.
- ПСРЛ. Т. 3: Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М.: Языки русской культуры, 2000. 720 с.
- Раппопорт П. А.*, 1972. О местоположении смоленского города Заруба // КСИА. Вып. 129. Наука. С. 21–23.
- РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Ед. хр. 15154. 1668 г. Переписные книги Смоленского уезда переписи Данила Чернцова.
- РГАДА. Ф. 1356. Оп. 1. Ед. хр. 2134. 1783 г. Генеральный план Оршанского уезда Могилевской губернии. Масштаб 1000 сажен в 1 дюйме. Ч. 2.
- Сборник Русского исторического общества. Т. 35. СПб.: Тип. Ф. Елеонского и К^о, 1882. 6, VI, XXII, 870 с., 116 стб.
- Седов В. В.*, 1975. Смоленская земля // Древнерусские княжества X–XIII вв. / Отв. ред. Л. Г. Бескровный. М.: Наука. С. 240–259.
- Седов В. В.*, 1999. Древнерусская народность. Историко-археологическое исследование. М.: Языки русской культуры. 317 с.
- Фролов А. А., Пиотух Н. В.*, 2008. Исторический атлас Деревской пятины Новгородской земли (по писцовым книгам письма 1495–1496 годов): в 3 т. М.; СПб.: Альянс-Архео. 3 т. (368 + 272 + 266 с.)
- Янин В. Л.*, 1998. Новгород и Литва. Пограничные ситуации XIII–XV вв. М.: Изд-во МГУ. 216 с.

Сведения об авторе

Курмановский Владимир Сергеевич, Институт археологии РАН, ул. Дм. Ульянова, 19, Москва, 117036, Россия; e-mail: kurmanovskiy@mail.ru

LOCALIZATION OF LUCHIN AND ZARUB TAX COLLECTING CENTERS IN THE SMOLENSK PRINCIPALITY

Abstract. The paper reviews issues concerning localization of administrative units known as tax collecting centers traditionally understood as cities or districts (*volosts*) of the Smolensk principality, such as Luchin and Zarub, known, in particular, from a set of documents of the Smolensk bishopric that includes the Charter of the prince Rostislav Mstislavich using comprehensive analysis of the documents from the Smolensk bishopric, data from chronicles, historical data from written and cartographic sources of the 15th–17th centuries and, to certain extent, archaeological data.

Keywords: historical geography, Smolensk Land, Charter of Prince Rostislav Mstislavich, historical data, localization.

REFERENCES

- Alekseyev L. V., 1980. Smolenskaya zemlya v XI–XIII vv.: Ocherki istorii Smolenshchiny i Vostochnoy Belorussii [Smolensk land in XI–XIII cc.: Essays on history of Smolensk land and Eastern Byelorussia]. Moscow: Nauka. 260 p.
- Alekseyev L. V., 2006. Zapadnye zemli domongol'koy Rusi. Ocherki istorii, arkheologii, kul'tury [Western lands of pre-Mongol Rus. Essays on history, archaeology, culture]. Book 1. Moscow: Nauka. 289 p.
- AKR. Tverskaya oblast' [AKR. Tver' region], 2. V. S. Nefedov, G. G. Korol', eds. Moscow: IA RAN, 2007. 437 p.
- Drevnerusskiye knyazheskiye ustavy XI–XV vv. [Ancient Russian princely statutes of XI–XV cc.]. Ya. N. Shchapov, L. V. Cherepnin, eds. Moscow: Nauka, 1976. 240 p.
- Drevnyaya Rus': Gorod, zamok, selo [Ancient Rus: City, castle, village]. B. A. Kolchin, ed. Moscow: Nauka, 1985. 432 p. (Arkheologiya SSSR.)
- Frolov A. A., Piotukh N. V., 2008. Istoricheskiy atlas Derevskoy pyatiny Novgorodskoy zemli (po pistovym knigam pis'ma 1495–1496 godov) [Historical atlas of Derevskaya pyatina of Novgorod land (based on cadastral books written in years 1495–1496)]. Moscow; St. Petersburg: Al'yans-Arkheo. 3 t. (368 + 272 + 266 p.)
- Golubovskiy P. V., 2011. Istoriya Smolenskoy zemli do nachala XV stoletiya [History of Smolensk land before the beginning of XV century]. Moscow: Kuchkovo pole. 464 p.
- Gramoty Velikogo Novgoroda i Pskova [Charters of Velikiy Novgorod and Pskov]. S. N. Valk, ed. Moscow; Leningrad: AN SSSR, 1949. 408 p.
- Novgorodskiy pistovyye knigi, izdannyye Arkheograficheskoyu komissiyeyu [Novgorod cadastral books edited by Archaeographic commission], 2. *Perepisnaya obrochnaya kniga Derevskoy pyatiny, okolo 1495 goda. 2-ya polovina* [Census rent book of Derevskaya pyatina, ca. 1495. 2nd half]. P. Savvaitov, ed. St. Petersburg: Tipografiya Bezobrazova, 1862. 890 stb.
- Pistovyye knigi Novgorodskoy zemli [Cadastral books of Novgorod land], 5. Pistovyye knigi Derevskoy pyatiny 1550–1560-kh gg. [Cadastral books of Derevskaya pyatina, years 1550–1560]. K. V. Baranov, ed. Moscow: Drevlekhranilishche, 2004. 512 p.
- PSRL, 2. Ipat'yevskaya letopis' [Ipat'yevskaya chronicle]. Moscow: Yazyki russkoy kul'tury, 1998. 648 p.
- PSRL, 3. Novgorodskaya pervaya letopis' starshego i mladshego izvodov [Novgorod first chronicle of older and later versions]. Moscow: Yazyki russkoy kul'tury, 2000. 720 p.
- Rappoport P. A., 1972. O mestopolozenii smolenskogo goroda Zaruba [On location of Smolensk town of Zarub]. *KSIA*, 129, pp. 21–23.
- Sbornik Russkogo istoricheskogo obshchestva [Collection of articles by Russian history society], 35. St. Petersburg: Tipografiya F. Eleonskogo i K, 1882. 6, VI, XXII, 870 p., 116 stb.

- Sedov V. V., 1975. Smolenskaya zemlya [Smolensk land]. *Drevnerusskiye knyazhestva X–XIII vv.* [Medieval Russian principalities of X–XIII cc.]. L. G. Beskrovnyy, ed. Moscow: Nauka, pp. 240–259.
- Sedov V. V., 1999. *Drevnerusskaya narodnost'*. Istoriko-arkheologicheskoye issledovanie [Ancient Russian nation. Historic archaeological research]. Moscow: Yazyki russkoy kul'tury. 317 p.
- Yanin V. L., 1998. Novgorod i Litva. Pogranichnyye situatsii XIII–XV vv. [Novgorod and Lithuania. Frontier situations of XIII–XV cc.]. Moscow: MGU. 216 p.

About the author

Kurmanovskiy Vladimir S., Institute of Archaeology Russian Academy of Sciences, ul. Dm. Ulyanova, 19, Moscow, 117036, Russian Federation; e-mail: kurmanovskiy@mail.ru

Е. В. Волкова

О ВОЗМОЖНОСТЯХ ОБЖИГА НЕДОСУШЕННЫХ ГЛИНЯНЫХ СОСУДОВ (ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ)

Резюме. В данной статье обсуждается вопрос о возможности удачного обжига практически сырых глиняных сосудов в примитивных обжигательных устройствах: кострищах и очагах. Для исследования этого вопроса был поставлен эксперимент. Сосуды из трех разных формовочных масс с разной степенью высушенности были обожжены в углубленном в грунт очаге в восстановительной среде длительное время (проведено 3 обжига) и в наземном очаге в полувосстановительной среде с использованием навоза коровы в качестве единственного топлива (1 обжиг). В результате автором были получены следующие выводы. Во-первых, для обжига в очаге с навозом в качестве основного топлива вполне пригодны сосуды 2-дневной сушки, т. е. практически сырые. Наилучшим образом обожглись сосуды, сделанные из глины и шамота. Для сосудов, слепленных из чистой глины и глины с навозом, имевший место подъем температуры был слишком резким и привел к образованию трещин. Возможно, при обжиге только во влажном навозе с более медленным подъемом температуры без трещин оказались бы все сосуды. Во-вторых, можно считать почти установленным, что сосуды после 2-дневной сушки вполне пригодны для длительного низкотемпературного обжига в восстановительной среде. Но для полной уверенности в этом необходимо проведение ряда дополнительных экспериментов. В-третьих, оптимальным для обжига недосушенных сосудов является рецепт «глина + навоз + шамот».

Ключевые слова: керамика, обжиг, эксперимент, методика.

В настоящее время накоплены обширные знания о режимах обжига глиняных сосудов. Методика анализа как самого обжига, так и определения по археологической керамике его режима и температуры, при которой обжигались сосуды, разрабатывалась, главным образом, путем экспериментальных исследований А. А. Бобринским, И. Н. Васильевой и Н. П. Салугиной в Самарской экспедиции по изучению древнего гончарства, которая регулярно проводится уже

свыше 30 лет под руководством И. Н. Васильевой и Н. П. Салугиной (*Васильева, Салугина, 2015*).

На базе этой же Самарской экспедиции и в Рыбинской археологической экспедиции (руководитель А. Н. Рыкунов) в течение последних 5 лет мы с Ю. Б. Цетлиным также проводили различные эксперименты по изучению обжига. Результаты этих экспериментов опубликованы, поэтому я лишь перечислю их. Во-первых, это эксперимент по сравнительному изучению обжига сосудов в очаге и кострище (всего 9 обжигов) (*Волкова, 2014; 2015*). Во-вторых, эксперимент по различной выдержке сосудов в горне при температуре 700–750 °С (два обжига) (*Волкова, Цетлин, 2015*). В-третьих, экспериментальное изучение длительного низкотемпературного обжига изделий в восстановительной среде (8 обжигов) (Там же). В-четвертых, эксперимент по сравнительному изучению сосудов с чернением и сосудов, обожженных в восстановительной среде (один обжиг) (*Волкова, Цетлин, 2015. С. 60–62; 2016*). В 2018 г. был запланирован эксперимент по исследованию возможностей обжига недосушенных сосудов.

Сушка готовых сосудов относится к последней, закрепительной стадии гончарного производства (*Бобринский, 1978. С. 14*). Обычно она проходит в два этапа: воздушное высушивание и термическое. На первом этапе сушки процентное содержание воды в сосуде и в воздухе становится примерно одинаковым. На этапе термического высушивания из сосуда выпаривается так называемая свободная вода (*Цетлин, 2012. С. 109–112*).

По этнографическим данным известно, что гончары сначала несколько дней высушивали сосуды в помещении, затем на воздухе в тени и, наконец, когда сосуды выглядели совсем сухими, выносили их на солнце. На такую сушку для сосудов среднего размера уходила примерно неделя. Термическую сушку производили непосредственно перед обжигом (*Чудова, 2001. С. 53, 54; Rieth, 1978. С. 60; Drost, 1967. С. 210–214*).

Участники Самарской археологической экспедиции по изучению древнего гончарства обычно соблюдают эти же правила. Но иногда в силу обстоятельств возникает необходимость обжечь практически сырые сосуды (сушившиеся один-два дня). Тогда эти сосуды обжигаются в горне с длительным (примерно 3 часа) термическим высушиванием при температуре около 200–300 °С. После такой выдержки большая часть сосудов, как правило, обжигается успешно. Образующийся иногда брак зависит от состава формовочной массы, из которой слеплен сосуд, и тщательности самой лепки изделия. Чаще всего он связан с некоторыми видами глин, которые использовались в чистом виде. Недосушенные сосуды, сделанные из глины с добавкой шамота и навоза, практически всегда обжигались в горне успешно.

При планировании эксперимента был поставлен вопрос о том, насколько тщательно древние гончары, не знавшие печей и горнов, должны были выдерживать время высушивания изготовленных сосудов, т. е. какова была вероятность увеличения брака при обжиге недосушенных сосудов. Критериями успешного обжига можно считать, во-первых, отсутствие термических разрывов в теле сосуда, во-вторых, утрату остаточной пластичности черепка (подробно о явлении остаточной пластичности см.: *Бобринский, 1989*). Была разработана программа

специального эксперимента, который мы с Ю. Б. Цетлиным проводили в Самарской экспедиции в 2017 и 2018 гг.

Цель эксперимента состояла в выяснении необходимой степени высушенности сосудов, изготовленных из разных формовочных масс, для успешного их обжига в таком примитивном обжигательном устройстве, как очаг. Для эксперимента были выбраны два режима обжига сосудов: во-первых, длительный низкотемпературный обжиг в восстановительной среде (позволяющий получить, как показали предыдущие эксперименты, температуру не более 470 °С), и, во-вторых, обжиг в полувосстановительной среде с использованием навоза в качестве единственного топлива (температура около 650 °С). Такие режимы были выбраны из-за того, что при них происходит очень постепенный подъем температуры до невысокого максимального значения и отсутствуют резкие колебания температуры во время обжига, а температура 650 °С характеризует верхний предел начала каления глины.

В данной статье изложены результаты предпринятого исследования.

Всего было проведено три низкотемпературных обжига и один обжиг с использованием навоза коровы в качестве единственного топлива. Для всех обжигов были изготовлены сосуды из трех разных формовочных масс: чистой природной глины, этой же глины с влажным навозом в концентрации 1:2 и из этой же глины и крупным шамотом в концентрации 1:3. С каждым рецептом формовочной массы было изготовлено по несколько сосудов. Все сосуды были небольшие, высотой 10–12 см, горшковидной формы, с толщиной стенок от 0,5 до 1 см.

В 2017 г. у нас была возможность провести только один обжиг в восстановительной среде (обжиг № 1). Для него было сделано по три сосуда из разной формовочной массы, которые высушивались в течение одного, трех и шести дней. Сосуды, сушившиеся в течение одного или трех дней, не имели каких-либо трещин на поверхности. Сосуды, сушившиеся 6 дней, имели небольшие несквозные трещины на донных частях.

Для обжига в очаге глубиной 50 см и диаметром 100 см сосуды ставились на небольшую платформу из сучьев толщиной 5–7 см, сложенную в один ряд на дне очажной ямы. Стенки очага были обложены слоем сосновой коры, которая при горении давала сразу очень высокую температуру. После этого сосуды были засыпаны горячим углем и золой. Зола покрывала изделия слоем толщиной 7–10 см. В очаге на уровне слоя золы была установлена термопара для измерения температуры. После этого сверху был разведен костер, горение которого поддерживалось в течение 5 часов. Затем очаг (исключительно в целях противопожарной безопасности) был закрыт металлическим листом и оставлен остывать до утра. К сожалению, выяснилось, что термопара была установлена слишком высоко и поэтому фиксировала не температуру обжигаемых сосудов, а температуру верхнего слоя золы. Это и нашло отражение на графике температур (рис. 1). Кроме того, чистота эксперимента была нарушена нами из-за того, что рядом с сосудами была положена курица, обмазанная толстым слоем влажного ила (это было связано с другим экспериментом).

После осмотра обожженных сосудов выяснилось, что на них не появилось новых трещин, кроме тех, которые были отмечены еще до обжига. Однако три

Рис. 1. График изменения температуры во время восстановительного обжига № 1

сосуда, стоявшие около курицы, сохранили сильную остаточную пластичность, поскольку рядом с ними находился практически сырой и очень массивный объект. Это сосуд с шамотом однодневной сушки и два сосуда из чистой глины трех- и шестидневной сушки. Все остальные сосуды сохранили только слабую остаточную пластичность. Фрагменты сосудов с сильной остаточной пластичностью рассыпались в воде после 5–10 минут замачивания, а фрагменты сосудов со слабой остаточной пластичностью после суток вымачивания внешне остались целыми, но легко ломались и разминались пальцами, а жгутик из этой массы скрутить не удавалось. И стало очевидно, что температура нагрева сосудов была меньше 470 °С. Экспериментальным путем было доказано, что в сосудах со слабой остаточной пластичностью, формовочная масса которых была сделана по рецепту «глина + навоз 1:3 + крупный шамот 1:3», можно дважды сварить суп (по 40 минут готовки каждый). Затем внутренняя поверхность сосудов начинает размокать и попадает в еду.

В 2018 г. мы провели в очаге еще два низкотемпературных обжига (№ 2 и 3) сосудов разной степени высушенности в восстановительной среде и один обжиг (№ 4) с использованием навоза в качестве топлива в полувосстановительной среде.

Для низкотемпературного обжига № 2 и обжига № 4 в навозе было изготовлено по 6 сосудов: сосуды из чистой глины с 2- и 4-дневной сушкой, сосуды из глины и жидкого навоза в концентрации 1:2 (также с 2- и 4-дневной сушкой)

и сосуды из глины с крупным шамотом в концентрации 1:3 с 2- и 4-дневной сушкой (всего 12 сосудов). Таким образом, во всех случаях рецепты формовочных масс оставались постоянными, а изменялась только длительность сушки сосудов. Варианты с высушиванием сосудов в течение одного и шести дней не рассматривались, поскольку было ясно, что за 6 дней сосуд высыхал практически полностью, а при одном или двух днях сушки влажность сосудов была примерно одинакова.

Перед обжигом у двух сосудов, сделанных по рецепту «глина + навоз», были отмечены небольшие трещины на дне. Обжиги проводились параллельно в очагах двух видов: углубленном в землю и наземном со стенками, сложенными из кирпичей (рис. 2).

Опишу кратко, как проводился каждый из обжигов.

Низкотемпературный обжиг (№ 2) в восстановительной среде. На дно очажной ямы диаметром 60 см и глубиной 50 см положили слой сухих навозных лепешек, на которые поставили сосуды. Термопару для фиксации температуры

Рис. 2. Обжиговая площадка с горном и двумя очагами

установили на одном уровне с сосудами. Сосуды были засыпаны слоем холодной золы, затем слоем углей и опять слоем золы. Толщина этой «шубы» составляла примерно 12 см над сосудами. Сверху развели костер. Температура поднималась слишком медленно (за 3 часа она достигла только 180 °С) (рис. 3). Поэтому мы были вынуждены частично убрать слой золы над сосудами и засыпать их вновь горячими углями и золой, после чего продолжали жечь сверху костер. Однако максимальная температура, которую нам удалось достичь, была только 290 °С. Обжиг длился 5 часов, после чего очаг закрыли металлическим листом от возможного пожара и для более длительного сохранения тепла и оставили до следующего утра.

В результате обжига на всех сосудах, кроме одного с рецептом «глина + шамот», который сушился 4 дня, появились небольшие несквозные трещины. Анализ на остаточную пластичность показал, что у двух сосудов, изготовленных по этому рецепту, полностью сохранилась остаточная пластичность. У остальных сосудов была зафиксирована только слабая остаточная пластичность. Таким образом, достигнутой нами температуры, несмотря на большую длительность обжига, было явно недостаточно для устранения остаточной пластичности. Тем не менее для сосудов, изготовленных по рецепту «глина + навоз», этот обжиг, который, по сути дела, представлял собой длительную термическую сушку при максимальной температуре 290 °С, был достаточен для того, чтобы сосуд

Рис. 3. График изменения температуры во время восстановительного обжига № 2

приобрел прочность, необходимую для приготовления в нем жидкой пищи на огне или для ее не очень длительного хранения.

Обжиг в наземном очаге с использованием навоза в качестве топлива (№ 4). Перед обжигом на дне только одного сосуда (сушился 4 дня), изготовленного из глины и навоза, была обнаружена небольшая несквозная трещина. Остальные изделия трещин не имели.

Укладка сосудов и топлива в наземном очаге диаметром 120 см и высотой стенок 40 см производилась следующим образом. На один слой сухих навозных лепешек, толщиной не более 5 см, были установлены 6 сосудов. Они были накрыты слоем таких же сухих лепешек, а затем лепешками, смоченными в воде, для того чтобы воспрепятствовать быстрому подъему температуры на сосудах. Высота этой горки была около 50 см. По периметру ее обложили тонкими деревянными плашками и подожгли. В дальнейшем топливо уже не подкладывали. Обжиг длился 2 часа. По показаниям пирометра максимальная температура была достигнута через 1 час и составляла 680 °С. График обжига в данном случае демонстрирует очень быстрый подъем температуры (рис. 4). Сосуды были извлечены из углей почти сразу после обжига.

В результате такого обжига у сосуда с небольшой трещиной дополнительных трещин не появилось. У сосуда с тем же рецептом (глина + навоз) появились на стенках микротрещины, которые, однако, не влияли на прочность сосуда. У сосуда из чистой глины, который сушился 4 дня, появились микро-

Рис. 4. График изменения температуры во время обжига в навозе (№ 4)

трещины только с внешней стороны, а у сосуда из чистой глины, сушившегося 2 дня, была зафиксирована трещина на донной части и следы перекала изделия, проявившиеся в интенсивно-красном цвете черепка. У двух сосудов разной степени высушенности, сделанных из глины и шамота, трещин не возникло. Все сосуды не имели остаточной пластичности. Таким образом, быстрый подъем температуры хуже всего сказался на сосудах из чистой глины (что было ожидаемо), и лучше всего его выдержали сосуды из глины с примесью шамота.

В 2018 г. в рамках этого же эксперимента был проведен еще один низкотемпературный восстановительный обжиг (№ 3). Задача его состояла в том, чтобы все-таки постараться достичь желаемой температуры в 470 °С на обжигаемых сосудах. Были изготовлены 3 сосуда из тех же формовочных масс и такого же размера, как и предыдущие. Время их сушки было всего 2 дня. Перед обжигом сосуды не имели никаких трещин на поверхностях.

На этот раз на дне очажной ямы глубиной 50 см и диаметром 60 см была сделана платформа из тонких (около 2 см) плашек. Стенки ямы по периметру обложили такими же плашками. На платформу насыпали горящих углей, и на них поставили сосуды, которые засыпали горящими углями и теплой золой. Над всем этим сооружением сделан шалаш из тонких плашек. Затем разведен костер, куда по мере необходимости подкладывалось топливо. Через 1,5 часа стало ясно, что температура остается слишком низкой (127 °С) (рис. 5). Тогда был убран накопившийся сверху слой золы и по периметру были поставлены

Рис. 5. График изменения температуры во время восстановительного обжига № 3

новые плашки. Обжиг длился 5 часов, и только к его концу удалось достичь температуры в 273 °С. После обжига очаг закрыли железным щитом и оставили до утра. Вероятно, внутри сооружения продолжали идти интенсивные процессы конденсации тепла, поскольку на следующее утро термопара показывала в очаге уже 367 °С.

В результате обжига все сосуды не имели трещин. Проведенный в течение одних суток анализ фрагментов сосудов на остаточную пластичность показал, во-первых, что у сосуда из чистой глины она сохранилась полностью (фрагмент от него рассыпался в воде), во-вторых, у сосуда, сделанного из глины с шамотом, была отмечена очень слабая остаточная пластичность, в-третьих, ниже всего остаточная пластичность была у сосуда, сделанного из глины и навоза. Таким образом, температура, полученная в очаге, и в этом случае оказалась недостаточной для полноценного обжига сосудов. Но такой термической сушки оказалось вполне достаточно для сосуда из глины с навозом, чтобы он почти полностью утратил остаточную пластичность, т. е. почти обожжен.

Итак, в результате проведенных четырех экспериментальных обжигов сосудов разной степени высушенности можно сделать следующие выводы:

1. Прежде всего, надо отметить, что для обжига в очаге с навозом в качестве основного топлива вполне годятся сосуды 2-дневной сушки, т. е. практически сырые изделия. Наилучшим образом обожглись сосуды, сделанные из глины и шамота. Для сосудов, слепленных из чистой глины и глины с навозом, подъем температуры оказался слишком резким. Возможно, при обжиге только во влажном навозе без трещин оказались бы все сосуды, поскольку при использовании только влажного навоза в качестве изолятора температура поднимается значительно медленнее. Это видно по графику температуры обжига, который мы проводили в 2013 г. (рис. 6).

2. Можно считать почти установленным, что сосуды после 2-дневной сушки вполне пригодны также для длительного низкотемпературного обжига в восстановительной среде. Но для полной уверенности в этом необходимо проведение ряда дополнительных экспериментов. Мы предполагаем, что температуру обжига можно повысить, увеличив диаметр очага при сохранении его глубины, делая над сосудами горку из горячей золы и обкладывая ее топливом не только сверху, но и по всему периметру.

3. Как следует из проведенных экспериментов, оптимальным для обжига недосушенных сосудов является рецепт «глина + навоз + шамот». Навоз благоприятен для сушки изделий, а шамот – для их обжига в примитивных устройствах. Вполне возможно, что эту функцию навоза могут с тем же успехом выполнять и некоторые другие органические примеси в концентрации не менее 1:3. Таким образом, эксперимент еще не закончен, но сейчас уже ясны дальнейшие направления его проведения.

Также необходимо отметить, что, хотя данные экспериментальные обжиги проводились только в очагах, мы можем с уверенностью говорить об успешном обжиге недосушенных сосудов и в кострище с использованием влажного навоза в качестве единственного топлива. Предыдущие эксперименты показали, что температурные режимы обжигов в очаге и кострище с таким видом топлива очень близкие.

Рис. 6. График изменения температуры во время обжига во влажном навозе в 2013 г.

ЛИТЕРАТУРА

- Бобринский А. А., 1978. Гончарство Восточной Европы. Источники и методы изучения. М.: Наука. 272 с.
- Бобринский А. А., 1989. К методике изучения обжига древней керамики // Первая кубанская археологическая конференция: тез. докл. Краснодар: Кубанский гос. ун-т. С. 20–23.
- Васильева И. Н., Салугина Н. П., 2015. Самарская экспедиция по экспериментальному изучению древнего гончарства (СЭЭИДГ): 25 лет работы // СНС. № 3 (12). С. 8–27.
- Волкова Е. В., 2014. Роль эксперимента в изучении обжига глиняной посуды // Труды IV (XX) Всероссийского археологического съезда в Казани. Т. IV. Казань: Отечество. С. 133–137.
- Волкова Е. В., 2015. Очаг или кострище? (экспериментальный обжиг посуды) // СНС. № 3 (12). С. 37–55.
- Волкова Е. В., Цетлин Ю. Б., 2015. Некоторые проблемы экспериментального изучения обжига сосудов // СНС. № 3 (12). С. 56–62.
- Волкова Е. В., Цетлин Ю. Б., 2016. К методике изучения режимов обжига древней керамики // Традиции и инновации в изучении древней керамики: материалы Междунар. науч. конф. (24–27 мая 2016 г., Санкт-Петербург, Россия) / Ред.: О. В. Лозовская, А. Н. Мазуркевич, Е. В. Долбунова. СПб.: ИИМК РАН. С 76–77.
- Цетлин Ю. Б., 2012. Древняя керамика. Теория и методы историко-культурного подхода. М.: ИА РАН. 384 с.

Чудова Т. И., 2001. Гончарство коми (зырян) во второй половине XIX – первой половине XX веков: учебное пособие по спецкурсу. Сыктывкар: Сыктывкарский ун-т. 89 с.

Drost D., 1967. Töpferei in Afrika: Technologie. Berlin: Akademie Verlag. 289 S.

Rieth A., 1978. 5000 Jahre Töpferscheibe. Konstanz: Jan Thorbeck Verlag KG. 95 S.

Сведения об авторе

Волкова Елена Витальевна, Институт археологии РАН, ул. Д. Ульянова, 19, Москва, 117036, Россия; e-mail: volk_h@mail.ru

E. V. Volkova

OPTIONS FOR FIRING UNDERDRIED CLAY VESSELS (EXPERIMENTAL STUDY)

Abstract. The paper explores options for successful firing of basically wet clay vessels in primitive firing constructions such as fire pits and hearths. An experiment was carried out to study this issue. Vessels from three different masses of clay with different degrees of dryness were fired in a hearth sunk into soil in a reducing environment for a long time (three firings) and in a surface hearth in a partly reducing environment with the use of cattle manure as the only fuel (one firing). The following conclusions were derived. Firstly, firing in a hearth with manure as main fuel is quite suitable for vessels that were dried for two days, i. e. basically wet vessels. The best result from firing was obtained for vessels made from clay and chamotte. The increase in temperature was too steep for vessels made from pure clay and clay with manure resulting in cracks. Maybe, there would have been no cracks in any vessels in case of firing in wet manure with a more gradual increase in temperature. Secondly, it was established that, after two days of drying, vessels were quite ready for lengthy low temperature firing in a reducing environment. However, to be absolutely sure in this, additional experiments are needed. Thirdly, an optimal formula for firing underdried vessels is as follows: clay + mature + chamotte.

Keywords: ceramics, firing, experiment, methodology.

REFERENCES

- Bobrinskiy A. A., 1978. Goncharstvo Vostochnoy Evropy. Istochniki i metody izucheniya [Pottery-making of Eastern Europe. Sources and research methods]. Moscow: Nauka. 272 p.
- Bobrinskiy A. A., 1989. K metodike izucheniya obzhiga drevney keramiki [To method of study of ancient ceramics firing]. *Pervaya kubanskaya arkheologicheskaya konferentsiya [First Kuban archaeological conference]*. Krasnodar: Kubanskiy gos. universitet, pp. 20–23.
- Chudova T. I., 2001. Goncharstvo komi (zyryan) vo vtoroy polovine XIX – pervoy polovine XX vekov [Pottery-making of the Komi (Zyryans) in second half of XIX – first half of XX centuries]. Syktывkar: Syktyvkarskiy universitet. 89 p.
- Drost D., 1967. Töpferei in Afrika: Technologie. Berlin: Akademie Verlag. 289 S.
- Rieth A., 1978. 5000 Jahre Töpferscheibe. Konstanz: Jan Thorbeck Verlag KG. 95 S.
- Tsetlin Yu. B., 2012. Drevnyaya keramika. Teoriya i metody istoriko-kul'turnogo podkhoda [Ancient ceramics. Theory and methods of historical cultural approach]. Moscow: IA RAN. 384 p.

- Vasil'yeva I. N., Salugina N. P., 2015. Samarskaya ekspeditsiya po eksperimental'nomu izucheniyu drevnego goncharstva (SEEDG): 25 let raboty [Samara expedition for experimental study of ancient pottery-making (SEEDG): 25 years of activity]. *SNS*, 3 (12), pp. 8–27.
- Volkova E. V., 2014. Rol' eksperimenta v izuchenii obzhiga glinyanoy posudy [Role of experiment in study of firing clay pottery]. *Trudy IV(XX) Vserossiyskogo arkhеologicheskogo s'yezda v Kazani [Transactions of IV (XX) All-Russian archaeological congress in Kazan']*, IV. Kazan': Otechestvo, pp. 133–137.
- Volkova E. V., 2015. Ochag ili kostrishche? (eksperimental'nyy obzhig posudy) [Heart or fire-place? (experimental firing pottery)]. *SNS*, 3 (12), pp. 37–55.
- Volkova E. V., Tsetlin Yu. B., 2015. Nekotoryye problemy eksperimental'nogo izucheniya obzhiga sosudov [Some problems of experimental study of firing vessels]. *SNS*, 3 (12), pp. 56–62.
- Volkova E. V., Tsetlin Yu. B., 2016. K metodike izucheniya rezhimov obzhiga drevney keramiki [To method of study of firing regime of ancient ceramics]. *Traditsii i innovatsii v izuchenii drevneyshey keramiki [Traditions and innovations in study of earliest ceramics]*. O. V. Lozovskaya, A. N. Mazurkevich, E. V. Dolbunova, eds. St. Petersburg: IIMK RAN, pp. 76–77.

About the author

Volkova Elena V., Institute of Archaeology Russian Academy of Sciences, ul. Dm. Ulyanova, 19, Moscow, 117036, Russian Federation; e-mail: volk_h@mail.ru

А. Б. Никитин, Л. О. Смирнова

НУМИЗМАТИЧЕСКИЕ НАХОДКИ С ГОРОДИЩА КАЛАИ КУХНА (КАРРОН) И ПРОБЛЕМА ДАТИРОВКИ СОХРАНИВШИХСЯ АРХИТЕКТУРНЫХ СООРУЖЕНИЙ

Резюме. Городище Калаи Кухна находится в Дарвазском районе Горно-Бадахшанской области Республики Таджикистан. В 2012–2014 гг. городище исследовал Дарвазский археологический отряд. Результаты исследования породили споры среди археологов Таджикистана относительно возможной датировки памятника. Сделанные на городище монетные находки позволяют говорить о наличии в этом месте поселения с начала нашей эры, однако они никак не связаны с видимыми в настоящее время на поверхности остатками средневековых архитектурных сооружений.

Ключевые слова: Каррон, Калаи Кухна, Таджикистан, археология, нумизматика, кушаны.

Городище Калаи Кухна (Каррон) находится в Дарвазском районе Горно-Бадахшанской области Республики Таджикистан, в 2 км к востоку от кишлака Рузвай и в 8,5 км от районного центра, города Калаи-Хумб. На картах советского времени это место помечено как «перевал Кеврон». Памятник площадью более 100 га занимает склон горы, небольшую долину и холм в излучине реки Пяндж, напротив долины Джавай (на территории Афганистана) и впадающей в Пяндж одноименной с ней реки. Расположено городище на высоте 1500–1700 м над уровнем моря.

Название памятнику дано по древнему названию местности – Карон, или Каррон. Этимология этого топонима спорна (возможно, от среднеперсидского *karran* – граница, порубежье). Карон упоминается в сочинениях арабских авторов с IX в. (Камалиддинов, 1996. С. 212–215). Местные жители называют его Калаи Кухна (Старая крепость).

Самое раннее упоминание памятника в научной литературе относится ко второй половине XIX в. На археологической карте, опубликованной М. А. Бубновой

в 1997 г., памятник назван Калаи хана (Мудукакай, Калаи хун, Калаи кун) (*Бубнова*, 1997. С. 25).

В 2012–2014 гг. под руководством академика АН Республики Таджикистан Ю. Я. Якубова городище исследовал Дарвазский археологический отряд, в работах которого, благодаря любезному приглашению главы экспедиции, приняли участие и авторы настоящей заметки. Археологами были раскопаны несколько объектов: дворец на вершине южного холма, мавзолей (Айванный дом), винодавильня (*Якубов и др.*, 2017. С. 157–183), «Красный зал» и лестница в малом комплексе террас, архитектурное сооружение, условно названное «Панчманор» («Пять башен», рис. 1); исследованы составляющие памятник террасы, описаны и другие видимые на поверхности остатки построек; архитектором Е. В. Буклаевой сделаны архитектурные планы и разрезы объектов и всего городища в целом (рис. 2).

Проводившиеся в 2012–2014 гг. работы породили среди археологов и историков Таджикистана споры относительно датировки этого археологического памятника, а также сомнения в правильности определения найденных там монет. Считаем своим долгом описать и воспроизвести здесь эти монеты, дабы развеять все подобные сомнения.

1. Бронзовая литая монета, подражание китайским монетам «кай юань тун бао» (расходная монета периода Кай-Юань; тун бао – букв. «обращающаяся драгоценность»), выпускавшимся в период правления династии Тан (между 621 и 907 гг.). Монета односторонняя, отлитая в открытой форме. На лицевой стороне четыре иероглифа, расположенные крест-накрест по сторонам квадратного отверстия (рис. 3). О. И. Смирнова определяет такие подражания китайским монетам как согдо-китайские (псевдотанские) монеты VI–VIII вв. (период ихши-

Рис. 1. Так называемый «Панчманор»

Рис. 2. Общий план городища Каррон

1 – лестница к террасе; 2 – углубленная в землю терраса; 3 – террасы на северном склоне южного холма; 4 – «Красный зал»; 5 – винодельня; 6 – угловая башня; 7 – «Панчманор»; 8 – мавзолей с айваном; 9 – предвратная башня; 10 – «дворец» на вершине холма; 11 – восточная стена

дов Согда) (Смирнова, 1981. С. 100, 101). Диаметр монеты – 2,55 см, вес – 3,27 г. Монета найдена при зачистке южной стены центральной башни сооружения «Панчманор», в нише (Якубов, 2016. С. 151. Рис. 16).

2. Бронзовая кушанская монета Канишки III (начало III в. н. э.). На лицевой стороне царь, стоящий перед алтарем, влево; на оборотной – богиня Ардохш, сидящая на троне, в фас (Зеймаль, 1983. С. 222). В отчете за 2012 г. воспроизведена только лицевая сторона монеты (Якубов, 2016. С. 151. Рис. 17). Монета найдена у восточной стены той же центральной башни «Панчманора».

3. Бронзовая посткушанская монета, так называемое подражание Васудеве. Такие подражания чеканились с середины III в. н. э., сразу после падения династии

Рис. 3. Подражание китайской монете «кай юань тун бао»

Рис. 4. Подражание кушанской монете царя Васудевы

Великих Кушан (после завоевания Кушаншахра иранскими Сасанидами). Их прототипом являются монеты Васудевы, одного из последних кушанских правителей (правил во второй половине II в.). На лицевой стороне изображен царь, стоящий перед алтарем. На оборотной – бог Шива, стоящий на фоне быка-зебу (рис. 4). Выделяются, по степени деградации изображений, несколько групп таких подражаний, которые выпускались, вероятно, в разных областях Кушаншахра до конца IV в. (наиболее детальная классификация предложена Е. В. Зеймалем) (*Зеймаль*, 1983. С. 241). К какой именно группе подражаний относится найденная на городище монета, сказать трудно из-за ее плохой сохранности. Диаметр монеты – 2,5 см, вес – 8,05 г. Подъемный материал.

4. Мелкий и тонкий бронзовый монетный кружок. Изображения и надписи, если они и были, не сохранились. Диаметр – 1,3 см, вес – 0,45 г. Подъемный материал.

Исследования городища Калаи Кухна (Каррон) показывают, что памятник формировался в течение длительного времени и представляет совокупность объектов и архитектурных построек разного назначения – от кочевнического кургана до садово-парковых конструкций в виде террас. В настоящее вре-

Рис. 5. «Дворец» на холме в южной части городища

мая обоснованная датировка дана только для одного объекта – мусульманского мавзолея XV в. (Айванный дом) (Никитин, Смирнова, 2017. С. 94–102; Якубов и др., 2017. С. 157–159). На данном этапе исследования, опираясь на размер камня и особенности каменной кладки, мы можем лишь осторожно говорить о возможной последовательности возведения объектов относительно друг друга. Так, «дворец» на вершине южного холма (рис. 5) возведен позже, чем датированный мавзолей (Айванный дом). Основания для определения – более мелкий камень, использование сланца, более тонкие стены, большего размера жженный кирпич, отсутствие в кладке деревянных балок. Аналогичная кладка и камень у «Красного зала», стены которого приставлены к террасе, выполненной, в свою очередь, из камня, размер и структура которого сходна с кладкой мавзолея.

С некоторой долей вероятности к более ранним постройкам можно отнести остатки стены в восточной части городища (рис. 6), а также кладку в основании террас на северном склоне холма, конструкции входной башни и дальних стен, сложенных из более массивных, чем все прочие сооружения, камней, что предполагает иную организацию труда. Возможно, ранние конструкции послужили источником камня для более поздних конструкций, в частности для датированного нами мавзолея.

Найденные при раскопках монеты не могут служить основанием для датировки видимых в настоящее время на поверхности архитектурных сооружений. Это всего лишь единичные находки, которые могли попасть в кладку зданий с глиняным раствором, материал, переотложенный из более ранних слоев. Поэтому

Рис. 6. Стена в восточной части городища

датировать объекты можно, только опираясь на особенности строительной техники и сходство с другими известными памятниками.

Так как находки монет в горных районах Таджикистана вообще очень редки, то сам факт находки нескольких монет на городище говорит о том, что в древности территория городища, расположенная в излучине реки Пяндж, у караванной тропы, ведущей через перевал, активно обживалась. Следует учесть, что современной дороги вдоль берега Пянджа в древности не было. Она построена в 1940-е гг., а до того продвигаться вдоль берега было невозможно из-за отвесных скал. Единственная тропа через перевал имела, таким образом, первостепенное значение. Неудивительно, что столь выгодно расположенная территория

могла быть обитаема с древнейших времен. Что именно там было в кушанское время или в раннее Средневековье – поселение, городище, крепость с гарнизоном, – мы не знаем, но можно надеяться, что дальнейшие исследования помогут выявить следы первоначального обживания этой территории.

ЛИТЕРАТУРА

- Бубнова М. А., 1997. Горно-Бадахшанская автономная область. Западный Памир (памятники II тыс. до н. э. – XIX в.) // Археологическая карта Таджикистана. Душанбе. С. 25.
- Зеймаль Е. В., 1983. Древние монеты Таджикистана. Душанбе: Дониш. 309 с., 16 л. ил.
- Камалиддинов Ш., 1996. Историческая география Южного Согда и Тохаристана по арабоязычным источникам IX – начала XIII вв. Ташкент: Узбекистон. 422 с.
- Никитин А. Б., Смирнова Л. О., 2017. О редком образце мусульманской архитектуры в Дарвазе // Проблемы археологии и истории Таджикистана / Ред. Г. Р. Каримова. Душанбе: Дониш. С. 94–102.
- Смирнова О. И., 1981. Сводный каталог согдийских монет. Бронза. М.: Наука. 548 с.
- Якубов Ю. Я., 2016. Результаты работ Дарвазского археологического отряда на городище Калаи Кухна за 2012 г. // Археологические работы в Таджикистане. Вып. XXXVIII. Душанбе. С. 145–181.
- Якубов Ю. Я., Смирнова Л. О., Никитин А. Б., 2017. Результаты работ Дарвазского археологического отряда на городище Калаи Кухна (Карон) в 2013 г. // Археологические работы в Таджикистане. Вып. XXXIX. Душанбе. С. 157–183.

Сведения об авторах

Никитин Александр Борисович, Государственный Эрмитаж, Дворцовая набережная, 34, Санкт-Петербург, 190000, Россия; e-mail: nikitin225@yandex.ru;

Смирнова Лариса Олеговна, Государственный Эрмитаж, Дворцовая набережная, 34, Санкт-Петербург, 190000, Россия; e-mail: smirnova@hermitage.ru

A. B. Nikitin, L. O. Smirnova

NUMISMATIC FINDS FROM QALAI KUHNA (KARRON) FORTIFIED SETTLEMENT AND PROBLEM OF DATING OF PRESERVED ARCHITECTURAL STRUCTURES

Abstract. The site of Karron (Qalai Kuhna) in South Tajikistan was investigated in 2012–2014 by Yu. Yakubov. Several coins were found, among them a cast imitation of a Chinese Tang dynasty bronze coin, a Kushan coin of Kanishka III and a post-Kushan imitation of king Vasudeva coin. The coins can not provide dating for the excavated structures, which are all of a later date, but they prove that the site was inhabited by the beginning of A. D.

Keywords: Karron, Qalai Kuhna, Tajikistan, archaeology, numismatic, the Kushans.

REFERENCES

- Bubnova M. A., 1997. Gorno-Badakhshanskaya avtonomnaya oblast'. Zapadnyy Pamir (pamyatniki II tys. do n. e. – XIX v.) [Mountain Badakhshan autonomous region. West Pamir (sites of II mill. BC – XIX c.)]. *Arkheologicheskaya karta Tadjikistana [Archaeological map of Tajikistan]*. Dushanbe, p. 25.
- Kamaliddinov Sh., 1996. Istoricheskaya geografiya Yuzhnogo Sogda i Tokharistana po araboyazychnym istochnikam IX – nachala XIII vv. [Historical geography of Southern Sogd and Toharistan according to Arabic sources of IX – early XIII cc.]. Tashkent: Uzbekiston. 422 p.
- Nikitin A. B., Smirnova L. O., 2017. O redkom obraztse musul'manskoy arkhitektury v Darvaze [On rare piece of Muslim architecture in Darvaz]. *Problemy arkheologii i istorii Tadjikistana [Problems of archaeology and history of Tajikistan]*. G. R. Karimova, ed. Dushanbe: Donish, pp. 94–102.
- Smirnova O. I., 1981. Svodnyy katalog sogdiyskikh monet. Bronza [Union catalogue of Sogd coins. Bronze]. Moscow: Nauka. 548 p.
- Yakubov Yu. Ya., 2016. Rezul'taty rabot Darvazskogo arkheologicheskogo otryada na gorodishche Kalai Kuhnna za 2012 g. [Results of Darvaz archaeological group works at hillfort Qalai Kuhna for 2012]. *Arkheologicheskiye raboty v Tadjikistane [Archaeological works in Tajikistan]*, XXXVIII. Dushanbe, pp. 145–181.
- Yakubov Yu. Ya., Smirnova L. O., Nikitin A. B., 2017. Rezul'taty rabot Darvazskogo arkheologicheskogo otryada na gorodishche Kalai Kuhnna (Karon) v 2013 g. [Results of Darvaz archaeological group works at Qalai Kuhna (Karron) fortified settlement in 2013]. *Arkheologicheskiye raboty v Tadjikistane [Archaeological works in Tajikistan]*, XXXIX. Dushanbe, pp. 157–183.
- Zeymal' E. V., 1983. Drevniye monety Tadjikistana [Ancient coins of Tajikistan]. Dushanbe: Donish. 309 p., 16 l. ill.

About the authors

Nikitin Aleksandr B., State Hermitage, Dvortsovaya nab., 34, St. Petersburg, 190000, Russian Federation; e-mail: nikitin225@yandex.ru;

Smirnova Larisa O., State Hermitage, Dvortsovaya nab., 34, St. Petersburg, 190000, Russian Federation; e-mail: smirnova@hermitage.ru

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АА – Археология Арктики
АВ – Археологические вести. СПб.
АКР – Археологическая карта России. М.
АН – Академия наук
АН СССР – Академия наук СССР
АО – Археологические открытия. М.
АП – Археология Подмосковья. М.: ИА РАН
АСГЭ – Археологический сборник Государственного Эрмитажа. СПб.
АЭАЕ – Археология, этнография и антропология Евразии. Новосибирск
БАН – Болгарская Академия наук
БРФФИ – Белорусский республиканский фонд фундаментальных исследований
ВГУ – Воронежский государственный университет
ВДИ – Вестник древней истории. М.
ВолГУ – Волгоградский государственный университет
ВУАК – Вятская ученая археологическая комиссия
ГАИМК – Государственная академия истории материальной культуры
ГИМ – Государственный исторический музей.
ГМИИ – Государственный музей изобразительных искусств им. А. С. Пушкина
ГЭ – Государственный Эрмитаж. СПб.
ИА РАН – Институт археологии РАН
ИА НАНУ – Институт археологии Национальной академии наук Украины
ИАЭТ СО РАН – Институт археологии и этнографии Сибирского отделения РАН
ИИА УрО РАН – Институт истории и археологии УрО РАН
ИИМК РАН – Институт истории материальной культуры РАН
КСИА – Краткие сообщения Института археологии. М.
КСИИМК – Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института истории материальной культуры (1939–1960). М.; Л.
ЛОИА АН СССР – Ленинградское отделение Института археологии Академии наук СССР
МГУ – Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова
МИА – Материалы и исследования по археологии СССР. М.; Л.
МИАСК – Материалы и исследования по археологии Северного Кавказа. Армавир
НВЯН АО – Научный вестник Ямало-Ненецкого автономного округа
ОАК – Отчеты Императорской археологической комиссии. СПб.
ПА – Поволжская археология. Казань
ПИФК – Проблемы истории, филологии, культуры. Магнитогорск
ПСРЛ – Полное собрание русских летописей
ПЦК РК – Президентский центр культуры Республики Казахстан
РА – Российская археология. М.
РАН – Российская академия наук
РГАДА – Российский государственный архив древних актов
РСМ – Раннеславянский мир. М.
РФФИ – Российский фонд фундаментальных исследований
СА – Советская археология (1957–1992). М.
САИ – Археология СССР. Свод археологических источников. М.; Л.

- СГИАПМЗ – Соловецкий государственный историко-архитектурный и природный музей-заповедник
СНС – Самарский научный сборник. Самара
СПбГУ – Санкт-Петербургский государственный университет
СПГИХМЗ – Сергиево-Посадский государственный историко-художественный музей-заповедник
ТАС – Тверской археологический сборник
ТТЗ – Тверь, Тверская земля и сопредельные территории в эпоху средневековья
ТЮТАКЭ – Труды Южно-Туркменистанской археологической комплексной экспедиции. Ашхабад
УрО РАН – Уральское отделение Российской академии наук
ЦКП – Центр коллективного пользования
- AA – Arkheologiya Arktiki [Archaeology of the Arctic]
AEAE – Arkheologiya, etnografiya i antropologiya Evrazii [Archaeology, Ethnography and Anthropology of Eurasia]. Novosibirsk
AIHV – Association Internationale pour l'Histoire du Verre
AN – Akademiya nauk [Academy of Sciences]
AN SSSR [AS USSR] – Akademiya nauk SSSR [Academy of Sciences of the USSR]
AO – Arkheologicheskiye otkrytiya [Archaeological discoveries]. Moscow
ASGE – Arkheologicheskiy sbornik Gosudarstvennogo Ermitazha [Archaeological annual of State Hermitage]. St. Petersburg
AV – Arkheologicheskiye vesti [Archaeological news]. St. Petersburg: IIMK RAN
BAR – British Archaeological Reports
GE – Gosudarstvennyy Ermitazh [State Hermitage]
GIM – Gosudarstvennyy Istoricheskiy muzey [State Historic museum]
GMII – Gosudarstvennyy muzey izobrazitel'nykh iskusstv im. A. S. Pushkina [Pushkin Museum of Fine Arts]
IA RAN – Institut arkheologii RAN [Institute of Archaeology RAS]
IAET SO RAN – Institut arkheologii i etnografii Sibirskogo otdeleniya RAN [Institute of Archaeology and Ethnography of Siberian Branch of RAS]
IA NANU – Institut arkheologii Natsional'noy akademii nauk Ukrainy [Institute of Archaeology National Academy of Sciences of Ukraine]
IEA RAN – Institut etnologii i antropologii RAN [Institute of Ethnology and Anthropology, RAS]
IIA UrO RAN – Institut istorii i arkheologii UrO RAN [Institute of History and Archaeology UrO RAS]
IIMK RAN – Institut istorii material'noy kul'tury RAN [Institute for the History of Material Culture RAS]
JAS – Journal of Archaeological Science
KSIA – Kratkiye soobshcheniya instituta arkheologii [Brief communications of Institute of Archaeology]. Moscow
KSIIIMK – Kratkiye soobshcheniya Instituta Istorii Materialnoy Kultury [Brief communications of Institute for the History of Material Culture]. Moscow; Leningrad
LOIA AN SSSR – Leningradskoye otdeleniye Instituta arkheologii Akademii nauk SSSR [Leningrad Branch of the Institute of Archaeology, Academy of Sciences of the USSR]
MGU – Moskovskiy gosudarstvennyy universitet im. M. V. Lomonosova [M. V. Lomonosov Moscow State university]; Moscow
MIA – Materialy i issledovaniya po arkheologii SSSR [Materials and investigations on archaeology of the USSR]. Moscow; Leningrad
MIASK – Materialy i issledovaniya po arkheologii Severnogo Kavkaza [Materials and investigations for archaeology of the North Caucasus]; Armavir
MOLA – Museum of London Archaeology
NVYaNAO – Nauchnyy vestnik Yamalo-Nenetskogo avtonomnogo okruga [Scientific bulletin of Yamal-Nenets Autonomous district]
OAK – Otchety Imperatorskoy arkheologicheskoy komissii [Reports of Imperial Archaeological commission]. St. Petersburg
PA – Povolzhskaya Arkheologiya [The Volga River Region Archaeology]. Kazan'

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- РСК РК – Presidentskiy tsentr kultury Respubliki Kazakhstan [Presidential center of culture of the Republic of Kazakhstan]
- PIFK – Problemy istorii, filologii, kul'tury [Problems of history, philology and culture]. Magnitogorsk
- RA – Rossiyskaya arkheologiya [Russian Archaeology]. Moscow
- RAN [RAS] – Rossiyskaya akademiya nauk [Russian Academy of Sciences]
- RGADA – Rossiyskiy gosudarstvennyy arkhiv drevnikh aktov [Russian State archive of ancient acts]
- RSM – Rannoslavianskiy mir [Early Slavic world]. Moscow
- SA – Sovetskaya arkheologiya [Soviet Archaeology]. Moscow
- SAI – Arkheologiya SSSR. Svod arkheologicheskikh istochnikov [Archaeology of the USSR. Corpus of archaeological sources]. Moscow
- SAV – Slovenská Akadémia Vied
- SGIAPMZ – Solovetskiy gosudarstvennyy istoriko-architekturnyy i prirodnyy muzey-zapovednik [Solovetskiy state historical, architectural and natural Museum-reserve]
- SNS – Samarskiy nauchnyy sbornik [Samara scientific annual]. Samara
- SP – Stratum plus. Archaeology and Cultural Anthropology
- SPbGU – Sankt-Peterburgskiy gosudarstvennyy universitet [St. Petersburg State university]
- TAS – Tverskoy arkheologicheskii sbornik [Tver' archaeological transactions]
- TTZ – Tver', tverskaya zemlya i sopredel'nyye territorii v epokhu srednevekov'ya [Tver', Tver' land and adjacent territories in the Middle Ages]
- TYuTAKE – Trudy Yuzhno-Turkmenistanskoy arkheologicheskoy kompleksnoy ekspeditsii [Transactions of South-Turkmenian archaeological complex expedition]. Ashkhabad
- UCL – University College London
- UrO RAN – Ural'skoye otdeleniye RAN [Uralian Branch of RAS]
- VDI – Vestnik drevney istorii [Journal of Ancient History]. Moscow
- VUAK – Vyatskaya uchenaya arkheologicheskaya komissiya [Vyatka scientific archaeological Commission]

КРАТКИЕ ПРАВИЛА ОФОРМЛЕНИЯ РУКОПИСЕЙ

Материалы, направляемые для публикации в издание «Краткие сообщения Института археологии», должны быть оформлены по следующим правилам:

1. Содержание рукописи должно соответствовать тематике сборника.
2. Рукопись подается в формате Microsoft Word и в виде распечатки.
3. Материалы должны состоять из а) основного текста, б) списка литературы, в) подрисовочных подписей, г) резюме и ключевых слов, д) списка сокращений, е) таблиц, ж) иллюстраций, з) сведений об авторе/авторах.
4. Общий объем рукописи (п. 3, а–е) – не свыше 0,8 печатного листа (32 тыс. знаков с пробелами) и 3 иллюстраций.

5. Статья должна быть напечатана шрифтом кегля 14 через 1,5 интервала.

6. Нестандартные буквы и знаки в тексте должны быть вписаны от руки в распечатку.

7. Иллюстрации представляются в электронном виде, в отдельных файлах формата TIF (**не вставлять в текст**) и нумеруются в соответствии с порядком ссылок на них в тексте. Необходимо избегать чрезмерного уменьшения изображений, поскольку размер иллюстраций в печатном виде составляет 13 × 19 см.

В подрисовочной подписи кратко расшифровываются все условные обозначения. Черно-белые иллюстрации сканируются в режиме «градации серого», масштаб 1:1; фотографии – с разрешением не ниже 300 dpi, штриховые рисунки – не ниже 600 dpi.

8. Таблицы (цифровые и текстовые) представляются в отдельных файлах (**не вставлять в текст**) и нумеруются в соответствии с порядком ссылок на них в тексте.

9. Список литературы дается в алфавитном порядке. Он состоит из двух частей: а) издания на кириллице, б) на латинице. Например:

Седов В. В., 1979а. Происхождение и ранняя история славян. М.: Наука. 158 с.

Леонтьев А. Е., 2012. На берегах озер Неро и Плещеево // Русь в IX–X веках: археологическая панорама / Отв. ред. Н. А. Макаров. М.; Вологда: Древности Севера. С. 162–177.

Lloyd S., Mellaart J., 1962. Beycesultan. Vol. I: The Late Chalcolithic and Early Bronze Age Levels. London: British Institute of Archaeology at Ankara. 296 p.

10. Представляются ключевые слова (до 10) и русский текст резюме (0,5 страницы).

Более подробно см. на сайте издания ksia.iaran.ru.

Материалы направляются на электронный адрес редакции ksia@iaran.ru.

Статьи, оформленные без соблюдения указанных правил, к рассмотрению не принимаются.

Научное издание

КРАТКИЕ СООБЩЕНИЯ
ИНСТИТУТА АРХЕОЛОГИИ

Выпуск 255

Утверждено к печати
Ученым советом Института археологии
Российской академии наук

На задней стороне обложки –
котел из донского Левобережья (к статье В. Д. Березуцкого)

Редакторы: Н. В. Бельченко, Л. Б. Орловская
Художники: А. В. Голикова, Н. С. Сафронова
Оригинал-макет подготовлен Е. А. Морозовой

Подписано в печать 15.06.2018. Формат 70×100 1/16. Гарнитура Times.

Усл. печ. л. 29,99. Уч.-изд. л. 29,06. Тираж 250. Заказ №

Подписка на журнал оформляется по Объединенному каталогу
«Пресса России», т. 1, индекс 11907

ООО «ИТДГК «Гнозис»»

Розничный магазин «Гнозис» (с 10.00 до 19.00)

Турчанинов пер., д. 4, стр. 2. Тел.: +7 (499) 255-77-57.

itdgkgnosis@gmail.com

Оптовый отдел

Ул. Бутлерова, д. 17Б, оф. 313. Тел.: +7 (499) 793-58-01

sales@gnosisbooks.ru, www.gnosisbooks.ru, vk.com/gnosisbooks

Адрес: 117036, Москва, ул. Дм. Ульянова, д. 19.

Телефон +7 (499) 126-47-98. Факс +7 (499) 126-06-30

E-mail: ksia@iaran.ru